B 19/1179

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

2007111219

В 19
11179

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Не копировать

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Павла Небольсина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и Комп.

—

1849.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 1849 г. 25 января.

Цензоръ *А. Фрейганъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
Предисловіе		1
Глава I.	Лѣтописи и историческія сочиненія о Сибири	4
Глава II.	За Уралье до царя Ивана-Грознаго	12
Глава III.	Отношенія царя Ивана-Грознаго къ Сибири до Ермака	29
Глава IV.	Связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью	43
Глава V.	Ермакъ	65
Глава VI.	Взятіе Сибири	77
Глава VII.	Утрата Сибири	89
Глава VIII.	Покореніе Сибири	101
Глава IX.	Царь Кучумъ	115
Глава X.	Взглядъ на Ермака, какъ на завоевателя	130

Сибирскія лѣтописи 1

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
2	снизу 9	значенія	значеніе
24	— 9	Броцкой	Брацкой (Бурятскій)
31	— 17	въ Обь	черезъ Иртышъ въ Обь
55	—4и3	конница	вольница.
65	—4и3	повольскими	Повольскими
66	сверху 19	si	se
77	снизу 9	не знали о	не знали
78	сверху 2	казакамъ;	казакамъ
100	сверху 14	Гарберштейна	Герберштейна
105	снизу 17	дичью,	дичью—
—	— 4	какъ бы	какъ бы совсѣмъ
108	сверху 5	перехватили	перехватали
122	сверху 15	пока	что
—	— 31	дамъ	я дамъ
—	— 35	сдѣлаю	я сдѣлаю
128	снизу 10	содержаніс	содержаніе
130	сверху 12	Ю. Венелинъ	N***
—	снизу 5	будетъ	будетъ,
146	сверху 3	собсвенноручной	собственноручной

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

«Сія убо Сибирская страна — полуношная; «стойтъ же отъ Россіи царствующаго града «Москвы во многихъ разстояній, яко до трію «тысящь поприщъ суть. Межи сихъ госу- «дарствъ, Россійскаго и Сибирскія страны «земля, — облежитъ Камень, превысочайшій «зѣло, яко досязати вѣрхомъ и холмомъ до «облакъ небесныхъ: тако бо Божьими судьба- «ми устроися, яко стѣнамъ граду утвержден- «нымъ. На семъ же Камени растяху древіе «различное, въ нихъ же жительство имѣютъ «звѣріе различнія, овіи надобни на снѣденіе «человѣкомъ, овіи на украшеніе и на одѣяніе «ризное. Многія же и сладкопѣснивыя птицы, «паче же много различные травы и цвѣты. «Изъ сего же Камени рѣки многія истекоша, «овіи падоша къ россійскому царству, овіи же «въ Сибирскую Землю. Дивно убо есть: какими «Божіими судьбами рѣками тамо бысть? вода «камень твердъ раскопа — и бысть рѣки, про- «странны и прекрасны зѣло, въ нихъ же воды «сладчайшія и рыбы различныя множество; на «исходищахъ же сихъ рѣкъ дебрь плодовита «на жатву и скотопитательная мѣста простран- «на зѣло.»

Савва Есиповъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Не бойся суда — бойся судьи.»

Старая пословица.

Съ нѣкотораго времени, въ публикѣ нашей обнаружилось живое участіе ко всему отечественному: во всѣхъ концахъ Россіи стали съ любовью изучать родную землю и собирать драгоцѣнныя о ней извѣстія.

И Сибирь была не забыта, и про Сибирь вспомнили.

Думали и вѣрили, что эта страна играетъ не послѣднюю роль въ ряду обширныхъ областей нашей имперіи; но въ какой именно степени она дѣйствительно важна для насъ—это не всѣ оцѣняли, да и не многіе думали объ этомъ, хотя всѣ чувствовали, что именно черезъ Сибирь—Россія могла бы быть главою Азіи.

Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы твердо укрѣпили въ Сибири свое владычество, и все-еще Сибирь, для очень-многихъ изъ насъ — та же terra incognita, какою она была и сто лѣтъ назадъ.

Русскому человѣку какъ-то неловко становится, когда онъ слышитъ вокругъ себя громкіе разсказы о разныхъ чужеземныхъ герояхъ, покорявшихъ невѣдомыя дотолѣ страны, о героѣ Кортесѣ, покорителѣ Мехики, о богатырѣ Пизарро, завоевателѣ Перу, о Джемсѣ Брукѣ, сараваскомъ раджѣ, чудномъ человѣкѣ нашего времени — слышитъ новый эпитетъ: «the civiliser», придаваемый богатой Англіи... Русскій человѣкъ знаетъ, что и наша Русь — не менѣе Англіи, можетъ имѣть притязанія на титулъ «просвѣтительницы», что и у насъ тоже были и свои Кортесы, и свои Пизарры, и свои Бруки; знаетъ, что ужь если дѣло пойдетъ на счеты — мы хоть бы кому такъ не уступимъ.

Правда, это-то русскій человѣкъ знаетъ; но спросите-ка у него, кто такой былъ Дежневъ? что̀ именно сдѣлалъ Хабаровъ? — подробности ихъ подвиговъ неизвѣстны. Многіе изъ насъ основательно будутъ говорить о взятіи Кохогуакана, Ицтапалапана, о заселеніи острововъ Натуна, о подвигахъ Французовъ въ Алжирѣ, объ особенностяхъ природы въ Новой-Зеландіи... но какія обстоятельства сопровождали покореніе при-амурскихъ странъ, какія теперь есть у насъ колоніи въ Киргизской-Степи — многіе ли это у насъ знаютъ?.. У насъ нѣтъ даже справедливыхъ сказаній о томъ, ка́къ Ермакъ покорилъ Сибирь!

Плоды трудовъ и ученыхъ подвиговъ, касательно изученія Сибири, русскихъ людей, знаменитыхъ въ ученомъ мірѣ, возбудили и въ насъ желаніе передать публикѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы сами пріобрѣли, тоже о Сибири, но передать ихъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ бы они могли быть общепонятны и любопытны для каждаго, не спеціально-ученаго, а обыкновенно-образованнаго человѣка, чувствующаго потребность ознакомиться лучше хоть съ дальнею, но родною землею, чѣмъ съ сосѣднею — но съ чужою, съ которою у насъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ кровныхъ узъ, никакихъ общихъ интересовъ, ни народнаго сочувствія.

Въ этихъ видахъ мы имѣемъ цѣль составить нѣсколько историко-статистическихъ описаній разныхъ частей Сибири, передать нѣсколько извѣстій о родныхъ нашихъ герояхъ-покорителяхъ дальняго сѣверо-востока, представить настоящее положеніе этого края и, наконецъ, объяснить дѣйствительное значенія и будущія надежды Сибири.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію подробностей настоящаго, мы должны пояснить себѣ нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя съ перваго же взгляда бросаются въ глаза, лишь только мы составимъ себѣ идею о Сибири.

Здѣсь представляются слѣдующіе, самые естественные вопросы:

Что̀ за страна была Сибирь въ то время, когда Ермакъ покорилъ ее?

Сто̀итъ ли Ермакъ той памяти и славы, которыми окружаетъ его потомство за то только, что онъ покорилъ страну, которая, и безъ

него, была уже данницею Россіи—какъ это доказываетъ одинъ нашъ ученый мужъ?

Точно ли покорилъ ее Ермакъ, и не исхитилъ ли этотъ человѣкъ славу завоеванія Сибири изъ рукъ Строгоновыхъ, которымъ однимъ принадлежитъ весь этотъ подвигъ—какъ это доказываетъ другой нашъ ученый мужъ?

Было ли покореніе Сибири дѣломъ, подготовленнымъ разными обстоятельствами, давними и незначительными по виду, или покореніе это было нечаянно, вовсе нежданно, было дѣломъ одного только случая — какъ объ этомъ выразился не совсѣмъ-ясно третій нашъ ученый мужъ?

Что знало наше правительство до Ермака объ этой громадной странѣ, у которой Ермакъ зацѣпилъ только небольшой клочокъ земли?

Съ которыхъ поръ правительство наше пріобрѣло полное право назвать всю Сибирь своею?

Кто таковъ былъ этотъ Ермакъ? дѣйствительно ли существовало въ мірѣ лицо съ такимъ сомнительнымъ и вовсе не-христіанскимъ именемъ? Или это миѳъ, порожденный пустыми сказками, передающими намъ дѣйствительно-баснословные подвиги героя, носившаго это имя?

Если это не миѳъ, то какое мы должны вывести заключеніе о личности этого человѣка?

Какимъ, наконецъ, образомъ русское народонаселеніе Сибири, изъ ничтожной горсти казаковъ и служилыхъ людей, въ два съ половиною столѣтія разрослось до того, что теперь въ ней разбросаны мильйоны народа, который говоритъ языкомъ русскимъ, понимаетъ умомъ русскимъ, чувствуетъ сердцемъ русскимъ?

Безъ всякаго сомнѣнія, полное и удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и соглашеніе разнорѣчивыхъ сказаній лежитъ на обязанности будущаго историка, историка по призванію и вмѣстѣ съ тѣмъ ученаго ex professo. Но такъ какъ *мы* коснулись этихъ вопросовъ, то намъ и неловко уже обойдти ихъ и, по силѣ, по возможности, не разъяснить ихъ хотя вкратцѣ, но такъ, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, главныя событія были понятны каждому и ученому и неученому, были доступны оцѣнкѣ каждаго и ни въ комъ не внушали къ себѣ подозрительнаго сомнѣнія: точно ли это дѣло разсказано такъ, какъ оно было, и не противорѣчитъ ли оно такимъ документамъ и источникамъ, достовѣрность которыхъ сознана твердо.

Попытка наша въ разъясненіи этихъ вопросовъ—вопросовъ, составляющихъ пробѣлъ въ нашей исторіи, вопросовъ, которые до сихъ поръ, какъ намъ кажется, были «мутной водой во облацѣхъ» — будетъ составлять содержаніе предлежащаго труда, которому мы признали за необходимое придать самую простую форму разсказовъ, такимъ-образомъ, чтобъ каждая отдѣльная глава составляла отдѣльный разсказъ, а не сухое ученое изслѣдованіе, потому-что здѣсь мы не пускаемся ни въ какія учености, а тѣмъ паче въ отвлеченности. Ученыя тонкости не по насъ: мы просимъ позволенія бесѣдовать просто,

безъ претензій, безъ излишнихъ умствованій и съ подобающимъ уваженіемъ къ истинѣ.

Изъяснивъ такимъ образомъ причины, побудившія насъ къ этому труду, и способъ, придуманный нами для ознакомленія нашихъ читателей съ избраннымъ нами предметомъ, считаемъ себя въ необходимости убѣжденія и доводы свои подкрѣпить какъ подлинными грамматами, помѣщенными въ текстѣ, такъ и иными приложеніями, которыми трудъ нашъ будетъ заключенъ, на тотъ конецъ, чтобъ истина историческая не страдала, и чтобъ читатель не обвинялъ насъ въ самовольномъ ея искаженіи.

Тѣхъ, которые неохотно предаются чтенію старинныхъ бумагъ, изъ предубѣжденія къ ихъ незанимательности и сухости, смѣемъ завѣрить, что документы, на которые мы указываемъ, чрезвычайно-интересны и по языку, и по содержанію: въ нихъ такъ и выливается все прошедшее, такъ и высказывается эпоха; надѣемся, что они не надоѣдятъ читателю.

Льстимъ себя надеждою, что трудъ нашъ обратитъ, можетъ-быть, на себя вниманіе любителей отечественной исторіи; желали бы мы вниманія милостиваго, но тѣмъ не менѣе ждемъ и немилостиваго; вѣдь на всѣхъ не угодишь!

И такъ, благословясь, приступимъ къ дѣлу.

ГЛАВА I-Я.

Сибирскіе лѣтописцы и историки.

Ученое мнѣніе о покореніи Сибири.—Общенародное мнѣніе о покореніи Сибири. — Архіепископъ Кипріянъ. — «Неизвѣстная Рукопись». — Лѣтопись «о Сибири».— Лѣтопись Саввы Есипова.— Строгоновская Лѣтопись. — «Новый Лѣтописецъ». — «Тобольскій Лѣтописецъ», Ремезова. — Ген. Фр. Миллеръ. — Н. М. Карамзинъ.

«Когда въ исторіяхъ другихъ государствъ
«разсмотримъ изобрѣтеніе, взятіе и наполненіе
«народомъ чужихъ и незнаемыхъ земель, и съ
«тѣмъ въ сравненіе приведемъ то, что съ сто-
«роны россійской въ Сибири учинено: то при-
«мѣчается здѣсь предъ всѣми прочими госу-
«дарствами столько особливаго и чудеснаго,
«что не скоро найдется сему подобныхъ при-
«мѣровъ, и потомки наши едва могли бы сему
«повѣрить, ежели бы не все, что въ слѣдую-
«щей исторіи о томъ объявлено будетъ, на до-
«стовѣрнѣйшихъ и по большей части на не-
«опровергаемыхъ доказательствахъ утвержда-
«лось.»

Герардъ Фридерикъ Миллеръ.

Насъ, вѣроятно точно такъ же, какъ и васъ, благосклонный читатель, въ малолѣтствѣ учили, что Сибирь покорилъ Ермакъ, и покорилъ ее вотъ какимъ образомъ:

Жили-были на свѣтѣ «именитые люди», почти-что бояре, Строгоновы. Жили они близко Сибири и задумали покорить Сибирь. Пригласили они къ себѣ Ермака, положили ему жалованье, наняли казаковъ, дали имъ пушки, придали къ этой ратп собственныхъ своихъ людей и послали ихъ въ Сибирь: «ступайте», сказали они, «покорите намъ Сибирь!»

Ермакъ пошелъ — взялъ да и покорилъ Сибирь.

Мы этому и повѣрили.

Прошли ребяческіе годы; хотѣлось узнать: какъ же это Ермакъ покорилъ Сибирь?

«А вотъ какъ» отвѣчали намъ на этотъ вопросъ: «три купца и бѣглый атаманъ волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь и уступили ее государству»... Замѣтьте это тонкое выраженіе: *уступили* Сибирь правительству!!! — И затѣмъ наши разскащики стали продолжать карамзинскія повѣствованія съ витіеватыми украшеніями того же, чему насъ учили и въ малолѣтствѣ.

Мы опять ничего не узнали и никакъ не могли сообразить: какимъ же образомъ Ермакъ и небольшая ватага другихъ наемныхъ удальцовъ попали въ Сибирь, разбили цѣлое царство, котораго жители мало, какъ видно, оказывали имъ сопротивленія, и обратили огромную страну не въ отчину своихъ господъ и хозяевъ, а въ русскую провинцію. Были и другіе вопросы... но разрѣшеніе ихъ мы, при усвоенныхъ уже идеяхъ и взглядѣ на это дѣло, никакъ не могли согласить съ дѣйствительностью.

Наконецъ, судьба привела насъ самихъ въ Сибирь. Видѣли мы Тоболъ, видѣли Иртышъ, гуляли по великой рѣкѣ Оби, плавали и по Енисею, и по Ангарѣ, сами живали въ лѣсахъ, по недѣлямъ питались едва не одними сухарями, потерлись между простымъ народомъ, прислушались къ его разсказамъ о Ермакѣ, ознакомились съ его духомъ, и ощупью дошли, кажется, до возможности понять, наконецъ, ермаковы походы, отвыкнувъ мѣрять все на петербургскую мѣрку и смотрѣть на всѣ происшествія глазами столичнаго жителя половины XIX столѣтія.

И уже послѣ всего этого мы принялись за изученіе сибирскихъ лѣтописей и тѣхъ историковъ, которые, прямо или косвенно, выразили свои мысли о покореніи Сибири.

Съ ихъ-то характеромъ и направленіемъ мы и хотимъ теперь познакомить читателей.

Первыя свѣдѣнія о походѣ Ермака собраны были сибирскимъ архіепископомъ Кипріаномъ, жившимъ въ Тобольскѣ съ 1621 года до 15 февраля 1624 года; подлинныхъ его замѣтокъ мы не имѣемъ.

Изъ извѣстныхъ намъ рукописей первое мѣсто занимаетъ «Неизвѣстная Рукопись», внесенная въ такъ-называемый «Новый Лѣтописецъ». Тотъ списокъ, которымъ мы пользовались (въ каталогѣ лѣтописей Румянцовскаго Музеума подъ № 259) самъ по себѣ принадлежитъ началу нынѣшняго столѣтія; но оригиналъ его, по духу помѣ-

щенныхъ въ немъ извѣстіи, принадлежитъ не ранѣе, какъ или къ концу первой или къ началу второй четверти XVII столѣтія. Мы его будемъ называть просто «Неизвѣстною Рукописью».

Рукопись эта служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной въ 1821 году Г. П. Спасскимъ подъ названіемъ «Лѣтопись Сибирская»; авторъ ея неизвѣстенъ, но онъ только округлялъ періоды лѣтописи, поименованной выше, приправлялъ свое твореніе риторическими украшеніями и старался быть вѣренъ тому духу, которымъ проникнутъ его первообразъ. Гдѣ эта рукопись находится, въ какомъ мѣстѣ она открыта — неизвѣстно: первый издатель ея, Г. П. Спасскій, на VIII страницѣ своего къ ней предисловія говоритъ только, что она ему досталась случайно. Н. М. Карамзинъ, принявшій ее въ неопровергаемое основаніе своихъ повѣствованій, тоже рѣшительно ничего не говоритъ, гдѣ онъ ее открылъ: въ публичныхъ ли музеяхъ, или въ частныхъ домашнихъ архивахъ нашихъ вельможъ.

Третья лѣтопись «О Сибири», по описываемымъ въ ней событіямъ и по ссылкѣ въ одномъ мѣстѣ, какъ кажется, на «Неизвѣстную Рукопись», относится, такъ же какъ и она, къ началу второй четверти XVII столѣтія. Въ ней не достаетъ конца, который утраченъ; помѣщена же она въ «Историческомъ Сборникѣ», скорописи тоже XVII вѣка, и хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ № 379 каталога).

Эта лѣтопись служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной Г. П. Спасскимъ въ 1823 году. Мы пользовались болѣе-исправнымъ ея спискомъ, помѣщеннымъ «въ гранографѣ», то-есть, хронографѣ, писанномъ полууставомъ разныхъ почерковъ конца XVII столѣтія, и хранящемся въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ 457 № въ каталогѣ). Эта лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ «Есиповской», есть не что иное, какъ риторическое распространеніе предъидущей краткой лѣтописи «О Сибири»; на ней выставленъ 1636 годъ.

Объ этихъ двухъ изданныхъ г. Спасскимъ рукописяхъ, рѣзко одна другой противорѣчащихъ въ существенныхъ основаніяхъ—если можно такъ выразиться—«сибирскаго вопроса», мы распространимся далѣе; а теперь будемъ говорить объ остальныхъ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ.

Въ «Новомъ Лѣтописцѣ» скорописи XVIII вѣка (въ Каталогѣ Рукописей Румянцовскаго Музеума подъ № 258) помѣщено шесть главъ о Сибири: «о взятіи Сибири», о «убіеніи Ермака и о помѣтѣ Сибири» и проч. По времени составленія, лѣтопись эта принадлежитъ второй половинѣ XVII столѣтія и содержитъ въ себѣ краткій, довольно-вѣрный разсказъ о Ермакѣ; но въ одномъ мѣстѣ она противорѣчитъ сама себѣ, а въ другомъ—хронологіи. Лѣтопись эта не составляетъ важнаго пособія при изученіи сибирской исторіи и указаніе ея противорѣчій читатель найдетъ въ составленномъ нами «сводѣ лѣтописей».

Наконецъ, послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей есть «Тобольскій Лѣтописецъ», или «Ремезовская Лѣтопись». Авторъ ея, тобольскій боярскій сынъ, Семенъ Емельяновичъ Ремезовъ, составилъ ее во времена Петра-Великаго, въ концѣ XVII вѣка (1697—1699), по трудъ

его, совершенно лишенный всякаго критическаго взгляда, почтенъ только потому, что онъ *труда*, а въ исторіи покоренія Сибири онъ ничего не объясняетъ. Его и Карамзинъ отвергаетъ, признавая его сказанія невѣрными (II. Г. Р. Т. IX. Пр. 644); однакожь не всякое же его положеніе должно быть признано ложнымъ: у него есть мѣста, гдѣ онъ ставитъ зрителя въ необходимость смотрѣть на предметъ съ иной точки.

Теперь обратимся къ двумъ главнѣйшимъ источникамъ сибирской исторіи — къ изданнымъ г. Спасскимъ «Сибирской Лѣтописи» Саввы Есипова и «Сибирской Лѣтописи» безъименнаго автора.

Обѣ эти лѣтописи во многомъ, особенно во второстепенныхъ происшествіяхъ, между собою согласны, но во всемъ, что̀ касается до существенныхъ вопросовъ, онѣ рѣшительно противорѣчатъ другъ другу.

Мы старались разобрать эти противорѣчія, сравнивали ихъ между собою, сличали ихъ съ подлинными словами царскихъ грамматъ, примѣняли ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и нашли, что причиной этихъ противорѣчій была неодинаковость началъ или духа, которымъ составители лѣтописей были проникнуты.

По нашимъ личнымъ соображеніямъ и убѣжденію, оказывается слѣдующее:

Лѣтопись Есипова, не смотря на реторику и фразёрство — кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензіи на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью-либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, именуетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ «распространялъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался и гдѣ прежній авторъ стѣснялся въ рѣчахъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ худо ли, хорошо ли — но дѣйствовалъ не безъ критики и описываемыя имъ происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгоновыхъ, пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только «оный велемудрый риторъ Ермакъ» съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей «Лѣтописи» ссылку на другую лѣтопись: «ини же повѣдаютъ лѣтописцы, яко призваша ихъ (Ер«мака съ товарищи) съ Волги Строгоновы и даша имъ имѣнія и одеж«ды добрыя и оружія — пищали и пушки полковыя и своихъ людей «дана имъ Литвы и Нѣмецъ триста человѣкъ». Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово — вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь.

Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она повторяетъ многое, что̀ есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматики славяно-церковнаго языка, подъ который составитель лѣтописи очень ста-

рался поддѣлаться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недовѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамматъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ и всѣми силами старается выставить ермаковыхъ казаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: ея казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а сладенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія; они не обыкновенные смертные, которыхъ непріятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть силою, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны покорителей и каждому поступку ихъ придать видъ самаго строгаго приличія, хотя бы для этого нужно было перепачкать событія.

Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другаго рода ошибки: авторъ выводитъ событія, неподтверждаемыя никакими оффиціальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что̀ можетъ дать ложный блескъ имени Строгоновыхъ, нуждающихся въ подкупной славѣ и столѣтіями стяжавшихъ себѣ честь, почетъ и знаменитость немеркнущую. У насъ имя Строгоновыхъ—имя народное, а авторъ неизвѣстной лѣтописи, кажется, вовсе не понималъ, что его желаніе, туманя вѣтви облаками дыма, въ основаніи своемъ — язвитъ корень и навлекаетъ на правдивыхъ родоначальниковъ фамиліи подозрѣніе, котораго они не заслуживали. Вѣроятно, это постоянное желаніе приплести къ подвигу Ермака имя Строгоновыхъ и было причиною, что лѣтопись неизвѣстнаго автора и даже неизвѣстнаго времени пріобрѣла извѣстность подъ именемъ «Строгановской», утвержденной за нею и Карамзинымъ. Прозваніе это мы охотно при ней оставляемъ.

Карамзинъ, въ 670 примѣчаніи къ IX тому своей «Исторіи» и есиповскую и строгоновскую лѣтописи объ̀ называетъ «древнѣйшими и достовѣрными»; въ 664 примѣчаніи къ тому же тому, онъ безусловно объясняетъ, что слѣдуетъ «Строгоновской Лѣтописи», а почему онъ именно ей слѣдуетъ — этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому строгоновскую лѣтопись онъ называетъ «достовѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и «сочиненною *вѣроятно около 1600 года*». Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о сибирской «архіепископіи», тогда-какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, а въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи «всея сибирскія земли», о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что̀ и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись по-крайней-мѣрѣ ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ-быть даже, она и еще позже составлена.

Слова Карамзина увлекли и другихъ писателей, необращавшихъ уже вниманія на лѣтопись Есипова и вѣрившихъ строгоновской лѣтописи на-слово, безъ всякаго соображенія ея сказаній ни съ обстоятельствами тогдашняго времени, ни съ прямымъ смысломъ выраженій царскихъ грамматъ и другихъ оффиціальныхъ документовъ. Хотя же одинъ изъ позднѣйшихъ писателей и увѣряетъ, на словахъ, что онъ имѣлъ случай провѣрить съ ними строгоновскую лѣтопись и убѣдиться въ ея достовѣрности, однакожь... можетъ-быть, онъ въ этомъ самъ и убѣдился, да насъ-то въ этомъ ничѣмъ не убѣдилъ, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ призналъ достовѣрность свѣдѣній лѣтописи Есипова.

Конечно, Карамзинъ такой авторитетъ еще для очень-многихъ, для которыхъ каждое его слово—законъ, что они готовы возопіять и жестоко истерзать всякаго невѣрующаго въ него слѣпо: напрасно! Мы знаемъ, что не отдавать должной справедливости, не умѣть цѣнить трудовъ знаменитаго исторіографа—было бы нелѣпо и слишкомъ-невѣжественно, а сомнѣваться въ словахъ Карамзина и стараться избавиться отъ этихъ сомнѣній... тутъ слава Карамзина нисколько не страждетъ, и памятникъ его навсегда останется выраженіемъ общаго къ нему уваженія. Но, полагая, что и Карамзинъ, обезсмертившій себя своими славными трудами на поприщѣ отечественной словесности и исторіи — все-таки былъ человѣкъ, все-таки могъ ошибаться, а если не ошибался съ намѣреніемъ, то могъ неумышленно смотрѣть на разные предметы съ своей точки зрѣнія, — мы и сами хотимъ смотрѣть на избранный нами предметъ съ той точки, которая намъ кажется настоящею; а ссылаясь на тѣ же источники, которые были въ виду Карамзина, мы этимъ самымъ признаёмъ и ту еще его заслугу, что онъ всѣхъ насъ заохотилъ къ изученію отечественной исторіи, частію совокупилъ воедино, но еще болѣе указалъ на самыя драгоцѣнныя свѣдѣнія и всѣмъ намъ далъ возможность, опираясь на его же труды, писать вопреки тому, что̀ онъ самъ написалъ.

Тѣмъ же самымъ уваженіемъ, которое мы питаемъ къ трудамъ Карамзина, проникнуты мы къ трудамъ и другихъ историковъ, съ которыми мы, однакожь, не можемъ согласиться безусловно, но которыхъ извѣстность заставитъ насъ не упускать изъ вида нѣкоторыхъ ихъ выводовъ и положеній.

Отъ лѣтописцевъ перейдемъ къ историкамъ. Изъ нихъ поименуемъ только «исторіографовъ» Миллера и Карамзина, а о «вся по стопамъ его ходящій» признаемъ за благо—пройдти молчаніемъ.

Миллеръ, такъ справедливо признанный отцомъ сибирской исторіи, заслуживаетъ полной признательности за предпринятый имъ громадный трудъ. Онъ одинъ только вполнѣ списывалъ царскія грамматы. Онъ вполнѣ обладалъ критическимъ талантомъ и готовъ былъ распутать гордіевъ узелъ въ сибирской исторіи, но, къ-несчастію, боярскій сынъ Ремезовъ, харезмскій или хивинскій ханъ Абульгазы и амстердамскій бургомистръ Николай Витзенъ, еще болѣе сбили его съ толку и Миллеръ даже не разсѣкъ своего узла, указавъ, однакоже, другимъ, позднѣйшимъ писателямъ на концы, которые пре-

же всего надобно изъ этого узла вытянуть. Надобно, однакожь, сказать, что Миллеру вовсе, кажется, не были извѣстны, по-крайней-мѣрѣ не казались ему правдивыми, ни строгоновская, ни есиповская лѣтописи и хотя въ сочиненіи своемъ онъ неоднократно говоритъ «про простыхъ лѣтописцевъ» и приводитъ обстоятельства, которыя могли быть ему извѣстны только изъ этихъ двухъ источниковъ, или изъ ихъ первообразовъ, однако мы никакъ не можемъ хорошенько понять, кого именно онъ разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ; знаемъ только навѣрное, что въ его рукахъ былъ «Новый Лѣтописецъ», котораго онъ называетъ «Лѣтописью о Мятежахъ». Кромѣ этого, вторая, главнѣйшая заслуга Миллера состоитъ во множествѣ собранныхъ имъ и изданныхъ въ свѣтъ оффиціальныхъ документовъ и царскихъ грамматъ, указовъ, наказовъ, памятей, росписей и другихъ актовъ, совершенно объясняющихъ бытъ сибирскаго народонаселенія въ описываемое имъ время.

Что касается до Карамзина, то при всей огромности уваженія нашего къ его обширнымъ трудамъ и заслугамъ, мы должны, однакожь, сказать, что Карамзинъ не съ надлежащей точки смотрѣлъ на исторію Сибири, а спеціальная статья его «Первое Завоеваніе Сибири» — есть только компиляція лѣтописей Есипова, Ремезова и строгоновской. Это бы еще и ничего: въ громадѣ твореній Карамзина этотъ грѣхъ выкупленъ безчисленнымъ множествомъ другихъ красотъ великихъ трудовъ его; но досаднѣе всего, единственно отъ уваженія къ труду его, то, что, цитируя царскія грамматы къ Строгоновымъ, онъ, въ полнотѣ убѣжденія, почелъ незаслуживающими вниманія нѣкоторыя довольно-важныя фразы и исключилъ ихъ изъ текста, обозначивъ выпущенныя мѣста одинѣми точками: изъ одинѣхъ точекъ, конечно, нельзя узнать, въ чемъ тутъ дѣло; но въ нихъ-то, можетъ-быть, и заключается разрѣшеніе задачи?

Чтобъ совершенно отстранить отъ себя малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ произвольномъ толкованіи лѣтописей или царскихъ указовъ, мы рѣшились составить «Сводъ Сибирскихъ Лѣтописей», которыя выше поименовали и которыми имѣли случай пользоваться. Есиповскую лѣтопись, подобно какъ и другія, мы напечатали по спискамъ, самими нами прочтеннымъ, дополнивъ первую въ примѣчаніяхъ сближеніемъ текстовъ нашего и изданнаго г. Спасскимъ. Въ «Сводъ» этотъ мы не помѣстили «Строгоновской Лѣтописи» во всей ея полнотѣ, потому-что подлиннаго ея списка мы сами не видали, а новое изданіе текста 1821 года составляетъ авторскую собственность Г. П. Спасскаго, на которую мы не имѣли никакого права. Ремезовская лѣтопись также не вошла въ «Сводъ», но въ замѣнъ ея мы помѣстили главнѣйшіе выводы г. Миллера, руководствовавшагося, какъ мы уже замѣтили, преимущественно тобольскимъ лѣтописцемъ. Надѣемся, что безпристрастный и просвѣщенный читатель согласится съ нами въ необходимости подобнаго «Свода» и провѣритъ съ нимъ собственные наши выводы и положенія. «Человѣкъ бо есмь»: можетъ-быть, наши ошибки еще грубѣе тѣхъ, на которыя мы сами указываемъ.

Что касается до царскихъ грамматъ, то мы непремѣнною обязанностью считаемъ размѣстить ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ цѣликомъ почти всѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя посланы были къ Строгоновымъ отъ Ивана-Грознаго и которыя разрѣшатъ намъ вопросъ: виноваты ли Строгоновы въ преступленіи передъ государемъ? Но чтобъ не затруднить чтеніемъ подлинныхъ грамматъ тѣхъ читателей, которые будутъ нерасположены слѣдить въ нихъ строка за строкой, мы печатаемъ курсивомъ существенныя въ грамматахъ выраженія, на которыя и просимъ обратить преимущественное вниманіе.

Объяснившись такимъ образомъ на-счетъ главнѣйшихъ источниковъ, мы, по крайнему убѣжденію и по причинамъ, объясненнымъ выше, почитаемъ за справедливое слѣдовать преимущественно лѣтописи Есипова, не отвергая, однакожь, вовсе и строгоновской или другихъ, но пользуясь только ими съ крайнею осторожностью.

Обстоятельства, подкрѣпляющія нашу вѣру въ первую, состоятъ въ слѣдующей къ ней приписки, которую мы извлекаемъ изъ 644 Примѣчанія къ IX тому «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина:

«О исправленіи лѣтописи сія.

«Въ лѣто 7.129 (1.621) поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь, «въ Тоболескъ, во архіепископы Кипріанъ, бывый Хутынскаго Мона«стыря архимандритъ, и во второе лѣто архипастырства своего воево«мяну атамана Ермака Тимофѣева Повольскаго; и онъ, добрый пастырь, «повелѣ спросити ермаковыхъ казаковъ: како они пріидоша въ Сибир«ское Царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои и кого у нихъ «поганіи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они пріидоша «въ Сибирь и о бояхъ.

«Сія лѣтопись о Сибирскомъ Царствѣ въ Тобольску градѣ (вѣроят«но, пропущены слова: окончена писаніемъ) въ лѣто 7.145 сентября «въ 5 день (1.636).

«Слогатай человѣкъ грѣшенъ: имя его (изображено числительными «буквами, по разложеніи которыхъ выходитъ) Савва Есиповъ.

«Иное же писахъ *съ писаній прежняго*, списавшаго нѣчто, *и стьсня«ма рѣчью*, азъ же распространихъ,—иное же очима своима видяше».

Вѣроятно, объ этой-то лѣтописи свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, что Кипріану «потомство обязано *до«стовѣрными* свѣдѣніями о первомъ завоеваніи Сибири». «Кипріанъ» говоритъ онъ: «зналъ сподвижниковъ Ермака и составилъ изъ ихъ ска«заній любопытную лѣтопись».

Наконецъ, болѣе-строгая оцѣнка событій, составляющихъ основу и той и другой лѣтописи и писателей, наиболѣе-касавшихся этого предмета, будетъ заключаться въ самомъ изложеніи обстоятельствъ покоренія Сибири.

Повергаемъ на судъ просвѣщеннаго читателя нехитрыя наши изслѣдованія: не смѣемъ считать ихъ безошибочными, но чтобъ и другихъ не ввести въ ошибки, прилагаемъ на лицо всѣ данныя, которыми мы сами пользовались, и ждемъ правосуднаго приговора.

ГЛАВА II-Я.

Зауралье до царя Ивана-Грознаго.

Мнѣнія старинныхъ ученыхъ о Зауральи. — Положеніе Югры, Обдоріи. Сибири. — Походъ Курбскаго при Иванѣ III въ Югру. — Нѣсколько словъ объ Обдорахъ и Удорахъ, объ Югрѣ и о Ляпинѣ-городкѣ. — Царскіе титулы до Грознаго. — Тюмени.

«Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы
«уже развивались на снѣжномъ хребтѣ Камен-
«наго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ и
«воеводы Іоанна III возгласили его великое имя
«на берегахъ Тавды, Иртыша и Оби, въ пяти
«тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже
«сей монархъ именовался въ своемъ титулѣ
«Югорскимъ», сынъ его «Обдорскимъ» и «Кон-
«динскимъ», а внукъ «Сибирскимъ», обложивъ
«данію сію Могольскую или Татарскую дер-
«жаву».

Н. М. Карамзинъ.

Составленіе древней карты части зауральскаго края принадлежитъ прибывшему, въ 1517 году, въ Москву послому отъ императора Максимиліана, при государѣ царѣ Василіѣ Ивановичѣ, барону Сигизмунду Герберштейну. Изъ карты этой, составленной въ 1549 году (1), видно, что ученые мужи тогдашняго времени имѣли о прилежащихъ къ Уралу странахъ слѣдующее мнѣніе:

Зауралье отдѣляется отъ Московіи хребтомъ горъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Земнаго-Пояса» (montes, dictae cingulus terrae, Poiassa), то есть Уральскимъ-Хребтомъ. Изъ западныхъ отклоновъ этихъ горъ вытекаетъ рѣка Печора (Peczora), въ которую, съ правой стороны ея теченія, впадаютъ вытекающія изъ тѣхъ же горъ рѣки—Артавиша (Artawischa), Щугоръ (Sczughora) и Уса (Ussa). Первая намъ неизвѣстна, но двѣ послѣднія дѣйствительно и доселѣ такъ называются. На югозападъ отъ Печоры лежитъ «Двинская провинція». Между вершинами рѣкъ Печоры, Пинеги и Юга—къ югу оттуда лежитъ провинція «Пермь». Къ югу отъ Перми, между Пермью и Казанью, обитаютъ Черемисы.

По ту сторону «Земнаго-Пояса», гдѣ-то далеко, лежитъ великое «Китай-Озеро» (Kithay-lacus), изъ котораго вытекаетъ огромная рѣка Обь (Oby). Въ Обь, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Сосва (Sossa), при устьѣ которой стоитъ «Обскій городокъ» (Obca-castel)—вѣроятно то, что мы въ-послѣдствіи называли Березовымъ-городкомъ. Сосна принимаетъ въ себя рѣку Сибутъ (Sibul)—(вѣроятно, это наша Сыгва), на которой

---

(1) Герберштейнъ: Rerum Moscovitarum commentarii; нѣмецкое изданіе 1567 года, латинское 1600 года.—Титулъ приложенныхъ при нихъ двухъ одинаковыхъ картъ слѣдующій: «Moscovia.—Sigismundi, liberi baronis in Herberstein. Neiperg et Gutenhag. Anno M. D. XL. IX».

стоитъ городокъ Лапинъ (castrum Lepin); здѣсь обитаютъ Вогуличи. Южнѣе Сосвы въ Обь впадаетъ рѣка Иргышъ (Irtischa); на впадающей въ нее рѣкѣ (можетъ-быть, Герберштейнъ разумѣлъ тутъ Тоболъ, хотя и начертилъ его такъ, что онъ пришелся съ правой стороны теченія Иртыша) стоятъ два городка—Іеромъ и Тюмень, владѣтелей которыхъ называютъ югорскими князьями: они, какъ говорятъ, данники московскіе. Тюмень дѣйствительно была на Тоболѣ, а объ Іеромѣ (если только это не сибирскій Ирлымъ-городъ, какъ Русскіе называли одно мѣсто на Оби, выше Иртышскаго устья) можно по картѣ Герберштейна догадаться, что, можетъ-быть, это было то городище, съ прежнимъ его названіемъ, гдѣ въ-послѣдствіи мы находимъ городъ Сибирь. Вся эта при-обская сторона называется Обдоріею (2). Тутъ жили и Вогуличи и Югричи.

По ту сторону Оби лежитъ страна Югра (Juhra), откуда вышли Венгерцы (inde Ungarorum origo): отъ Югры къ сѣверу лежитъ страна Кондорія, а къ югу—Лукоморія; за нею идутъ города Грустина, Серпоновъ и Кумбаликъ (это, сколько извѣстно, монгольское названіе Пекина); отсюда къ югу идетъ Китайское Царство (3). Однимъ-словомъ, видно, что за Обью, до самаго Китая, шли невзвѣстные народы, которымъ даны были произвольныя названія, а весь сѣверъ былъ занятъ югорскими племенами).

Къ югу отъ «озера Китая» вытекла рѣка Яикъ (Iaick; съ недавняго времени мы зовемъ эту рѣку Ураломъ); по ту и другую сторону вершинъ этой рѣки была Сибирь (Sibicr), въ близкомъ сосѣдствѣ ногайскихъ Татаръ, кочевавшихъ по обоимъ берегамъ Волги.

---

(2) Herberstein, Rer. Moscov. comm. (1600) pag. 60, такимъ-образомъ описываетъ путь къ Оби:

«Ab Stzugborae ostiis adverso flumine usque ad Poiassa, Artawische-Cameni, maioremque Poiassa, iter trium hebdomarum. Porro ad montem Camen trium dierum ascensus est, a quo descendendo ad fluvium Artavischa, inde ad Sibut fluvium, a quo castrum Lepin; a Lepin ad Sossam fluvium pervenitur. Hujus fluvii accolae Wogolici nuncupantur. Sossa autem a dextris relicto ad fluvium Oby, qui oritur ex Kitaysko lacu, pervenitur: quem vix uno die et celeri cursu traiecerunt, adeo vasta hujus fluvii latitudo est, ut ad octoginta fere verst extendantur. Hunc quoque Wogulici et Ugritzschi gentes accolunt. Ab Obea castello secundum Oby fluvium ascendendo, usque ad Irtische fluvium, in quem Sossa ingreditur, ostia est trium mensium iter. In his locis duo castra sunt,—Jerom et Tumen, quibus praesunt domini—Knesi Jugorski, magno Duci Mosco, ut ajunt, vectigales. Multa ibi animalia, pelesque quamplurimae.

«Ab Irtische fluvii ostiis ad castrum Grustina, duorum mensium iter, a quo ad lacu Kitai, per Obi fluvium, quem fontes suos in hoc lacu habere dixi, est plus quam trium mensium iter. Ab hoc lacu plurimi homines nigri, communis sermonis expertes veniunt merces varias, in primis autem uniones, lapides preciosos, secum adferentes, quas populi Grustintzi et Serponowtzi mercantur: hi a castro Serponow, Lucomoryae ultra Obi fluvium in montibus sitae,—nomen habent...»

(3) Про Югру, Печору, Сибирь, Обдорію, Кондорію, Лукоморію говоритъ и авторъ «Russia, seu Moscovia, itemque Tartaria, commentario topographico atque politico illustratae.»—Lugduni Batavorum, 1630. Сочиненіе это, по словамъ автора, писано въ 1612 году; это повтореніе словъ Герберштейна; но тутъ уже упоминается и о Тобольскѣ, о Нарымѣ, Томи, Енисеѣ, о Тунгусахъ, о Мангазеѣ, которую авторъ называетъ «Mangan soiscoigoratum» т. е. Мангазейскій городокъ.

Этимъ кругозоромъ ученыя свѣдѣнія и ограничивались (4).

Изъ «Книги Большому-Чертежу», составленіе которой въ томъ видѣ, въ какомъ книга эта нынѣ намъ извѣстна, относится къ 1627 году — т. е. къ тому времени, когда Сибирь была покорена Русскими вплоть до самаго Енисея, мы опять встрѣчаемъ (5): «Обдорію», вѣроятно, Самоѣдовъ — въ низовьяхъ рѣки Оби; «Югру», вѣроятно, Остяковъ и Вогуличъ—по Оби же, по выше Обдоріи, и «Сибирь» собственно по Иртышу, по рѣкамъ въ него впадающимъ и, отчасти, по прилегающему къ Иртышу лѣвому берегу Оби—значитъ, еще южнѣе Югры; и Сибирью, вѣроятно, называли вообще всѣ огатарившіяся, посредствомъ мухаммеданства, племена Югры, то-есть Вогуловъ и Остяковъ; оба эти племени и нынѣ непосредственно слѣдуютъ за Самоѣдами и для нихъ заобская сторона есть какъ-будто настоящая отчизна.

Такимъ образомъ, можно будетъ понять, что все между Иртышемъ и Яикомъ называлось у Герберштейна Сибирью, безъ точнаго разграниченія Сибири отъ Кайсаковъ и Ногаевъ, и что къ югу отъ Сибири были «Козатская кочевая орда да Колмыки», какъ говоритъ объ этомъ «Книга Большому Чертежу».

Составленіе «Книги Большому Чертежу» и собственно старый ея чертежъ, по которому книга эта составлена, по описываемой тутъ мѣстности, должно отнести или къ послѣднимъ годамъ царствованія Ѳедора Ивановича, или къ началу царствованія Бориса Годунова, если только въ ихъ правленіе дополнительныя свѣдѣнія о Сибири не наносились на болѣе-древній чертежъ. Слѣдовательно, географамъ тогдашняго времени, принявъ въ соображеніе полноту и отчетливость Большаго Чертежа, надо отдать полную справедливость и сказать, что о сторонѣ зауральской они имѣли весьма ясное понятіе, для насъ только нѣсколько затруднительное по названіямъ, которыя намъ кажутся произвольными. Хотя нѣкоторыя положенныя на чертежъ, по повелѣнію царей Ѳеодора

---

(4) Авторъ «Russia seu Moscovia» etc. (стр. 28 и 29) говоритъ о Сибири (Sibier): «Haec provincia ad Camam fluvium jacet, inter Permiam atque Viatkam; videtur urbibus et castris omnimo vacua: regio tota palustris et sylvis opaca et ob vicinitatem Tartarorum magnam partem deserta. Indigenae proprio idiomate utuntur: panis usum nesciunt, ferina carne vescuntur.—Mercimonia aspreolorum pellibus (qui apud illos praestantissimi reperiuntur) exercent, easdemque Magno Russiae Duci, pro tributo, pendunt. In hac provincia Jayczk ingens fluvius oritur, qui per Tartarorum campestria Caspium mare petit.» То-есть: «Эта провинція, или область, прилегаетъ къ рѣкѣ Камѣ, между Вяткою и Пермью; въ ней, кажется, нѣтъ ни городовъ, ни крѣпостей; вся страна болотиста, лѣсиста и, отъ сосѣдства Татаръ, по-большой-части пустынна. Жители имѣютъ свой особый языкъ; хлѣба они не знаютъ, а питаются звѣринымъ мясомъ. Торгъ они ведутъ пушными товарами (которые у нихъ дѣйствительно драгоцѣнны,: ими же они платятъ и дань русскому великому князю. Въ этой области, принимаетъ начало большая рѣка Яикъ, которая, протекая по татарскимъ степямъ, впадаетъ въ Каспійское-Море.

(5) Книга Большому Чертежу, изданіе второе, С. Петербургъ, 1838 стр. 211:
Рѣка Обь великая, а по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее впали:
Отъ устья — вверхъ — обдорскіе городы.
А выше обдорскихъ городовъ—югрскіе.
А выше югрскихъ городовъ—сибирскіе.

и Годунова, места и не внесены въ «Книгу Большому Чертежу», но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, вписанныя туда не съ ученыхъ изысканій, а прямо изъ устъ не ученаго народа, превосходны и отличаются совершеннымъ знаніемъ покоренной страны (6).

---

(6) Рѣка Обь — великая пала въ море, въ лѣтнюю раннюю зорю (это по нашему мнѣнію значитъ: съ той стороны, съ которой въ Москвѣ, лѣтомъ — заря занимается), а течетъ отъ Бухарской земли съ правой стороны.

А за рѣкою за Обью, 200 верстъ, пала въ море рѣка Тазъ.

А въ Тазъ-рѣку пала рѣка Пуръ.

Протоку Тазъ рѣки—890 верстъ, а рѣки Пура протоку—460 верстъ.

А по рѣкѣ по Тазу—Мангазея, Самоядь—Пяки.

А на Оби на рѣкѣ, на острову, отъ моря вверхъ по Оби 550 верстъ, городъ Нетѣй.

А отъ Нетѣя вверхъ 70 верстъ—городъ Носовой.

Противъ Носоваго—Обдора.

А съ лѣвой стороны въ рѣку въ Обь пала рѣка Пузга, течетъ отъ варымскаго берега 250 верстъ, а протоку той рѣки 150 верстъ.

А отъ Носоваго 70 верстъ, съ правой стороны Оби, городъ Ирка.

А отъ Ирки—40 верстъ—Войкаръ или Ноцкой (Ночной). Нынѣ есть селеніе Войкарски, на рѣкѣ Войкаръ, впадающей въ Обь слѣва.

А выше Войкара—Уркаръ, или Бѣлой.

А выше Бѣлого 130 верстъ—Лосма.

А выше Лосмы пала въ Обь рѣку, съ востоку, Казымъ рѣка; протоку той рѣки 480 верстъ.

А на устьѣ той рѣки городъ Казымъ (нынѣ на устьѣ Казыма — Кушеватъ, а въ вершинѣ Казыма—Казымска).

А выше того, на другой сторонѣ, 40 верстъ, рѣка Казымъ, а на ней городъ Кельчикаръ (Кевчикаръ).

А выше Казыма 180 верстъ на Оби городъ Чомашъ (Чомашъ нынѣче существуетъ).

А выше Чомаши 70 верстъ Шоркаръ (нынѣ Шоркальской).

А выше 70 верстъ—Нецкаркоръ. (Въ Атласѣ изданномъ Росс. Академіей въ 1745 году обозначены юрты—Нагакарски).

А выше 70 верстъ—Курмышъ-Юганъ.

А выше 60 верстъ—Атлимъ (нынѣче есть Больше-атлымская деревня).

А выше того на Оби 140 верстъ—Карымкапъ (нынче Карымкаръ).

А выше 60 верстъ—Емлырь. (Въ атласѣ 1745—Ендерскіе-юрты).

А выше 20 верстъ—Калымъ.

А выше 10 верстъ — Обскій Большой (городокъ воеводы Мансурова; нынѣ Самарово).

А противъ того, съ другой стороны, въ Обь рѣку пала рѣка Иртышъ.

А выше Обсково-Болыпово 70 верстъ—Ласлыпѣй.

А выше Ласлыпѣя 170 верстъ пала въ Обь рѣку рѣка Васъюганъ; протоку Васъюгана рѣки 220 верстъ (можетъ-быть, просто Юганъ, соединяющійся изъ Большаго и Малаго Югановъ; Васюганъ гораздо-выше).

А выше Васюгана-рѣки пала въ Обь рѣку рѣка Сургутъ; протоку рѣки Сургута—160 верстъ.

А выше Сургута 170 верстъ—Лупнукъ-вышней (названіе это сохранилось въ «Лумпокольской волости»; нынѣ Лумпокольско выше р. Ваха).

А выше того 108 верстъ—Нарымъ, по нынѣшнему—Пѣгая орда.

А выше того 20 верстъ—Вышней Нарымъ.

А подъ нижней Нарымъ пала рѣка—Нарымъ; протоку ея 130 верстъ.

А выше того—въ старомъ чертежѣ (то-есть въ томъ, съ котораго чертежъ 1627 года списанъ)—объ рѣкахъ не описано. (Изъ этого видно, что составленіе стараго чертежа относится или къ самому концу XVI-го, или къ самому началу XVII столѣ-

Между-тѣмъ, страна зауральская задолго еще до того времени была очень-хорошо знакома нашимъ промышленникамъ: торговыя связи Великаго-Новагорода со странами закамскими и зауральскими, въ XI—XIV столѣтіяхъ, разумѣется, въ смыслѣ мѣны продукта на продуктъ—не

тія, потому-что такихъ обширныхъ, мелочныхъ и правильныхъ подробностей до 90-хъ годовъ XVI столѣтія составителю чертежа пріобрѣсти было невозможно; а послѣ 1612 свѣдѣнія эти были недостаточны, потому-что Сибирь была уже хорошо знакома и многое было наложено на новые чертежи. Извѣстно, что во времена Годунова, сибирскіе начальники представляли въ приказъ собственные свои, составленные на мѣстѣ чертежи племенъ и ихъ обиталищъ, прозванныхъ у нихъ городами, волостями и юртами; но видно свѣдѣнія эти въ «Книгу Большому Чертежу» 1627 года не вошли, потому-что многихъ названій въ ней вовсе не встрѣчается: въ ней есть, напримѣръ, Тобольскъ, а нѣтъ Сибири; есть рѣка Сикирья и другія, а нѣтъ Томи).

По рѣкѣ жъ по Обѣ, по другому, по лѣвому берегу, ниже Пузги рѣки, пала рѣка Падъ—90 верстъ, а Падъ рѣка тожь течетъ изъ горъ, протоку 250 верстъ; а на устья той рѣки городъ Сабдинъ.

А отъ той рѣки Пузги—100 верстъ до Сабдина.

А выше 20 верстъ—Сускаръ, или Роговой.

А отъ Роговаго, на Оби, городъ Березовой.

А выше Березова, подъ городомъ, пала рѣка Сысва. А вытекла Сысва рѣка изъ той же горы, съ Падъ рѣкою верховьемъ близко; протоку Сысва рѣки 700 (5) верстъ; рѣка течетъ не прямо (нынѣшняя Сосва).

А въ Сысву рѣку пала рѣка Гудырья, вытекла изъ Камени отъ горъ; протоку 300 верстъ.

А отъ верху рѣки Сысвы до верху рѣки Гудырьи горою—400 верстъ.

А промежъ рѣки Сысвы и рѣки Гудырьи пала въ Гудырью, за 30 верстъ отъ устья Гудырьи рѣки, рѣка Сыкырья.

А отъ верху Сысвы до верхъ Сыкырьи рѣки 160 верстъ.

А къ Сыкырью изъ горъ же пала Киртасъ рѣка, а вытекла Киртасъ рѣка отъ верху Гудырьи рѣки — 60 верстъ, а протоку Киртаса рѣки — 120 верстъ.

А отъ горы до усть Киртаса 70 верстъ.

А ниже устья рѣки Гудырьи пала въ Сысву рѣку—рѣка Сосва (Малая). Остальныя рѣки, нынѣ перемѣнившія уже названія, мы разобрать затрудняемся. Но для этого представляемъ вкратцѣ систему рѣки Сосвы:

Большая Сосва
въ нее справа начиная отъ вершины впали
Татуй
Вогулка
Вогулья
Сыгва
въ нее справа
Манья
Щокурья

Въ Сосву
слѣва —
Вышма
Малая Сосва.

А по Сысвѣ и по Сосвѣ города:

Сверху на Сосвѣ городъ Юиль (Юильскія юрты, вогульская деревня во времена Миллера).

А съ другой стороны, на низъ, 30 верстъ—Мункусъ (Мункосъ; во времена Миллера на рѣкѣ Сигвѣ была еще вогульская деревня Мункесъ-пауль, по-русски—Мункасскія юрты).

А ниже Мункуса 30 верстъ,—Ляпинъ (камень преткновенія для разрѣшенія по-

подвержены никакому сомнѣнію. Потомъ, когда Новгородъ палъ, связь Русскихъ съ дальними краями Востока поддерживалась купцами, выселившимися изъ Новагорода въ Устюгъ, Вологду и печерскіе города. Но такъ-какъ, при этихъ сношеніяхъ, ученыя розысканія не составляли

хода Курбскаго при Иванѣ III въ Югорскую Землю. Города эти въ концѣ XVI столѣтія считались обскими остяцкими городками; ихъ считалось 6, именно Куноватъ, Плчма, Лапинъ, Мункосъ, Юилъ, и Березовъ, см. прим. 71).

А ниже Лапина 60 верстъ, на другой сторонѣ, на Сосьѣ — Искаръ (этимъ кажется именемъ окрестилъ Карамзинъ городъ Сибирь-лѣтописцевъ, назвавъ ее — Искеромъ).

А ниже 80 верстъ—Тапсы.

А ниже 40 верстъ—Пячись (Пачинъ).

А съ другой стороны 30 верстъ—Заглѣй.

А ниже Заглѣя 50 верстъ — Вороней (это должно быть русское переиначенье, мѣстное названіе неизвѣстно).

А ниже Воронья 50 верстъ—Хюликаръ.

А ниже Хюликара 60 верстъ—Естынъ.

А на устьѣ рѣки Сосвы, съ вышней стороны—Махтынъ (Хахтынъ).

А съ нижней стороны—Березовой.

И тѣ города по Сысвѣ и по Сосвѣ — Югра (значитъ до Сысвы и до Сосвы была Обдорія, а къ югу отъ Сысвы и Сосвы — Сибирь).

Рѣки жъ текуть въ Обь, а по тѣмъ рѣкамъ сибирскіе городы:

Въ рѣку Обь пала рѣка Иртышъ.

А въ Иртышъ пала рѣка Тоболъ.

А сверху въ Иртышъ пала рѣка Супдышъ, отъ Сибирскаго, отъ Сургута (Сургуча) города за 350 верстъ. (Между Тоболомъ и Ишимомъ мы знаемъ только рѣку Вагай; о Сургутѣ или Сургучѣ—догадаться не можемъ).

Въ Иртышъ выше Сургута (Сургуча) города, пала Ишинъ (т. е. Ишимъ) рѣка, а вышла Ишинъ рѣка изъ горы. На той же рѣкѣ островъ 150 верстъ, а на томъ островѣ дикія нѣгія лошади: добрѣ ихъ много. (О нѣгихъ лошадяхъ говоритъ и Абульгазы, но упоминаетъ о нихъ потому что бывшій на устьѣ Уйгуръ-Мурана городъ Алакшинъ получилъ отъ нихъ свое названіе).

Изъ тое жъ горы вытекла рѣка Тоболъ (этого, положимъ, въ тѣ времена и нельзя было знать, чтобъ не сказать ошибки).

А изъ тоѣ горы 170 верстъ—гора Улутова (должно быть—хребетъ Улу-тау), по нашему Великая-Гора, а въ ней олово (дѣйствительно въ Улу-тау въ наше время открыто олово).

Изъ Улутовой горы потекли три рѣки, — однимъ прозвищемъ всѣ три — Сорилы: Верхняя Сорила пала въ Ишынъ рѣку, а середняя и нижняя, обѣ Сорилы рѣки, — пали въ Тоболъ рѣку.

Изъ тоѣ жъ горы потекли три рѣки Кендерлики, да рѣка Зилапчикъ, а въ ней во брегу краски желтыя да червчатыя.

А мимо той горы, за 40 верстъ отъ горы, течетъ рѣка Сарсу.

А въ рѣку Сарсу пала рѣка Кендерликъ.

А промежъ рѣки Кендерлика и рѣки Сарсу—Козатская кочевая орда да Колмыки.

А промежъ Тобола-рѣки и Мшики-рѣки, пала въ Иртышъ-рѣку — Аршинъ (Авшинъ) рѣка.

А въ Тоболъ-рѣку за 330 верстъ отъ устья Тобола, пала рѣка Тура.

А рѣка Тура течетъ изъ горы, изъ камени, противъ города Соли-Камскаго (Камской) за 80 верстъ отъ Усолья (Соли-Камской), а отъ великія-Тюмени за 550 веретъ.

А отъ Тюмени 120 верстъ пала Тура въ рѣку Тоболъ.

На рѣкѣ на Турѣ—городъ Верхотурье.

Въ рѣку Туру пала рѣка Тагна (Тагла), вытекла изъ горы Усолья Камскаго (Соли-Камской) за 200 верстъ. (Должно быть здѣсь рѣчь идетъ о Тагилѣ).

главнаго предмета, то наши купецкаго чина люди, невольно набираясь этнографическихъ знаній, но не придавая имъ особенной важности — всѣ незнакомыя намъ племена просто называли Чудью: по сю сторону Урала, за «волоками» на сѣверныя водныя системы, была Чудь заволоцкая или заволочская, а по ту сторону Урала была просто Чудь. Но русскій человѣкъ всегда вѣренъ своей натурѣ: надѣляя и европейскіе народы и свою братью Русскихъ характеристическими эпитетами, онъ не забылъ и восточныхъ своихъ сосѣдей отличать разными прозвищами. Такъ Татаръ—онъ звалъ «ордой проклятою», Мордву—честилъ «Сурой-поганою», Вогуловъ закамскихъ звалъ — «Гамалью-чусовою», Сибирь кликалъ «пѣмшою», а всю Чудь—«заблудящею».

Въ Туру рѣку, отъ Тюменскаго за 50 верстъ, съ правой стороны, пала рѣка Ница; протоку Ницы—100 верстъ.

А ниже Ницы 50 верстъ, пала въ Туру — Ышъ рѣка; протоку 70 верстъ. (Это Ышма).

А ниже Туры рѣки 250 верстъ, пала (т. е. въ Тоболъ) рѣка Тавда.

Отъ устья Тавды прямо степью—то Тавда рѣка, а выше тово съ ночныя стороны—рѣка Лозва, а другая рѣка—Сосва; вытекли изъ горъ: а какъ стеклись тѣ рѣки вмѣстѣ — и той рѣкѣ прозвище Тавда. (Нынѣ три вершины Тавды суть Тавда или Пелымъ, вторая—Лозва, а третья Другая-Сосва).

А Лозва рѣка вытекла изъ горы, противъ верховья Вишеры рѣки за 20 верстъ и пала въ Сосву рѣку.

А въ Сосву (Лозву) изъ горъ пала Удыль (Уда)—рѣка, а на устьѣ Удыла (Уды) рѣки —городъ Лозвинской.

А отъ верху Лозвы рѣки до верху Туры рѣки—490 верстъ.

Рѣка Пелынь пала въ рѣку Тавду съ лѣвой стороны; протоку Пелыни 100 верстъ.

А ниже той рѣки, на устьѣ, — городъ Вышней-Пелынь (нынѣ Пелымска) а ниже тово — Нижней-Пелынь, 20 верстъ на рѣкѣ Тавдѣ (нынѣ Пелымское).

А ниже города Пелыни 100 верстъ, пала въ Тавду рѣчка Таборы, а на устьѣ — городъ Таборы. (По мѣстнымъ изслѣдованіямъ Миллера это была вогульская волость на устьѣ рѣки Иксы, какъ, вѣроятно, называлась рѣчка Таборы, нынѣ селенія Таборинска и Табаринское на самой Тавдѣ).

А ниже города Таборовъ, на Тавдѣ, городъ Ашуки (Ашуки мнѣ неизвѣстны; а встрѣчалось мнѣ названіе Кошуковъ въ грамматахъ 1594 года. По изслѣдованіямъ Миллера Кошуки была вогульская волость по рѣчкѣ Пачинкѣ; нынѣ село Кошукое).

А ниже Тавды рѣки пала въ Тоболъ рѣка Суклемъ; протоку Суклема рѣки 160 верстъ. (На устьѣ ея нынѣ село Суклемское, близъ устья Тобола въ Иртышъ).

А на устьѣ рѣки Тобола, на рѣкѣ Иртышѣ, на другой сторонѣ рѣки Иртыша — городъ Тобольскъ.

А внизъ по Иртышу, отъ Тобольска 40 верстъ, городъ Рямзанъ. (Названіе это сохранилось въ названіи рѣчки Рямзанки въ Тобольскомъ Округѣ).

А ниже Рямзана 20 верстъ — городъ Уки (названіе это нынѣ сохранилось въ названіи деревни Уковской-Заводъ и Уково, близъ Ялуторовска).

А ниже Тобола рѣки до усть Иртыша рѣка, до рѣки до Оби—450 верстъ.

А выше Иртыша, на Оби,—городъ Ирдымъ.

А выше Ирдыма, отъ усть Иртыша 30 верстъ, городъ Мазымъ.

А выше 30 верстъ — городъ Лирикъ.

А выше Лирика 20 верстъ—городъ Лунгугей.

А выше Лунгугея 25 верстъ—городъ Салынра (Салавра),

А выше 60 верстъ,—городъ Салымь (Салынь). Вѣроятно на устьѣ р. Салымъ.

(Книга Большому Чертежу стр. 211—220).—Далѣе смотри примѣчанія 6, 12 и 58.

Между вообще чудскими племенами немаловажную роль играютъ Югричи, имя которыхъ еще въ 1488 году встрѣчается въ титулѣ Ивана III (7).

Лѣтописи наши говорятъ о покореніи Иваномъ III Югорской-Земли; нѣкоторые историки увѣряютъ, что покореніе это произведено за Ураломъ, именно по рѣкѣ Оби, и что только въ-слѣдствіе этого покоренія, государи наши стали именоваться «кондійскими», потому-что русское знамя развивалось на берегахъ рѣки Конды, и «оборскими» потому-что русское оружіе прославилось на берегахъ рѣки Оби, при военныхъ дѣйствіяхъ воеводы князя Курбскаго.

Отложимъ въ сторону разрѣшеніе вопроса: могло ли цѣлое войско, въ числѣ болѣе 4,000 человѣкъ, идти въ походъ за Уралъ на самую Обь, по горамъ почти неприступнымъ, чрезъ лѣса почти непроходимые, между народами малочисленными и дикими, незнавшими употребленія хлѣба? Мы спросимъ только нашихъ историковъ: возможно ли, чтобъ цѣлое войско, въ числѣ болѣе 4,000 человѣкъ, при такихъ обстоятельствахъ, совершило этотъ походъ большею частію на лыжахъ? Гдѣ оно должно было помѣщаться, когда сама природа заставляла его укрываться отъ морозовъ и снѣговыхъ бурь? Чѣмъ оно прокормиться могло во все продолженіе своего похода? Не могло же оно, въ такомъ огромномъ количествѣ и столь долгое время, питаться одною рыбою! Наконецъ, съ кѣмъ же этому полчищу приходилось сражаться?.. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, весьма-незатруднительное, отвлекло бы насъ слишкомъ-далеко: мы только прослѣдимъ сказаніе лѣтописцевъ.

«Въ лѣто семь тысящь седьмаго мѣсяца марта въ 12 день князь ве«ликій Иванъ Васильевичъ послалъ воеводъ своихъ ратію, князя Се«мена Ѳедоровича Курбьского, да князя Петра Ѳедоровича Ушатаго, «да Василья Ивановича Бражника *на Югорскую-Землю*, въ Кодуна и «Вогуличи, а съ ними Устюжане, Вятчане, Двиняне, Важане, Пине«жане (8). Они же шедше—городы поимаша и землю повоеваша и кня«зевъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ «людей въ ротѣ (9) приведоша по ихъ вѣрѣ за великаго князя, а иныхъ «князей и иныхъ людей, Югричъ и Гогуличъ, тамо побиша и пріидоша «на Москву къ великому князю—вси здраво, лѣта 7008 марта» (10).

Въ розрядныхъ книгахъ, походъ этотъ описывается съ слѣдующими замѣчательными подробностями:

---

(7) Ист. Гос. Рос. Карамзина, Т. VI Примѣч. 287: «Божію Милостію Государь «всея Руссіи и Великій Князь Иванъ Васильевичъ Володимірскій, и Московскій, и «Новгородцкій, и Псковскій, и Тферскій, и *Югорскій*, и Вятскій, и Пермскій и «иныхъ,—вѣдомому и честнѣйшему Матеашу, Божіею Милостію *Угорскому* и Чеш«скому и иныхъ земель Краю и Князю Авщріе,— вамъ, брату почтенному и другу «милому, —здравіе!» (1488 іюля 29).

(8) Лѣтописецъ (по каталогу лѣтописей Румянцовскаго Музеума № 246); Описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума 1842 стр. 337. Ист. Гос. Рос. Т. VI, прим. 462: «на Куду и на Гогуличи».

(9) «Шерть», «рота крѣпкая»—присяга.

(10) Миллеръ, стр. 66.

«Послалъ великій Князь Петра Өедоровича Ушатаго, да послалъ ему «детей боярскихъ Вологжанъ, а пошли до Пинежского-Волочку рѣками «2,000 верстъ. Да тутъ сошлались съ Двиняны да съ Пинежаны, да «съ Важаны (т. е. обитателями рѣки Ваги). А пошли съ Ильина-дни (20 іюля) «Колодою-рѣкою 150 верстъ, съ Оленьяго-Броду на многія «рѣки ходили и пришли въ Печору-рѣку, до Устюга-града. И тутo «воеводы сождались, князь Петръ (Ушатый) съ княземъ Семеномъ «Курскимъ, да съ Васильемъ Ивановичемъ Гавриловымъ (Бражникомъ), «да тутъ осеневали и городъ зарубили. А съ Печоры-рѣки воеводы «пошли на Введеніевъ-день Святыя-Богородицы (21 октября). А отъ «Печоры воеводы шли до Камени двѣ недѣли и тутo розделился воево- «ды князь Петръ (Ушатый) да князь Семенъ (Курбскій) чрезъ Камень «щелью, а Камени въ облакахъ не видѣти, а коли вѣтрено—оно облака «раздираетъ, а длина его отъ моря до моря» (вѣроятно, отъ Карскаго и до Бѣлаго). «И убили воеводы на Камени — Самоѣди 50 человѣкъ, а «взяли 200 оленей. Отъ Камени шли *недѣлю до перваго городка, Ля-* «*пина*: всѣхъ по тѣ мѣста шли 4,650 верстъ. Изъ *Лапина* встрѣтили съ «*Одора* на оленяхъ югорскіе-князи, а отъ Лапина шли воеводы» (куда: впередъ или назадъ? вѣроятно, назадъ, потому-что со взятіемъ Лапина разсказываютъ о результатѣ всего похода) «на оленяхъ, а рать — на «собакахъ. Лапинъ взяли и поймали 33 городы, да взяли 1,009 чело- «вѣкъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Василей же Бражникъ «взялъ 8 городы да 8 головъ. И пришли къ Москвѣ,—далъ Богъ здо- «рово вовсе,—на Великъ-День къ государю» (11).

Упоминаемый здѣсь Оленій-Бродъ, по смыслу повѣствованія, долженъ находиться между пинежскимъ волокомъ и Печорой, гдѣ-нибудь по Мезени; пинежскій же волокъ находился между вязовьями Пинеги и Сѣверной-Двины: нынѣче существуетъ селеніе—«Пинежскій Волокъ» по лѣвому берегу Пинеги — подъ 59 градусомъ долготы и 65 градусомъ сѣверной широты, приблизительно. Далѣе встрѣчаются названія слѣдующихъ мѣстъ, трудно объясняемыхъ:

Колунъ, или Колуны, или Куда, или Кода, какъ кажется — племя, вмѣстѣ съ Вогуличами обитавшее въ Югорской-Землѣ.

Колода—рѣка.

Усташъ—городъ.

Лапинъ—городъ.

Одора—неизвѣстно что̀, но, кажется, рѣка; и наконецъ —

Югра. (Слово щель, въ смыслѣ разсѣлины, ущелія, не можетъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ по своей общности; въ двинской странѣ мы находимъ это слово въ обозначеніи мѣстностей Ущельскій, *Каращелье*, *Бѣлощельско* и др.)

Усташъ-городъ совершенно, кажется, исчезъ изъ памяти народа, и объ немъ мы ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что онъ, какъ видно, былъ въ сосѣдствѣ съ Колодою-рѣкою, именно на рѣкѣ Печорѣ.

---

(11) Тамъ же, стр. 63; Карамзинъ т. VI, прим. 462 У него сказано на Угорскую-Землю—на Куду и на Гогуличя.

Колода-рѣка существуетъ и нынѣ подъ названіемъ «Коладья»; она слѣва впадаетъ въ рѣку Вычегду и могла протекать по пути, по которому проходили воеводы русскіе съ рѣки Пинеги на Печору.

Колупы, Куда или Кода, сосѣди Вогуличъ; по-видимому, это были именно Остяки, потому-что и въ-послѣдствіи времени всякая мѣстность, занимаемая остяцкимъ племенемъ, называлась Кодскою-Землею.

Названіе Одора или Удора встрѣчается и донынѣ во многихъ мѣстахъ по сю сторону Урала: есть рѣка Удора, которая, въ Вологодской-Губерніи, впадаетъ справа въ рѣку Вашку; есть деревня Удоры по рѣкѣ Юлвѣ, текущей въ рѣку Вычегду; есть еще третье названіе Удоръ, рѣки, текущей, какъ видно изъ «Атласа Россійскаго», изданнаго Академіею въ 1745 году, прямо въ Мезень. Походъ Курбскаго именно на рѣку Обь стараются поддержать тѣмъ, что въ слово Одора вставляютъ букву *б* и подкрѣпляютъ цитатами, что *Об*дорскій народъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народомъ пермскимъ, съ которымъ у него было одно общее божество, Воипель. Но названіе это нѣтъ основанія относить исключительно на рѣку Обь, во-первыхъ, потому-что при описаніи похода Курбскаго говорится про Одору, а не про Обдору, а во-вторыхъ, слово Обдора и по ту сторону Урала имѣло нѣсколько значеній.

Во-первыхъ—Обдора – былъ народъ по низовьямъ Оби; во-вторыхъ, это былъ городъ на правомъ берегу Оби, въ 620 верстахъ отъ устья Оби; въ-третьихъ, Обдорою же назывался царь неизвѣстнаго народа между Китайской Степью и Бухаровъ (12). Относить поѣздку югорскихъ

---

(12) Изъ «Хронографа» (стр. 841):

О государствахъ, что за Сибирью.

Лѣта ≠З того же ОЄ (1567) году по государеву цареву и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи указу посланы были провѣдывать, за Сибирь, государствъ атаманы и казаки Иванъ Петровъ да Бурнашъ Ялычевъ и вывезли тѣмъ государствомъ роспись, которые за Сибирью государства:

Китайскому государству и Мунгалской землѣ и изъ государства жилымъ и кочевымъ и великіе Оби рѣки и протчимъ рѣкамъ и дорогамъ.

Отъ Киргизу, города Сибирскаго, отъ рѣки Бакана ѣзду Ѕ (6) дней.

А отъ Бакана до Кумчаку рѣки ѣзду Д (9) дней.

А отъ Кумчака рѣки до Большего-Езера,—гдѣ Иванъ Петровъ да Бурнашъ Яковлевъ Ялычевъ сказывалъ въ езерѣ самоцвѣтной камень — З (7) дней ѣзду, а около его ѣзду БІ (12) дней коемъ; а въ то езеро Д (4) рѣки съ востоку до полудне, съ западу къ сѣверу, а тѣ Д рѣки текутъ въ езеро смѣюсь, а въ езерѣ вода ни прибываетъ, ни убываетъ, да въ тоже езеро рѣка впала промежъ востокомъ и сѣверомъ, а имя той рѣкѣ Нечевхва.

По той рѣкѣ отъ езера и до вершины гдѣ царя сошли съ кочевьемъ ЄІ (15) дней; а дорога вся—итти итти по каменію.

А отъ царя до улуса итти ЄЄ (5) дней, а улусы зовуть Алгустаевъ, а въ немъ князь Тормошихъ.

А отъ Тормашанича улуса ѣхати за Утчеркукушъ, а въ немъ князь Каракула, ѣхати до того улуса ЄЄ дней.

князей изъ мѣста перваго значенія — значитъ ничего не сказать, относить ее ко второму—слишкомъ-далеко, а къ третьему уже и не йдетъ; да и вообще не видится никакой надобности читать не такъ, какъ написано, и видѣть опечатку тамъ, гдѣ слово поставлено правильно: дѣло

А отъ Чиняева улуса до князя Тангичиритка ѣхать є҃ дней.

А отъ Тангичириткина улуса до князя Чеченіоянъ уѣзду д҃ дни, безъ воды.

А отъ Чиняева улуса—Таин-катунъ: ѣхати д҃ дни.

А отъ Таин-катулина улуса до царя Башкуты ѣхати д҃ дни.

А отъ царя Башкуты до княгини Маиловъ до Мунгалской земли иттить є҃і дней.

А не дошедъ Мунгалской земли, за два дни, итти щелью межъ камени, а изъ щели вышедъ—въ Магачскую землю.

А на выѣздъ изъ щели два города Мунгалскихъ, каменные, а имена городамъ—Каларбашъ и Баишнъ: а на Мбанѣ-городѣ воевода князь Талам-тайша, а въ Башняхъ городѣ воевода князь Онба-тайша.

А третей городъ въ Мунгалской землѣ Лобинскобы каменной, а царствуетъ въ немъ женщина, имя ей царица Мачи-катуна да сынъ ея царевичь Ангитаинъ. А та царица Мачи-катуна указываетъ во всей Мунгалской землѣ по всѣмъ градомъ; а кто ни пріѣдетъ, да отъ нея пойдетъ въ китайскую землю—и она дастъ грамату и печать; въ городъ, въ которой пріѣдешь да пойдешъ къ рубежу и покажешь сторожамъ грамату и печать, и они пропустятъ за рубежъ, въ китайскую землю; а будетъ нѣтъ отъ нея граматы съ печатію—и они въ китайскую землю не пропустятъ за рубежъ.

А земля Мунгалская велика, долга и широка, отъ Бухаръ и до моря; а городы въ Мунгалской земли дѣланы на четыре углы, а по угламъ башни, а съ-исподи у городовъ вкладенъ сѣрой камень, а сверху кладенъ кирпичъ: а у воротъ городовыхъ своды такожде что и у русскихъ градовъ; а на вратахъ на градныхъ, на башнѣ, колоколъ мѣдянъ вѣстовой, пудовъ въ 20. А башни крыты образцами кирпичными. А дворы въ Мунгалской землѣ кирпичные: дѣланы на четыре угла; а ограды кругомъ двора велики и высоки; а во дворѣ полаты кирпичныя не высоки, а подволоки у полатъ высоки, писаны травами и красками,—цвѣты различными украшены.

Да въ той же Мунгалской землѣ стоятъ два храма, лобинскіе, кирпичные, какъ дѣлаютъ храмы,—клинчатые, а стоятъ храмы дверьми межъ востоку и полудни, а на храмѣхъ крестовъ нѣтъ: а стоятъ на храмѣхъ звѣри, невѣдомо какія: каменныя.

А во храмѣхъ—неизрѣченное диво! Какъ лѣзешь во храмъ — противъ дверей сидятъ три болвана, великіе, женскіе: сажени по полторы; а вызолочены сусальнымъ златомъ съ головы и до ногъ. — А сѣдятъ высоко на дверехъ каменныхъ; а двери всякими красками выкрашены; а на рукахъ болваны держатъ по горшку съ кашею. А предъ ними горятъ свѣчи не угасимыя, съ саломъ говяжіимъ.

А на правой рукѣ стоятъ восмь болвановъ мужескаго полу: а на лѣвой странѣ стоятъ восмь болвановъ,—все дѣвки—вызолочены съ головы и до ногъ сусальнымъ же златомъ: за руки протянули чтобы поклоняться, какъ кланяются мунгалскіе люди.

А по-сторонь тѣхъ болвановъ трехъ, которые предъ храмомъ на дверяхъ, стоятъ два болвана наги, какъ бы человѣкъ въ тѣлѣ: не распознаешь издали, что тѣло — какъ бы живъ. А свѣчи предъ ними тонки, что солома, горятъ безъ огня угліемъ.

А поютъ во храмѣхъ въ двѣ трубы великія: сажени по полторы труба. А какъ затрубятъ въ трубы великія, да станутъ бить въ бубны, да припадутъ на колѣни, да руками сплеснутъ, да расхватятъ руки, да ударятся о землю—и лежатъ съ полчаса! И въ тѣ поры въ храмъ лѣзти нельзя. Какъ поютъ— страхъ великъ человѣка обьиметъ: неизрѣченное диво во храмѣхъ. А крыты тѣ храмы образцатами кирпичными.

въ томъ, что воеводы встрѣтили предводителей *до*-уральской Югры, которые, съ рѣки Удоры или Одора, пробирались *за* Уралъ.

Названіе Лапина-городка сохранилось въ «Книгѣ Большому Чертежу», какъ обозначеніе мѣстности собственно по рѣкѣ Сысвѣ, между городи-

---

А хлѣбъ въ Мунгалской землѣ водится всякой: просо, пшеница, ярица, рожь, ячмень, овесъ, и иныхъ сѣменъ много. А овощи въ Мунгалской земли и сады всякіе есть: яблоки, вишни, дыни, арбузы, тыквы, лимоны, огурцы, лукъ, чеснокъ, и иные овощи всякіе.

А люди въ Мунгалской землѣ — мужескій полъ нечисты, а женскій чистъ добрѣ. А платье носятъ по своей волѣ хорошо: бархатное и камчатное, а ожерелья у кафтановъ мужескихъ и у женскихъ большія, по плечамъ. А сапоги носятъ своимъ образцомъ.

А лошадей добрыхъ въ Мунгалской земли, катырей и шековъ, много.

А орютъ плугомъ, а сохи такожде какъ и у Тоболскихъ Татаръ: а бороны долги; а вино курятъ въ Мунгалской земли изо всякаго хлѣба, безъ хмѣлю.

А каменія драгаго въ Мунгалской земли нѣтъ: жемчюгъ не доброй есть. А сребра много—а идетъ сребро изъ Китайской земли.

А Кутухты у нихъ—Кутухъ-то по нашему патріархъ—два; одинъ лѣтъ въ двадцать, а другой лѣтъ въ тридцать: нѣтъ у нихъ ни усовъ, ни брадъ. А во храмѣхъ имъ сдѣланы мѣста: какъ пріидутъ во храмы, да сядутъ по мѣстамъ, а по нихъ вѣрѣ имъ всѣ покланяются: царь кутухтамъ.

А то солгано отъ выходецъ изъ Китайской орды, что кутухта умре, да въ землѣ лежалъ пять лѣтъ, да опять ожилъ: то соврано, что умре да опять ожилъ!

А лоба (лама) потому что наши старцы,—а у нихъ то лоба; а постригаются лѣтъ десяти, а блуда женскаго не вѣдаютъ, а брады и усы брѣютъ и щиплютъ. А ходятъ безъ штановъ, а мясо ѣдятъ по вся дни. А мантьи у нихъ камчатые, разные цвѣты; а боры у мантей что у нашихъ старцовъ; а клобуки у нихъ желтые; а говорятъ такъ: «Како-де ваша вѣра въ насъ нашею была, а вы-де старцы черные, «а наши бѣлые; а не вѣдаемъ какъ ваша вѣра отъ нашей отбыла».

А за Мунгалскою землею къ Бухарцамъ три царства: *Турское*, царь въ немъ Юначка, а городъ каменной, а царство богато;

да царство *Шишуцкое*, а царь въ немъ Салапчинъ, а городъ каменной же;

да царство *Городишарь*, а царь въ немъ Темиръ-желѣзный: а то царство не далече отъ Бухаръ; изъ того царства идетъ отъ желѣзнаго царя въ китайское царство камень алмазъ.

А тѣ всѣ три царства стоятъ подъ полудень; а по другую стороны Черныхъ Мунгаловъ Желѣзные Мугулы и до моря.

А отъ Мунгалской земли, отъ Манчи-катуннна города до Китайскаго-крыму, до рубежу, ѣзду конемъ два дни; а рубежная стѣна пошла на полдень, а къ Бухаромъ два мѣсяца ходу до Обдоры царя; а городъ у Обдоры царя древяной, а царство велико и богато вельми; а другой конецъ пошелъ на востокъ до моря, четыре мѣсяца ходу. А стѣна ведена кирпичная, а мы сочли по рубежной стѣнѣ башень сто, по обоимъ концамъ; а къ морю, сказываютъ, и къ Бухаромъ башни и числа нѣтъ. А башня отъ башни стоитъ по стрѣльбищу.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

А воюются (китайскіе люди) съ мунгалы съ желтыми и у мунгаловъ бой, а въ китайской землѣ люди робливы; про Обь великую и славную—устья незнаемъ.

И государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всеа Россіи посланникомъ, атаманомъ Ивану Петрову да Бурнашу Ялычеву сказывали китайскіе же земли люди, подъячій: «Оби-де мы рѣки великія не знаемъ и не слыхали; а изъ-за моря-де къ намъ прибѣгаютъ Манцы, по нашему Нѣмцы на корабляхъ по вся годы

щами Искаромъ и Мункусомъ (13); но по всему видно, что это не тотъ городъ, про который говорится въ описаніи похода Курбскаго: его Ляпинъ—былъ первый городъ за Камнемъ, а Ляпинъ Большаго Чертежа есть третій городъ по той рѣкѣ, которую мы въ настоящее время именуемъ Сыгвою; она течетъ въ Сосву, а та въ Обь.

Въ наше время существуютъ на рѣкѣ Маньѣ «Щокурпнскія-Юрты», иначе называемыя «Ляпинскою». Щокурпнскими онѣ называются не потому, что въ Маньѣ много ловится рыбы щокуровъ, но названіе это онѣ заимствовали отъ рѣки Щокурьей, которая вмѣстѣ съ Маньею течетъ въ Сыгву, впадающую въ Сосву. Въ вершинахъ Маньи и стоялъ Ляпинъ городокъ, что будетъ согласно и съ Герберштейномъ. Согласно съ Герберштейномъ же надо сказать, что здѣсь дѣйствительно жили Вогуличи, имя которыхъ до-сихъ-поръ осталось за двумя впадающими въ Сосву же рѣками — Вогульей и Вогулкой: онѣ то, вмѣстѣ съ вершиною Большой Сосвы, въ «Книгѣ Большому Чертежу» и названы — Гудырьею, Киртасомъ и Сыкирьею.

Очень жалѣемъ, что не принадлежимъ къ блаженной памяти вѣкамъ «корнесловія». Тогда мы слово «Кодуны» переименовали бы въ «Колдуны», отъ слова «Куда» произвели бы «кудесниковъ» и доказали бы, какъ дважды-два, что Кодунами или Кудами у насъ звали всѣ племена, которыхъ вѣрованія утверждались или состояли въ волхованіяхъ ихъ шамановъ или колдуновъ и кудесниковъ. Скажемъ только, что и Кодуны—были Югра, то-есть Остяки или Огяки, и имя это сохранилось до насъ въ названіи Большаго-Кодуна и Малаго-Колуна, двухъ рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Щугоръ, текущую справа въ Печору: вершины ихъ сближаются съ вершинами Маньи и Щокурьей.

Вся сѣверная сторона Зауралья, вплоть до самой рѣки Сыни — испоконъ вѣка и донынѣ есть исключительное обиталище Самоѣдовъ; непосредственно за Самоѣдами всюду слѣдовали и слѣдуютъ Остяки; они были на Сосвѣ; на Сосвѣ же, или, какъ ее тогда также именовали — Сысвѣ (подразумѣвая подъ Сосвою то, что мы нынѣ зовемъ Малою-

---

съ товары, какъ свѣтъ стоитъ; а того де мы не вѣдаемъ и не слыхали куды они дорогу отыскиваютъ или съ товары пріѣзжаютъ; а про розбой де кораблешный — у насъ не слыхать въ китайскомъ царствѣ, у Мапцовъ гдѣ бы на мори кораблѣ розбили; а Нѣмцы де къ намъ прибѣгаютъ съ Чернаго-Моря, съ востоку и съ полудни. А того де мы не вѣдаемъ и не слыхали куда Мапцы шли дорогою, дороги провѣдывать.

Да государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всеа Россіи посланникомъ, атаманомъ козачьимъ Ивану Петрову да Бурнашу Ылычеву сказали при спросѣ въ китайскомъ пригородкѣ а въ Челказѣ Брошкой мужикъ Куштанъ про Обь,—великую рѣку: «Есть де рѣка великая, а имя ей Каратилъ; а на той де рѣкѣ Каратилѣ есть у насъ кочютъ, кавгимъ; а вверхъ-де той рѣки Каратилѣ у насъ кочуютъ Алтынъ Царь съ своими улусы прикѣчиваетъ; а та де рѣка впала въ ту рѣку Обь рѣку великую, а тое де мы вершины не вѣдаемъ, а устья де мы не знаемъ.

Срав. у Карамзина Т. IX пр. 649.

Также см. 6, 20 и 58 наши примѣчанія.

(13) См. прим. 6 и Словцова «Историческое Обозрѣніе Сибири» (1838 и 1844 г.) Ч. 2 стр. VI и XXXI.

Сосвою), жили и Вогуличи: слѣдовательно, неразграниченность и смѣшеніе этихъ племенъ и составляли ту Югру, на которую ходилъ Курбскій, и «Книга Большому Чертежу» опредѣляетъ положительно эту сторону, сказавъ рѣшительно, что «по Сысвѣ и по Сосвѣ—Югра».

Названіе Югры, вошедшее въ титулъ Ивана III, мы находимъ въ исчисленіи лѣтописцами племенъ, составлявшихъ прежде такъ-называемую Чудь-Заволоцкую (14); значитъ, Югра была и по сю сторону Урала. Но такъ-какъ нѣтъ законныхъ причинъ, которыя давали бы намъ право отвергать походъ русскихъ воеводъ на Лапинъ, когда весь походъ такъ основательно изложенъ въ старинныхъ документахъ, то по этому несомнѣнному свидѣтельству мы безотговорочно можемъ принять, что воеводы наши, съ *весьма небольшимъ* отрядомъ людей, вполнѣ знакомыхъ съ мѣстностью, съ звѣропромышленниками, дѣйствительно перешли Уралъ и достигли городка Лапина, или до рѣки Маньи, впадающей черезъ Сыгву въ Сосву и оттуда въ Обь; но вся громада русской рати, въ цѣломъ своемъ четырех-тысячномъ составѣ, переходить Уралъ, а тѣмъ паче достигать береговъ Оби—никакимъ образомъ не могла, и не могла возвращаться въ Москву «далъ Богъ здорово вовсе».

Карамзинъ, ссылаясь на акты о дѣлахъ прусскихъ (15), говоритъ, что сынъ Ивана III, Василій, употреблялъ въ титулахъ названіе югорскаго, и удорскаго, и обдорскаго, и кондинскаго и иныхъ. Если Лапинъ была Югра, а весь сѣверъ назывался Обдоріей, то имена эти, вмѣстѣ съ именемъ Удоры, должны были войдти въ его титулъ. Намъ, однакожь, извѣстно изъ отечественныхъ лѣтописцевъ только, что онъ повелѣлъ именовать себя, кромѣ казанскаго и астраханскаго (хотя ни Казань, ни Астрахань не были еще тогда русскими провинціями), царемъ и государемъ пермскимъ, вятскимъ, болгарскимъ и обдорскимъ, и всея Россіи государемъ и обладателемъ. Слово «кондійскій» тутъ не упомянуто (16). Но если онъ и дѣйствительно именно-

---

(14) «Въ Степен. Кн. такъ поименованы народы Перміи и другихъ окрестныхъ земель: Двиняне, Устюжане, Вяляжане, Вычегжане, Пинежане (по Пинегѣ), Южане (по р. Югу), Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь, Гамаль-Чусовая (Карамзинъ, т. V, пр. 125).

(Объ Остякахъ и Вогулахъ до-уральскихъ см. «Именитые люди Строгоновы» стр. 37—42 и «Книга Большому Чертежу» стр. 151.

(15) Карамзинъ Т. VIII, гл. III, и прим. 357.

(16) «Великое княженіе въ Россійской земли великаго князя Василья Іоанновича всея Россіи.—ЗМ (7040—1532).

«Великій Государь и Великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи бѣ бо мужественъ, на супротивныя враги веліе храбрство показа, яко и цари окрестные многія съ державами своими приходяще къ нему и покоряющеся служити ему.

«Сего ради и титлу великія державы себѣ состави и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ писатя себѣ повелѣ, имъ же званіемъ въ русской землѣ, даже отъ Гюрика Великаго князя, никто же бѣ отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ, яко сей—сице:

«Божіею Милостію Царь и Великій князь Василій Іоанновичъ—Владимірскій, Московскій, Новгородскій и Псковскій, Казанскій, Астраханскій, Государь Тверской,

вался кондинскимъ или кандинскимъ, то названіе это могло происходить или отъ названія одной изъ рѣкъ Двинской-Страны, Канды или Кянды, недалеко отъ Онеги и близъ озера Няжмы (17), или въ-самомъдѣлѣ отъ *сибирской* рѣки Конды, о которой мы могли знать по наслышкѣ, но которая, однакожь, въ «Книгу Большому Чертежу» не внесена, не смотря на всю свою значительность.

Югра страна и народъ), бывшая въ древнія времена, можетъ-быть, тамъ же, гдѣ была и рѣка Югъ (Югъ, вмѣстѣ съ Сухоною, составляетъ Сѣверную-Двину), прозваніе котораго обратилось сначала въ Юговичи (по примѣру Вымичи, Вятичи и др.), а потомъ въ Югричи, могла въ-послѣдствіи времени разселиться и по обоимъ берегамъ Оби; но извѣстная намъ наша Югра, наши Остяки и Вогуличи, жили только по сю сторону Урала и именно по Чусовой, по Сылвѣ, по Яйвѣ, по Вишерѣ, по Кодунамъ и вообще въ верховьяхъ Печоры. Можетъ-быть даже, что подъ категорію Югры мы подводили и своихъ Самоѣдовъ, по примѣру того, какъ мы и нынѣче смѣшиваемъ иногда Самоѣдовъ съ Остяками и уже позже, пріучая себя къ правильному раздѣленію племенъ, бросили названіе Югры, и имя ея, рѣдко уже встрѣчающееся въ актахъ XVII вѣка, попадается, однакожь, во время сопраженія царей Петра и Іоанна, въ концѣ XVII столѣтія, въ названіи Югорскихъ Самоядцовъ (18).

Ростовскій и Ярославскій, Вологоцкій и Пермскій и Вятцкій, Болгарскій и Обдорскій и Рязанскій и всея Россіи Государь и Обладатель.» (Изъ хронографа, рукописи конца XVII вѣка, по каталогу Румянцовскаго Музеума № 457).

Вѣроятно отъ Конды, по которой жили Вогуличи — и вся долина Кондійская получила названіе Кондоріи.

(17) Книга Бол. Черт., стр. 188.

(18) Изъ грамматы, 1688 года марта 10, царей Петра и Іоанна и царевны Софьи кевролъскому и мезенскому стольнику и воеводѣ Мих. Ром. Воейкову о прекращеніи междоусобицы между Самоѣдами Мезенскаго тыунскаго берега съ Югорскими и Лизовыми Самоѣдами, видно, что Югорскіе и Лизовые были въ отношеніи къ Мезенскимъ, дальніе. (Собраніе Архангелогородскихъ грамматъ съ 1652 по 1688 годъ).

Сюда же внесемъ и слѣдующую граммату 1557 года, показывающую, около какихъ мѣстъ намъ надобно искать нашу Югру (Изъ Собр. Госуд. Грам. и договоровъ Т. II № 40 и Миллеръ стр. 71):

«Божіею милостію, отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи Владимірскаго, и Новгороцкаго, Казанскаго, Тверскаго, Смоленскаго, Астраханскаго, Пермскаго, Югорскаго и иныхъ,—*въ нашу отчину въ Юсерскую-землю* Заказамскаго, *въ Сорскордо* князю Певгѣю и всѣмъ княземъ *Сорыкидцкіе*—земли и лучшимъ людемъ, и серединимъ и молодымъ *Прмолскимъ* людемъ *Сорыкитцкіе*—земли.

«Послалъ еси по свою дань Ивашка, Васильева сына, Иконникова, да Печайка, Иванова сына, Вычегженина, да Офоньку, Ѳедорова сына, Гоніунина, да Ваську Лаптева.—И какъ къ вамъ, *въ Оркорду*, посыльники по нашу дань пріѣдутъ — и ты князь Певгѣй и всѣмъ княземъ *Сорыкатцкіе*-земли лучшіе люди, и середніе и молодые—собрали бъ есте нашу дань своей *Сорыкатцкіе*-земли всю сполна, со всякого человѣка по соболю, а собравъ бы есте нашу дань—да съ тою бъ есте данью князь Певгѣй былъ къ намъ къ Москвѣ, или бъ есте прислалъ къ Москвѣ съ нашею данью брата своего, или племянника, да земскихъ людей: а мы васъ ради жаловать и отъ сторонъ беретчи, подъ своею рукою держать.

«А не сберете вы нашея дани со всякого человѣка по соболю и къ намъ на Москву не пришлите—и мнѣ на васъ послать рать свои и вострая сабли!

Вообще же Югрой назывался народъ, разсѣянный по западнымъ и по восточнымъ склонамъ Урала; по сю сторону его — въ верховьяхъ Камы и Печоры, по ту сторону—«по Сысвѣ и по Сосвѣ». Но это были именно Остяки и Вогуличи, аборигены этого края, а не другое какое-либо племя, потому-что изъ сличенія разныхъ мѣстъ, гдѣ упомянуто имя Югры, мы не найдемъ нигдѣ намека на то, чтобъ названіе это было исключительно присвоено какому-нибудь одному, вымершему въ-теченіе XVI столѣтія, племени; но оно давалось только или Остякамъ, или Вогуламъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Если же Югра или Югрія, а не Угра или Угорія, въ обширномъ смыслѣ, была страна между Карою и Печорою (19), включая сюда и опредѣленные уже нами южные ея предѣлы, и если вліяніе наше за Ураломъ ограничивалось одною рѣчкою Маньею — значитъ, то, что мы звали Сибирью, съ ея рѣками Тоболомъ, Иртышемъ и Обью-Великою, до царя Ивана-Грознаго, никогда не было ни покорено, ни покоряемо. Только Грозному и Ермаку, который узналъ про Сибирь въ-слѣдствіе связей, заведенныхъ съ Сибирью царемъ Иваномъ IV, мы обязаны обладаніемъ этой обширной страны, этой вѣрной опоры и неизмѣнной надежды Россіи въ будущемъ.

Однакожь, кромѣ Югры, мы и про Сибирь давно и хорошо знали. Въ XV столѣтіи, Русскимъ извѣстно было много Тюменей, но они умѣли различать Хвалынскую Тюмень отъ той, которая лежала за Аралтовой-Горой, то-есть, за Ураломъ: жители Великой-Перміи передавали Москвѣ вѣсти о набѣгахъ отъ Тобола разныхъ салтановъ, да

«А Устюжскихъ и Вычегоцкіе-Соли выборнымъ судьямъ на тѣхъ нашихъ данщиковъ съ нашіе царскіе службы, съ пути кто своротитъ, или чѣмъ изобидитъ — и тому отъ меня, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, — быть въ опалѣ и въ проторжи.

«А провожать нашихъ данщиковъ — Югорскимъ княземъ, и Югричемъ, и людемъ добрымъ отъ городка до городка, и отъ людей до людей, и беретчи нашихъ данщиковъ во всемъ по ряду, какъ прежь сего.

«А пріѣхати вамъ *Сорыкитскимъ* княземъ и вашимъ людемъ къ намъ на Москву, и отъ насъ отъѣхать вамъ доброволно, безъ всякіе зацепки.

«А ся вамъ наша грамата—жалованная и опасная.

«Писано на Москвѣ, лѣта ҂ЗЗЕ году.»

(На оборотѣ:) «А у подлинные Великаго Государя грамоты—печать на шелковомъ мутовозѣ, серебреная и вызолочена; а на печате — Великаго Государя въ лице — орѣлъ двоеглавной съ коруны, а позади той печати чеканено: Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ.»

(19) «Сѣверо-Восточная часть Европейской Россіи, — пространство между Печорою и устьями рѣки Кары—есть самая суровая, дикая и уединенная страна, прорѣзываемая понижающимися отраслями Уральскаго Хребта. Это древняя Угорія (Угрія). Внутренность этой страны есть льдистая, тундристая равнина, изрѣдка посѣщаемая промышленниками, звѣроловами и занятая по мѣстамъ подвижными юртами Самоѣдовъ; впрочемъ, Самоѣды располагаются болѣе по берегамъ рѣкъ Печоры, Усы и Кары.—Пустозерскъ, подъ 67° 40′ широты, есть почти единственное здѣсь селеніе Русскихъ, занятыхъ собираніемъ ясака и морскими промыслами» (К. И. Арсеньевъ. Статистическіе очерки Россіи. С. Пб. 1848 стр. 169).

и Русскіе не упускали случая отплачивать невѣрнымъ за ихъ пражескія нападенія (20).

Но Сибирь все была не наша.

---

(20) *A.* 1. Тюменка рѣчка течетъ 130 верстъ въ Хвалынское-море. (Кн. Бол. Чер. стр. 63).

2. Тюменскій городъ на устьѣ Тюменки (id. стр. 63 и 164).

3. Тюмень-городъ на усть Теркѣ, въ 180 верстахъ отъ Тарковъ и въ 500 верстахъ отъ Астрахани. (id., стр. 60).

B. Рѣка Яикъ (нынѣ называется Уралъ) вытекла поровень съ Аралтовою-Горою противъ верховья Тоболы-рѣки.

Отъ Великіе Тюмени рѣка Яикъ вытекла за 250 верстъ (id. стр. 66).

А рѣка Тура течетъ изъ Камени отъ великія-Тюмени за 350 верстъ

А отъ Тюмени 120 верстъ пала Тура въ рѣку Тоболъ. (ibid. стр. 217).

C. 1505 годъ.—Въ понедѣльникъ, на страстной, рать пришла безъ вѣсти отъ Тюмени на великую Пермь, Кулукъ-Салтань, Ивака Царева сынъ, съ братьею и съ дѣтьми,—города не взяли, а землю нижнюю извоевали, въ Усольѣ на Камѣ русаковъ вывели и высѣкли; и князь Василій Коверъ, на полѣ-водѣ, въ погоню послалъ Русаковъ въ судѣхъ и догнали въ Сылвѣ, на перевозѣ заднюю заставу — да и побили.—(Карамзинъ Т. VI, дополнительныя выписки изъ лѣтописей).

D. Было и еще названіе Тюмень, какъ обозначеніе мѣстности въ вершинахъ рѣки Обвы, въ Великой Перми. (См. Атласъ Росс. изд. Акад. 1745.)

Для поясненія древняго значенія приуральскихъ странъ дозволяемъ себѣ заимствовать слѣдующія изслѣдованія П. С. Савельева изъ сочиненія его «Мухаммедан-ская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи» (С. Петербургъ 1847):

«На самой Камѣ съ Булгаріею граничила *Пермь*, «Украина» финскаго міра (1), которую знали скандинавскіе мореплаватели подъ именемъ *Бормін*, или *Біармін*, давая это неопредѣленное названіе всей сѣверо-восточной полосѣ Россіи отъ Бѣлаго-Моря до горъ Уральскихъ. Уже въ половинѣ IX столѣтія смѣлый норвежскій викингъ, по имени Оттеръ, обогнувъ Канъ-Нордъ, приплылъ къ Бѣлому-морю, встрѣтилъ здѣсь Пермяковъ и самъ проникъ въ глубь страны... По слѣдамъ Оттера толпы викинговъ устремились на (сѣв.) Двину для торговли или грабежа и имя *Біармаландіи* сдѣлалось славнымъ на скандинавскомъ сѣверѣ... Послѣднее путешествіе Скандинавовъ къ берегамъ Бѣлаго-моря, о которомъ упоминается въ сагахъ, совершено было въ 1222 году. Съ той поры, въ теченіе трехъ столѣтій, Европа забыла сѣверо-восточный путь къ бѣломорскому побережью, и онъ вновь открытъ былъ англійскимъ мореходомъ Чанселлоромъ уже во-времена Іоанна Грознаго и Маріи Стуартъ ..

«Подобно Скандинавамъ, Новгородцы вели съ Біармією и торговлю и войну. Они именовали ближайшую къ нимъ часть Біармін Скандинавовъ *Заволочьемъ*, то-есть, страною, лежащею *за волокомъ*, который отдѣляетъ Онегу отъ Двины, восточной же половинѣ ея они давали уже названіе Печоры. За ними уже, по склонамъ Уральскаго кряжа, лежалъ край *Югорскій*. (Стр. CVIII—CXIII).

«Югра лежала за Уральскимъ Хребтомъ, по обѣимъ сторонамъ Оби, простираясь до береговъ рѣки Анъ на востокѣ. Жители ея и до-сихъ-поръ называются *Вогулами*, именемъ, которое, по свойству финскихъ нарѣчій, есть не иное что, какъ діалектическое измѣненіе имени Угровъ. Они обитали, можетъ быть, и по сю сторону Урала. Новгородъ торговалъ съ ними по-крайней-мѣрѣ съ XI вѣка; первая наша лѣтопись сохранила о томъ современное сказаніе Юрія Тороговича, богатаго Новгородца, который посылалъ своего отрока (отрокъ — молодой парень, парень, молодецъ; нынѣче «молодцы» значитъ «прикащики») въ Угру. «Угра же суть людіе *языкъ нѣмъ* и сосѣдятъ съ Симондью (2) на полунощныхъ странахъ... и еже кто дастъ имъ желѣзо и они даютъ скорою (мѣхами) противу» (Несторъ подъ 1096 годомъ). Вѣроятно, и Волжскіе Булгары X и XI вѣка производили такой же мѣновой торгъ въ извѣстной точкѣ Урала, не переходя за горы: привозили сѣкиры (клинки), о которыхъ говорятъ арабскіе писатели, а Югры «давали скорою противу». Эти клинки, замѣчаютъ Арабы, были самые простые, безъ рукоятки, безъ надписей и украшеній и Югры

ГЛАВА III-я.

Отношенія царя Ивана-Грознаго къ Сибири до Ермака.

Общенародное понятіе о Сибири. — Сибирь—страна, царство и городъ. — Мѣстоположеніе Сибири. — Бытъ Сибирцовъ тогдашняго времени. — Оффиціальное знакомство Руси съ Сибирью.—О дарѣ или дани.—Етигеръ. —Етигеровы послы.—Появленіе Кучума.—Граммата Кучума къ Грозному. —Кучумовы послы у Грознаго. — Русское посольство въ Сибирь.

«Мосметъ постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртишѣ и нарече «Сибирь» и ту, живъ, умре: то и «бѣ начальный градъ Сибирь, потомъ же и вся «страна та прозвася «Сибирь». — Гради же ко«ждо свое имя имутъ по прилученію и по «смотрѣнію, обще же «Сибирь» именуется, «яко же и Римская страна и Италія нари«цается — отъ Итала нѣкоего, обладавшаго «странами вечерними (Кроника Латынская): гра«ди же всеа римскія страны разныя имена имѣ«ютъ, обще же и Итталія наречется. — А какъ «Сибирстіи гради именами нарицалися — и се «невѣдомо ни отъ кого же и не испытанно, по«неже бо преже живяше по всей Сибирской «земли чюдь, посему и писанія несть.»

Первообразъ Есиповской Лѣтописи.

Сибирью, сколько догадываться можно, попросту называли у насъ все, что лежало за Камою и къ сѣверу и къ востоку. Знали мы, что въ странѣ этой есть горы, есть «Югорскій Камень» и есть «Каменный

передѣлывали ихъ въ багры или гарпуны для рыбной ловли.... Торговыя сношенія Булгаръ и съ зауральскою Югрою могли облегчать Вогулы, жившіе доселѣ по сю сторону горъ по рѣкѣ Вышерѣ, впадающей въ Каму. Еще въ XVI столѣтіи Югра не утратила торговаго своего значенія на сѣверѣ и въ Москву вывозили оттуда не только пушные товары, но и драгоцѣнные камни, которые получались Югрою (3) съ юга, отъ иноземныхъ купцовъ (это говоритъ Герберштейнъ и Лербергъ; но надобно предположить, что не Югра, а русскіе промышленики производили мѣну съ Бухарскими торговцами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жила Югра, то-есть въ притокахъ Камы, по сю сторону Урала, и за Ураломъ).» (Стр. CIV—CVIII).

1) *Пермь*, Рáгма, есть финское слово, которое доселѣ употребляется въ значеніи «окраины», «украины», — limbria, plica marginalis, inde margo, circuitus; но у Зырянъ—*Пермá* означаетъ вообще «возвышенность, преимущественно лѣсную». Syriä—синонимъ того же слова, — margo, locus marginalis,—и сверхъ того «волокъ» — isthmus, terra tenuis inter maria. Слѣдовательно *Пермь* и *Зыряне* названія синонимическія и значатъ «украинцы». Одна изъ зырянскихъ волостей, въ Сольвычегодскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, до нашихъ временъ сохранила названіе *Малой Перми* или *Пермцы*. Въ частности, *Зыряне* суть жители Syria или волока, «Волочане», Заволоцкая Чудь, Заволочане, Zavolocenses позднѣйшихъ писателей. (Ibid. примѣч. 198).

2) Значеніе народнаго имени *Самоѣдовъ* не имѣетъ однакожъ ничего общаго съ идеею людоѣдства, а есть не иное что, какъ ославленное *Самоди*, какъ по-сю-пору называютъ ихъ ближайшіе ихъ сосѣди, жители Архангельской-Губерніи, потомки выселѣпевъ Великаго-Новагорода (стр. CXIX).

3) По замѣчанію г. Шегрена названіе *Югры*, Jögra, сохранилось доселѣ между Зырянами: они называютъ Jögrajass (jass есть окончаніе ихъ множественнаго числа) своихъ сосѣдей, уральскихъ Остяковъ. Арабскіе писатели знаютъ Югру подъ именемъ *Юрд*. «Югры», говоритъ Абу-Хамедъ, «не имѣютъ пажитей, но живутъ въ болотахъ (тундрахъ) и питаются рыбою; путь въ ихъ страну всегда покрытъ снѣгомъ.»—Готъ Іорнандесъ, писатель VI вѣка, передаетъ извѣстіе, что Югра живетъ за Хозарами и Булгарами (Ibid.).

Поясъ», но не имѣли точнаго понятія ни о земляхъ, къ нимъ прилегающихъ, ни о направленіи этихъ возвышенностей. Самое различіе этихъ словъ «Камень» (гора) и «Поясъ» (хребетъ) даютъ поводъ къ уразумѣнію того, что Югорскимъ Камнемъ называли у насъ отроги Урала, распространяющіеся къ сѣверу отъ Карскаго-Моря до Канина-Носа, близъ котораго полагали, можетъ-быть, окончаніе этихъ отроговъ, извѣстное подъ именемъ «Югорскаго-Шара» (21); Каменнымъ же Поясомъ или Земнымъ Поясомъ назывался весь Уралъ, въ-послѣдствіи уже извѣстный у насъ подъ названіемъ «Аралтовой-Горы» (22).

Со словомъ «Сибирь» соединялось значеніе, близко подходящее къ тому, какое встарину мы придавали слову «нѣмцы». На западѣ и Шведъ, и Французъ, и Цесарецъ были, въ понятіяхъ русскаго, неученаго народа,—одна вѣ-христь, тѣ же нѣмцы. Такъ и на дальнемъ сѣверо-востокѣ: и Остякъ, и Вогуличъ, и Киргизъ, и Нагаецъ — все это была та же вѣ-христь, все одна чудь заблудящая, басурманы изъ Сибири. Но такъ-какъ племена эти, подъ одними и тѣми же наименованіями, обитали и по сю и по ту сторону Урала, съ тѣмъ различіемъ, что Чудь зауральская не была подчинена нашему владычеству, то и Сибирь, въ общемъ значеніи страны, населенной чудью или чужью, можно раздѣлить на двѣ стороны: на Сибирь русскую и на Сибирь нѣмшёную.

Земли по-сю-сторону Урала за Камою, хотя и мало намъ знакомыя, но покоренныя русскимъ оружіемъ и подчиненныя русскому вліянію, составляли конецъ русскаго края, сибирскую украйну, которую въ-послѣдствіи тоже стали звать Сибирью. Эта русская Сибирь кончалась за Югорскимъ-Камнемъ, въ границахъ воображаемыхъ, но неопредѣленныхъ ясно. Въ тѣхъ предѣлахъ этого края, куда русское оружіе не проникало, право наше основывалось на правѣ первоначальнаго занятія (jus primi occupantis) страны хотя и населенной, но дикой, невѣжественной, незаключавшей въ себѣ никакой идеи о государствѣ. Слово «Сибирь» въ устахъ народа до-сихъ-поръ осталось за тою частію Пермской-Губерніи, которая лежитъ между Камою и Ураломъ; до-сихъ-поръ собственно закамскіе жители называютъ себя Сибиряками и, говоря передъ нами про свою землю, говорятъ весьма-часто: «у насъ въ Сибири», а про наши края—«у васъ въ Расеи».

За этой русской Сибирью, по ту сторону Урала, лежала не наша Сибирь, Сибирь настоящая, по разноплеменности своихъ обитателей до-сихъ-поръ удержавшая за собой данное ей народомъ прозваніе «нѣмшёной». Здѣсь мѣста были намъ незнакомыя и вполнѣ непзвѣстныя, и обитатели ихъ не были нашими данниками.—Это второе значеніе слова «Сибирь», въ обще-употребительномъ смыслѣ всего Зауралья.

Но Сибирь имѣла еще третье, болѣе-тѣсное значеніе—значеніе отдѣльнаго политическаго союза племенъ, составлявшихъ самостоятельное, отдѣльное цѣлое. И этимъ-то словомъ мы преимущественно именовали особенное

---

(21) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 296.

(22) См. Примѣч. 20 — В, 6, 12 и 58.

вогуло татарское... положимъ—ханство, «Сибирскій-Юртъ» воинственныхъ, полу-идолопоклонническихъ, полу-мухаммеданскихъ племенъ. Слово «юртъ» мы принимаемъ въ тогдашнемъ его значеніи, которое у Курбскаго опредѣляется словами «царство, само по себѣ стоящее» (23), или независимую орду, у которой въ извѣстныхъ мѣстахъ были или постоянныя жилища или опредѣленные привалы, надлежащимъ образомъ ограждённые и называвшіеся юртомъ, городищемъ, городкомъ и даже городомъ.

Главный притонъ Сибирскаго-Юрта, столица, или собственно говоря «ханская ставка» сибирскаго владѣтеля—былъ городъ Сибирь, и здѣсь слово Сибирь является въ тѣснѣйшемъ, четвертомъ и послѣднемъ своемъ значеніи. Мѣстоположеніе этого города, по свидѣтельствамъ лѣтописцевъ, было на Иртышѣ, выше нынѣшняго Тобольска; новѣйшіе писатели говорятъ, что городъ Сибирь былъ въ шестнадцати верстахъ отъ соединенія Иртыша съ Тоболомъ.

Карамзинъ главный городъ сибирскаго юрта на Иртышѣ называетъ и Сибирью, и преимущественно Искеромъ. Такого города на Иртышѣ вовсе не существовало. Былъ городъ Искаръ, но не на Иртышѣ, а на Сосвѣ, въ 120 верстахъ отъ города Ювля, лежавшаго въ вершинахъ рѣки Сосвы, и верстахъ въ 300 отъ устья Сосвы, но это былъ городъ не татарскій, а именно югорскій, то-есть вогульскій, какъ видно изъ того, что предки наши понимали подъ Югрою. Но такъ-какъ собственно «Ис-каръ», по толкованію знатока татарскаго языка, означаетъ вообще всякое старое городище (24), то развѣ только въ этомъ смыслѣ мы и можемъ принять названіе города Сибири, замѣнившее, можетъ-быть, встрѣчающееся у Герберштейна названіе Іерома.

По соображенію сказаній лѣтописцевъ о Сибирскомъ Царствѣ мы можемъ вывести заключеніе, что самыя обширныя границы сибирскаго юрта были на сѣверъ—устье Конды, впадающей въ Обь, на западъ — верховья Конды, Тавды, Туры, Тагила, Ницы, Пышмы и Исети, на югъ—лѣвый берегъ Ишима, а на востокъ—Иртышъ. Южнѣе Ишима шла Верхняя-Земля (вверхъ по Иртышу), но отъ кого находилась она въ непосредственной зависимости — отъ Сибири или отъ Ногаевъ — положительно рѣшить трудно. Въ-послѣдствіи времени, сліяніе Сибиря съ югомъ происходило незамѣтно и по овладѣніи нами до-иртышскою страною, мы находимъ иныя заиртышскія, барабинскія и около-обскія племена подъ вліяніемъ прежняго царя сибирскаго, а иныя подъ вліяніемъ Ногайцевъ. Надобно, однакожъ, сказать, что «Книга Большому Чертежу» опредѣлительно обозначаетъ главные пункты собственно «Сибирскаго Царства».

Объ этой-то до-иртышской Сибири и о покореніи ея Русскими мы и будемъ здѣсь говорить, потому-что съ покореніемъ ея все, куда ни

---

(23) «Измаелитскимъ языкомъ обыкло нарицатися Царство само въ собѣ стоящее».— Сказанія князя Курбскаго. 1833 г. Ч. I стр. 41.

(24) «Историческое Обозрѣніе Сибири», Словцова, Ч. I, стр. XXIII.

двигалось русское народонаселеніе на сѣверо-востокъ отъ Московіи — все было Сибирь, и еслибъ мы успѣли, то-есть захотѣли, распространиться далѣе и завладѣть Пекиномъ—то и Пекинъ былъ бы Сибирью, то-есть въ Сибири.

Природные, туземные жители до-иртышской страны, которую мы будемъ звать просто Сибирью (тѣмъ правильнѣе, что царь Иванъ-Грозный посылалъ русскихъ людей въ Азію провѣдывать государствъ *за Сибирью*, значитъ за опредѣленною мѣстностью, и приказалъ имъ разузнавать о великой рѣкѣ Обп, о Мунгалахъ и о китайской землѣ), были Вогулячи и Остяки, идолопоклонники, или, какъ въ Сибири обыкновенно выражаются—были люди «камлáрскаго-толка», съ тою разницею, что жрецы сѣверныхъ племенъ назывались «шамáнами», а жрецы южныхъ, киргизскихъ племенъ — «кáмами» (25); жертвенныя дѣйствія первыхъ выражались глаголомъ «шамáнить», а жертвенныя дѣйствія послѣднихъ — глаголомъ «камлáть» и «камлáрить»: отсюда и камларскій-толкъ.

Прочіе, не аборигены, люди пришлые и обитавшіе въ этихъ мѣстахъ, были мухаммедане, Татары: тутъ были и Ногаи, и Киргизы, и Бухарцы, и другіе выходцы изъ Средней-Азіи, стремившіеся къ сѣверу по двумъ направленіямъ—по Аму-Дарьѣ на Яикъ и по Иртышу.

Въ это время, то-есть, въ половинѣ XVI столѣтія, по Сибири сильно распространялось мухаммеданство, и въ-слѣдствіе этого-то распространенія становятся понятными встрѣчающіяся иногда въ старинныхъ грамматахъ выраженія, въ которыхъ одинъ и тотъ же человѣкъ, и человѣкъ съ значеніемъ, именуется то Вогуломъ, или Остякомъ, то Татариномъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный въ свое время Тувонча Кувандыковъ вездѣ именуется Остякомъ, а братъ его, еще-болѣе знаменитый —Епанча (Япанза) именуется то остяцкимъ головою, то татарскимъ княземъ, или просто—князцомъ и просто Татариномъ: это мы и доселѣ видимъ у себя—всякаго крещеваго въ православную вѣру мы зовемъ Русскимъ, а вѣрующій въ Мухаммеда, кто бы онъ ни былъ—просто Татариномъ.

Жители Сибири были и осѣдлые, и кочевые, и бродячіе На-примѣръ, отдѣльные юрты «епанчинъ», «неболсинъ», «аккана» и нѣкоторые другіе были осѣлые и имѣли пашни; другіе, менѣе цивилизованные, кочевали по берегамъ рѣкъ, перерѣзывавшихъ Сибирское Царство,—третьи безвыходно бродили по лѣсамъ и въ нихъ снискивали себѣ пропитаніе.

Сибирцы вообще вели жизнь, какую мы и нынѣче встрѣчаемъ въ племенахъ, которыя не доросли еще до европейскаго образованія; занятія ихъ ограничивались немногимъ: они занимались ловлею пушныхъ звѣрей въ густыхъ рощахъ и тайгахъ; на тучныхъ степяхъ пасли свои стада, поля засѣвали хлѣбомъ и производили мѣну звѣриными шкурами съ сосѣдними народами, вѣроятно и съ нашими промышленниками, давнымъ-давно выславшими въ Сибирь, съ меркантильными цѣлями, Зы-

---

(25) «Кам-камджу у Абульгазы, по словамъ Клапрота, были восточные Киргизы. (Sur quelques antiquités de la Siberie, par Mr. Klaproth, Paris 1823) Волхвы нынѣшнихъ при-алтайскихъ Телеутовъ и Калмыковъ тоже называются «камами».

рянъ, которыхъ мы, при открытіи Сибири, встрѣчаемъ въ ней осѣлыми жителями, и съ которыхъ въ 1594 году русскіе воеводы брали аманатовъ—«заклады». Еще въ половинѣ XVI столѣтія извѣстно было, что Татары по Тоболу пашни пашутъ плугами и сохами; но, не смотря на то, что Сибирцы обитали въ странѣ, богатой роскошными рѣками, мы не находимъ убѣдительныхъ доказательствъ, которыя показывали бы, что Татары знакомы съ искусствомъ плавать по рѣкамъ на судахъ: напротивъ еще все удостовѣряетъ насъ, что въ эпоху Ермака, имъ, какъ кажется, вовсе были незнакомы ни плоты, ни лодки, и долго уже спустя они научились строить ихъ отъ Русскихъ, но и тогда рѣчныя суда не были у нихъ въ общемъ употребленіи. Съ одной стороны, оно и естественно: кочевой житель дорожитъ степью и при перекочевкѣ, по нуждѣ, какъ и теперь это дѣлается, переплыветъ рѣку на лошади: значитъ, рѣка ему не помѣха.

Оффиціальное наше знакомство съ Сибирью относится къ 1555 году, когда одинъ изъ владѣтелей Сибири—Етигеръ (изъ сличенія лѣтописныхъ списковъ видно, что имя это произносилось—Етыгаръ) прислалъ къ царю Ивану-Грозному своихъ пословъ поздравить его съ покореніемъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго и выразить желаніе, чтобъ мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли (26). При этомъ прислалъ онъ въ дань, или, вѣрнѣе, въ дáру—соболей и бѣлокъ.

Съ этого времени, Грозный сталъ именоваться повелителемъ Сибири (27).

Дáру эту можно принимать или какъ настоящую дань, до чего Грозный и хотѣлъ довести Етигера, или только какъ поминки, какъ обычный поларокъ, какъ, по настоящему, и слѣдовало бы намъ смотрѣть на эту присылку.

Чтобъ увѣриться въ томъ, что подобныя присылки были въ обычаѣ, оставляя въ сторонѣ то, къ чему онѣ могли повести, мы приведемъ слѣдующія строки изъ интереснаго путешествія атамановъ и казаковъ Ивана Петрова и Бурнаша Ильичева, которыхъ Грозный, въ 1567 году, посылалъ провѣдывать государствъ за Сибирью.

Разсказывая о своемъ путешествіи въ землѣ черныхъ и желтыхъ Мунгаловъ, они описываютъ прибытіе свое въ Китай и говорятъ, что въ бытность свою въ столицѣ китайскаго царства, они у самого царя не были «и царя не видали, потому, что нѣ съ чѣмъ къ нему было «идти. И посольскій дьякъ сказывалъ: таковъ-де у насъ чинъ въ Ки«тайской-Земли—безъ поминокъ передъ царя нашего не ходятъ. Хотя «бы-де вашъ государь послалъ къ нашему царю съ вами посланника«ми что не великое: и то бы-де онъ принялъ за великій даръ. А нашъ «бы царь съ своими посланниками, къ вашему государю тако жь бы «послалъ дары свои да и васъ бы, посланниковъ, пожаловалъ и очи

(26) Карамзинъ Т. VIII, гл. V.

(27) Hakluyt's Navigations, II, 255. Въ грамматѣ къ англійскому королю Эдуарду VI Грозный именованъ Commander of all Siberia. Карамзинъ относитъ это къ 1554 году: см. его И. Г. Р. Т. VIII, Пр. 421.

«бы далъ свои видѣти. А нынѣ-де нашъ царь и дастъ вамъ граммату «къ вашему государю-царю, а пословъ не пошлетъ... Не то-де дорого, «что поминки: то-де дорого, что государь московскій царю нашему да«ру послалъ» (28).

Обычай этотъ всегда существовалъ у всѣхъ восточныхъ владѣтелей; достаточно вспомнить только посольство Спафарія въ Китай, гдѣ и наши подарки вздумали считать данью (29). Такой же обычай и у насъ могъ существовать и существовалъ дѣйствительно. А въ-отношеніи къ сибирскимъ владѣтелямъ намъ, какъ народу сильнѣйшему, и нельзя уже было считать эти дары иначе, какъ данью, хотя привозимыя эти были ничтожныя и ограничивались лишь нѣсколькими сотнями дорогихъ шкуръ; даже и въ-послѣдствіи, когда царь выразилъ ясно свою

---

(28) Изъ Хронографа: «о Государствахъ за Сибирью». Также Карамзинъ. Т. IX, пр. 648.

Вотъ, напримѣръ, еще отрывокъ изъ грамматы жигатскихъ мурзъ, 1597 года:

....«Молитва и поклонъ во томъ мѣстѣ, гдѣ былъ царь. Не говорили есмя и не «мирились—и нынѣ къ мирному мѣсту пришли есмя. И мы съ кѣмъ ни станемъ «мириться—ложно не станемъ говорить: впередъ Богомъ правду учнемъ говорить. «А нынѣ бъ ести на насъ не побранили—*легкой поминокъ послали есмя, сорокъ со«болей.*» (Собраніе государственныхъ грамматъ и договоровъ, часть II, № 64).

(29) Въ журналѣ, веденномъ въ Пекинѣ по случаю прибытія изъ Россіи посланника Николая Гавриловича Спафарія, грамматы царя Алексѣя Михайловича Китайцы называли «докладомъ», а подарки, привезенные отъ него къ Богдохану—«данью».

Китайскіе министры представляли повелителю Срединнаго Царства, о нашемъ посольствѣ, слѣдующія рѣдкости и курьёзности, съ разрѣшенія нашего правительства въ-послѣдствіи времени и у насъ обнародованныя:

Переводъ съ китайскаго.

«Россійскаго Бѣлаго-Царя государство—лежитъ отъ нашихъ владѣній къ сѣверному морю въ самой отдаленности, откуда изъ самой глубокой древности въ Срединное Царство никогда посольствъ не бывало.

«Нынѣ же, по особенному упаженію къ премудрому вашего величества правленію—ихъ государь прислалъ приближеннаго своего министра съ докладомъ и данію, что̀ самое заслуживаетъ одобреніе» и проч.

(Резолюція Богдохана). «Все сіе, въ общемъ князей и министерствъ собраніи со всякою подробностію разсмотрѣвъ, доложить намъ со справкою».

(Снова сдѣланъ былъ докладъ, въ которомъ между прочимъ значится):

«Россійскій Бѣлый-Царь, по чрезмѣрной отдаленности, прежде дани никогда не присылалъ.

«Нынѣ же, преклонившись къ мудрости вашего величества, въ первый разъ, чрезъ своего министра, доставилъ оную.

«И потому, для одобренія сего слѣдуетъ послать къ нему указъ, и когда на сіе воспослѣдуетъ высочайшее вашего величества соизволеніе, то изготовленіе онаго предоставить сенату.

(Резолюція Богдохана). «Поступить по докладу.»

(Далѣе на вопросъ о посланникахъ сказано:)

«Бѣлый-Царь хотя чрезъ посланника своего и прислалъ дань, но таковые привозы даней не утвердительны. Если же впредь ежегодно оную присылать будетъ, тогда съ нашей стороны должно ли будетъ послать посланника, или нѣтъ?—Управляющій ихъ дѣлами, Монгольскій Трибуналъ, по разсмотрѣніи, долгъ имѣетъ войти съ докладомъ.»

(См. Сибирскій Вѣстникъ 1823 года, часть II.)

волю брать дань, а не поларки, то и тогда дань эта не превышала тысячи штукъ соболей. Напротивъ того, при покореніи Сибири, когда Сибирь сдѣлалась настоящею данницею, дань эта опредѣлена болѣе чѣмъ въ мильйонъ шкурокъ.

Грозный не упускалъ Сибири изъ виду и положилъ твердое намѣреніе крѣпко держать ее въ своей могучей рукѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1557 году, «отъ сибирскаго князя Едигеря пріиде посолъ ко царю и великому князю. И дань привезе; — но не исполнену: и того ради государь на сибирскаго посла опалу свою возложи и все имѣніе его повелѣ взяти на себя; въ Сибирь же посла своего посланника съ писаніемъ, яко да исправятся предъ нимъ. И привезоша дань исполнену со всея земли сибирскія — и во вѣки поработишася» (30).

Въ слѣдующемъ же году, Етигеръ «учинилъ себя въ холопствѣ» царю и великому князю всея Руси.

Вскорѣ послѣ этого въ Москву прибыли три посланца. Всѣ они были изъ Сибири: Чибичень отъ сибирскаго князя Етигера, Мамишихъ отъ сибирскаго царевича Муртазы, и Тагикинъ отъ царевича Ахметъ-Кирея. Всѣ они, по случаю стычекъ кочеваго племени, подъ предводительствомъ узбека Кучума съ юртомъ Етигера, и въ-слѣдствіе того остановки дани нашему царю — были задержаны въ Москвѣ и не отпущены въ обратный путь.

Это обстоятельство заставило владѣтеля одной погайской орды хлопотать передъ царемъ объ ихъ выпускѣ. «Между мною и сибирскимъ царемъ» писалъ преемникъ Измаила: «ходятъ люди вѣстовые и ты бы Мамишиха и Тагикина-батыря, пріѣхавшихъ къ тебѣ изъ Сибири, отпустилъ: они люди мои, изъ Тюркмен-Улуса, а сибирскій посланецъ Тагикинъ въ Сибири былъ мнѣ другомъ».

Но царь, посылая къ погайскому князю посланца, велѣлъ ему объяснить, что сибирскій царевичъ Муртаза — надѣлалъ данникамъ нашимъ множество обидъ, и поэтому Мамишиха и Тагикина отпустить непри-

---

(30) «7065 году мѣсяца ноября пришелъ изъ Сибири Митька Куровъ, посолъ царя и великаго князя, и съ нимъ пришелъ отъ Едигера, князя сибирскаго, посолъ Боянда, а привезъ царю и великому князю дани — семьсотъ соболей, а обысканной (объ оной) дани писалъ Едигеръ князь и вся земля сибирская, что ихъ воевалъ шибанскій царевичъ, и людей поималъ многихъ. А Митька Куровъ сказывалъ, что имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ. И царь и великій князь на сибирскаго посла опалу положилъ, велѣлъ его животы поимать, а ему за сторожи сидѣть, а въ Сибирь послалъ служилаго Татарина съ граматою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ государемъ исправили.

«7066 году пріѣхали изъ Сибири царя и великаго князя служилые татарова — Девлетъ Коза да Сабанъ Рязановъ, а съ ними Едигеря князя посланники Истемиръ съ товарищи, и привезли дань сибирскія земли сполна, тысячу соболей, да дорожной пошлины сто соболей, да 69 соболей за бѣлку, *да грамату шертную привезли со княжскою печатью, что ся учинилъ князь въ холопствѣ*, а дань на всю свою землю положилъ впредь ежегодъ безпереводно царю и великому князю со всей сибирской земли давать. И царь и великій князь посла его Боянду выпустилъ, и очи свои далъ (видѣти), и пожаловалъ — отпустилъ, а съ нимъ послалъ служивыхъ Татаръ по дань въ передній годъ. (Миллеръ стр. 73).

гоже; но еще прежде того въ граммать къ нему царь писалъ: «Твоей дочери, жены сибирскаго князя, и сына ея не отпустилъ къ тебѣ для того, что зять твой, сидя въ Сибири на нашемъ юртѣ, не даетъ дани, за что я ему хочу мстить и доступать того юртъ, дабы послѣ наслѣлить имъ твоего внука. На сей разъ я не отпустилъ къ тебѣ Сибиренина Тагикина, потому-что онъ пришелъ ко мнѣ изъ Сибири, въ посольствѣ отъ царевича Ахметъ-Кирея» (31).

Въ этихъ выраженіяхъ мы видимъ новое доказательство, что Иванъ-Грозный, покоривъ Царство Казанское, твердо хотѣлъ и дальній востокъ держать въ покорности и заставить тамошнихъ владѣтелей признавать его верховную волю.

Что касается до третьяго етигерова посланца, Чибичея, то онъ былъ отпущенъ въ 1563 году, и именно 16-го сентября, вѣроятно, въ то время, когда до Москвы дошло извѣстіе, что сынъ Муртазы, садѣлался царемъ сибирскимъ (32).

Объ этомъ событіи лѣтописецъ нашъ, Савва Есиповъ, разсказываетъ коротко въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Пріиде степью изъ ка«зачей орды царь Кучумъ, Муртазевъ сынъ, со многими воинскими «людьми. И дойде до града Сибири, и градъ Сибирь взя, князей же «Етигера и Бекбулата уби и прозвася —сибирскій царь. И многи языцы «повинны себѣ сотвори. Царь же Кучумъ царствова въ Сибири лѣта «довольно во изобиліи и радости и веселіи многъ, дани и оброки со «многихъ языкъ имаше, даже до лѣта повельнія Господня, въ ня же «Богъ восхотѣ царство его разрушити и прелати православнымъ хри«стіаномъ».

Кучумъ, котораго потомство представляетъ себѣ сначала удалымъ и счастливымъ пѣздникомъ, а потомъ хилымъ, слѣпымъ, несчастнымъ старикомъ-скитальцемъ, происходилъ, какъ можно предполагать, изъ

---

(31) Ист. Обозр. Сиб. Словцова, Т. I стр. XVIII и XIX. По изысканіямъ Миллера, Ахметъ-Кирей былъ старшій сынъ Муртазы, братъ Кучума; онъ въ-послѣдствіи убитъ былъ бухарскими посланцами. (Миллеръ стр. 57).

Изъ этихъ отрывковъ можно заключить, что Сибирью тогда называли 1) всѣ татарскія племена за Ураломъ, и 2) собственно Етигеровъ-юртъ.

(32) «1563 сент. въ 16, отпустилъ царь и великій князь Едигерова посла Чигибея по измаилеву челобитью. Пришелъ онъ изъ Сибири съ данію и задержанъ потому: послѣ его приходу сибирскіе люди царю и великому князю измѣнили, дани государевымъ данщикамъ давать не учали *и взяли къ себѣ на Сибирь царевича Едигера князя: государьскаго данщика Едигерь—царевичъ казанскій убилъ*» (Карамзинъ Т. IX. примѣч. 257). Такъ-какъ здѣсь не можетъ быть рѣчи о плѣнномъ казанскомъ царѣ Едигерѣ же, проживавшемъ въ Россіи и извѣстномъ подъ именемъ Симеона, великаго князя тверскаго, то ясно, что послѣднія слова выписки совершенно перепутаны. Ближе къ истинѣ будетъ, если мы станемъ читать такимъ образомъ: «Сибирскіе люди... измѣнили, дани... давать не учали и *взяли къ себѣ на Сибирь другаго царевича: Едигера князя, государьскаго данщика, Кучумъ царевичъ казацкій убилъ.*» Можно указать множество примѣровъ тому, что простоватые переписчики лѣтописей, вмѣсто казацкій пишутъ — казанскій, а вмѣсто казакъ, множ. казацы, пишутъ—казанцы. (Ср. Акты Историч. Т. I № 179—рѣчи князя Никиты Ромодановскаго. См. ниже примѣч. 35).

племени Ногаевъ, и именно изъ той ихъ орды, которая извѣстна была подъ именемъ Алтаульской. Орда эта кочевала около Арала и была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Хивой и Бухарой. Заведя родственныя связи съ разными предводителями ногайскихъ ордъ (33), Кучумъ зналъ отъ нихъ о русскомъ Бѣломъ Царѣ, еще подробнѣе узналъ объ немъ въ Сибири, но, окончивъ свои перекочевки овладѣніемъ сибирскаго юрта, онъ увлекся, можетъ-быть, легкою побѣдою, не захотѣлъ слѣдовать примѣру Етигера и не думалъ посылать къ Бѣлому Царю своей дани...

Въ 1569 году, въ московской тюрьмѣ сидѣлъ Татаринъ изъ Сибири, по имени Анса. Кто онъ былъ такой, когда онъ явился въ Москву, какъ попалъ въ тюрьму — мы не знаемъ. Достовѣрно, однакожь, извѣстно, что Грозный обратилъ на Ансу свои милостивые взоры, повелѣлъ его отправить на родину, довезти его на казенный счетъ до Перми, съ тѣмъ, чтобъ воевода тамошній, князь Никита Ромодановскій, принялъ мѣры переслать его въ Сибирь немедленно.

При отъѣздѣ Ансы изъ Москвы, въ мартѣ 1569 года, ему вручена грамота для передачи ея новому властителю Сибири.

Грамота эта до насъ не дошла; но отрывокъ ея сохранился въ старинной книгѣ, названной «Титулярникомъ», вмѣстѣ съ отрывками другихъ грамотъ; изъ двухъ посольствъ Кучума въ немъ составлена общая выписка, которая въ томъ же видѣ, въ какомъ она помѣщена въ «Титулярникѣ», перепечатана потомъ у Карамзина и во второмъ томѣ «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» (34). Изъ этой выписки, составленіе которой должно отнести къ гораздо — позднѣйшему времени, чѣмъ упоминаемые въ ней документы, видно, что Иванъ Грозный напоминалъ, въ своей грамотѣ 1569 года, сибирскому сосѣду о его обязанностяхъ такими словами: «Прежъ сего сибирскіи «Етигеръ князь на насъ смотрилъ, и съ сибирскіе земли, со всѣ, «на всякъ годъ дань къ намъ присылалъ»... Что дальше было сказано—неизвѣстно.

Въ это время между нами и Сибирью все было спокойно. Бывшій до 1570 года въ Перми князь Ромодановскій свидѣтельствовалъ, что во все время пребыванія его въ тѣхъ мѣстахъ, намъ отъ сибирскихъ людей «задору никотораго не было», только однажды они увели съ Чусовой (но въ которомъ именно году, неизвѣстно) трехъ Пермяковъ,

---

(33) Кучумъ сына женилъ своего Алея на дочери ногайскаго владѣтеля Тинъ-Ахмета, а дочь выдалъ за ногайскаго же владѣтеля Акъ-Мирзу, или Икъ-Мирзу (Карамзинъ Т. IX прим. 658 и Словцовъ Ч. I стр. XVIII); въ концѣ своей горькой жизни Кучумъ всѣ надежды свои полагаетъ на Ногаевъ и Бухаръ (Карамзинъ Т XI прим. 21 и Акты Истор. Т. II № 5); одинъ изъ взятыхъ Русскими въ плѣнъ сыновей его, Махметъ-Кулъ, состоя въ русской службѣ, звался не по отчеству, не Кучумовичемъ, а Алтауловичемъ, можетъ-быть, въ память того рода Ногаевъ, къ которому онъ принадлежалъ. Во многихъ мѣстахъ Махметъ-Кула называютъ братомъ Кучума, но другой сынъ Кучума, Абдулъ-Хаиръ, называетъ Махметъ-Кула *своимъ братомъ*. (Собр. Госуд. Грам. и договоровъ Т. II № 67). См. также прим. 82.

(34) См. ниже примѣч. 36, равно Акты Историческіе Т. I. № 179.

Ивашку Поздѣева съ двумя товарищами. Ивашко Поздѣевъ былъ въ самой Сибири, у Епигера. Въ разговорахъ и бесѣдѣ съ Ивашкой, сибирскій салтанъ сказывалъ ему, что онъ сбираетъ дань Бѣлому Царю, хочетъ послать къ нему пословъ, говорилъ также, что для него настало плохое время: война у него съ казацкимъ (кайсакскимъ) царемъ. «Одолѣетъ меня царь козацкой! Сядетъ онъ на Сибири!.. да вамъ все «равно—вамъ онъ тоже будетъ дань присылать».

Ровно черезъ годъ послѣ отправленія въ Сибирь Татарина Ансы, именно 17 марта 1570 года, пріѣхалъ въ Москву изъ Перми князь Никита Ромодановскій и привезъ съ собою татарскую граммату, о которой объявилъ, что ее доставилъ къ нему 6 декабря 1569 года Вогулетинъ изъ Пелыма, съ рѣки Конды, Ивака Ивакинъ сынъ и сказалъ только, «что тоё грамоту дали ему изъ Сибири».

Царя въ это время не было въ Москвѣ: онъ жилъ въ слободѣ Александровской.

Князь Ромодановскій передалъ граммату въ Боярскую Думу. Бояре перевели граммату на русскій языкъ, увидѣли, что это граммата отъ Кучума, навели справки въ дѣлахъ и всѣ эти бумаги, вмѣстѣ съ изложеніемъ приведенныхъ выше рѣчей, 21 марта 1570 года отправили къ царю въ слободу при слѣдующей отпискѣ:

«Господарю царю и великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи —

«Холопи твои Иванецъ Бѣлскій, да Иванецъ Мстиславскій, да Михалецъ Воротынскій, и всѣ бояре, челомъ бьютъ!

«По твоему Господареву приказу отъ тебя господаря отпущенъ съ Москвы, изъ тюрмы, сибирскій Татаринъ Анса въ Сибирь, къ сибирскому царю съ граммотою, въ семьдесятъ седьмомъ году въ мартѣ мѣсяцѣ; а велѣно его изъ Перми отпустити князю Никитѣ Ромодановскому.....

«И привезъ, господарь, изъ Перми князь Никита Ромодановскій граммату сибирскаго царя татарскимъ письмомъ, и что̀, господарь, Никита рѣчію сказывалъ—и мы рѣчи тѣ, написавъ на списокъ, и съ сибирскіе грамматы переводъ, послали къ тебѣ, господарю».

Грозный прочелъ всѣ бумаги и отвѣчалъ:

«Бояромъ нашимъ князю Ивану Дмитріевичю Бѣльскому, да князю Ивану Ѳедоровичю Мстиславскому, да князю Михаилу Ивановичю Воротынскому, и всѣмъ вашимъ бояромъ.

«Писали есте къ намъ, про спросъ князя Никиты Ромодановскаго, и переводъ съ грамматы сибирскаго царя къ намъ прислали.

«И намъ тѣ вѣсти вѣдомы.

«И вы бъ о томъ поговорили:

«пригоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ о томъ ссылатись?

«и почему въ Сибирь Татаринъ къ царю отпущенъ?

«и что̀ съ нимъ писано?

«и въ которомъ году отпущенъ?

«Да что ваша будетъ мысль—и вы бъ приговоръ свой къ намъ отписали, да и грамматы, (которыя) посланы отъ насъ къ царю сибир-

скому (съ) Татариномъ Ансою прислали къ намъ, не мѣшкавъ часа того.

«Писано въ слободѣ лѣта 7078...» (безъ сомнѣнія, въ мартѣ же мѣсяцѣ; иначе царь не торопилъ бы бояръ, приказавъ имъ не мѣшкать ни часа).

Вѣроятно, бояре поняли мысль государя, что при такой грамматѣ ссылаться съ сибирскимъ царемъ нашему царю не пригоже—и дѣло до 1571 года оставалось, по-видимому, въ забвеніи.

Грамата, которую Кучумъ въ 1569 году прислалъ къ Ивану Грозному, имѣла цѣлію мирныя условія и дружественное расположеніе, но по духу, которымъ она проникнута, по манерѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, и по разнымъ особенностямъ она такъ странна и такъ рѣзко очерчиваетъ степнаго Киргиза, превратившагося въ сибирскаго царя, что мы не можемъ не привести ее здѣсь для лучшаго уясненія дѣла, подлинникомъ и, разумѣется, безъ измѣненій. Вотъ она отъ слова до слова:

«Богъ богатъ!

«Вольный человѣкъ Кучумъ—царь, великій Князь—Бѣлый-Царь.

«Слыхали есмя... еси и справедливъ. Мы, и весь народъ,—зе́мли воюютца, а не учнутъ восватца—и онѣ мирятца. Съ нашимъ отцомъ твой о(тецъ) гораздо помирился и *гости* на обѣ стороны ход(или, потому что земля твоя близка. Люди наши въ упокоѣ были, а межи ихъ лиха не было, а люд... въ упокоѣ въ добрѣ жили. И нынѣ, при нашемъ и при твоемъ времени, люди черные не въ упокоѣ.

«А по ся мѣста граматы къ тебѣ не посылалъ есми, потому что *съ нѣкоторымъ намъ война была, и мы того недруга взяли.* И нынѣ похошъ миру—и мы помиримся, а похошъ воеватися—и мы воюемся. Пяти, шти человѣковъ въ поймань (аманатахъ) держать: землѣ въ томъ что?

«*Азъ пошлю посла и гостей*, да гораздо помиримся — только похошъ съ нами миру. И ты изъ тѣхъ людей одного, которые въ поиманьѣ сидятъ (можетъ-быть, Кучумъ разумѣлъ подъ ними Тагикина и Мамишиха), отпусти и своего человѣка съ ними къ намъ пришли гонцомъ.

«Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти пригоже. Будетъ въ дружбѣ бывалъ—ино въ дружбѣ и быти! Кого отецъ обрѣлъ сего дру(га) и брата—сыну съ тѣмъ въ недружбѣ быти ли? И нынѣ... помиримся, братомъ старѣйшимъ... чимъ учнимся въ отечествѣ...ствѣ—только похошъ миру!

«И ты наборзе къ намъ гонца пришли.

«Молвя съ поклономъ грамату послалъ». (35).

---

(35) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ Т. II № 42. Въ сокращеніи грамата эта приведена у Карамзина Т. IX. пр. 257. Объ отпискахъ бояръ и царя см. Акты Истор. Т. I № 179. Мы въ нихъ прибавили два слова, исчезнувшія отъ времени: отсутствіе ихъ было обозначено точками.

Сверхъ помѣщенныхъ въ текстѣ подлинникомъ отписки бояръ и грамматы Кучума, прилагаемъ и слѣдующую выписку рѣчей князя Ромодановскаго, тоже въ подлинникѣ:

«Лѣта 7088 Марта 17 сію грамату Сибирского царя Кучума привезъ изъ Перми

Въ предѣлахъ, смежныхъ съ юртомъ сибирскимъ, обитали бродячія племена тѣхъ же народцевъ, отдѣльные роды которыхъ, по-сю-сторону Урала, находились уже въ покорности русскимъ властямъ въ чемъ часъ еще болѣе убѣдятъ въ-послѣдствіи строгоновскія грамматы. Кучумъ, распространяя мухаммеданство («законъ же царя Кучума — Махмета проклятово!» говорятъ лѣтописцы), а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое вліяніе далѣе къ сѣверу и западу отъ Иртыша, подчинилъ себѣ сосѣднихъ намъ Югричей, Остяковъ и Вогуличъ; а такъ-какъ въ одну категорію съ ними легко могли попасть нѣкоторые изъ дѣйствительныхъ нашихъ данниковъ, что, можетъ-быть, и было причиною бунта Черемисы, которой сибирскіе люди помогали, то эта путаница дѣлъ, остановка въ обычной полагѣ, страхъ мести и особенное желаніе мира заставили Кучума разсмотрѣть ближе свое положеніе и заискать себѣ благоволеніе русскаго государя.

Вотъ что, по нашему мнѣнію, было поводомъ къ приведенной выше граматѣ Кучума—дикой, конечно, для нашихъ современныхъ понятій, но достаточно-убѣдительной по понятіямъ Киргиза.

Кучумъ сдержалъ свое слово, и въ 1571 году въ Москвѣ явился отъ него посолъ Тамасъ, въ сопровожденіи того же Аисы, въ оффиціальномъ званіи гонца, которому Москва была уже знакома. Они привезли съ собой вторую граммату отъ Кучума.

Обстоятельство это подало царю Ивану IV поводъ ясно выразить желаніе свое взять Сибирь сначала только подъ свое покровительство, или, какъ выражено въ актѣ — «подъ свою высокую руку и обереганье», а

князь Микита Ромодановскій, а сказалъ, что пріѣхалъ онъ изъ Перми по государевѣ граматѣ, а тое грамату привезъ къ нему Гогулетинъ изъ Конды, Ивака, Ивакинъ сынъ, съ Пелыма, о Николинѣ-дни осеннемъ. — А ему Ивакѣ, сказалъ (Микита), тоё грамоту дали изъ Сибири.

«А которой Татаринъ сибирской Аиса присланъ отъ государя въ Пермь, ко князю Микитѣ съ грамотою, а велѣно его отпустить въ Сибирь,—и того Татарина привезъ Сѣрой Дубровинъ въ Пермь, Іюня 3-го, и князь Микита, сказываетъ,—того Татарина отпустилъ въ Сибирь тогды жъ.

«*А какъ князь Микита жилъ въ Перми*—и при немъ, сказываетъ, отъ сибирскихъ людей задору ни котораго не было.

«А взяли было сибирскіе люди на Чусовой, *послѣ Ильина дни*, трехъ Пермяковъ, Ивашка Поздѣева съ товарищи, и былъ Ивашко *у царя въ Сибири* день съ десять и отпустилъ его на подводахъ до Перми, а двухъ товарищевъ его оставилъ, а хотѣлъ и тѣхъ отпустить; а обиды, сказалъ (Поздѣевъ), не учинилъ никоторые, а говорилъ,—сказываетъ (Поздѣевъ), ему *царь*: нынѣ-день дань сбираю государю вашему царю и великому князю; пословъ пошлю; а нынѣча-день мнѣ война *съ казацкимъ царемъ*; и одолѣетъ-день меня царь казацкой; и сядетъ на Сибири;—ино и тотъ государю дань учнетъ же давать.»

Мы не знаемъ навѣрное, съ котораго именно времени князь Ромодановскій жилъ въ Перми, и въ которомъ именно году сибирскіе люди заполонили-было Ивашку Поздѣева. Но несомнѣнно, что здѣсь сибирскимъ царемъ называютъ Етигера, а казацкимъ царемъ—Кучума.

Если Кучумъ окончательно овладѣлъ городомъ Сибирью около Николина-дня, 1569 года, то онъ властвовалъ въ ней 12 лѣтъ, а считалъ себя сибирскимъ царемъ почти 30 лѣтъ.

(См. также примѣчаніе 32).

потомъ уже подвести ее подъ совершенное подданство. Весь процессъ пріема пословъ и отписки къ Кучуму проливаютъ яркій свѣтъ на умную политику царя Ивана. Цѣль Грознаго была та, чтобъ безъ высылки воинства, безъ большихъ пожертвованій — обезпечить себѣ подчиненность Сибири формальнымъ договоромъ, съ тѣмъ, чтобъ Сибирь, на первый разъ, признала себя страною покровительствуемою, обложенною легкимъ приношеніемъ, или данію «по прежнимъ примѣрамъ» и обязанною намъ въ вѣрности шертною, то-есть, присяжною записью, на которую стеченіе обстоятельствъ вынуждало Кучума. Дипломаты наши предоставляли будущему времени докончить дѣло, которому положено умно-разсчитанное начало.

Второй кучумовой грамматы мы въ подлинникѣ не имѣемъ и снова должны обратиться къ указанной уже нами выпискѣ изъ «Титулярника» для того, чтобъ и читателей нашихъ избавить отъ излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ распространеній, да и самихъ-себя не поставить въ необходимость не такъ передать весь колоритъ слѣдующихъ подробностей о содержаніи заготовленныхъ къ подписи Кучума бумагъ (36).

«А се начало писано отъ Кучума ко царю и великому князю съ посломъ его Тамасомъ да съ гонцомъ Ансою й (7080—1571) году:

«Крестьянскому Бѣлому Царю и великому князю всеа Русіи».

«Да на полѣ: «Кучюмъ-Богатырь, царь, — слово наше».

да: «послалъ о томъ, чтобъ его царь и великій князь взялъ въ свои «руки, а дань, со всее сибирскіе земли ималъ по прежнему обычаю».

«А на свершенье у грамматы написано: «писано съ пишаномъ»; — а лѣта не написано.

«И царь и великій князь сибирского царя грамоты и его челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и обереганье принялъ и дань на него положилъ на годъ тысячю соболей, да посланнику государьскому, который по дань пріѣдетъ—тысячю бѣлокъ. Да и грамоты и записи тому написаны. А къ Кучюму царю, съ жалованною граматою, послалъ государь своего сына боярского, Третьяка Чабукова, и запись, какову написали посолъ Тамасъ да гонецъ Анса и шерть по ней учинили, покрѣпити, да и дань у Кучюма царя взяти.

«А се начало въ государевѣ граматѣ:

«Всемогущаго, безначальнаго Бога неизрѣченнымъ милосердіемъ кре«стьянскаго закона единъ правый царь и великій князь..... Сибирскіе «земли начальнику, Кучюму-царю, милостивое слово любовнымъ жало«ваньемъ и доброю мыслью великое защищенье и богособные наше вла-

(36) Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. II № 45 и Карамзинъ Т. IX, примѣч. 257. Карамзинъ говоритъ, что излагаемая здѣсь выписка помѣщена въ государственной книгѣ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, № 3, л. 79—84. Разница въ тонѣ подлинной первой кучумовой грамматы и помѣщенной въ выпискѣ, отказъ пословъ приложить печати или сдѣлать подписи, и убіеніе нашего посла—не вселяютъ слѣпаго убѣжденія, чтобъ прошеніе самого Кучума о взысканіи съ него дани было дѣйствительно выражено—такъ, какъ оно передается въ выпискѣ.

«сти всего твоего улуса людемъ безстрашное пребываніе и крѣпкое сло-«во то.....

«А въ свершенье писано:

«И того для къ сему ярлыку на большое укрѣпленье золотую свою «печать есми приложилъ. Отъ созданія Адамля ҂зп октября писанъ въ «государьства нашего дворѣ града Москвы, а вашего лѣта 979 (гиджры).

«А се начало въ записи шертной, которую написали посолъ Тамасъ, да гонецъ Аиса, да и къ шерти на той записи приведены:

«Божіимъ изволеніемъ и царя и великаго князя Ивана Васильевича «всеа Русіи жалованьемъ язъ Кучумъ посылалъ есми своего посла, бью-«чи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и тысячю соболей послалъ «есми..... и посолъ нашъ и гонецъ, благодаря Бога и царя и великаго «князя жалованье—нашею душею, и всѣхъ нашихъ добрыхъ людей ду-«шею, и всѣхъ чорныхъ людей душею — царю и великому князю ро-«ту крѣпкую и шерть дали на сей записи».

«А свершеніе въ записи:

«Язъ, Кучюмъ-царь, печать свою приложилъ, а лучшіе сибирскіе «люди — руки свои приложили; и сю шертную запись писалъ Магмед-«бакъ, Хозесеиповъ сынъ, лѣта 979».

«А въ приписи:

«А на томъ на всемъ язъ, посолъ Тамасъ да гонецъ Аиса, за госу-«даря своего Кучюма-царя и за всѣхъ его лучшихъ людей, и за всю «землю сибирскую, крѣпко есмя шерть учинили на томъ: какъ будетъ «у государя нашего посланникъ Третьякъ Чабуковъ — и Кучюму-царю «и лучшимъ его людемъ на сей записи и на царевѣ и великаго князя «жаловальномъ ярлыкѣ—шерть учинити и печать своя къ сей записи го-«сударю нашему Кучюму-царю приложити..... А печатей нашихъ, моеё «Тамасовы и моеё Аисины и рукъ нашихъ у сей записи нѣтъ, потому «что грамотѣ и писати не умѣемъ».

«А въ рѣчи Третьяку велѣно отъ государя — Кучюму-царю поклонъ «правити и рѣчь говорити по наказу.»

Но Кучумъ — убилъ Чабукова (37)...

Значитъ, дѣло приняло дурной оборотъ: Сибирь намъ не поддавалась.

Но тѣмъ не менѣе царю Ивану-Грозному, лично ему одному, принадлежала первая мысль укрѣпить за собою Сибирь средствами, нетребовавшими огромныхъ пожертвованій. Тридцать лѣтъ эта мысль не покидала его.

Здѣсь мы видѣли только одну сторону постепеннаго развитія этой мысли; есть еще и другая сторона: тамъ мы тоже увидимъ, какъ стремился Грозный къ своей цѣли — овладѣть Сибирью.

---

(37) Карамзинъ Т. X, прим. 35 и 37; Словцовъ Ч. I, стр. XX, Миллеръ, стр. 87.

ГЛАВА IV-Я.

Связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью.

Пріобрѣтеніе земель за Камою.—Граммата Строгоновымъ на Каму.—Сравненіе ея съ другими современными и древнѣйшими подобными же граматами. — Граммата Строгоновымъ на Чусовую. — Набѣгъ Черемисы. — Вѣсти о сибирскомъ салтанѣ.—Граммата Строгоновымъ на всю Сибирь.— Строгоновскіе города. — Поклепъ историковъ на Строгоновыхъ. — Поводъ лѣтописца къ этому.

«Помните — въ прежнихъ временахъ ве-
«ликаго князя Василья Васильевича оку-
«пили изъ полону: какой великой чести
«сподобились!»

Царская граммата Строгоновымъ 29 марта 7118 г.

Въ-продолженіе этого времени, русскій промышленый людъ, по слѣдамъ Новгородцевъ, продолжалъ знакомиться съ зауральскимъ населеніемъ. Зыряне, разсѣянные, какъ кажется, въ западныхъ предѣлахъ допртышской страны и всегда отличавшіеся своимъ меркантильнымъ направленіемъ, посредственно и непосредственно укрѣпляли торговыя связи Руси съ Сибирью. Вологжане, Устюжане и жители Великой-Пермін успѣли провѣдать про царство сибирское: ихъ сношенія и знакомство двора московскаго съ Етигеромъ какъ - нельзя - лучше соотвѣтствовали видамъ и ожиданіямъ царя Ивана-Грознаго на страну, богатую пушнымъ товаромъ и изобильную драгоцѣнными металлами. Покореніе Казани придвинуло насъ еще ближе къ Аралтовой-Горѣ, надѣлявшей въ давнія времена Великій-Новгородъ закамскимъ серебромъ.

Въ 1558 году, одинъ изъ представителей торговаго дома въ тогдашней Восточной-Руси, «купецкаго чина человѣкъ», то-есть, промышленикъ, Григорій Аникіевъ Строгоновъ, заявилъ правительству, что за Чердынью, по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы, до самой Чусовой, то-есть, по-сю-сторону Урала, есть мѣста пустыя, дикія, никѣмъ необитаемыя, никому непринадлежащія, для всѣхъ безполезныя, и просилъ позволенія искать здѣсь *разсолъ*, варить соль, призывать работниковъ, и рубить лѣсъ; но при этомъ *обязывался* поставить дворы, построить

на свой счетъ городокъ, имѣть при немъ пушки и беречь нашу границу отъ погайскихъ и иныхъ ордъ (38).

Мѣсто было незнакомое и неизвѣстное: велѣно навести справки.

Разспросили тамошнихъ людей — и узнали, что за Чердынью земля точно лежитъ впустѣ, что съ этой пустоши нетолько теперь никакихъ пошлинъ въ царскую казну не поступаетъ, но даже и прежде, Казанскому-Царству обитатели этихъ мѣстъ никакихъ податей или ясаковъ не вносили: значитъ, земля эта была чисто-ничья, res nullius.

Царь исполнилъ просьбу Григорья Строгонова и 4-го апрѣля 1558 года далъ ему одну изъ тѣхъ грамматъ, какія обыкновенно и всегда давались разнымъ людямъ на пустоши, въ опредѣленной формѣ, въ казенныхъ выраженіяхъ и съ извѣстнымъ ограниченіемъ срока пользованія. Но такъ-какъ мѣстность эта находилась въ сосѣдствѣ съ погайскими и иными ордами, то и на этотъ счетъ, согласно видамъ царя Ивана, сообразно съ мѣстными обстоятельствами и по просьбѣ самого Строгонова, сдѣлано было надлежащее опредѣленіе.

Мѣсто на безоброчное пользованіе землею и на выварку соли назначено отъ устья рѣчки Лысвы, по обѣ стороны Камы, до впаденія въ нее рѣки Чусовой; на черныхъ-лѣсахъ, гдѣ было мѣсто крѣпко и осторожливо, дозволено городокъ поставить и на немъ пушечки и пищали учинить для береженья отъ невѣрныхъ; разрѣшено искать разсола и соль варить; позволено, по общепринятому порядку, подзывать къ себѣ изъ Русскаго-Царства людей, только съ условіемъ, чтобы приманенные люди были не письменные и не тяглые, то-есть, не утвержденные за поземельными владѣльцами и другими людьми кабальною записью; льгота отъ платежа податей со стороны будущихъ пахарей, будущихъ колонистовъ дана на двадцать лѣтъ. Но тутъ же строго внушено Григорью Строгонову — и это обстоятельство, упущенное

---

(38) Замѣтимъ здѣсь кстати, что Строгоновы въ это время были обыкновенные люди купецкаго чина, а именитыми людьми, т. е. купецкими людьми съ правомъ на *вичъ*, сдѣлались они уже съ 1582 года по слѣдующему случаю: Въ 1582 году Борисъ Голуновъ долго не являлся ко двору; когда Грозный, по навѣтамъ Ѳедора Нагихъ (Нагаго), заподозрилъ Годунова въ оскорбительномъ для величества неудовольствіи и злобѣ его на государя, между-тѣмъ, какъ Борисъ отзывался болѣзнію, то, чтобъ увѣриться въ истинѣ этой болѣзни, царь самъ поѣхалъ къ Годунову и лично убѣдился въ его немощахъ, осмотрѣвъ его раны. «Тогда государь (говоритъ «лѣтописецъ), видѣвъ Бориса оболгана, и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? «Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ моя язвы Великія Перми купецкаго чина человѣкъ, «именуемый Строгоновъ (Строгоновыхъ). Царь же повелѣ пріити ему предъ себѣ и «вопрошаше о настоящей борисовой скорби. Свидѣтельствовалъ же и увѣдѣ истину «и повелѣ того купца назвати *выше гостя*. И отъ того времени тѣ Строгоновы начаша «именоватися съ *вичемъ*,—*именитыми людьми*»..... Значитъ, это было вовсе не званіе и не сословіе, какъ иные силились доказать, а только почетное величанье, именованье, дарованное царемъ *одному* изъ Строгоновыхъ, которые, сдѣлавшись именитыми людьми, остались тѣми же купцами, что и прежде. Новыя заслуги дали имъ при Петрѣ-Великомъ дворянство и титулъ бароновъ; дальнѣйшіе подвиги увѣнчаны титуломъ графскимъ. Изъ этого видно, до какой степени права строгоновская лѣтопись, и до какой степени правы историки, возложившіе на нее свою вѣру. (См. Карамзина И. Г. Р. т. IX, стр. 356 и прим. 618 и 653.)

изъ виду нѣкоторыми писателями, мы просимъ особенно замѣтить — чтобъ онъ *не дерзалъ принимать къ себѣ «воровъ и болрскихъ людей бывлыхъ съ животомъ и татей и разбойниковъ»*; царь предупреждалъ его, что *если «Григорій станетъ не по сей граммать ходити, или учнетъ воровати—и ся наша граммата не въ граммату»*.

Въ нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненіяхъ, проникнутыхъ духомъ Строгоновской Лѣтописи, говорится объ этой граммать какъ о чудѣ удивительномъ: «грозный царь жаловалъ Строгоновыхъ землями! давалъ имъ несудимую граммату! только одного себя признавалъ ихъ судьею! это были владѣтельные князья того времени! у нихъ были цѣлые города! огромныя деревни, свои крестьяне...!»

Заслуги Строгоновыхъ незабвенны въ нашей исторіи: если мы вспомнимъ только про старину, то уже одинъ приписываемый имъ ими окупъ князя Василія-Темнаго и подтверждаемое неоспоримыми документами самоотверженіе ихъ въ годину междоцарствія укажутъ намъ, кто́ были для Россіи Строгоновы; потомъ, сколько предки этого дома надѣлали добра своею казною казнѣ государственной, сколько подвиговъ они совершили для науки, для исторіи и въ прошедшемъ и въ настоящемъ — это уже всѣмъ извѣстно.

Но эти-то самыя заслуги и не позволяютъ намъ говорить про Строгоновыхъ неправду, особенно если неумѣстное увлеченіе можетъ повлечь за собою какой-нибудь, даже малѣйшій, укоръ ихъ въ худомъ дѣлѣ.

Оставляя въ сторонѣ ихъ собственную личность, обратимся къ нашему предмету и прослѣдимъ слѣдующую граммату.

«Граммата Царя Ивана Грознаго отъ 4 апрѣля 7066 (1558) года объ отдачѣ Григорью Строгонову *въ аренду* земель по рѣкѣ Камѣ до устья рѣки Чусовой.

«Се азъ, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Григорья, Аникіева сына, Строгонова, что намъ билчеломъ, а сказывалъ, что-де

«Въ нашей отчинѣ, ниже Великія Перми, за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки—съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую-де сторону рѣки Камы противъ Пыскорскія Курьи, по обѣ стороны Камы, до Чусовыя рѣки—мѣста пустыя, лѣса чорные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, а всего-де того пустаго мѣста сто сорокъ шесть верстъ. *И прежде де сего на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны и дворы не ставили и въ мою* де царева, великаго князя, *казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала и оные не отданы ни кому и въ писцовыхъ де книгахъ и въ купчихъ и въ правежныхъ то мѣсто не написано ни у кого.*

«И Григорій Строгоновъ билъ намъ челомъ, а *хочетъ* въ томъ мѣстѣ *городокъ поставити* и на городѣ *пушки и пищали учинити* и *пушкарей и пищальниковъ устроити для* береженья отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ и около того мѣста *лѣсъ* по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ *сѣчи* и *пашни*, расчистя, *пахати* и *дворы ставити* и *людей называти* неписменныхъ и не тяглыхъ, и *росолу искати* и гдѣ найдется росолъ и *варницы ставити*, и *соль варити*. И мнѣ бы

Григорья Строгонова пожаловати, велѣти ему на томъ мѣстѣ городокъ поставити собою, и на городѣ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ устроити собою *для береженья отъ погайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ;* и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ велѣти сѣчи и пашни росчисти велѣти пахати и дворы ставити и *людей* велѣти *называти* и въ томъ бы мѣстѣ велѣти росолу искати, гдѣ найдется, и соль бы ему тутъ велѣти варити.

«И здѣся, на Москвѣ, казначеи наши про то мѣсто спрашивали Пермитина Кодаула — а пріѣжжалъ изъ Перми ото всѣхъ Пермичъ съ данію; и казначеемъ нашимъ *Пермитинъ Кодаулъ сказалъ*: о которомъ мѣстѣ намъ Григорей бьетчеломъ и *тѣ де мѣста искони вѣчно лежатъ впусте и доходу въ нашу казну съ нихъ нѣтъ никотораго.*

«*И ожде будетъ такъ*, какъ намъ Григорей бьячеломъ и Пермякъ Кодаулъ, и съ тѣхъ будетъ съ пустыхъ мѣстъ прежъ сего нашихъ даней не шло и нынѣ съ нихъ дани никоторыя пейдутъ и съ Пермичи *не тянутъ ни въ какіе подати и въ Казань ясаковъ не даютъ и прежъ того не давывали и Пермичамъ* и проѣжимъ людемъ *никоторые споны не будетъ*, —

«*И азъ царь* и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи Григорья, Аникіева сына, Строгонова *пожаловалъ, велѣлъ* семи *ему на томъ пустомъ мѣстѣ* ниже Великія Перми за восемьдесятъ за восемь верстъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пыскорскія Курьи, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чусовыя рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ, *городокъ поставити*, гдѣ бы мѣсто было крѣпко и осторожливо, *и на городѣ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ велѣлъ ему устроити собою* (т. е. на собственный его, Строгонова, счетъ) *для береженья отъ* погайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около бъ того городка ему по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ *лѣсъ сѣчи*, и *пашни* около того городка *распахивати* и *дворы ставити* и *людей* ему въ тотъ городъ *не письменныхъ и не тяглыхъ называти; а изъ Перми и изъ иныхъ городовъ нашего государства Григорью тяглыхъ людей и письменныхъ къ себѣ не называти и не пріимати.*

«*А воровъ ему и болярскихъ людей, бѣглыхъ съ животомъ и татей и разбойниковъ не принимати же.*

«А пріѣдетъ кто къ Григорью изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей тяглые люди съ женами и съ дѣтьми и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати намѣстники, или волостели, или выборныя головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ, съ женами и съ дѣтьми, отъ себя отсылати опять въ тѣ жъ городы, изъ котораго города о которыхъ людяхъ отпишутъ имянно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не принимати ихъ.

«А которые люди кто пріѣдутъ въ тотъ городъ нашего государства, или иныхъ земель люди съ деньгами или съ товаромъ, соли или рыбы купити, или иного товару, и тѣмъ людемъ вольно тутъ товары свои продавати и у нихъ покупати безо всякихъ пошлинъ. А которые люди

пойдутъ изъ Перми жити—и тѣхъ людей Григорью имати съ отказомъ не письменныхъ и не тяглыхъ.

«*А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдутъ—и ему тутъ варницы ставити и соль варити, и по рѣкамъ и по озеромъ въ тѣхъ мѣстахъ рыбы ловити безоброчно.*

«*А гдѣ будетъ найдетъ руду серебряную* или медяную, или оловянную и Григорью тотчасъ о тѣхъ рудахъ *отписывати* къ нашимъ казначеямъ, а *самому* ему *тѣхъ рудъ не дѣлати* безъ нашего вѣдома, *а въ пермскія ему ухожеи и въ рыбныя ловли не входити.*

«А *льготы* семы ему *далъ на 20 лѣтъ* отъ Благовѣщеньева-дни лѣта семь-тысячъ шестьдесятъ-шестаго, до Благовѣщеньева-дни семь-тысячь восемдесятъ-шестаго. И *кто* къ нему *людей* въ городъ, и на посадъ и около города на пашни, и на деревни, и на починки *придутъ жити* не письменныхъ и не тяглыхъ людей—*и* Григорью *съ тѣхъ людей* въ тѣ льготные 20 лѣтъ *ненадобь* моя царева, великаго князя, *дань, ни ямскія деньги, ни ямчюжныя, ни посошная служба, ни городовое дѣло, ни иныя никоторыя подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстѣхъ.*

«А которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства, или иныхъ земель съ товары или безъ товару, и съ тѣхъ людей пошлины не имати ни которыя, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли.

«А повезетъ онъ или пошлетъ ту соль или рыбу по инымъ городамъ, и ему съ той соли и съ рыбы *всякія пошлины давати, какъ и съ иныхъ съ торговыхъ людей* наши пошлины емлютъ.

«А кто у него учнетъ въ томъ его городкѣ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ, и *нашимъ* пермскимъ *намѣстникомъ* и ихъ тіуномъ *Григорья Строгонова, и что его городка людей и деревенскихъ — не судити ни въ чемъ* и праведчикомъ и доводчикомъ и ихъ людемъ къ Григорью Строгонову и къ его городка и деревенскимъ людемъ не въѣзжати и на поруки ихъ не даютъ, и не высылаютъ ихъ ни по что, *а вѣдаетъ и судитъ Григорій своихъ слобожанъ самъ во всемъ.*

«А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Григорья какое дѣло—и тѣмъ людемъ на Григорья *здѣсь* имати управныя грамматы, а по тѣмъ управнымъ грамматамъ обоимъ, ищеямъ и отвѣтчикамъ, безприставно *ставиться на Москвѣ предъ нашими казначеи* на тотъ же срокъ, на Благовѣщеньевъ-день.

«*А какъ* тѣ *урочныя лѣта отойдутъ, и* Григорью *Строгонову* наши *всѣ подати* велѣти *возити* на Москву *въ* нашу *казну на* тотъ *же срокъ*, на Благовѣщеньевъ-день, *чѣмъ ихъ* наши *писцы обложатъ.*

«Также есьми Григорья, Аникіева сына, Строгонова пожаловалъ: *коли* наши *послы поѣдутъ* съ Москвы *въ Сибирь или изъ Сибири къ* Москвѣ, или съ Казани наши посланники пойдутъ въ Пермь, или изъ Перми въ Казань *мимо тотъ его городокъ* —и Григорью и его слобожанамъ нашимъ сибирскимъ посломъ и всякимъ нашимъ посланникомъ, въ тѣ его льготныя 20 лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати (подразумѣвается — даромъ), *а хлѣбъ и соль и всякой запасъ* торговымъ людемъ въ городъ держати, *и посломъ, и гонцомъ, и про-*

пожжимъ людемъ продавати по цѣлѣ, какъ межъ себя купятъ и продаютъ; и подводы, и суды, и гребцы, и кормщики наймуютъ полюбовно всякіе люди проѣжіе, кому надобенъ и хто у нихъ дешевле похочется нанять.

«Также есьми *Григорья*, Аникіева сына, Строгонова *пожаловалъ: съ Перми ему никоторыя тяглы не тянути* и счету съ ними не держати ни въ чемъ *до тыхъ урочныхъ лѣтъ*, и во всякія угодья Пермичамъ, въ земляныя и лѣсныя, отъ Лысвы рѣчки по Камѣ по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ до Чусовыя рѣки, у Григорья не вступатися ни въ которыя угодья въ новыя, а владѣютъ Пермичи старыми угожеи, которыми изстари владѣли.

«А Григорей владѣетъ своими новыми угожеи, съ которыхъ угожеевъ и со всякихъ угодей *въ нашу казну* никоторыхъ *пошлинъ не шло, и въ Казань ясаковъ* нашимъ боярамъ и воеводамъ въ нашу казну *не плачивали, и прежъ того въ Казань не давывали*.

«*А* что *будетъ Григорей нами*, по своеи челобитной, *ложно билчеломъ или станетъ не по сеи граммать ходити, или учнетъ воровати,— и ся моя граммата не въ грамматy*.

«Дана граммата на Москвѣ, лѣта 7066, апрѣля 4 дня.»

У подлинной грамматы на шнуру вислая красная печать.

На оборотѣ грамматы надписано:

Царь и *великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи*.

Приказали Окольничіи Ѳедоръ Ивановичъ Умной,

да *Алексѣй Ѳедоровичъ Одашевъ*,

да Казначей Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ,

да Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ (39).

Подобныхъ грамматъ было множество и прежде и послѣ этого времени; такъ, напримѣръ, при Грозномъ же, именно 20 мая 1578 года, дана была граммата попу Іеву на разсолъ въ Колмогорскомъ-Уѣздѣ на Ширшемскомъ-Озерѣ на пустомъ мѣстѣ. Граммата эта не такъ обширна, потому-что попъ Іевъ не просилъ позволенія ни крѣпостей строить, ни людей созывать: онъ просилъ только безоброчной выварки соли, всего на семь лѣтъ. О людяхъ и о самосудѣ и потому еще ничего не сказано, что попъ Іевъ заявилъ, что къ той церкви, при которой онъ состоялъ, «приходу крестьянъ нѣту ни откуды, и церковь отъ волостей далече».

Если бы порыться хорошенько въ старинныхъ грамматахъ, издалека можно бы было начать нить документовъ, подобныхъ строгоновскимъ грамматамъ—документовъ тѣмъ болѣе важныхъ, что они пролили бы яркій свѣтъ на систему постепеннаго усиливанія Московскаго-Великокняжества. Къ нашему предмету рѣчь объ этомъ не идетъ; мы люди простые, и потому беремся за первую учебную книгу по части старинныхъ грамматъ (40) и найдемъ въ ней подкрѣпленіе нашей мы-

---

(39) Миллеръ, стр. 77 и слѣд.

(40) Изъ «Собранія Палеографическихъ Снимковъ» г. Иванова (Москва, 1842 года) здѣсь помѣщены первыя четыре приводимыя нами грамматы; остальныя двѣ грам-

сли, т. е. что фразы, которыми иные восхищаются — *фразы, общія мѣста.*

Въ 1448 году дана была грамата отъ великой княгини Софіи (Витовтовны) игумену Сергіевскаго-Монастыря Мартиніану на село Кувакинское съ деревнями и пустошами. Въ этой грамматѣ, кромѣ разныхъ льготъ, сказано, на счетъ переманиваемыхъ крестьянъ («кого перезовутъ *не изъ моихъ волостей, ни изъ селъ*»), между-прочимъ слѣдующее: «А волостели мои къ тѣмъ людемъ, старожильцамъ и пришлымъ, «не всылаютъ ни по что̀, ни кормовъ у нихъ не емлютъ, ни доводники, «ни праведники у нихъ не берутъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ опричь «душегубьства, а судитъ свои люди игуменъ самъ, или кому прика«жетъ. А волостель и его тіунъ не вступаются въ монастырскаго чело«вѣка ни въ праваго, ни въ виноватаго».

Въ такихъ же выраженіяхъ дана грамата сыномъ ея великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ въ 1449 году женѣ какого-то именитаго человѣка, Капинна, Маріѣ и сыну ея Ѳедору. Въ этой грамматѣ дается льгота отъ податей и другихъ повинностей—на старожильцовъ на пять лѣтъ, а касательно тѣхъ крестьянъ, которыхъ Капинна вновь къ себѣ перезоветъ—на десять лѣтъ. И въ этой грамматѣ встрѣчаются выраженія: «оже будетъ такъ!»; «которые люди переже того тутo не живали, а перезовутъ изъ иныхъ княженей, *а не изъ моей*, великаго князя, *отчины*»; «а кому будетъ чего искати на Маріи и на её сынѣ, или на ихъ приказникѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, великій князь».

Въ грамматѣ великаго князя Ивана III симоновскому архимандриту съ братіею, отъ 1464 года, сказано: «Не надобѣ моя дань и ни«которая пошлина на пять лѣтъ; а письменныхъ имъ людей монхъ, «великого князя, и не письменныхъ къ собѣ не принимати; а вѣдаетъ «и судитъ архимандритъ своихъ людей самъ, или кому прикажетъ; а «намѣстницы мои, и волостели, и ихъ тіуны къ нимъ не всылаютъ «ни по што̀, ни кормовъ своихъ у нихъ ни которыхъ не емлютъ.»

Точно такія же грамматы даны въ 1517 году Степанку, Оспѣку, и Володкѣ Ѳедоровымъ и Ромашкѣ Фролову на земли въ Устюжскомъ-Уѣздѣ, и въ 1524 году Наумку Кобелю на соляныя варницы и другія угодья въ устюжской землѣ на рѣкѣ Юрѣ.

Изъ соображенія этихъ извлеченій съ тою грамматою, которая дана была Григорью Строгонову на лысвинскія пустоши, можно вывести заключеніе, что въ строгоновской грамматѣ не было ничего чудеснаго.

Если предположить, что приводимые нами, для сравненія, документы не были извѣстны нашимъ ученымъ изслѣдователямъ о сибирскомъ покореніи (чего, по нашему убѣжденію, допускать вовсе нельзя), то тѣмъ неменѣе все-таки для насъ кажется непонятною, кромѣ пропуска нѣ-

---

маты, подобныя строгоновскимъ, Ромашкѣ Фролову и Наумкѣ Кобелю, читатель можетъ найдти въ I-мъ томѣ «Актовъ Археографич. Экспедиціи»: одну подъ № 163, а другую подъ № 385.

которыхъ фразъ, еще и та легкость, съ которою ученые наши читали строгоновскія грамматы, не углубляясь, кажется, вовсе въ ихъ настоящій смыслъ.

Съ чего, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, или заставляютъ своихъ читателей полагать, будто-бы Строгоновы, въ описываемую эпоху, сдѣлались, въ-слѣдствіе этихъ грамматъ, *вотчинниками* закамской стороны? Почему они сдѣлались вотчинниками чусовскихъ земель въ-послѣдствіи времени—это другой вопросъ; но были ли они вотчинниками именно въ описываемую эпоху?

Съ чего ученые наши взяли, будто-бы Строгоновы имѣли *свои города*? Зачѣмъ они не объяснили значенія этого слова читателямъ, незнакомымъ съ дѣломъ? Съ чего они взяли, что Строгоновы имѣли *своихъ* людей и, при томъ, въ такомъ еще количествѣ, что, въ 1581 году, могли, изъ среды ихъ, имѣть въ своемъ распоряженіи триста человѣкъ разноплеменныхъ *ратниковъ*, которыми они усилили, будто-бы, ермакову дружину?

Извѣстно, что во-времена Ивана-Грознаго поземельная собственность основывалась или на правѣ помѣстномъ, или на правѣ вотчинномъ, или на правѣ поссессіонномъ — назовемъ его кортомою, кортомленьемъ, даже арендою.

Очевидно само-собою, что земли, уступленныя Строгоновымъ, не могутъ быть подведены подъ первый разрядъ; подъ второй ихъ подвести нельзя, потому-что, если даже признать царское пожалованіе — дарственною записью, дареніемъ, то и въ этомъ случаѣ вотчинное право не обусловлено, или не выражено никакимъ положительнымъ опредѣленіемъ. Напротивъ, грамматы ясно говорятъ, что Строгоновымъ предоставлено было только *пользованіе*, въ извѣстныхъ случаяхъ, естественными богатствами данной мѣстности, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, которые неразрывно связаны съ правомъ собственности полной; что, вмѣстѣ съ правами, предоставленными лично Строгоновымъ, нѣкоторыя такого же рода права предоставлены и будущимъ переселенцамъ на эти мѣста, и что, наконецъ, сущность и результатъ царскаго дара заключались главнѣйше въ *пожалованіи* Строгоновыхъ *льготою*.

Сообразивъ эти обстоятельства съ тѣмъ, что предполагаемые колонисты закамской стороны не были, по тогдашнимъ правамъ, крѣпки землѣ, а тѣмъ паче лицу, что каждому свободному человѣку дано было полное право селиться, по собственной волѣ, на землѣ, предоставленной въ пользованіе Строгоновыхъ, что идея какъ первой, такъ и остальныхъ строгоновскихъ грамматъ, состояла исключительно въ государственныхъ видахъ на Сибирь, съ цѣлію колонизаціи сибирской украйны— мы полагаемъ, съ своей стороны, за справедливое признать, что упоминаемыя въ грамматахъ къ Строгоновымъ земли даны были имъ не въ вотчину, а въ поссессію, въ аренду, въ кортому... и сердечно сожалѣемъ, что наши ученые изслѣдователи не обратили на этотъ важный предметъ никакого вниманія, не объяснили дѣйствительныхъ правъ Строгоновыхъ *на всю Сибирь*, по третьей граматѣ, 1574 года, которую мы тоже приведемъ здѣсь, и упущеніемъ всего этого изъ виду

дали право или поводъ нѣкоторымъ писателямъ выразить мысль печатно, даже въ 1848 году, что *Строгоновы подарили русскаго царя Сибирью!*

Вотъ причины, которыя извиняютъ насъ въ томъ, что, обѣщая легкіе разсказы нашимъ читателямъ, мы потчуемъ ихъ до-сихъ-поръ полновѣсными тяжелыми главами; но это необходимо для разъясненія фактовъ... Обратимся же къ нашему предмету.

Получивъ первую граммату, Строгоновы разослали бирючей по сосѣднимъ мѣстамъ и кликнули кличъ; переходъ крестьянъ отъ одного поземельнаго владѣльца къ другому былъ тогда свободный; къ Строгоновымъ явился народъ—и черезъ шесть лѣтъ мы уже видимъ у нихъ Каикоръ-городокъ, или слободку, на Камѣ, и желаніе богатаго солевара основать другую слободку, но все еще не въ Закамскомъ-Краѣ, не въ чужи, а почти во-своясѣхъ.

Лѣтъ черезъ десять послѣ того, другой Строгоновъ, Яковъ, нашелъ новый разсолъ, опять-таки по сю же сторону Урала, на пустошахъ не подвластныхъ ни теперь Руси, ни прежде Казани. Строгоновъ видѣлъ, что это мѣсто ничье и, какъ добрый подданный, довелъ объ этомъ до свѣденія государя, прося его дозволить ему и тутъ, заодно ужь, распространять свои промыслы.

Царь Иванъ IV былъ очень-доволенъ, видя новый случай еще ближе придвинуться къ Сибири, которая его давно интересовала. Онъ разрѣшилъ просьбу Строгонова и, въ-слѣдствіе этого, далъ ему слѣдующую, дополнительную къ первой, граммату:

> Отъ 25 марта 7076 (1568) года, объ отдачѣ Якову Строгонову въ аренду земель по обѣ стороны Камы, отъ устья Чусовой внизъ на 20 верстъ и по всѣмъ притокамъ чусовской системы.

«Се азъ царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми Якова, Аникіева сына, Строгонова, что онъ намъ билчеломъ, а сказывалъ, что-де

«Они, въ нашей отчинѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя мѣста дали есми имъ на льготу, да и грамматy жаловальную брату его Григорью отдали отъ Лысвы рѣчки до Чусовыя рѣки, по обѣ стороны Камы рѣки, мѣста пустыя, лѣсы черные, рѣчки и озера дикія, а всего-де того пустого мѣста по Камѣ на сто на сорокъ на шесть верстъ.—А по Чусовой рѣкѣ вверхъ, на пустомъ мѣстѣ, при наволокѣ, нашли росолъ, и они-де у того росолу, безъ нашего вѣдома, крѣпости учинити не смѣютъ; а по другую-де сторону Чусовыя рѣки съ устья и до вершины и отъ Чусовыя рѣки внизъ по рѣкѣ по Камѣ, до Ласвинскаго бору, по обѣ стороны Камы рѣки, островы и наволоки, мѣста пустыя, лѣсы черные, и рѣчки и озера дикія; а всего-де того пустого мѣста на двадцать верстъ имъ не даны и *въ* нашей *жалованной грамматѣ* у нихъ *пустыя мѣста не написаны,* и пашни на томъ мѣстѣ не пахиваны, и дворы не ставили, и въ нашу де цареву и великаго князя казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала, и не отдано-де то мѣсто никому, и въ писцовыхъ-де книгахъ, и въ купчихъ, и въ пра-

вежныхъ грамматахъ то мѣсто не написано ни у кого, и у Пермичъ де въ тѣхъ мѣстѣхъ, письменныхъ въ писцовыхъ книгахъ ухожествъ нѣтъ никоторыхъ.

«И Яковъ хочетъ у того у соленаго промыслу *крѣпости подьлати* собою, *городокъ и варницы поставити* и *людей называти* неписменныхъ и нетяглыхъ и городовой нарядъ скорострѣльный, пушечки и затинные и ручные пищали учинить, и пушкарей, и пищальниковъ, и кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ устроити, и сторожей держати собою жь, для приходу ногайскихъ *лошадей* (людей?) и иныхъ ордъ. — И намъ бы Якова, Аникіева сына, Строгонова пожаловати на томъ пустомъ мѣстѣ у соленаго промыслу въ Чюсовой рѣкѣ, которое мѣсто имъ дано на льготу отъ Лысвы рѣчки вниз по рѣкѣ по Камѣ до Чюсовыя рѣки, а отъ устья рѣки Чюсовыя по рѣкѣ по Чюсовой вверхъ и по другую сторону у Чюсовыя рѣки съ устья и до вершины, и отъ Чюсовыя рѣки вниз по рѣкѣ по Камѣ, до Ласвинскаго бору по обѣ стороны Камы рѣки — *крѣпости подьлати* собою, *городокъ и варницы поставить* и *людей называти* неписменныхъ и нетяглыхъ, и городовой нарядъ скорострѣльный, пушечки и затинные и ручные пищали учинить, и пушкарей, и пищальниковъ, и кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ устроити, и *сторожей держати* собою жь *для приходу ногайскихъ людей и иныхъ ордъ*, и около того мѣста *лѣсъ* по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ *сѣчи*, и *пашни пахати*, и *сѣна* розчистя *косити*, и всякими *угодьи владьти*.

«*И оже будетъ такъ*, какъ намъ Яковъ, Аникіевъ сынъ, Строгоновъ бьячеломъ!

«И азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи Якова, Аникіева сына, Строгонова, по его челобитью, пожаловалъ, велѣлъ ему на томъ пустомъ мѣстѣ на Чюсовой рѣкѣ, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, которыя мѣста за ними въ нашей прежней жаловальной грамматѣ написаны у соленаго промыслу, гдѣ они нынѣ росолъ нашли, *крѣпости подьлати* и *городокъ поставити*, и *городовой нарядъ* скорострѣльной, *пушечки* и затинные *пищали* и ручные *учинити*, и *пушкарей*, и *пищальниковъ*, и *кузнецовъ*, и *плотниковъ*, и *воротниковъ устроити* и *сторожи держати* собою *для береженія отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ*, и около бы городка у соленаго промыслу *варницы и дворы ставити*, *по обѣ стороны Чюсовыя рѣки*, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ, и отъ Чюсовыя рѣки *по обѣ стороны Камы рѣки вниз на 20 верстъ* до Ласвинскаго бору, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ *лѣсъ сѣчи* и *пашни пахати*, и *ложки расищати*, и рыбными *угодьи* и иными всякими *владьти*, и *людей неписменныхъ* и *нетяглыхъ называти*, а нашей бы казнѣ въ томъ убытка не было.

«А изъ Пермін и изъ иныхъ городовъ нашего государства Якову *тяглыхъ людей и писменныхъ къ себѣ не называти* и *не принимати*, а *воровъ ему, бѣглыхъ съ животомъ, татей и разбойниковъ не пріимати жъ*.

«А пріѣдетъ кто къ Якову изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей, тяглые люди съ женами и съ дѣтьми, и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати наши намѣстники, или волостели, или вы-

борные головы—и Якову тѣхъ людей тяглыхъ, съ женами и съ дѣтьми, отъ себя отсылати опять въ тѣ жъ городы, изъ котораго города о которыхъ людехъ опишутъ имянно, и у себя ему тѣхъ людей не держати и не пріимати ихъ.

«А которые люди кто пріѣдетъ въ тотъ городъ нашего государства, или изъ иныхъ земель люди, съ деньгами, или съ товаромъ, соли или рыбы купити, или иного товару, и тѣмъ людемъ вольно товары свои *продавати*, и у нихъ *покупати безъ всякихъ пошлинъ*.

«А которые люди пойдутъ изъ Перміи жити, и тѣхъ людей Якову имати съ отказомъ неписменныхъ и нетяглыхъ.

«А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдутъ—и ему тутъ варницы ставить, и соль варити, и по рѣчкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ рыбы ловити безоброчно.

«А гдѣ будетъ найдутъ *руду серебряную*, или мѣдяную, или оловяную—и Якову тотчасъ о тѣхъ рудахъ отписывати къ намъ, а *самому* ему тѣхъ рудъ *не дѣлати* безъ нашего вѣдома.

«А *въ пермскіе ухожеи* и *въ рыбные ловли* Якову *не входити*, которые писаны у Перми въ писцовыхъ книгахъ и въ правежныхъ грамматахъ.

«А *льготы* есми ему далъ на тѣ новыя мѣста, о которыхъ намъ Яковъ билчеломъ по другую сторону Чюсовыя рѣки и отъ Чусовыя рѣки по Камѣ внизъ на 20 верстъ по обѣ стороны Камы рѣки до Ласвинскаго бору на *10 лѣтъ* въ ту жъ льготу, чѣмъ ихъ прежъ того пожаловалъ по Григорьеву челобитью, отъ Благовѣщеньева-дни лѣта семьтысячь семдесятъ-шестаго, до Благовѣщеньева жъ дни лѣта семь-тысячь восемдесятъ-шестаго.

«И *кто къ нему людей* въ городокъ, и на посадъ, и около города на пашни, на деревни, и на починки, *придутъ жити* неписменныхъ и нетяглыхъ людей — *и* Якову *съ тѣхъ людей*, въ тѣ льготные 10 лѣтъ, *ненадобѣ моя*, царя и великаго князя, *дань*, ни ямскіе, ни ямчужныя деньги, ни посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные *никоторыя подати*, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстѣхъ.

«А которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства или иныхъ земель съ товары или безъ товару — и съ тѣхъ *людей* пошлины не имати никоторые, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли.

«А повезетъ онъ, или пошлетъ, ту соль или рыбу по инымъ городамъ — и ему съ той соли и съ рыбы всякія пошлины давати, *какъ и съ иныхъ торговыхъ людей* пошлины емлютъ.

«А кто у него учнетъ въ томъ его городкѣ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ — и нашимъ пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ Якова Строгонова, и что его городка людей деревенскихъ, не судити ни въ чемъ, и праведчикомъ и доводчикомъ и ихъ людемъ къ Якову Строгонову, къ его городка и ко деревенскимъ людемъ, не въѣзжати ни по что, и на поруки ихъ не даютъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а *вѣдаетъ и судитъ Яковъ своихъ слободанъ самъ во всемъ*, или кому прикажетъ.

«А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Якова какое дѣло — и

тѣмъ людемъ на Якова здѣся имати управныя грамматы, а по тѣмъ управнымъ грамматамъ обоимъ, ищеямъ и отвѣтчикамъ, безприставно *ставиться на Москвѣ предъ нами* на тотъ же срокъ, на Благовѣщеньевъ-день.

«*А какъ* тѣ *урочныя лѣта отойдутъ—и Якову* Строгонову наши *всѣ подати* велѣти *возити на Москву* въ нашу казну на тотъ же срокъ, на Благовѣщеньевъ-день, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ.

«Также есми Якова, Аникіева сына, Строгонова пожаловалъ: коли онъ, или его люди, или его слободы крестьяне поѣдутъ отъ Вычегоцкія-Соли мимо Пермь на Каму въ слободу, или изъ слободы къ Вычегоцкой-Соли — и наши пермскіе намѣстники и ихъ тіуны и доводчики, и всѣ приказные люди въ Пермѣ, Якова и его людей и его слободы крестьянъ — на поруки ихъ не даютъ и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ.

«Также есми Якова, Аникіева сына, Строгонова, пожаловалъ: коли наши послы поѣдутъ съ Москвы въ Сибирь, или изъ Сибири къ Москвѣ, или изъ Казани наши посланники поѣдутъ въ Пермь, или изъ Перми въ Казань, мимо тотъ его городокъ — и Якову и его слобожаномъ нашимъ сибирскимъ *посломъ* и всякимъ нашимъ *посланникомъ*, въ тѣ его льготные 10 лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати, а *хлѣбъ, и соль, и всякій запасъ* торговымъ людемъ въ городѣ держати, и посломъ и гонцомъ и проѣзжимъ людемъ и дорожнымъ *продавати по цѣнѣ*, какъ межъ себя купятъ и продаютъ; и подводы и суды и гребцы и кормщики наймуютъ всякіе люди проѣзжіе, кому надобѣ и кто у нихъ дешевле похочетъ ся наняти.

«Также есми Якова, Аникіева сына, Строгонова пожаловалъ: съ Пермичи ему никоторыя тяглы не тянуть и счоту съ ними не держати ни въ чемъ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ и во всякія угодья Пермичамъ, въ земляные и въ лѣсные, отъ Чюсовыя рѣки по обѣ стороны Камы рѣки, до Ласвинскаго бору по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ — у Якова не вступатись ни въ которые угодія въ новые, которыхъ угодій у Пермичъ въ писцовыхъ книгахъ и въ правежныхъ грамматахъ, не написано; а владѣютъ Пермичи старыми угожеи, которыми изстари владѣли по писцовымъ книгамъ.

«А Яковъ владѣетъ своими новыми угожеи, съ которыхъ угожеевъ и со всякихъ угодей въ нашу казну ни которыхъ пошлинъ не шло, и въ Казань ясаковъ нашимъ боярамъ и воеводамъ въ нашу казну не плачивали.

«*А* что *будетъ* намъ *Яковъ* по своей челобитной *ложно билчеломъ, или станетъ не по сей грамматѣ ходити, или учнетъ воровати, и ся моя граммата не въ граммату.*

«Дана грамата на Москвѣ, лѣта 7076, марта въ 25 день.»

У подлинной грамматы приложена вислая красная печать.

На оборотѣ подписано:

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи.

Дьякъ Дружина Володимеровъ (41).

Тутъ Строгоновы подвинулись дальше и время-отъ-времени стали заселять мѣста уже по той сторонѣ Камы, по Сылвѣ и по Яйвѣ, то-есть на сѣверѣ и на югѣ новой дачи, заселяя ихъ работниками и неработниками, то-есть, казаками (42).

Въ 1572 году, царь (или отъ его имени — дьякъ), получивъ вѣсти о безпокойствахъ въ Перми и о схваткахъ, произведенныхъ Черемиссою, поспѣшилъ послать къ Строгоновымъ новую граммату. Но такъ-какъ и это событіе нѣсколько переиначено нѣкоторыми учеными, то мы и здѣсь считаемъ необходимымъ привести эту граммату тоже вполнѣ, тѣмъ охотнѣе, что здѣсь чрезвычайно-картинно выставляются всѣ стороны и тогдашняго быта и тогдашней политики (43).

«Отъ царя и великаго князя всея Русіи въ *слободку* на Каму, Якову да Григорью, Аникіевымъ, дѣтямъ Строгонова.

«Въ нынѣшнемъ (з҃) н҃ (7080—1572) году *писалъ къ намъ* съ Перми *воевода нашъ*, князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ, съ своимъ человѣкомъ, съ Иваномъ съ Борисовымъ, о вѣстяхъ про черемисской приходъ на торговыхъ людей суды на Камѣ. Да Князь же Иванъ писалъ къ намъ, *что писалъ къ нему*, съ устья, *человѣкъ вашъ* (надѣемся, что никто не будетъ понимать подъ этимъ крѣпостнаго человѣка) Третьячко, іюля въ 15 день, что *приходили-де* наши *измѣнники*, Черемиса, на Каму, *сорокъ человѣкъ*, да съ ними-де Остяки и Башкирцы и Буинцы *войною*, *и побили* де *на Камѣ* Пермичь, *торговыхъ людей и ватащиковъ*, 87 человѣкъ.

«И какъ къ вамъ ся наша граммата придетъ, *и вы бъ жили съ вели-*

---

(41) Миллеръ, стр. 81 и слѣд. Встрѣчающіяся въ этой и въ слѣдующей грамматѣ выраженія: съ Строгоновыхъ всякія пошлины брати *какъ и съ иныхъ торговыхъ людей*—логически доказываютъ, что Строгоновы, какъ и другіе торговые люди, въ то время, были — купцы, и всѣ умствованія, съ цѣлію доказать противное, падаютъ сами собою при ясныхъ выраженіяхъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича: въ 94 пун., гл. X Строгоновы поименованы послѣ боярскихъ дѣтей и недѣячихъ — и въ одной группѣ съ купцами, посадскими и другими: но, при исчисленіи ихъ, они поставлены выше гостя. Мы не умѣемъ навѣрное сказать, существуютъ ли въ наше время въ этихъ мѣстахъ соляныя варницы, или эта отрасль промышлености прекратилась, и отъ какихъ причинъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что у промышленныхъ людей *соль* была дѣломъ второстепеннымъ: гораздо больше утѣшеній сулила мѣховая промышленость; изъ-за нея дѣйствительно стóило городокъ поставить и пушечки учинить.

(42) Словомъ казакъ—у насъ, кайсакъ—у Татаръ, обозначали человѣка пришлаго, свободнаго, бездомоваго, не земледѣльца постояннаго, и не исключительно воина. Таковы и теперь казаки въ Сибири, и городовые и горные. Такъ въ иныхъ мѣстахъ и нынче зовутъ на Уралѣ—розсыльныхъ, въ Тверской-Губерніи — наемнаго изъ чужихъ (женщину по деревнямъ называютъ казацыха, въ-слѣдствіе простонароднаго измѣненія ч на ц, на-примѣръ, цаёкъ, голубоцыкъ). Волжскіе казаки, по-нашему, были почти то же, что мы встарину видѣли въ Норманнахъ, Варягахъ, Руссахъ, послѣ въ Поморцахъ; они были не кóнники, не конница, а матросы, *ладьяры*, и конница ихъ составляла промышлено-грабительскую флотилію.

(43) Карамзинъ, т. IX, стр. 377; «Именитые Люди Строгоновы» стр. 36, и Миллеръ стр. 85.

кимъ береженьемъ; а выбравъ у себя голову добра, *да съ нимъ охочихъ казаковъ*, сколько приберется, *со всякимъ оружьемъ*, съ ручницами и съ сайдаки, да и Остяковъ и Вогуличь, которые намъ прямятъ, съ охочими казаками, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать, а женамъ ихъ и дѣтямъ велѣли быть въ острогѣ.

«*А какъ голову выберете*—да и *охочихъ людей*, стрѣльцовъ и казаковъ, велѣли написати на списокъ; а *сколько* Остяковъ и Вогуличъ, охочихъ людей, *сберется*, и вы бъ то велѣли жъ писати на списокъ же, по имянномъ написать, и разобравъ ихъ по статьямъ, кто съ коимъ оружьемъ и сколько тѣхъ охочихъ людей, и Остяковъ и Вогуличъ, всѣхъ на нашихъ измѣнниковъ въ собраньѣ будетъ, да оставя у себя противень, а съ того имянного списка списавъ, *прислать*, за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву, *въ приказъ Казанскаго-Дворца, къ дьякамъ нашимъ* Андрею Щелкалову, да къ Кирею Горину, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо; да тѣ бы есте головы съ охочими людьми, съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ Остяки, и съ Вогуличи —*посылали войною ходить и воевать* нашихъ измѣнниковъ *на Черемису и Остяковъ и на Вотяковъ и на Нагай, которые* намъ измѣнили, *отъ насъ отложились*.

«А которые наши измѣнники учнутъ приходити на слободскія мѣста войною, и *тѣ бъ охочіе люди* на тѣхъ черемисскихъ людей *приходили*, чтобъ *ихъ повоевати, а себя отъ нихъ уберегати, и отъ нихъ отходить самимъ бережно и устрожливо*, а одиначно бъ имъ нашихъ *измѣнниковъ* Черемису и Остяковъ и Вотяковъ и Нагай, которые намъ измѣнили и отъ насъ отложились—*повоевати*.

«А буде которыя Черемиса, или Остяки—добрые, а похотятъ къ своимъ товарищамъ приказывати, чтобъ они, отъ воровъ отставъ, намъ прямили, и на нихъ будетъ что̀ станется, и вы бъ тѣхъ *не убивали* и ихъ *берегли*, и мы ихъ пожалуемъ.

«А которые, будутъ, и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ прямить и правду свою покажутъ, и вы бъ имъ велѣли говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы ихъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, *а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ* своими головами собрався, съ охочими *ходили* вмѣстѣ *воевати нашихъ измѣнниковъ и ихъ воевали, и* въ войнѣ ихъ *побивали. А котораго повоюютъ—и тому тово живота, а жены и дѣти—имъ въ работу*.

«А которая Черемиса учнутъ намъ прямить, а обратятся къ намъ истинною, и нашихъ измѣнниковъ повоюютъ, и измѣнничьи жены поимютъ, и лошади, и коровы, и платье, и иной какой всякъ животъ — *и вы бъ у нихъ того полѣнскаго живота одиначно отнимати не велѣли ни кому*.

«Писана на Москвѣ, лѣта 7080, Августа въ 6 день.»

У подлинной грамматы приложена восковая черная печать.

На оборотѣ подписано:

Царь и великій князь всеа Русіи.

Дьякъ Кирей Горинъ.

Здѣсь нѣтъ ни пол-слова о Сибири, то-есть, о Татарахъ за-уральскихъ, а говорится только именно о тѣхъ племенахъ, которыя обитали по-сю-сторону Уральскаго-Хребта и были въ сосѣдствѣ съ Черемисою; слѣдовательно, граммата эта, по существу своему, не имѣла никакого прямаго соотношенія съ Сибирскимъ-Юртомъ.

Впрочемъ, какія были послѣдствія этой назидательной грамматы, неизвѣстно; но, вѣроятно, поводы къ подобнымъ стычкамъ подали сами же Строгоновы, разселяясь въ мѣстахъ кочевья прикамскихъ Остяковъ и Вогуличъ (44), которые, очень-естественно, по грубости понятій, возставали противъ чуждой имъ цивилизаціи. Не должно, однакожь, казаться удивительнымъ, что Строгоновы, получая подобныя, въ нѣкоторомъ родѣ воинственныя грамматы въ своей глуши и удаленіи отъ центра тогдашняго русскаго населенія по Камѣ, не дѣлали какихъ-нибудь важныхъ завоеваній, на основаніи общихъ терминовъ грамматъ *идти войною* и *повоевать:* они не имѣли на это средствъ, и всѣ ихъ дѣйствія въ этомъ случаѣ должны были ограничиваться расширеніемъ своихъ угодій, да согласнымъ сожительствомъ съ дикарями. Но и это много значило: ужь одно спокойствіе придвигало насъ помаленьку къ золотому лиу и соболиному царству.

Главнѣйшая заслуга Строгоновыхъ состояла въ томъ, что они представляли собою первое торговое общество въ огромномъ размѣрѣ: это были торговцы—политики, родственный союзъ которыхъ былъ дѣйствительно первою большою сибирскою компаніею, и въ этомъ отношеніи связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью несомнѣнна, вліяніе ихъ операцій на послѣдующія событія естественно и неоспоримо. А все это —заслуга очень немаловажная.

Въ-послѣдствіи времени, Строгоновы доносили государю слѣдующія подробности на сибирскаго салтана; вѣроятно, они разумѣли подъ нимъ Кучума, а не другаго какого-нибудь предводителя племенъ въ Сибири. Они говорили:

1) что за Югорскимъ-Камнемъ, межъ Сибири и Югаи и Тахчеи, есть рѣка Тахчей и рѣка Тобэль, гдѣ собираются сибирскіе люди; но прибавили, что это именно въ сибирской украйнѣ, то-есть, на границахъ съ Сибирью, не въ территоріи Сибирскаго-Юрта, а въ участкѣ, который Грозный можетъ назвать своей отчинной, то-есть, государственнымъ достояніемъ;

2) что Тахчеевы жили по дорогѣ отъ Вычегодска въ ихъ Строгоновыхъ слободу Орелъ;

3) что Маметкулъ, «братъ сибирскова», приходилъ въ сосѣдство строгоновскихъ промысловъ съ цѣлію «провѣдать дорогъ въ Пермь»;

4) что сибирскій салтанъ убилъ посланника нашего Третьяка Чабукова;

---

(44) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 37 — 42. Въ «Книгѣ Большому Чертежу», при исчисленіи рѣкъ Великой-Перміи (стр. 151), сказано: «по тѣмъ рѣкамъ живутъ Вогуличи по лѣсамъ, а селитьбы у нихъ нѣтъ.»

5) что служилыхъ Татаръ, которые шли въ Казацкую-Орду, сибирскій же побилъ;

6) что онъ убилъ нашего данника, Остяка Чагиря, съ товарищами;

7) что иныхъ данщиковъ нашихъ сибирскій же имаетъ, а иныхъ и убиваетъ;

8) что онъ не велитъ нашимъ Остякамъ и Вогуличамъ платить дань въ нашу царскую казну;

9) что сибирскій салтанъ и на рать съ собою емлетъ насильствомъ въ судѣхъ, воевать Югричь — тѣхъ же Остяковъ и Вогуличъ;

10) что въ то время, когда намъ Черемиса измѣнила, сибирскій посылалъ (неизвѣстно что́, должно быть имъ помощь) черезъ Тахчей и перевелъ Тахчеевъ къ себѣ;

11) что эти Тахчеевы, ни намъ теперь дани, ни прежде въ Казань ясаковъ не давали, а платили ясакъ Ногаямъ,

и 12) что они, Строгоновы, сами собой, безъ спроса, не осмѣливаются послать своихъ казаковъ (т. е. сторожей) въ погоню за сибирской ратью (Строгоновы не пытались даже просить дозволенія мѣстнаго воеводы: имъ нуженъ былъ только царскій вѣдомъ).

Въ-слѣдствіе всего этого, Строгоновы просили позволить имъ въ тѣхъ мѣстахъ соль варить, пашни пахать, желѣзо плавить и всякими угодьями владѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для обороны себя, поставить тамъ, въ усторожливомъ мѣстѣ, крѣпости, нанять сторожей и держать огненный нарядъ съ тѣмъ, чтобъ защищать русскихъ подданныхъ отъ «сибирскаго».

Иванъ Васильевичъ, никогда не упуская изъ виду плановъ своихъ на Сибирь, радъ былъ, особенно теперь, неожиданному случаю примкнуть наконецъ къ Тоболу, который давно былъ уже извѣстенъ московскому двору, и основать русское населеніе вблизи владѣній сибирскаго царя Кучума, служившаго единственною помѣхою въ дѣлѣ, такъ удачно приходившемъ уже, повидимому, къ концу. Полагаясь на Строгоновыхъ, что они поймутъ его планы и, для собственной своей выгоды, не премину́тъ при первой же возможности воспользоваться удобными мѣстностями за Аралтовой-Горой, царь далъ имъ все, и чего просили Строгоновы, *и чего даже вовсе не просили*: онъ дозволилъ имъ селиться и крѣпости ставить гдѣ имъ угодно—и на Тахчеяхъ (что́ это за рѣчка—неизвѣстно), и на Тоболѣ, и на Иртышѣ, и на Великой-Обѣ, *и на иныхъ рѣкахъ*.

Не можетъ быть, чтобъ царю Ивану Васильевичу не было извѣстно—приблизительно, по-крайней-мѣрѣ—раздѣленіе племенъ въ Сибири въ извѣстныхъ мѣстахъ, направленіе главныхъ ея рѣкъ и вообще всѣ свѣдѣнія, которыя нашему двору необходимо должно было у себя имѣть. И въ-самомъ-дѣлѣ, при Иванѣ IV, въ царскомъ архивѣ существовалъ цѣлый ящикъ дѣлъ «о Сибири»: значитъ, ему было откуда знать, какова Сибирь и что́ въ ней особеннаго. Прочитавъ со вниманіемъ слѣдующую граммату, мы убѣдимся, что въ прошеніи Строгоновыхъ не было никакого намѣренія входить въ столкновенія съ сибирскимъ царемъ, но что столкновенія этого искалъ только одинъ Грозный.

Эта грамма́та покажетъ, ка́къ разсчитанно и тонко она написана и ка-

кія мудрыя мѣры предписывалъ царь Строгоновымъ для утвержденія могущества Россіи въ краю, который, сближая насъ съ Среднею-Азіею, и тогда уже сулилъ огромныя выгоды.

Но *ученые мужи* наши смотрѣли на граммату совершенно съ другой точки и, по правдѣ сказать, совсѣмъ ее перепачкали, увлекшись, можетъ-быть, дѣйствительно огромными выгодами, которыми царь чествовалъ Строгоновыхъ.

Чтобъ упрекъ въ самовольномъ искаженіи истины не падалъ и на насъ, мы находимся въ необходимости, для пользы самой исторіи, приложить и здѣсь эту грамату вполнѣ.

Грамата Царя Ивана Грознаго отъ 30 мая 7082 (1574) года объ отдачѣ Якову и Григорью Строгоновымъ въ аренду земель по рѣкамъ всей Сибири.

«Се азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Якова и Григорья, Аникіевыхъ, дѣтей Строгонова.

«Били намъ челомъ, что *въ нашей отчинѣ*, за Югорскимъ-Камнемъ, *въ Сибирской Украйнѣ*, межь Сибири и Ногай —Тахчей и Тоболъ рѣка съ рѣками и съ озеры и до вершинъ, гдѣ сбираются ратные люди сибирскова салтана да ходятъ ратью. А въ восемдесятъ де первомъ году, о Ильинъ-днѣ, съ Тоболя де *приходилъ* сибирскова салтана братъ *Маметкуль*, собрався съ ратью *дорогъ провѣдывати*, куды пути ратью *въ Пермь*, да многихъ де нашихъ данныхъ *Остяковъ побили*, а жены ихъ и дѣти въ *полонъ повели*, а посланника нашего Третьяка *Чебукова* и служилыхъ *Татаръ*, кои шли въ Казацкую орду, сибирской же *побилъ*. А до ихъ острогу, гдѣ за ними наше жалованье, промыслы ихъ, *сибирской не доходилъ за пять верстъ*. А они де, Яковъ и Григорей, изъ нашего жалованья, изъ своего острога, своихъ наемныхъ казаковъ за сибирскою ратью, безъ нашего вѣдома, послати не смѣютъ. Да и прежде того, *сибирской же салтанъ* ратью нашихъ данныхъ Остяковъ, *Чагиря* съ товарищи, *побилъ* въ тѣхъ же мѣстѣхъ, гдѣ ихъ, Яковлевъ да Григорьевъ, промыселъ. А *иныхъ данщиковъ* нашихъ сибирской *имаетъ*, а иныхъ и *убиваетъ*, а *не велитъ* нашимъ Остякамъ и Вогуличамъ и Югричамъ нашіе *дани въ нашу казну давати*, да и *на рать* съ собою *емлетъ* съ насильствомъ въ судѣхъ, *воевати Югричъ*, тѣхъ же Остяковъ и Вогуличъ, а *къ* нашимъ де измѣнникамъ, *къ Черемисѣ*, какъ намъ-было Черемиса измѣнила, *посылалъ* сибирской черезъ Тахчей и *перевелъ Тахчей къ себѣ*, а прежде сего *Тахчеевы дани и въ Казань* ясаковъ *не давали*, *а давали* де ясакъ *въ Ногаи*, а которые живутъ Остяки кругъ Тахчей — и тѣ Остяки приказываютъ, чтобъ имъ наша дань давати, какъ иные наши Остяки дань даютъ, а сибирскому бъ дани и ясаковъ не давати и отъ сибирсково бъ ся имъ боронити заодно.

«И намъ бы Якова да Григорья пожаловати *на Тахчеѣ и на Тоболь рѣкѣ*, и кои въ Тоболь-рѣку озера падутъ, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ освободити *крѣпости дѣлати* и *сторожей наймовати* и *воинной нарядъ держати* собою и *желѣзо дѣлати*, и *пашни пахати* и *угодья владѣти*. А кои Остяки отъ сибирсково отступятъ и намъ

дань давати учнуть, и тѣхъ бы Остяковъ отъ сибирскова оборонять.

«*И ожде будетъ такъ*, какъ намъ Яковъ да Григорей были челомъ!

«И азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, Якова да Григорья, Аникіевыхъ, дѣтей Строгонова, по ихъ челобитью, пожаловалъ *на Тахчеяхъ* и *на Тоболѣ-рѣкѣ крѣпости* имъ *подѣлати*, и *снарядъ вогненной и пушкарей, и пищальниковъ и сторожей* отъ сибирскихъ и отъ погайскихъ людей *держати* и около крѣпостей у желѣзнаго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашень по обѣ стороны Тоболы-рѣки и по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ *дворы ставити*, и *льсъ сѣчи*, и *пашни пахати*, и *угодьи владѣти, а людей называти не письменныхъ и не тяглыхъ*.

«*А воровъ или и боярскихъ людей, бѣглыхъ съ жиеоты, и татей и разбойниковъ не называти, и никакихъ воровъ не держати и отъ всякаго лиха беретчися*.

«А гдѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ найдутъ руду желѣзную — и имъ *руда дѣлати*, а мѣдяну руду, или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ—и тѣ руды на *испытъ дѣлати. А кто похочетъ и иныхъ людей то дѣло дѣлати — и имъ дѣлати освобожати*, да и въ оброкъ ихъ приводити, какъ бы нашей казнѣ была прибыль.

«А которые люди и за тотъ промыселъ имутца и тѣмъ бы изъ чего было дѣлати, да о томъ писати къ намъ, *какъ* которое *дѣло учнетца дѣлати*, и *во што* которые руды въ дѣлѣ *пудъ учнетца ставити* и *какъ* которымъ *людямъ въ оброкѣхъ быти*, и мы о томъ указъ учинимъ.

«А *льготы* на Тяхчей и на Тоболь рѣку съ рѣками и съ озеры и до вершинъ *на пашни* дали есми отъ Троицына-дни лѣта 7082 до Троицына-дни лѣта 7102 году, *на 20 лѣтъ*.

«И кто въ тѣ крѣпости къ Якову и Григорью жити придутъ, и деревни и починки учнутъ ставити и пашню распахивати неписменные и не тяглые люди—и въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ *не надобъ моя*, царя и великаго князя, дань, ни ямскіе, ни ямчужные деньги и посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные *ни которые подати, ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей въ тѣхъ мѣстахъ* до урочныхъ лѣтъ.

«*А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старыя села и деревни и починки и въ нихъ жильцы—и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись*, а быти тѣмъ по старому въ тяглѣ и *во всякихъ нашихъ податѣхъ*.

«А *товары*, которые Яковъ и Григорей и тѣ люди, которые на новые мѣста придутъ жити, повезутъ или пошлютъ куда по инымъ городамъ и имъ *пошлина давати какъ и съ иныхъ торговыхъ людей* по нашимъ указамъ.

«А *коп* Остяки и Вогуличи и Югричи *отъ сибирсково отстанутъ, а почнутъ намъ дань давати* — и тѣхъ людей съ данью *посылати къ нашей казнѣ самихъ*, а не поѣдутъ коп сами съ данью—и Якову да Григорью, выбравъ изъ жильцовъ кому мочно вѣрити, кто почнетъ въ но-

выхъ мѣстѣхъ жити, да и тѣхъ жильцовъ съ нашею данью къ нашей казнѣ присылати, да отдавати въ нашу казну.

«А *неданныхъ* Остяковъ и Вогуличъ и Югричъ и съ жены ихъ и съ дѣти *отъ Сибирцовъ* отъ ратныхъ приходу *беретчи* Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а на сибирскова Якову и Григорью *збирал охочихъ людей и* Остяковъ и Вогуличъ и Югричъ и Самоѣдь *съ своими наемными казаки* и съ нарядомъ своимъ *посылати воевати, и въ полонъ Сибирцовъ имати и въ дань за насъ приводити.*

«Также есмя Якова да Григорья пожаловалъ: почнутъ къ нимъ въ тѣ новыя мѣста приходити торговые люди Бухарцы и Казацкія-Орды и изъ иныхъ земель съ лошадьми и со всякими товары, а къ Москвѣ которые не ходятъ — *и имъ у нихъ торговати всякими товары вольно безпошлинно.*

«А кто у нихъ учнетъ, въ тѣхъ крѣпостѣхъ, людей жити пашенныхъ и непашенныхъ — и наши пермскіе намѣстники и ихъ тіуны Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судить ни въ чемъ, и праведчики, и доводчики и ихъ люди къ Якову да къ Григорью и къ ихъ слободскимъ людямъ не въѣзжаютъ ни по что, и на поруки ихъ не даютъ и не высылаютъ къ нимъ ни по что, *а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами* во всемъ, или кому прикажутъ.

«А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Якова и Григорья какое дѣло — и тѣмъ людемъ на Якова да на Григорья имати управные грамматы у бояръ и у дьяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ грамматамъ обоимъ, ищеямъ и отвѣтчикомъ, безприставно *ставиться на Москвѣ передъ нами* на тотъ же срокъ, на Троицынъ-день; а *какъ урочныя лѣта отойдутъ*, и Якову да Григорью наши *всѣ подати вельти возити на Москву* въ нашу казну на срокъ, на Троицынъ-день, по книгамъ, *чьимъ ихъ* наши *писцы обложатъ.*

«Также есмя Якова да Григорья, Аникіевыхъ, дѣтей Строгонова, пожаловалъ: коли они, или ихъ люди, или ихъ слободы крестьяне, поѣдутъ отъ Вычегодскіе-Соли мимо Пермь на Тахчей въ слободу или изъ слободы къ Вычегодской-Соли, и наши пермскіе намѣстники, и ихъ тіуны, и доводчики, и всѣ приказные люди въ Пермѣ — Якова и Григорья, и ихъ людей, и ихъ слободы крестьянъ, на поруки не даютъ и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ.

«Также есмя Якова да Григорья пожаловали: *коли наши послы* или посланники *поѣдутъ* съ Москвы въ Сибирь или въ Казацкую-Орду, или изъ Сибири и изъ Казацкіе-Орды къ Москвѣ, *мимо ту ихъ крѣпость*, и Якову да Григорью и ихъ слобожаномъ нашимъ сибирскимъ и казацкимъ посламъ и всякимъ нашимъ посланникамъ, въ тѣ ихъ льготные 20 лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати, а *хлѣбъ и соль и всякій запасъ посломъ и гонцомъ* и проѣзжимъ людемъ и дорожнымъ *покупать по цѣнѣ*, какъ тамъ межъ себя купятъ и продаютъ, а проѣзжіе люди всякіе подводы и суды и гребцы и кормщики наймуютъ по тамошнему обычаю, какъ пригоже.

«Также есмя Якова и Григорья пожаловалъ *на Иртышъ, и на Обь, и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится* — для береженья и охочимъ (охот-

никамъ) на опочивъ (для отдыха), крѣпости лѣлати и сторожей, съ погненнымъ нарядомъ держати и изъ крѣпости рыба и звѣрь ловити безоброчно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ.

«Дана граммата въ Слободѣ (Александровской) лѣта 7082 года мая въ 30 день».

Царь и великій князь Іванъ Васильевичъ всея Русіи.

Дьякъ Петръ Григорьевъ (45).

Изъ этихъ граммать читатель безпристрастный видитъ, что единственною мыслію Строгоновыхъ было—распространять свои владѣнія, усиливать свои промыслы соляными варницами и рудами, расширять нашу торговлю съ Востокомъ; постоянною же мыслію правительства было занимать своими подданными земли пичьи, расширять свои владѣнія, заселять неизвѣстныя прежде мѣста, сближаться съ бродячими племенами и, буде можно, подвести ихъ подъ нашу власть. Большихъ видовъ ни съ той, ни съ другой стороны и предположить нельзя. Еслибъ государь хотѣлъ дѣйствительно покоренія Сибири въ томъ размѣрѣ, какъ наши ученые хотятъ приписать это исключительно Строгоновымъ — царю стóило только вспомнить примѣръ Ивана III и послать свое воинство подъ начальствомъ бояръина въ Сибирь: его планы на дѣлѣ бы осуществились, безъ посторонннихъ заискиваній. Но царь Иванъ понималъ, что походъ рати въ Сибирь громадою — невозможенъ.

У Строгоновыхъ, при предоставленіи имъ въ первые разы украинскихъ пустошей, вскорѣ за тѣмъ заводились тамъ и селенія. Однакожъ, получивъ граммату на Тоболъ и прочія рѣки Сибири, они, въ-теченіе семи лѣтъ, не только не основали во вновь-отданной имъ въ пользованіе землѣ ни слободки, ни даже какого-нибудь ничтожнаго починка, не говоря уже про городки, про крѣпостцы (это вѣроятно почти то же, что нынѣшнія казачьи станицы по кавказской или сибирской линіямъ, только еще менѣе), они даже и не переходили Урала, безъ-сомнѣнія отъ того, что не имѣли къ этому средствъ и возможности, а строились, какъ по писцовымъ книгамъ видно, около подвластныхъ уже имъ племенъ —Остяковъ на Сылвѣ, да Вогуличъ на Чусовой, народа чрезвычайно-смирнаго и кроткаго.

Кромѣ Камы, гдѣ у Строгоновыхъ въ это время была слободка Орелъ (въ ней, въ 1580 году, было 90 дворовъ крестьянскихъ и пищальничихъ, да 7 дворовъ пустыхъ, и самая слободка называлась уже слободой) и еще три деревни, мы къ 1580 же году видимъ, что у Строгоновыхъ, въ закамской сторонѣ, но все еще по-сю-сторону Урала и далеко отъ Сибири, въ-теченіе почти 22 лѣтъ, со времени выдачи имъ первой грамматы, пришлые колонисты поселились въ слѣдующихъ мѣстахъ:

---

(45) Миллеръ, стр. 87 и слѣд. Срав. Карамзина т. IX, стр. 378 и 379 и прим. 661 къ тому же тому.—Г. П. Спасскій въ примѣчаніяхъ къ изданной имъ въ 1821 году «Сибирской (Строгоновской) Лѣтописи» говоритъ, что Миллеръ не вполнѣ выписывалъ царскія грамматы, но вѣрно онъ пользовался другимъ, а не первымъ изданіемъ Исторіи Миллера (1750 года), гдѣ содержаніе граммать вполнѣ согласно съ добавленіями г. Спасскаго.

1) На Чусовой — у нихъ была слобода Чусовая съ острогомъ, а къ ней *пять деревень* и *шестнадцать починковъ*;

2) На Сылвѣ—у нихъ была слобода Сылва съ острогомъ, а къ ней *три деревни* и *пять починковъ*, и

3) На Яйвѣ—у нихъ была только *слободка* Яйва.

Всего же въ этихъ мѣстахъ, за Семеномъ (Аникинымъ сыномъ) и Максимомъ (Яковлевымъ сыномъ) Строгоновыми, было двѣ слободы и одна слободка, при нихъ восемь деревень съ двадцатью-четырьмя починками, а число всѣхъ крестьянскихъ дворовъ на этомъ огромномъ пространствѣ не превышало 113 (46).

При такомъ ограниченномъ положеніи, когда у Строгоновыхъ, на неизмѣримомъ пространствѣ, было всего только *одиннадцать населенныхъ мѣстъ*, изъ которыхъ *на каждое*, круглымъ числомъ, приходилось *по десяти крестьянскихъ дворовъ*—Строгоновымъ, естественнымъ образомъ, какъ умнымъ и разсудливымъ промышленикамъ, не могла входить въ голову мысль *о завоеваніи* Сибири: у нихъ людей на это не было, а еслибъ и пришло вновь нѣсколько человѣкъ, то Строгоновымъ слѣдовало — не пускать ихъ на вѣрную смерть въ войну съ Сибирцами, а лучше оставить у себя, для заселенія своихъ *слободокъ*, или, какъ ихъ величаютъ наши ученые—*городовъ*, и для охраненія своихъ собственныхъ дачъ отъ тѣхъ разграбленій, которыя угрожали имъ въ самое это время, какъ увидимъ далѣе. Но еслибъ воинственный духъ Строгоновыхъ дѣйствительно стремился къ завоеваніямъ, то имъ нужно было сформировать армію хотя въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, послать ее въ край, который имъ самимъ былъ неизвѣстенъ, и пожертвовать ею мечтѣ безъ всякаго разсчета, въ надеждѣ на одинъ авось; а между-тѣмъ, возбудивъ противъ себя сосѣдей, они бы дѣйствовали совершенно наперекоръ основнымъ началамъ каждаго торговаго дома и вопреки логическихъ правилъ коммерческой политики—они испортили бы собственное свое дѣло.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что ни одна изъ приведенныхъ нами граммотъ не можетъ навести на слѣдующія ученыя мысли, признаваемыя за неоспоримыя: 1) что Строгоновы, гораздо-прежде пришествія Ермака, задумали «внести свое оружіе» въ предѣлы Сибири, и 2) что Ермакъ былъ призванъ ими «именно для войны съ Кучумомъ». Гораздо-естественнѣе противоположное мнѣніе, что Строгоновымъ нельзя было и думать о Сибири: имъ нужно было прежде всего подумать о себѣ и объ охраненіи того, что̀ принадлежало русскому государю, предоставившему закамскія земли въ ихъ пользованіе.

Мы объ этомъ предметѣ распространились именно для того, чтобъ раскрыть истину, такъ, какъ мы сами ее понимаемъ, и показать, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ справедливости укоренившееся у насъ въ большинствѣ публики мнѣніе о причинахъ покоренія Сибири—мнѣніе, выраженное въ нѣсколькихъ положеніяхъ, признаваемыхъ за аксіомы. Мы не считаемъ нужнымъ подробно исчислять эти положенія, блистательно

---

(46) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 37—42.

опровергнутыя знаменитыми потомками Строгоновыхъ: они всѣ свои фамильные документы частію сдѣлали общедоступными всей публикѣ, а частію представили въ Императорскую Академію Наукъ, какъ-будто желая этимъ самымъ сказать намъ: «вотъ вамъ акты, судите по нимъ, какъ было дѣло!» Мы не можемъ, однакожь, не сказать, что мысль приплести имя Строгоновыхъ къ имени Сибири и приписать имъ ея покореніе—могла блеснуть въ умѣ котораго-нибудь изъ недогадливыхъ лѣтописцевъ гораздо-позже покоренія Сибири, особенно, когда они серьёзно увидѣли, что призваніе Ермака и въ царскихъ грамматахъ XVII столѣтія приписывается Строгоновымъ. Услужливый лѣтописецъ восхитился этою мыслью и основалъ на ней все свое твореніе. Онъ благоразсудилъ скрыть тѣ обстоятельства, которыя могли бы обнаружить истину, далъ другое направленіе и словамъ и дѣлу, и прибавилъ, что послѣ покоренія Сибири Иванъ-Грозный, на радости, прислалъ Семену Строгонову *царскую* грамматy за *красною* печатью. Но

Во-первыхъ, всѣ грамматы отъ имени царя были *царскія*.

Во-вторыхъ, бо́льшая часть грамматъ, особенно жалованныя — были съ красными печатьми, о чемъ прибавлялось и въ самой грамматѣ, тоже «у подписи сей грамматы на шнуру, или на мутовозѣ,—красная вислая печать»; были однакожь грамматы съ печатьми и другаго цвѣта; грамматы опальныя и вообще невеселаго содержанія были съ черными печатями;

Въ-третьихъ, той грамматы, на содержаніе которой указываетъ лѣтописецъ, *вовсе не существовало*, что̀ ясно доказывается обнародованною описью фамильныхъ документовъ Строгоновыхъ (47).

И въ-четвертыхъ — о призваніи Строгоновымъ Ермака серьёзнымъ образомъ говорится уже въ царской грамматѣ 1673 года (48), то-есть, почти черезъ цѣлое столѣтіе послѣ прибытія Ермака на Чусовую; но здѣсь это приписывается только одному Семену Строгонову, а Грозный, въ современномъ актѣ, въ собственной своей грамматѣ, по доносу одного чиновника, обвинялъ въ томъ не Семена, а именно Максима и Никиту.

Но пойдемъ далѣе и посмотримъ, лежитъ ли на историческомъ имени Строгоновыхъ какая-нибудь тѣнь, которою хотѣлъ запятнать его доносчикъ Нелепеницынъ, обвиняя Строгоновыхъ въ призывѣ бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ, въ стачкѣ съ ними и въ измѣнѣ государю... Посмотримъ, ужь за одно, какъ они подарили *свою* Сибирь русскому царю... Напоминаемъ благосклонному читателю, что мы опираемся на тѣ же самые документы, которые приняты въ основаніе и нашими учеными мыслителями; только результатъ у насъ выходитъ діаметрально противоположный ихъ окончательнымъ выводамъ.

---

(47) См. «Опись Фамильнымъ Документамъ Строгоновыхъ», приложенную въ концѣ книги «Именитые Люди Строгоновы».

(48) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 88.

ГЛАВА V-Я.

Ермакъ.

Происхожденіе Ермака.—Связь между именемъ Ермака и именемъ Строгоновыхъ. — Ермакъ на Волгѣ. — Появленіе его на Чусовой.—Пелымскій князь. — Побѣгъ Ермака на Сибирь. — Опальная грамота царя къ Строгоновымъ.

Какъ на Волгѣ, да на Камышенкѣ
Казаки живутъ, люди вольные.
У казаковъ былъ атаманушка,
Ермакомъ звали Тимоѳеичемъ.
Не злата труба вострубила имъ,
Не она звонко взговорила рѣчь —
Взговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Казаки, братцы, вы послушайте,
«Да мнѣ думушку попридумайте:
«Какъ проходитъ ужь лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная —
«Куда жь, братцы, мы зимовать пойдемъ?
«Намъ на Волгѣ жить?—все ворами слыть!
«На Яикъ идти?—переходъ великъ!
«На Казань идти?—грозенъ царь стоитъ—
«Грозенъ царь-Иванъ, сынъ Васильевичъ!
«Онъ на насъ послалъ рать великую,
«Рать великую—въ сорокъ тысячей.
«Такъ пойдемте жъ мы!—да возьмемъ Сибирь!»

Пѣсня Уральскихъ Казаковъ.

«Въ нѣкоторой сибирской исторіи упомянуто о родѣ атамана Ермака, яко бы по его собственному объявленію.

«Дѣдъ Ермаковъ былъ города Суздаля посадскій человѣкъ, а жилъ въ великой скудости, искалъ себѣ пропитанія и переѣхалъ въ городъ Володимеръ.

«Его звали Аѳонасій, Григорьевъ сынъ, прозваніемъ Аленинъ.

«Тутъ въ Володимерѣ вскормилъ онъ двухъ сыновъ, Родіона и Тимоѳея; самъ кормился извозомъ; нанимался иногда возить разбойниковъ въ Муромскихъ-Лѣсахъ и, вмѣстѣ съ ними, попался въ тюрьму. Чрезъ нѣкоторое время бѣжалъ, взявъ жену и дѣтей, въ уѣздъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ и умеръ; а дѣти его отъ скудости переѣхали жить на рѣку Чусовую въ вотчины Строгоновыхъ и слыли поволжскими.

«У нихъ были сыновья—у Родіона Димитрей да Лука, у Тимоѳея—Гаврило, Фролъ и Василей.

«Василей былъ весьма-силенъ и рѣчистъ, ходилъ въ работу на стругахъ по Камѣ и Волгѣ; наконецъ, кинувъ работу, прибралъ себѣ артель и пошелъ съ ней на разбой атаманомъ.

«Еще работая на судахъ, Василей отъ товарищей своихъ былъ названъ Ермакомъ, служа имъ кашеваромъ, ибо они симъ именемъ называли дорожный артельный таганъ, а по волскому нарѣчію «Ермакъ» значитъ еще жерновой ручной камень (49).»

Объ этомъ извѣстіи нельзя, кажется, сказать вмѣстѣ съ Карамзинымъ «это сказка—думаю», потому уже, что у насъ въ календарѣ нѣтъ православнаго имени Ермакъ, которое знаменитый историографъ, слѣдуя Ремезову, переводитъ словомъ Германъ; а во-вторыхъ, и въ припискѣ къ лѣтописи Саввы Есипова, какъ мы уже упомянули въ главѣ I, къ прозванію Ермака тоже прибавлено прозваніе Новольскаго. Но такъ-какъ приводимое извѣстіе согласуется и съ отчествомъ Ермака, и съ свидѣтельствомъ лѣтописи, и съ непзвѣстнымъ чувствомъ, которое манило Ермака съ Волги на Каму, а между-тѣмъ, не подтверждается никакими, болѣе-положительными, доказательствами, то, для оцѣнки этого извѣстія, мы можемъ только ограничиться извѣстною поговоркою: «si non è vero — è ben trovato»; а между-тѣмъ, мы сами чувствуемъ, что тутъ есть зародышъ правды въ томъ отношеніи, что между Ермакомъ и Пермью должна быть какая-нибудь неразрѣшенная еще тайна.

На Волгѣ Ермакъ примкнулъ къ шайкѣ другихъ бродягъ безломныхъ. Они буйствовали по широкому раздолью, грабили и своихъ и чужихъ, и не давали спуска ничему и никому, были ли то торговые Бухарцы, или смирные горожане, или суда съ царскою казною. Дерзость огромной шайки дошла до того, что для усмиренія ея и для прекращенія разбоевъ нужно было послать особые отряды во всѣ приволжскіе города съ повелѣніемъ отъ государя предать разбойниковъ немедленно смерти (50).

---

(49) Карамзинъ, т. IX, прим. 664; Словцовъ, т. I, стр. XXV.

Что касается до слова «атаманъ», то оно образовалось изъ слова «ватаманъ», что у насъ на Руси означало прежде всякаго начальника на рыболовномъ суднѣ, начальника экспедиціи промышленниковъ, начальника ватаги (см. Акт. Археогр. Эксп., т. I, ст. 92). «Ватаманъ» есть голландское слово «Watter-man», которое и нынѣ употребляется въ голландскомъ и въ англійскомъ языкахъ въ смыслѣ шкипера; а ватаманъ или атаманъ значитъ у насъ «лучшій человѣкъ», «выборный», «голова» ватаги.

Замѣтимъ также, что въ тѣ времена у насъ на Руси была мода на замѣну имени, даннаго при св. крещеніи, другою кличкою; такъ мы встрѣчаемъ прозванія «Вошъ», «Пстома», «Третьякъ», «Хозяинъ», «Неудача» и многія другія.

(50) «Да Урусъ же (князь погайскій) говорилъ: приходили-де государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли, не токмо что людей сѣкли— и мертвыхъ изъ земли выимали и гробы ихъ разорили.

«И мы (говоритъ царь) на Волгу и къ Сарайчику казаковъ не посылывали, а воровали сами, безъ нашего вѣдома, и нашихъ пословъ, вмѣстѣ съ вашими, перограбили; и прежде того они воровали, и мы ихъ, сыскавъ, казнити велѣли; а нынѣ всѣмъ на Волгу людей своихъ изъ Казани и Астрахани многихъ послали, а велѣли имъ тѣхъ воровъ волскихъ и донскихъ казаковъ перевѣшати.

«А для атамановъ Ивана Кольца да Барбоши и для иныхъ казаковъ послалъ го-

При такомъ положеніи дѣлъ, могли ли честные, набожные люди Строгоновы, усердные слуги царя — къ обреченнымъ судьей-государемъ смерти ворамъ посылать «ласковую грамату»? Могла ли умнымъ промышленикамъ Строгоновымъ прійдти въ голову мысль—приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армію грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и къ какой стати Строгоновымъ, стяжавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшаться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя—«предлагать подвиги чести» осужденнымъ преступникамъ, особенно, когда имъ каждый разъ подтверждалось «воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животомъ, и татей и разбойниковъ къ себѣ не принимати», и что если они не будутъ отъ этого «беретчися», то всѣ царскія грамматы пойдутъ «не въ грамматы»? Что подобныя мысли Строгоновымъ не приходили въ голову, доказательство — ихъ собственныя слова, что «наемныхъ казаковъ (т. е. своихъ работниковъ, а не волжскихъ воровъ) безъ царскаго вѣдома они не смѣли даже посылать въ погоню за сибирскою ратью»: тѣмъ болѣе они не могли осмѣливаться призывать къ себѣ Ермака и отнимать у правосудія жертвы его справедливой кары.

Ни предъидущія обстоятельства, ни обстоятельства послѣдующія, ни послѣдовательность событій, ни уваженіе къ имени Строгоновыхъ, ни уваженіе къ нашему, личію, убѣжденію не позволяютъ намъ соглашаться съ распространенною нашими учеными «сочинителями» мыслію, что Строгоновы вели переписку съ волжскими разбойниками. Напротивъ, все въ малѣйшихъ подробностяхъ доказываетъ, что взводить на Строгоновыхъ подобные укоры значитъ слѣпо, безъ всякой критики, слѣдовать неправдивой лѣтописи.

Волжскіе разбойники, какъ извѣстно, не съ разу усмирились: долго эти артели продолжали то же ремесло, ремесло рѣчныхъ пиратовъ, ремесло, съ которымъ они сродились и которое не казалось имъ ни омерзительнымъ, ни преступнымъ; по-временамъ скрывались они отъ преслѣдованій, по-временамъ снова появлялись и злодѣйствовали по дорогамъ и около перевозовъ, гдѣ имъ удобнѣе было нападать врасплохъ на примапчивую добычу и гдѣ зажиточнымъ людямъ не-подъ-силу было бороться съ проповѣдниками теоріи дани «добровольно, наступя на горло».

Но когда мѣстныя власти стали ихъ все болѣе-и-болѣе тѣснить, когда разбойники увидѣли, что имъ уже нѣчего больше дѣлать, какъ искать спасенія въ бѣгствѣ, тогда они раскинулись по разнымъ мѣстамъ

сударь во всѣ украйные городы, а велѣлъ тѣхъ волскихъ атамановъ казнити смертью.

«И мы (государь) на тѣхъ казаковъ на волжскихъ, на Митю Брятоусова и на Иванка на Юрьева, опалу свою положили, казнити ихъ велѣли смертью, предъ твоимъ человѣкомъ (Урусовымъ, въ Москвѣ).» (Карамзинъ, изъ Ногайскихъ Дѣлъ 1581 года. Смотри его И. Г. Р. т. IX, прим. 663 и прилагаемый нами ниже Сводъ Сибирскихъ Лѣтописей.)

украйныхъ волостей, а нѣсколько шаекъ, подъ предводительствомъ Ермака и неразлучнаго его товарища Кольца—и это мы особенно просимъ замѣтить!—скрылись.

Говорятъ, опираясь на строгоновскую лѣтопись, что Строгоновы послали къ Ермаку и ко всѣмъ казакамъ призывную, ласковую граммату, подписанную 6-мъ числомъ апрѣля 1579 года, и что Ермакъ съ пятьюстами казаками явился къ Строгоновымъ 21 іюня того же 1579 года, два года укрывался у нихъ и готовился къ войнѣ съ Кучумомъ, и 1 сентября 1581 года пошелъ завоевывать Сибирь (51).

Разсмотримъ же, есть ли хоть какая-нибудь логика въ этомъ извѣстіи? есть ли тутъ хотя тѣнь правды?

Посыльный съ строгоновскою граматою могъ ѣхать изъ пермской земли на Волгу не ранѣе вскрытія водъ; ему надобно было прибыть на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака, достичь до этой цѣли; потомъ, тайкомъ отъ мѣстныхъ властей, умѣть найдти его, согласить его и другихъ атамановъ и всю шайку этихъ грабителей послѣдовать приглашенію Строгоновыхъ и дать имъ срокъ собраться всѣмъ на сборномъ мѣстѣ.

Кажется, эти предварительныя и необходимыя мѣры должны были потребовать нѣкотораго времени? Но это еще не все.

Ермакъ долженъ былъ раздумать о предложеніи, которое будто-бы дѣлали ему Строгоновы, сговорить свою артель и артели другихъ атамановъ, убѣдиться чѣмъ-нибудь видимымъ въ выгодности этого зва и, рѣшившись на походъ, запастись провіантомъ хоть на дорогу, сложить его на суда, совершить свое путешествіе по двумъ большимъ рѣкамъ противъ теченія воды и проплыть, такимъ образомъ, не одну тысячу верстъ, безпрестанно укрываясь отъ преслѣдованій въ мѣстахъ болѣенаселенныхъ.

Въ *семдесять-пять* сутокъ, если даже предположить, что вскрытіе рѣкъ послѣдовало дѣйствительно 6 апрѣля, все это начать, устроить и покончить—не было физической возможности.

Понять можно только одно, что Ермаку трудно было имѣть для всѣхъ своихъ людей надежныя лодки и идти на веслахъ, и что ему гораздоудобнѣе было плыть на плотахъ, большихъ и малыхъ, гдѣ безопаснѣе онъ могъ сложить все награбленное достояніе, гдѣ легче было помѣститься людямъ въ большомъ числѣ и гдѣ возможнѣе было разсѣяться въ случаѣ нападенія: иначе — ему слѣдовало идти въ баркахъ и бросить ихъ въ устьѣ Чусовой, потому-что большое судно, удобное для большой рѣки, не годилось уже для рѣки не столь-значительной, какъ Волга или Кама. Но большія суда — бѣда казаку: на нихъ въ разсыпную не кинешься.

Съ Ермакомъ это точно такъ же могло случиться, какъ обыкновенно случается и теперь со многими въ Сибири, когда нужда пріидетъ пуститься въ путь водой, забрать съ собою больше клади или взять

---

(51) Карамзинъ, т. IX, стр. 381 и 382.

больше народу. Плотъ всегда можно скоро устроить, а маленькіе плоты, или плотики, связанные изъ небольшаго количества бревенъ, еще и тѣмъ удобны, что на нихъ возможно плаваніе по быстрымъ рѣкамъ, несудоходнымъ и *даже несплавнымъ*. До-сихъ-поръ, это можно видѣть въ Сибири, гдѣ бродяги и бѣглые рабочіе стремятся на маленькихъ плотахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ возможность плаванія кажется невѣроятною.

Но, допустивъ даже, что у Ермака были превосходныя суда, «кочи» и «коломенки», въ родѣ употребляемыхъ нынѣ байдаръ и росшивъ, и легкія косныя лодки, и сообразивъ время, потребное для перехода строгоновскаго посланца съ Чусовой на Волгу, и время, употребленное на походъ казаковъ съ Волги на Чусовую, постоянно противъ теченія воды, мы легко убѣдимся, что сказаніе объ этомъ строгоновской лѣтописи есть — ложь, и ложь капитальная.

Ермакъ съ своею шайкою и другіе атаманы не могли жить два года у Строгоновыхъ: два года кормить пятьсотъ человѣкъ не земледѣльцевъ, а людей и безполезныхъ и вредныхъ, при тогдашнемъ населеніи строгоновскихъ вотчинъ — было и невозможно и несообразно съ здравымъ разсудкомъ; два года держать такую ватагу людей, не заявивъ, по-крайней-мѣрѣ, пермскимъ властямъ, или скрывать ее такимъ образомъ, чтобъ правительство само не провѣдало объ этомъ, тоже было невозможно. Слѣдовательно, сказаніе строгоновской лѣтописи объ этомъ есть вторая, тоже капитальная ложь.

Казаки, и съ ними Кольцо, не могли пріѣхать на Чусовую къ Строгоновымъ въ 1579 году, потому-что имя неразлучнаго и довѣреннаго товарища ермакова — Ивана Кольца, встрѣчается въ оффиціальныхъ документахъ 1581 года, при описаніи волжскихъ набѣговъ 1580 года (52). Значитъ, въ этомъ отношеніи, строгоновская лѣтопись сказала третью капитальную ложь.

Но перейдемъ къ историческому событію, которое еще болѣе и положительнѣе убѣдитъ насъ, какъ въ совершенной чистотѣ поступковъ Строгоновыхъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ томъ, что въ дѣлѣ завоеванія Сибири — они рѣшительно ни въ чемъ неповинны.

Съ самаго начала 1581 года, вогуло-остяцкія племена, подъ предводительствомъ пелымскаго князька (головы), тѣснили владѣнія Строгоновыхъ и угрожали Перми. Если-бъ Ермакъ весну и лѣто этого года дѣйствительно былъ уже на Чусовой и былъ наемникомъ и нахлѣбникомъ Строгоновыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого пребыванія было бы то, что его или Строгоновы, или земская власть заставили бы защищать русскіе предѣлы: Строгоновымъ въ 1581 году нельзя было посылать Ермака Богъ-знаетъ куда въ такое время, когда бѣда висѣла надъ головой и когда всякая помощь на мѣстѣ была спасеніемъ цѣлаго края отъ будущихъ разореній. Строгоновы, должно-быть, даже вовсе не знали о походѣ къ нимъ Ермака: иначе — надо допустить, что

(52) См. прим. 50.

(въ началѣ 1581 года) *прося у царя ратныхъ людей въ защиту своихъ слободокъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалуясь ему на Никиту Строгонова, что онъ не даетъ имъ подмоги, они дерзнули скрыть отъ государя, что у нихъ есть много людей ермаковой шайки, и такимъ образомъ, посредствомъ лжи, довели царя къ понужденію и Никиты и пермскихъ властей грамматою отъ 6 ноября 1581 года.

Соображая это число съ мѣстными обстоятельствами и принимая во вниманіе, что у Строгоновыхъ не одинъ день прошелъ въ распрѣ съ Никитою на счетъ подмоги противъ нашествія пелымскаго князька, что много времени должно было пройдти, пока жалоба Строгоновыхъ была написана, послана, довезена до Москвы, разсмотрѣна въ приказѣ, доложена государю, разрѣшена имъ и удостоена отвѣтомъ отъ 6 ноября 1581 года, на что, вѣроятно, употреблено не менѣе полугода — мы увидимъ, что набѣгъ пелымскаго князя, предводительствовавшаго вогуло-остяцкими племенами, былъ учиненъ въ началѣ весны того же года, или еще ранѣе, когда, по всей вѣроятности, Ермака тутъ еще и не было. Иначе, такой царь, каковъ былъ Иванъ-Грозный, который зналъ все, что въ его государствѣ дѣлается, и не любилъ давать потачки и спуску никому — не простилъ бы подобнаго поступка Строгоновымъ никогда и не счелъ бы за необходимое посылать слѣдующей грамматы:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи Никитѣ Григорьеву Строгонову.

«Били намъ челомъ Семенъ да Максимъ Строгоновы, а сказали: приходитъ-де войною *пелымскій князь* съ Вогуличи *на ихъ слободы*, и *деревни* многія *выжгли* и *крестьянъ въ полонъ емлютъ*, и *нынѣ* де пелымскій князь съ Вогуличи *стоитъ около чусовского острогу; и намъ бы пожаловати велѣти имъ дати ратныхъ людей* съ Перміи съ великія, *а ты де съ ними* противъ Вогуличъ *не стойшь*, и людей на *помощь не даешь*.

«И какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ — и ты бъ съ семеновыми и съ максимовыми людьми на Вогуличъ посылалъ людей своихъ, сколько пригоже, и стояли бы твои люди съ семеновыми и съ максимовыми людьми за одинъ, и себя оберегали сочá.

«А *съ Перми* земскимъ *старостамъ людей въ помочь собравъ, посылати велѣли жъ* есьмя, смотря по людямъ, сколько коли Вогуличъ воинскихъ людей придетъ, *и велѣли имъ стояти* съ семеновыми и съ максимовыми людьми противъ пелымскаго князя *сочá, за одинъ*.

«А ты бъ таковó жъ велѣлъ своихъ людей, съ пермскими людьми и съ семеновыми и съ максимовыми, стоять противъ пелымскаго князя и воевать имъ не давали, чтобъ вамъ всѣмъ отъ войны уберетчись.

«Писана на Москвѣ, лѣта 7090 (1581), ноября въ 6 день.

«Царь и Великій Князь всеа Русіи.»

На оборотѣ приложена восковая черная печать (53).

(53) Миллеръ, стр. 144.

Еслибъ Строгоновы посылали Ермака воевать Сибирь—они послали бы его туда въ надлежащую пору, при началѣ лѣта, а не осенью, какъ это въ-самомъ-дѣлѣ случилось, когда не было разумной цѣли посылать туда людей на-зиму и самою природою препятствовать исполненію собственныхъ плановъ, если только химерическая мысль *завоевать Сибирь* могла быть у умныхъ людей Строгоновыхъ.

1-го сентября 1581 года, Ермакъ не могъ идти въ Сибирь какъ воинъ, съ цѣлію покорить ее: онъ могъ бѣжать туда какъ казакъ, съ цѣлію грабить Татаръ и скрыться отъ преслѣдованія законныхъ властей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ермакъ скрылся съ Волги единственно для того, чтобъ избѣжать заслуженной казни. Нельзя отвергать также, чтобъ въ его душѣ не гнѣздилось желанія воспользоваться чужимъ добромъ, обезпечить свое существованіе, добыть себѣ довольство посредствомъ ремесла, въ которое онъ втянулся, которое было для него легко и прибыточно, съ которымъ онъ сроднился... А разъ забравъ въ голову какую-нибудь мысль и вѣру на хорошую поживу и на лучшую долю, чѣмъ петля или тяжкая работа, неподатливая натура такого человѣка, каковъ былъ Ермакъ, врядъ ли могла имѣть столько силы воли, чтобъ освободиться отъ чарующаго обаянія грѣшныхъ наваждений: и духъ времени и обстоятельства—все благопріятствовало Ермаку продолжать разыгрывать взятую имъ на себя роль, перемѣнивъ только мѣсто дѣйствія, но не средства.

Трудно предположить, чтобъ «Ермакъ прослезился отъ умиленія», получивъ грамматy, навязываемую Строгоновымъ,—грамматy, которой никто не видалъ, никто не читалъ, и которая врядъ ли когда-нибудь существовала. Не ближе ли къ природѣ, къ тогдашнему порядку вещей, къ собственнымъ чувствамъ Ермака—откинувъ нѣмецкія теоріи, на основаніи простой русской смѣтки допустить, что онъ за тѣмъ именно избралъ себѣ закамскую страну, что надѣялся здѣсь безпрепятственно продолжать свои подвиги казачества со смирными Вогулами и Остяками, которыхъ слабость и безсиліе могли быть ему извѣстны, и которые заманивали его къ себѣ множествомъ дорогихъ мѣховъ? Надежда на безнаказанность въ краю далекомъ, увѣренность въ могуществѣ заряженнаго ружья, выстрѣломъ котораго ему не разъ, вѣроятно, случалось разгонять даже русскія селенія (что и на нашей памяти бывало нерѣдко, и не въ одной Сибири), вѣсти о зауральскихъ Татарахъ, мысль обогатить себя безъ всякихъ опасеній за собственную участь, заставили Ермака избрать именно этотъ край театромъ своихъ будущихъ дѣйствій, польстили и собственному его самолюбію безболѣзненно владычествовать вдали отъ всѣхъ—и пришлись по плечу каждому изъ членовъ его воровскаго братства.

Бродяжничая по разнымъ направленіямъ и отдаляясь все далѣе отъ прежнихъ мѣстъ грабежа, казаки, въ 1581 году, могли очутиться на Камѣ и, утвердившись въ предпринятомъ намѣреніи, пуститься далѣе.

Они пошли вверхъ противъ теченія Камы и достигли Чусовой. Далѣе по Камѣ они не пошли, зная, что тамъ—настоящее заселеніе

Строгоновыхъ, резиденція ихъ: оттуда близко Чердынь, гдѣ, значитъ, ихъ всѣхъ легко было переловить, перевязать и, пожалуй, перевѣшать. Они своротили на Чусовую и пришли на нее среди или въ концѣ лѣта 1581 года.

Встрѣтивъ здѣсь русскихъ людей, строгоновскихъ крестьянъ (въ смыслѣ вольныхъ пахарей, а не кабальныхъ людей—значитъ, такихъ, до которыхъ Строгоновымъ не было никакого дѣла) и казаковъ (въ смыслѣ простой вольницы-бездомовницы, прислуги по разнымъ промышленнымъ порученіямъ), Ермакъ естественнымъ образомъ приступилъ къ нимъ съ разспросами. Тѣ разсказали ему про свое горе, что пелымскій-де князь зоритъ ихъ и обижаетъ, тутъ же, за одно, передали вѣсти о Строгоновыхъ и о Кучумѣ, и пояснили, что сибирская земля близко, что она бокъ-о-бокъ, за Камнемъ (54).

Ермакъ пропустилъ мимо ушей разсказы о нападеніи пелымскаго князька: боялся ли онъ честнаго боя съ врагами отечества, надѣялся ли на плохую съ ихъ стороны, опасался ли земскихъ начальниковъ и Строгоновыхъ—неизвѣстно. Но мысли, вѣроятно, недобрыя ходили у него въ головѣ; высокихъ помысловъ не могли раздѣлять всѣ пятьсотъ человѣкъ его товарищей: казачество, набѣги, грабежъ—были ихъ стихіями. Не съ чистыми цѣлями товарищи его пошли въ Сибирь, безчестно хотѣли бѣжать оттуда отъ Кучума, безчестно и убѣжали наконецъ, послѣ смерти Ермака, всѣ до одного—и тогда только царское уже войско покорило намъ Сибирь.

Ермакъ рѣшился — оставить Русскихъ на произволъ судьбы и бѣжать на чужую сторону. Мысль грабежа у Татаръ, у Кучума, неслыхавшаго никогда выстрѣловъ, богатаго всякимъ добромъ и знакомаго съ бухарскими купцами, принята была ермаковыми товарищами съ одобреніемъ: спѣшили скорѣй привести ее въ исполненіе.

Долго сбираться было не для чего—ружья кой-у-кого изъ казаковъ, вѣроятно, были; струги, на которыхъ они приплыли, готовы: дѣло за провіантомъ.

У русскихъ промышленниковъ, въ дорогѣ, провіантъ до-сихъ-поръ—одинъ: сухари, да иногда крупа; воды вездѣ вдоволь. Больше и не для чего и нельзя. Въ тѣ времена, какъ это каждому изъ насъ легко догадаться, главнымъ жизненнымъ запасомъ для дороги было толокно: оно и мѣста занимаетъ несравненно-меньше, чѣмъ сухари, и чрезвычайно-питательно: даже иностранные писатели свидѣтельствуютъ, что русскій народъ, ратный и нератный, считалъ эту пищу капитальною, вкусною и здоровою. Кромѣ толокна, крупы и соли, Ермаку нѣчего было заготовлять, а отъ мяса онъ долженъ былъ отказаться, еслибъ даже оно и могло случиться у Строгоновыхъ — для Ермака оно было безполезно и только обременяло бы въ пути, тѣмъ болѣе, что въ далекой перспективѣ ожидали казаковъ вкусныя стерляди и жирныя нельмы.

(54) См. Сводъ Лѣтописей Сибирскихъ: на нихъ мы основываемъ и весь слѣдующій разсказъ о покоренія Сибири.

Какъ бы то ни было, Ермакъ все-таки долженъ былъ позаботиться о провіантѣ и не стѣснять себя излишнею тяжестью, которую, по Уралу, ему нужно было переносить или на себѣ, или на вьючныхъ лошадяхъ, потому-что по горамъ тайгою, то-есть, дремучимъ лѣсомъ, въ телегѣ проѣхать нельзя. Еслибъ даже предположить, что Ермаку было извѣстно, что у Татаръ на Тоболѣ есть свой хлѣбъ (55), то даже и въ этомъ случаѣ ему нужно было запастись, хотя бы и однимъ толокномъ, на громаду въ 540 человѣкъ, которые, въ-продолженіе одного мѣсяца, должны были потребить тысячу пудовъ хлѣба, полагая, что каждый изъ нихъ въ цѣлый день съѣдалъ его только по два съ половиною фунта. Въ этомъ случаѣ, ему не легко было бѣжать за Уралъ безъ содѣйствія посторонней помощи.

Строгоновымъ, которымъ угрожало конечное разореніе отъ присутствія на ихъ землѣ огромной ватаги безпутныхъ воровъ, неподающихъ никакой подмоги противъ враговъ, обступившихъ уже, въ самое это время, пермскую землю, Строгоновымъ нельзя было съ ними сладить, приказать защищать родную землю; имъ нужно было избавиться отъ незваныхъ гостей и по неволѣ уступить всѣмъ ихъ требованіямъ, снабдить ихъ толокномъ, солью, можетъ-быть, даже порохомъ, но, безъ сомнѣнія, съ разсчетомъ и не обезсиливая себя въ предстоявшихъ крайнихъ нуждахъ. Наши учёные мужи, слѣдуя знаменитой лѣтописи, увѣряютъ насъ, что Строгоновы снабдили Ермака даже и артиллеріей: эту выдумку мы даже и опровергать теперь не будемъ, хотя въ-послѣдствіи (глава X) постараемся при случаѣ доказать, что у Ермака не могло быть ни одной пушки.

Можетъ быть даже и то, что Строгоновы, имѣя въ виду общія выраженія царской грамматы 1574 года, о посылкѣ ратныхъ людей, о воеваньи, сами рады были случаю прикрыть этимъ дозволеніемъ свои вынужденныя Ермакомъ распоряженія и, чтобъ скорѣй освободиться отъ казаковъ, поджигать ихъ замыслы надеждою на вѣрный успѣхъ.

А можетъ-быть, дѣло обошлось и еще проще, безъ всякаго знанія и тутъ со стороны Строгоновыхъ: Ермакъ, прибывъ на Чусовую, въ августѣ 1581 года, могъ, своей рукой властной, безъ излишней и несвойственной ему деликатности, обобрать чусовскихъ крестьянъ и 1-го

---

(55) См. прим. 12 и 58.

«Провіантъ русской *арміи* составляютъ — сухари, то-есть хлѣбъ, изрѣзанный въ мелкіе куски и высушенный въ печкѣ; крупа ячная, просяная, а наиболѣе овсяная (croup qui est fait de millet et orge mondé; mais le principal est fait d'avoine); толокно, то-есть поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку (его употребляютъ разнымъ способомъ, въ видѣ кушанья и напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотями соли, воины пьютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и здоровою); соленое и копченое мясо баранье, свиное и рогатаго скота; масло; сыръ, истертый въ муку — его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: воины довольствуются сухарями, овсяною крупою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли.»

(Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie... depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606... par le capitaine Margeret.)

же сентября того же 1581 года скрыться такъ, что его и слѣдъ простылъ.

Оно такъ почти и выходитъ: сами Строгоновы на Чусовой не жили, а жили на Камѣ, выше устья Чусовой; чусовское населеніе не въ состояніи было слѣлать отпора разбойникамъ, превосходившимъ ихъ своею численностію и завербовавшимъ въ свою шайку сорокъ человѣкъ строгоновскихъ же крестьянъ и казаковъ; Ермакъ пропалъ, и никто не зналъ, куда именно онъ отправился (какъ это обнаруживается изъ слѣдующей царской грамматы).

Изготовившись къ пути, Ермакъ нагрузилъ свои струги разною кладью и, взявъ съ собой *провожатыхъ*, пошелъ по Чусовой и поднялся рѣчкою Серебрянкою столько, сколько было возможно идти волою. Здѣсь надлежало ему остановиться, бросить свои струги и идти черезъ горы пѣшкомъ, не иначе. Перевезя всю кладь за одинъ разъ на вьючныхъ лошадяхъ, а можетъ-быть перенеся ее на плечахъ или даже на волокушахъ, на ту сторону Урала, казаки вышли на рѣку Тагилъ, срубили здѣсь для себя плоты и—пошли-себѣ съ Богомъ въ невѣдомый путь! Очень-вѣроятно, что во время дневокъ и разныхъ остановокъ, они ладили себѣ суда, однодерёвки, струги, но безъ сомнѣнія понемногу и исподоволь: изготовить разомъ суда для всѣхъ 540 человѣкъ—невозможно.

Доплывъ до рѣки Туры, казаки вступили въ область кучумова юрта, или въ такъ-называемое у насъ Сибирское-Царство («и вышедъ на рѣку Туру: ту бѣ и сибирская страна»).

Вогуло-остяцкія племена, бывшія уже съ пелымскимъ княземъ прежде на Чусовой и двигавшіяся въ это самое время далѣе по Перми, съ самаго прибытія казаковъ слѣдили, вѣроятно, за толпами новаго народа, нагрянувшаго съ Ермакомъ на строгоновскія владѣнія; но, не получая ни откуда отпора, они съ новымъ ожесточеніемъ бросились на Русскихъ и разграбили всю сторону пермскую. Нападеніе это, какъ мы видѣли, было вовсе не нечаянное, какъ говоритъ Карамзинъ, а давно предвидѣнное и давно заставившее Строгоновыхъ заявить правительству о грозящей бѣдѣ обитателямъ Камы.

Иванъ Васильевичъ, какъ царь и какъ человѣкъ, былъ пораженъ донесеніемъ о грабежахъ Вогуловъ; огорченный вѣстями объ участи русскаго народа, а еще болѣе взволнованный и разгнѣванный донесеніемъ чердынскаго воеводы Пелепелицына (который, какъ основательно замѣчаетъ знаменитый и правдивый исторіографъ Миллеръ, изъ желанія заподозрить Строгоновыхъ въ черномъ дѣлѣ стачки съ грабителями (56), написалъ къ Государю на нихъ извѣтъ), Грозный, понявъ,

(56) Миллеръ, стр. 145. Можетъ-быть, вѣсти о Ермакѣ достигли до Пелепелицына по жалобѣ чусовскихъ обитателей на казацкій грабежъ, и Пелепелицынъ рѣшился употребить собранныя имъ свѣдѣнія въ дѣло противъ Строгоновыхъ, не разузнавъ, куда именно ушелъ Ермакъ съ казаками и отписавъ объ этомъ сплеча «и на Вотяки и на Пелымцы и на Сибирцы».

Карамзинъ (И. Г. Р. т. IX, прим. 671), полагая, что Грозный могъ черезъ мѣ-

что Ермаку невозможно было скрыться безъ содѣйствія Строгоновыхъ, увлекся черными мыслями, обвинилъ ихъ, невинныхъ, въ измѣнѣ и послалъ къ нимъ свою опальную грамматy.

У насъ иные эту грамматy ставили въ укоръ самому царю Ивану Васильевичу: мы, признаться, не видимъ никакой вины со стороны Грознаго: видимъ только одно—что, вѣря воеводѣ, царь былъ правъ въ опалѣ и еще очень-снисходителенъ къ Строгоновымъ.

Но вотъ и самая граммата; она пышетъ огнемъ и царственнымъ гнѣвомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ и участіе царя къ самимъ Строгоновымъ. Представляемъ ее вполнѣ:

Граммата царя Ивана Грознаго отъ 16 ноября 7091 (1582) года Максиму и Никитѣ Строгоновымъ,—опальная.

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ Чюсовую, Максиму, Яковлеву сыну, да Микитѣ, Григорьеву сыну, Строгоновымъ.

«Писалъ къ намъ изъ Перми Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарыщи, *воевать Вотяки и Вогуличей и пелымскія и сибирскія мѣста* сентября въ 1-й день.

«А въ тотъ же день, собрався, пелымскій князь съ сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ войною въ наши пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людемъ починили.

«И то сдѣлалось *вашею измѣною! Вы* Вогуличъ и *Вотяковъ* и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ сибирскимъ съ салтаномъ ссорили насъ; а волжскихъ атамановъ *къ себѣ призвавъ воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указу.*

«А тѣ атаманы и казаки прежъ того ссорили насъ съ ногайскою ордою, пословъ ногайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинили. И имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было пашу пермскую землю оберегать — *и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ потому жъ какъ на Волгѣ чинили и воровали!*

«Въ *который день къ Перми*, къ Чердыни, *приходили Вогуличи*, сен-

---

сяцъ узнать, что дѣлается въ Перми, сомнѣвается, чтобъ онъ не раньше какъ черезъ цѣлый годъ узналъ о набѣгѣ пелымскаго князя.

Если предположить, что 1-го сентября 1581 года пелымскій князецъ началъ дѣлать набѣги съ рѣки Чусовой, что набѣги эти на Чердынь и на всю пермскую страну продолжались нѣсколько недѣль, а можетъ-быть и мѣсяцовъ, что одни переходы Вогуличъ и Остякевъ доуральскихъ (бывшихъ тоже въ волненіи) съ одного мѣста на другое требовали много времени и что въ тѣ времена трудно было передавать вѣсти на Москву съ быстротою, нынѣ доступною, то намъ и не будетъ казаться удивительнымъ, что опальная граммата была подписана въ ноябрѣ 1582 г.

тября въ 1-й день—*и въ тотъ же день отъ тебя* изъ остроговъ *Ермакъ* съ товарыщи *пошли воевать Вогуличи!* А Перми ничѣмъ не пособили!

«*И то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною!* А только бы вы *намъ* служили—*и выбъ тѣхъ казаковъ въ тѣ поры въ войну не посылали, а послали ихъ и своихъ людей* изъ своихъ остроговъ *нашія земли* пермскія *оберегать!*

«И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, а велѣли тѣхъ казаковъ, Ермака съ товарыщи, взявъ, отвести въ Пермь и въ Усолье Камское и тутъ имъ стояти велѣли раздѣлася, и изъ тѣхъ мѣсть на пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать велѣли есьмя тѣмъ всѣмъ казакамъ и Пермичамъ и Вятчанамъ съ своими посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ Глуховымъ, чтобъ впередъ воиские люди Пелымцы и Отяки и Вогуличи съ сибирскими людьми на наши земли войною не пришли и нашіе земли не изоевали; а велѣли есьмя тѣмъ казакамъ быти въ Пермія до весны, и на Отяки и на Вогуличи ходити съ Воиномъ воевать и ихъ въ нашу волю приводить по нашему указу.

«А вы бъ, обсылася въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицынымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ, посылали отъ себя воевать Вогуличъ и Отяковъ, и одиличио бъ естя, по сей нашей грамматѣ, казаковъ всѣхъ, только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ и у себя ихъ не держали; а будетъ для приходу вамъ въ острогѣ быти нельзя — и вы бъ у себя оставили немногихъ людей, человѣкъ до ста, съ которымъ атаманомъ, а достальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь одиличио тотчасъ.

«А *не вышлете* изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана *Ермака* Тимофеева *съ товарыщи, а учнете ихъ держати у себя*, и пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такою вашею измѣною, что надъ пермскими мѣсты учинитца отъ Вогуличъ и отъ Пелымцовъ и отъ сибирскаго салтана людей впередъ — и намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая!

«А *атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали—велимъ перевѣшати!*

«И вы бъ тѣхъ казаковъ одиличио отпустили отъ себя въ Пермь, и нашимъ дѣломъ надъ Пелымцы и на Вогуличи и на Вотяки промышляли по нашему указу, ссылался о томъ съ Васильемъ Пелепелицынымъ и съ Воиномъ Оничковымъ, *чтобъ далъ Богъ ихъ изоевать, и въ нашу волю привести, а пермской земли и вашихъ остроговъ уберечи.*

«Писана на Москвѣ, лѣта 7091 (1582), ноября 16 дня.»

У грамматы приложена черная восковая печать.

На оборотѣ подписано:

Царь и великій князь всеа Русіи.

Дьякъ Андрей Щелкаловъ (57).

Но «гдѣ гнѣвъ—тамъ и милость!» говоритъ старинная русская поговорка. Строгоновы сами чувствовали, что они тутъ чисты и рѣшительно ни въ чемъ неповинны.

И они, да и сами казаки, были спокойны и не трепетали этой гнѣвной грамматы грознаго государя.

Они ужь знали, съ какимъ гостинцемъ къ царю поѣхалъ вѣрный товарищъ Ермака — извѣстный уже намъ, давно приговоренный къ смерти, Иванъ Кольцо...

Да, много великихъ дѣлъ дѣлается на свѣтѣ, какъ-будто невзначай!

ГЛАВА VI-Я.

Взятіе Сибири.

Ермаковы подвиги въ Сибири. — Первыя стычки на Турѣ — Вѣсти къ Кучумъ. — Ополченіе Кучума. — Махмет-Кулъ. — Битва при Бабасанѣ. — Покореніе Карачева-Улуса. — Битва на берегахъ Иртыша. — Засада. — Ночной совѣтъ — Битва подъ Чувашевымъ. — Пораженіе Махмет-Кула. — Бѣгство Кучума. — Вшествіе казаковъ въ кучумову столицу, Сибирь.

«Начиная описаніе Ермаковыхъ подвиговъ,
«скажемъ, что они, сильно дѣйствуя на воображеніе людей, произвели многія басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ съ истиною и,
«подъ именемъ лѣтописаній — обманывали самыхъ историковъ.»

Н. М. Карамзинъ.

Ермакъ, съ подчинившимися ему артелями бездомныхъ промышленниковъ-искателей приключеній, явился заУраломъ, въ предѣлахъ сибирскаго юрта, къ осени 1581 года: цифры этого года вырѣзаны и на памятникѣ ему въ Тобольскѣ.

По дорогѣ, Ермакъ всюду встрѣчалъ кочевья и мелкія сборища туземныхъ племенъ, которыя и не думали ему сопротивляться, потому-что, ведя жизнь кочевую или бродячую, они переходили съ одного мѣста на другое, не знали о поземельной собственности и не имѣли, значитъ, никакого повода препятствовать походу толпы, дотолѣ имъ невидѣнной. Тѣ изъ сибирскихъ обитателей, которымъ сознаніе осѣдлости было уже доступно и которые, можетъ-быть, не такъ хладно-

(57) Миллеръ, стр. 146. Въ этомъ же году врачевавшій Годунова Строгоновъ получилъ право на «именитость»; въ этомъ же году пришло и посольство Ермака въ Москву: стеченіе этихъ обстоятельствъ, если вникнуть въ ихъ смыслъ, еще болѣе убѣдитъ въ несправедливости начала Строгоновской Лѣтописи. (П. Г. Р. т. IX, прим. 611, 617 и 653).

кровно смотрѣли на своихъ незваныхъ гостей, не могли поставить казакамъ; никакого препятствія; тѣ, которые жили далѣе отъ берега, не видѣли самодѣльной флотиліи казаковъ, тѣ же, которые видѣли ее, не могли пуститься въ погоню за нею: плаваніе на судахъ и въ лодкахъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, не было у нихъ въ общемъ употребленіи.

Углубляясь далѣе и далѣе въ пустынныя мѣста, Ермакъ явился на Турѣ. Первое, что онъ встрѣтилъ здѣсь, что напоминало ему жизнь, нѣсколько похожую на жизнь нашего народа — были пашенные юрты или улусы Вогуловъ и Остяковъ, находившихся въ непосредственномъ завѣдываніи или кучумова брата, или остяцкаго князя Епанчи. О населенности тамошнихъ мѣстъ мы имѣемъ кой-какія, хотя и чрезвычайно-краткія, но достовѣрныя статистическія данныя, извлеченныя нами изъ неопровержимыхъ документовъ, царскихъ грамматъ, наказныхъ памятей и другихъ актовъ (58). Хотя данныя эти относятся и

---

(58)Мы изъ «Сибирской Исторіи» Миллера и изъ помѣщенныхъ въ ней грамматъ и разныхъ документовъ сдѣлали слѣдующее извлеченіе. Извлеченіе это, содержащее въ себѣ статистическія свѣдѣнія за время около конца XVI и начала XVII столѣтій, будетъ служить какъ-бы продолженіемъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ 6, 12, 20 и 83 примѣчаніяхъ. Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы Исторіи Миллера перваго, 1750 года, изданія.

Таборы (230 и 237) былъ городъ или городище на *Тавдѣ*, пониже устья Пелыма (по Кн. Бол. Черт. стр. 218 — онъ лежитъ на рѣчкѣ Таборы, текущей въ Тавду).

Кошуки (270)—вогульская волость на рѣкѣ Пачеикѣ (Кн. Бол. Черт. стр. 219 — Ашуки на Тавдѣ, ниже Таборовъ), нынѣ по рѣкѣ Тавдѣ существуютъ селенія: Табаринска, ниже ея—Табаринское, а за нимъ Кошупкое.

На чертежѣ въ 1600 году были уже положены слѣдующія мѣста (364):

I. Отъ Верхотурья (отъ Неромкары) до Турииска (до Епанчина-Юрта):

Байгаринъ, Колмакъ, Ильясовъ, Ургунчинъ, Кокузовъ } — всѣ пять—пашенные юрты.

II. Отъ Турииска къ Тюмени:

Енбайковъ — пашенный юртъ.

Далѣе отъ Турииска верстъ съ пять поле, десятинъ съ 80; за нимъ:

Ногаевъ, Аккаша, Неболсинъ, что было городище кучумова брата, Берсегеневъ, Девлетевъ, Кабачинъ } Эти шесть юртовъ были пашенные же.

Два юрта непашенныхъ.

О тогдашнемъ народонаселеніи этихъ мѣстъ изъ тѣхъ же документовъ извѣстно слѣдующее (355 и 361):

Епанчинъ—юртъ; около него жили Татары, и Остяки, и Вогуличи. Нынѣ это мѣсто зовется «Турииск».

«А у Епанчи въ юртѣ всего—восемь человѣкъ, да и тѣ стары и нужны: послати для вѣстей нѣкого.

Юрты Епанчина сбору:

I. Вверхъ по Турѣ (между Турииском и устьемъ Тагила):

къ позднѣйшему нѣсколько времени, но все-таки они могутъ навести насъ на мысль о суммѣ сопротивленій, которыя предстояли Ермаку во время его похода.

Объ отношеніяхъ обитавшихъ здѣсь народцевъ къ князькамъ, а князьковъ къ Кучуму, мы можемъ сказать только то, что, *вѣроятно*,

---

Отъ Туринска (Епанчина) въ 5-ти верстахъ—	Кукузовъ, всего	6 человѣкъ.	въ тѣхъ юртахъ пашенные Остяки.
А верстъ съ пять оттуда	Ургунчинъ,—	6 человѣкъ.	
Въ полудницѣ отъ Епанчина	Илясовъ, —	6 человѣкъ.	
Въ днищѣ отъ Епанчина Багаринъ да	Колмаковъ, —	6 человѣкъ.	
Верстъ со сто отъ Епанчина юртъ	Санкинъ, —	8 человѣкъ.	

Выше тагильскаго устья—пашенныхъ Татаръ, то-есть, Вогуловъ и Остяковъ мухаммеданъ—нѣтъ.

II. Вверхъ по Ницѣ.

Во днищѣ отъ Епанчина юртъ Ногаевъ—30 человѣкъ.

III. Внизъ по Турѣ.

Въ пяти верстахъ отъ Епанчина юртъ Енбайковъ—2 человѣка.

У этихъ Татаръ и Остяковъ — и были лошади, но къ 1601 году люди опѣшали, потому-что лошади въ подводахъ распропали (362).

Туринскіе Вогуличи (354 и 369).
(Платили ясакъ съ Епанчиными Татарами.)
Юрты отъ Усть-Тагила вверхъ по Турѣ рѣкѣ.

	Всего живыхъ въ 1601 г. мужеска пола взрослыхъ.
Нелуковъ — четверо женатыхъ; пятеро холостыхъ; одинъ старъ добрѣ: ясаку съ него взять не на комъ.	10 человѣкъ.
Туразиковъ — одинъ женатый.	1 —
Талячинъ — одинъ женатый, двое холостыхъ, одинъ старъ добрѣ изувѣченъ: кормится по юртамъ, да одинъ за звѣремъ не ходитъ: медвѣдь испортилъ — ясаку за нихъ взяти не на комъ.	5 —
Курманчинъ—двое женатыхъ; одинъ старъ—ясаку давно не платитъ; а одинъ умеръ	3 —
Хабарчинъ — двое холостыхъ	2 —
Ямашовъ — четверо женатыхъ, одинъ холостой	5 —
Неромкары или Неромкуры (Верхотурье), *старое чудское городище*; въ этомъ юртѣ было четверо женатыхъ, двое холостыхъ, двое старыхъ, да двое умерло — итого	8 —
А всего въ семи юртахъ. .	34 человѣка.

(Ясаку бралось: съ женатаго—по 10 соболей, а съ холостаго — по пяти соболей.)

Вотъ какъ описывали это городище въ 1597 году бывалые люди «для городоваго и осторожнаго дѣла»:

«Отъ рѣки отъ Туры, по берегу, крутово камени горы (утесы) отъ воды вверхъ «высотою саженъ съ двѣнадцать и больши, а саженьми не мѣряно; а та гора крута, «утесъ. И тово мѣста по Турѣ по рѣкѣ, по самому берегу—шестдесятъ саженъ боль«шихъ. И по смѣтѣ тому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто «добре крѣпко— ни которыми дѣлы взлѣсти не можно! И по смѣтѣ (коли смекнуть) «—тому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что мѣсто, и безъ городовые стѣ«ны, всякова города крѣпче. Развѣе бъ потому мѣсту велѣти хоромы поставить «врядъ—что городъ жё; да избы подѣлать и дворы бъ поставить постѣнно, а по угломъ «города, отъ рѣки отъ Туры — поставить наугольныя башни» (336).

Волости по рѣкѣ Иртышу.

Асъ-Пугль и Куль-Пугль (231, 232 и 395), въ коцкой землѣ; ихъ называли сначала Васпакульская-Волость и Колпокутцкая-Волость или Васпалукукъ и Колпукулукъ;

и въ тѣ времена между ними существовали тѣ же самыя отношенія, какія и нынѣче находимъ у кочевыхъ народовъ Сибири, то-есть, *кибитка*, *юрта* — соединеніе членовъ одного и того же семейства, *улусъ* — соединеніе нѣсколькихъ семей; *аулъ* — связь всѣхъ семей въ поколѣніе, подъ одну *власть* или *волость*; *орда* — соединеніе

потомъ Аспуколокъ и Кулпуколокъ волостки, наконецъ, Аспухольскія-Юрты и Колпуховскія-Юрты; по правому берегу Иртыша, между рѣками Демьянкою и Обью, ближе къ Оби, нынѣ есть деревня Заводинская, Колпухово — тожъ.

Волости отъ Тобольска вверхъ по Иртышу, въ Верхнюю-Землю, къ новому городу ко Яломъ, гдѣ поставленъ будетъ городъ государевъ на Тарѣ рѣкѣ (1594 г.).

Въ 1594 году половину ясака платили царю русскому, а другую половину давали Кучуму.

Курдакъ, нынѣче Каурдацкая (четыре дни ѣзды по Иртышу отъ Тобольска), въ ней князь Канкулъ; народу	350	человѣкъ.
Соргачь, нынѣ Саргацка, при устьѣ Ишима (восемь денъ отъ Тобольска), а въ ней князь Янбышъ; народу	80	—
Отузъ (ходу два дницца), народу	15	—
Таву (ходу два дницца), лучшій человѣкъ Ангильдей; народу	10	—
Урусъ, народу	6	—
Токузъ, въ ней лучшій человѣкъ Баишенъ; народу	3	—
Супра.		
Аялы (также Оллы, Ялы, Ялымъ, нынѣ Тара), а въ ней ясаулъ Ямукъ, а другой Ямдильдей; ходу до той волости отъ Тобольсково города въ судѣхъ вверхъ по Иртышу пятнадцать дницъ; народу у нихъ	800	—
Всего около	1000	человѣкъ.

Мерзлый-городокъ;
Турашъ;
Кирпики;
Малогорцы или Малогородскіе волости, за Тарой вверхъ по Иртышу.

Въ 1594 году, эти волости были за нагайскимъ мурзою Алеемъ (272).

Вузюковы волости на Вузюковъ-Озерѣ (вѣроятно, близъ Оми или Чанъ).

Волости эти исчисляются слѣдующимъ образомъ (295):

Городокъ Тунусъ, князь Чангула-Мурза (нынѣче есть селеніе Тунуска на рѣкѣ Тарѣ, на границѣ Тобольской и Томской Губерніи.

Волости: Чангула, Лугуй, Люба, Келема, Турашъ, Барама, Кирпики,

За Алеемъ, мурзою нагайскимъ; въ 1595 году ясаку Москвѣ не давали; они были преданными приверженцами Кучума и никакихъ ясаковъ до того времени московскому двору не платили, отправляя разнаго рода повинности натурою Алею и Кучуму, напримѣръ, распахивая ему поля, снабжая его рыбою изъ озеръ и защищая его отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ. (По Барабинской-Степи близъ Оми и Убинскаго-Озера.)

Кетскія волости.

Пѣгая-Орда или Нарымъ, при устьѣ р. Кети въ Обь (320, 327). У Пѣгой-Орды было два городка: «Нижній Нарымъ» на р. Нарымѣ и «Верхній Нарымъ» въ двадцати тогдашнихъ тысяча-саженныхъ верстахъ отсюда.

У ней волости:

Ларбодиска,
Каскопиковская,
Миткасская,
Чюрубарская (въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи выше села Тогуръ).
Шамская.
Кадышская волость вверхъ по Кети.

Нарымскій и Кетскій остроги, на Раздорѣ, на лѣвой сторонѣ Оби и кетскаго устья (318).

всѣхъ поколѣній, и наконецъ *сибирскій юртъ*—совокупная связь всѣхъ этихъ единичныхъ дѣленій. Глава этого юрта былъ сибирскій царь или ханъ; Сибирь—была то же, что ханская ставка; отдѣльные предводители племенъ, ауловъ, волостей, имѣли отношеніе къ нему, какое нынѣшніе киргизскіе султаны имѣютъ къ своему хану: они были лучшіе люди изъ мѣстныхъ народовъ и назывались князьками и ясаулами; а духовенство мухаммеданское, ахуны и сенты, и родственники хана, царевичи, были его думными, карачами.

Какъ ни ограниченно, можетъ-быть, было туринское населеніе, но Ермакъ понималъ, что здѣсь дѣло не обойдется безъ битвы, потому-что улусники были въ необходимости защищать ту землю, которая имъ принадлежитъ по праву. Ермакъ рѣшился дать тутъ «сраженіе»... но при первыхъ же выстрѣлахъ дикари пришли въ смятеніе.

Оглушивъ непривычное ухо ружейною пальбою, Ермакъ прогналъ епанчинскихъ Татаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Вотъ, въ какихъ выраженіяхъ передастъ строгоновскій лѣтописецъ ощущенія сибирскихъ дикарей, такъ хорошо понятыя и какъ-будто-бы отъ нихъ подслушанныя, но переданныя тогдашнимъ книжнымъ языкомъ:

«Таковы бо суть Рустіи воини сильни: егда стрѣльнутъ изъ луковъ «своихъ — тогда огнь пышетъ и дымъ великій исходитъ и громко «голкнетъ, аки громъ на небеси. А ущититься отъ нихъ никакими «ратными сбруями не мочно: куяки и бехтерцы и панцыри и коль«чуги наши не держатъ—все пробиваетъ на вылетъ.»

Первый шагъ и первая побѣда оправдали надежды Ермака. Онъ пустился далѣе, пошелъ внизъ по Турѣ, вышелъ на Тоболъ и, достигнувъ устья Тавды, встрѣтился съ толпою Сибирцевъ или Татаръ, предводительствуемыхъ приближеннымъ къ Кучуму сановникомъ, по имени Таузапомъ. Казаки переловили Татаръ и Таузана представили Ермаку. Ермакъ принялся его разспрашивать, и Таузанъ, которому были показаны опыты всемогущества русскаго ружья, со страху

Тогуръ — тамъ же.

Сургутъ — внизъ отъ Нарыма, по Оби; князь Бардакъ.

Томскія волости (392) 1604 года.

Еушта, на Томи, князь Тояпъ; народу 300 человѣкъ.

Чатская или Чаты, десять дней пути отъ Тояпа. Вѣроятно, барабинскіе Татары у озера Чаны.

Киргизы, семь дней пути отъ Тояпа; князь Немча; народу 1000 человѣкъ (по Іюсу, Урюпу и Чулыму).

Волости князя Бинея: отъ Тояпа до ближняго Бинеева кочевья 10 дней пути, до дальняго 5 недѣль; народу 10,000 человѣкъ (Миллеръ полагаетъ, что это должно быть Калмыки, кочевавшіе между Иртышемъ и Обью.)

Телеуты; князецъ Обакъ; отъ Тояпа 5 день пути до дальняго кочевья; народу 1000 человѣкъ.

Чати; у нихъ Умацкій князецъ; холу до него отъ Тояпа 14 день; народу 300 чел. Мы уже имѣли, въ 1847 году, случай обнаружить свои догадки, что это была именно татарская кійская волость половины XVII столѣтія, по р. Кіѣ, текущей въ Томь.

Кузнецы—или Кузнецкая волость, въ предѣлахъ нынѣшняго Кузнецкаго-Округа.

смерти «повѣда имъ вся по ряду про сибирскихъ царей и князей, про мурзъ и улановъ и про царя Кучума». Ермакъ, добывъ языка и разузнавъ всѣ подробности, отпустилъ его съ миромъ, «да скажетъ Кучумови салтану пришествіе ихъ».

Кучума удивилъ нежданый приходъ Русскихъ, а чудеса, разсказанныя про казаковъ Татарами, заставили его крѣпко опасаться грознаго непріятеля. По разсказамъ лѣтописцевъ, «Царь Кучумъ оскорбися и опечалися вельми зѣло и въ недоумѣніи мнозѣ бысть; и посылаетъ во всю свою державу по градомъ и улусомъ, лабы къ нему ѣхали во градъ Сибирь на спомоганіе противу русскихъ сильныхъ вой. Въ малѣ же времени собрашася къ нему все множество воя его, князи, и мурзы, и улановс и Татарове и Остяки и Вогуличи и прочая языци подъ властію его вси».

Собравъ рать, Кучумъ послалъ ее противъ Ермака, назначивъ начальникомъ надъ избранными имъ людьми сына своего Махмет-Кула. А самъ, между-прочимъ, оставаясь въ своей резиденціи, Сибири, въ ожиданіи приближенія Ермака къ Иртышу, велѣлъ, на всякій случай, въ недальнемъ разстояніи отъ Сибири, внизъ отъ ися по Иртышу, ближе къ Тоболу, при урочищѣ Чувашевомъ, приготовить новый городокъ или ограду, укрѣпленную валомъ, которую (слѣдуя лѣтописцамъ) онъ приказалъ «засыпати землею и каменіемъ и окрѣпити, яко же есть достойно утвержденію» — однимъ словомъ, приготовился какъ слѣдуетъ.

«Маметкулъ же, съ вои своими, донде до нѣкоего урочища, иже Бабасанъ именуемо» и тутъ, на Тоболѣ, между Тавдою и Иртышемъ, встрѣтился съ нашими «витязями». Витязи наши, по одному лѣтописцу, «*не мало* убояшеся», а по другому лѣтописцу «*ни мало* того устрашишася». Что было вѣрнѣе—не знаемъ, но нѣтъ сомнѣнія, что казакамъ не совсѣмъ это полюбилось.

Въ-самомъ-дѣлѣ, съ этого времени дѣло принимаетъ болѣе-серьёзный оборотъ, и положеніе нашихъ будущихъ завоевателей становится болѣе-затруднительнымъ. Во-первыхъ, враги наши были фанатики, мухаммедане, люди, въ-слѣдствіе вновь воспріятыхъ ими идей, само-по-себѣ воинственные; во-вторыхъ, это были люди, которые, съ разу привыкнувъ къ грому ермаковыхъ пищалей, медлятъ обращаться въ бѣгство и сами уже дерзаютъ осыпать казаковъ тучами стрѣлъ; въ-третьихъ, наконецъ, это были уже не бродячія племена, ни къ чему непривязанныя, а люди болѣе цивилизованные, люди съ сознаніемъ права: дорожа роднымъ клочкомъ земли, они бьются жестоко съ казаками.

Такова была первая битва, при урочищѣ Бабасанъ. Здѣсь Ермакъ хотя и не затмилъ славы своей первой побѣды, однакожь, уступая численности Татаръ, принужденъ былъ, не ожидая бѣгства непріятелей, самъ пуститься на стругахъ своихъ внизъ по Тоболу. Между-тѣмъ, Татары, не имѣя лодокъ, да и на сухомъ-то пути боясь еще близко подступиться къ нашимъ удальцамъ, заняли выгодную позицію на воз-

вышенныхъ мѣстахъ и изъ-за береговыхъ утесовъ преслѣдовали казаковъ меткими стрѣлами.

«Неизвѣстная Рукопись», служившая первообразомъ для составленія «Строгоновской Лѣтописи», такъ описываетъ это событіе: «Рустіи воини видѣвше ихъ (невѣрныхъ), Бога на помощь призвавше, на нихъ устремишася. Они же, сопротивъ ихъ крѣпко бьющеся и отъ бой ихъ много падоша, но проидоша мимо ихъ въ стругахъ казацы».

Ермакъ продолжалъ дѣлать дальнѣйшія завоеванія—мы употребляемъ это слово, потому-что каждый шагъ Ермака, въ странѣ чуждой, былъ уже побѣдой: гдѣ онъ прошелъ, тамъ пріобрѣлъ право собственности, налагая свою руку на богатства прибрежныхъ обитателей; гдѣ онъ разбивалъ мухаммеданъ въ битвѣ, тамъ въ ихъ глазахъ, въ ихъ убѣжденіи былъ ихъ законнымъ покорителемъ.

На рѣкѣ Тоболѣ, Ермакъ встрѣтилъ новую татарскую осѣдлость, кучумовыхъ же подданныхъ: этою мѣстностью правилъ какой-то думный кучумовъ карача: имя его неизвѣстно. Слово это означаетъ вообще «набольшаго» (59), но мы будемъ употреблять его какъ собственное имя, по примѣру другихъ, писавшихъ о ермаковомъ набѣгѣ. Ермакъ не замедлилъ сразиться и съ Карачею. Онъ вышелъ на берегъ, далъ «брань не малую», разбилъ Карачу въ пухъ, разорилъ его улусъ, взялъ богатую добычу, все, что нашелъ тутъ, даже медъ, перенесъ на свои плоты и поплылъ на новые подвиги далѣе, внизъ по Тоболу, ближе къ Иртышу.

Близъ устья Тобола, его настигли Татары. На этотъ разъ, Ермаку трудно было уплыть, жалѣя зарядовъ. Не всѣ враги были пѣши, многіе были на коняхъ: они слѣдили за ходомъ ермаковыхъ плотовъ, старались преградить ему дорогу своими стрѣлами и надѣялись ввести казаковъ въ засаду.

Сынъ Кучума, Махмет-Кулъ, поджидалъ своего непріятеля въ новомъ укрѣпленіи, подъ Чувашевымъ. Но Ермакъ, не доходя еще до Чувашева, причалилъ къ берегу близь самаго устья Тобола и мужественно кинулся на наѣздниковъ и на пѣшую рать. Битва его увѣнчалась успѣхомъ: Татары обратились въ бѣгство; удалые казаки сѣли на струги и, распростившись съ Тоболомъ, стали подниматься вверхъ по Иртышу. У нихъ въ этой битвѣ «мало убіено бысть: точію кійждо уязвлени быша» (60).

---

(59) «Царь со всѣми *карачи*, духовными и мірскими».—«И отдаша намъ царя своего со единымъ *карачемъ*, что *наибольшимъ* ихъ; царю же было бусурманское имя Идигеръ (казанскій), а *князю* оному—Зеніешъ» (Сказанія Князя Курбекаго. 1833, ч. I, стр. 41).

Карамзинъ (стр. 387, т. IX, И. Г. Р.) полагаетъ, что эта битва была на Карачинскомъ-Озерѣ. Откуда вывелъ это исторіографъ — не понимаемъ и очень бы желали знать, какими способами могли казаки въ лодкахъ пробраться внутрь страны, если, дѣйствительно, сраженіе было при озерѣ. Не можетъ быть, чтобъ казаки бросили свои струги и отправились туда пѣшкомъ.

(60) Лѣтопись Сибирская (Строгоновская) 1821 г., стр. 33. Карамзинъ, т. IX, примѣч. 683.

Взятое Ермакомъ направленіе, то-есть, именно то, что Ермакъ поплылъ вверхъ, а не внизъ по Иртышу, что, казалось бы, для него было и удобнѣе и сподручнѣе—доказываетъ уже, что хитрый казакъ дѣйствовалъ по здраво-обдуманному и умно-разсчитанному плану. Зная, вѣроятно, что внизъ по Иртышу и далѣе, по Оби, живутъ Остяки, питающіеся преимущественно одною рыбою, хотя и не менѣе богатые дорогими мѣхами, Ермакъ сообразилъ, что въ этихъ мѣстахъ, зимой, средства къ жизни и прокормленію многочисленныхъ товарищей его будутъ недостаточны. Вверхъ же по Иртышу были юрты пашенные, народъ богаче средствами къ осѣдлому проживанію; близко тутъ же самъ царь Кучумъ жилъ; къ Кучуму ходили торговые Бухарцы. Ермакъ, можетъ-быть, и разсчитывалъ, что, поднявшись съ осени подальше отъ Сибири, онъ весною, по вскрытіи водъ, отдохнувъ хорошенько зимой, съ свѣжими силами нахлынетъ на Сибирь, и тогда что Богъ дастъ! а пожива вѣрная и богатая. А до того времени, вдали отъ Кучума, онъ съ пятьюстами удальцовъ надѣялся, можетъ-быть, при помощи ружья, мирно и согласно прозимовать съ сосѣдями, которыхъ ему Богъ пошлетъ.

Можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ такъ разсчитывалъ Ермакъ, но не такъ вышло на дѣлѣ.

Кучумъ, получивъ извѣстіе о новомъ пораженіи своихъ Татаръ и о походѣ Ермака по Иртышу къ Сибири, обрадовался случаю отплатить нарушителю своего спокойствія должною местью. Онъ пошелъ самъ къ нему на встрѣчу и отправился подъ Чувашево для усиленія въ новомъ укрѣпленіи рати своего сына.

Это было 22 октября 1581 года, въ пятьдесятъ-второй день похода Ермака.

Къ вечеру этого дня, казаки подплыли къ Чувашеву, и такъ-какъ ночью подниматься вверхъ, въ сосѣдствѣ отъ Сибири, было слишкомъ-опасно, то, замѣтивъ старое городище (въ которомъ были, ли въ то время обитатели—неизвѣстно), называемое Аты, или городокъ Атикъ-мурзы, засѣли въ немъ, не зная, какъ кажется, о приготовленной для нихъ засадѣ (61).

---

(61) Вотъ точка зрѣнія, съ которой смотритъ на все это событіе «Строгоновская Лѣтопись» (стр. 33, изд. г. Спасскаго):

Глава XVII.

О взятіи городка Атика-Мурзы.

Пріидоша русское воинство подъ городокъ Атикъ-Мурзы и взяша его и сѣдше въ немъ, уже нощи пришедши, тьмѣ нашедшу.

Видѣвше же казаки у засѣки толикое погинныхъ собраніе — они же сего устрашишася и рекоша себѣ: како можетъ стати противу толикаго собранія? И начаша размышляти въ себѣ, и учиня кругъ, и совѣтъ благъ сотвориша о томъ и глаголаша другъ ко другу: «отойти ли намъ мѣста сего, или стояти единолунно?» Инїи же начаша мыслити и глаголати: «лучше бы намъ было, аще отъидемъ отъ нихъ въ отходъ!» А инїи же супротивъ глаголюще жестостію твердо:

«О, братія наша единомышленная! Камо намъ бѣжати? Уже осени достигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзается: не дадимся бѣгству, и тои худыя славы себѣ не полу-

Утомленные недавнею битвою и трудностью пути, казаки расположились-было на покой; но зоркіе глаза стражи замѣтили страшное полчище невѣрныхъ, заранѣе радовавшихся ожидающей ихъ побѣдѣ. Многочисленность непріятелей испугала нашихъ витязей. Поднялась тревога; паническій страхъ объялъ казаковъ: они рѣшились бѣжать!

«чимъ, ни укоризны на себя не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога. Не отъ «многихъ бо вои побѣда бываетъ — но свыше, отъ Бога, помощь дается: можетъ бо «и безпомощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы, братіе, сами колико зла сотво- «рихъ безбожніи оніи и окаяннии Агаряне сибирскія земли, Салтанъ Кучумъ, нашей «русской, перместѣй земли: государевымъ городомъ запустѣніе, православнымъ хри- «стіаномъ посѣченіе и плѣненіе. И *Строгоновыхъ* острожкомъ колико зла учинили? «—Того ради всемогій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь ихъ крестьянскую!— «Воспомянемъ, братіе, обѣщаніе свое, какъ мы честнымъ людемъ (Строгоновымъ) «обѣты и слово свое дали и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ, елико всемогій «Богъ намъ помощи подастъ, а отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ умре- «ти — а вспять возвратитися не можемъ, срама ради и преступленія ради слова «своего, яже съ клятвою обѣщахомся (Строгоновымъ). Аще намъ всемогій, въ Троицѣ «славимый, Богъ поможетъ — то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ «тѣхъ странахъ и слава наша вѣчно будетъ!»

И посемъ атаманы и казаки утвердившася вси единодушно и мужественно укрѣпившася и увѣришась до единаго и вси глаголаху едино вкупѣ:

«Готови умрети за святыя Божія церкви! и за истинную православную вѣру по- «страдати! и благочестивому государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу «всеа Руси послужимъ! и постоимъ противъ поганыхъ твердо до крови и до самыя «смерти! и того, братіе, не премѣнимъ обѣта своего и вси единодушно на томъ ста- «немъ непоколебими!».

И всѣмъ совѣтъ имъ бысть благъ.

И уже нощи прошедши, свитающу дневи и солнцу просіявшу, — просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ; Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся и рече дружинѣ своей со слезами:

«О друзи и братіе! — Помолимся Богу, и Пречистой Его Богоматери, и всѣмъ не- «бесным силамъ и угодникомъ Его, — дабы сохранены быша отъ нечестивыхъ и «окаянныхъ враговъ нашествія!»

И изыдоша изъ городка на бой мѣсяца октября въ 23-й день, на память святаго апостола Іакова, брата Господня, и вси вкупѣ, яко едиными устами, глаголаху: «съ нами Богъ!» и паки: «Господи, помози намъ рабомъ Своимъ!» И начаша приступати къ засѣкѣ мужественно и сурово зѣло — и бысть съ погаными брань велія. Погании же пустиша стрѣлы тьмочисленныя сверху засѣки и изъ бойницъ и многіхъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ очесъ уязвляютъ, а иныхъ смертно побиваютъ. Погании же, видѣвше храбрыхъ мужей паденіе,—и разломиша сами засѣку свою въ трехъ мѣстѣхъ, и изыдоша на вылазку, надѣяхуся казаковъ невозвратному бѣгству предати. И въ то время на вылазѣ составившася брань велія, крѣпко бьющеся, дондеже другъ друга за руки емлюще сѣчахуся. Казацы же на поганыхъ вси единодушно устремишася и показавше храбрость свою и жесточь надъ нечестивыми и безбожными Агаряны.

«Но малу же времени погании начаша оскудѣвати въ силѣ своей — Богъ же казацѣмъ на поганыхъ побѣду дая; казацы же поля пріобрѣтаютъ; и отъ засѣки отбиша и *знамена своя* на засѣку поставиша, и царевича Маметкула уязвиша — но вои его увезоша на малой лодцѣ за Иртышъ рѣку.

«Царь же Кучумъ, стояше на высокомъ мѣстѣ и видѣвъ своихъ Татаръ паденіе и сына своего Маметкула уязвленіе и бѣгство скоро, — повелѣ мулламъ своимъ кликати свою скверную бусурменскую молитву и начаша призывати къ себѣ на помощь скверные свои боги — и не бысть имъ ни мало помощи.

«И въ то время князи остяцкіи отойдоша съ своими людьми кождо во-свояси.

Они — но не Ермакъ.

Собрался кругъ или совѣтъ. Казаки толковали: время позднее; снѣгъ; не трудно и зазимовать въ чужой странѣ; тогда Татаринъ окружитъ и изведетъ ихъ всѣхъ по одиначкѣ. Положено — бѣжать.

О рѣшеніи казацкой дружины доведено было до свѣдѣнія Ермака. Зная характеръ своего предводителя, своего удалаго атамана, неизъявлявшаго желанія отступать ни на шагъ предъ непріятелемъ, старѣйшіе изъ его шайки, вѣроятно, старались убѣдить его къ побѣгу доводами, по ихъ мнѣнію, самыми неопровержимыми, на счетъ того, что, конечно, въ животѣ и смерти Богъ воленъ, однакожь — оно все-таки недурно бы предотвратить бѣду, пока есть еще къ этому возможность.

«Батюшка нашъ, Ермакъ Тимоѳеичъ (говорили, можетъ-быть, они), ну, самъ ты подумай: видишь Татаръ-то сила какая — несметное множество ратн! А нашихъ всего пятьсотъ человѣкъ: такъ царь-то Кучумъ насъ лоскомъ положитъ, живой души не оставитъ, завтра же всѣхъ перебьетъ! Что жь пользы изъ этого будетъ? Сибири не возьмемъ; сами погибнемъ; добычи лишимся; родной земли не увидимъ и сгибнемъ, какъ псы какіе-нибудь, безъ креста и молитвы... Ну, вдви-бы случилось такъ, что мы побѣдили Кучума, и богатства набрали и зажили бъ въ полномъ довольствѣ, а то теперь... ну, ты самъ посуди—что насъ впереди ожидаетъ, если и точно случится намъ завтра счастливо пробраться впередъ?.. Нынче и осень въ исходѣ, и снѣгъ ужь идетъ, и зима на дворѣ, и рѣка скоро станетъ: на стругахъ ужь не проберешься... Мы зазимуемъ въ степяхъ, безъ хлѣба, безъ теплой одежды, и тогда или сами погибнемъ съ голоду въ снѣжныхъ сугробахъ, или насъ окружатъ Татары кучумовы, будутъ тѣснить и угомонятъ насъ ни за что ни про что! Такъ убѣжимъ-ка покуда мы цѣлы: благо уйдемъ не съ пустыми руками!»

Ермакъ, котораго честолюбіе и какое-то странное и доселѣ непонятое имъ самимъ чувство ужаснулись этой низкой мысли Русскихъ — бѣжать въ виду врага отъ битвы, старался отговорить названныхъ товарищей отъ предпринятаго ими намѣренія, урезонивая ихъ тѣмъ, что имъ нѣтъ выхода на Русь! Они пропали дома! ихъ головы оцѣнены въ Чердыни!

— Ребята, говорилъ Ермакъ: — потрудись маленько! Богъ милостивъ! Сибирь близка, наживы много... поработай, ребята! Возьмемъ Сибирь!

— Мы ужь и то поработали! отвѣчали казаки: — пора и до дому! Чего намъ дожидаться? Чтобъ всѣхъ насъ перебили?... Идемъ! Бѣжимъ!.. Есть мѣсто намъ и безъ Чердыни!..

Вотъ единственная минута, которая окупаетъ всю протекшую жизнь Ермака и въ которую могла вспыхнуть въ груди его мысль о славѣ. Постоянныя заботы о мелочныхъ потребностяхъ, постоянныя тягости, не смотря на постоянныя побѣды, еще заглушали то высокое чувство, которое должно было разгорѣться въ пылкой душѣ его только въ минуты сильнаго потрясенія. Теперь только Ермакъ могъ об-

нять умомъ пройденное имъ поприще; оцѣнить, что̀ его ожидаетъ тамъ, дома, что̀ ожидаетъ здѣсь, и рѣшить то, что̀ успѣлъ онъ совершить въ отдаленномъ краѣ, понять и важность своихъ подвиговъ, прозрѣть тѣ послѣдствія, которыя непремѣнно должны были быть плодомъ нечаянно-заброшеннаго сѣмени.... Съ этой минуты онъ уже не простой волжскій казакъ, онъ не разбойникъ, не одинъ грабежъ—цѣль его: для грабежа онъ могъ найдти себѣ другой притонъ, могъ соединить свои интересы съ интересами огромной своей шайки и, раздѣляя мнѣніе большинства, могъ закончить свой сибирскій набѣгъ и возвратиться благополучно туда, куда надежды хорошей добычи указали бы ему дорогу. Рѣшаясь на битву, Ермакъ является героемъ, которому нуженъ только одинъ шагъ — и онъ на верху славы. И вдругъ, въ такую минуту, шайка грубыхъ буяновъ безъ стыда сознается въ трусости, хочетъ бѣжать, ниспровергнуть всѣ его планы, стереть съ лица земли его доброе дѣло, затоптать въ грязь его славу...

Ретивое заговорило!

Ермакъ остановилъ казаковъ. Онъ вдохнулъ въ нихъ храбрость звуками, на которые отозвались непорванныя еще струны въ сердцахъ воровъ-завоевателей, и они рѣшились: «погибнуть—такъ погибнуть съ честью!»

Утромъ, 23 октября, казаки пошли къ Чувашеву на приступъ.

Битва была жестокая; пули и стрѣлы свистѣли; богатыри сибирскіе валились подъ ударами казаковъ, хотя число Татаръ и превосходило наши силы въ двадцать разъ.

Кучумъ, наблюдая съ высокой горы за движеніями ратниковъ, приносилъ мольбы Аллаху о побѣдѣ надъ Русскими; но казаки были непобѣдимы. Съ обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о «быть или не быть»; съ обѣихъ сторонъ не было пощады врагу; съ обѣихъ сторонъ ярость дошла до остервенѣнія—бросились въ рукопашную: «и бысть сѣча зла —за руки емлюще сѣчахуся!»

Толпы Татаръ стали замѣтно рѣдѣть; царевичъ Махмет-Кулъ былъ раненъ и переплавленъ на ту сторону рѣки съ приближенными къ нему людьми; остяцкіе князцы оставили Кучума и удалились во-свояси.

Покинутый всѣми Кучумъ увидѣлъ бездну, которая такъ неожиданно подъ нимъ разверзлась: ему угрожалъ плѣнъ, а малочисленность его ратниковъ не могла долѣе бороться въ открытомъ полѣ съ богатыремъ казаковъ. Кучумъ возвратился къ своему дому, собралъ весь свой кочевой скарбъ и съ оставшимися въ живыхъ своими поддаными пошелъ искать пріюта, куда глаза глядятъ! (62).

---

(62) Вотъ другой образчикъ той же лѣтописи, для критическаго соображенія на счетъ распространенія періодовъ первообраза и для присоединенія по возможности имена Строгановыхъ:

«Царь же Кучумъ, видя свою погибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ:

«О, мурзы и уланове! Побѣжимъ, не медлимъ — сами бо видимъ своего царства

Сибири не стало. Но казаки не знали объ этомъ.

Потерявъ въ битвѣ подъ Чувашевымъ пятую часть своей дружины и утомившись отъ продолжительнаго и упорнаго боя, окончившагося только съ наступленіемъ темноты, Ермакъ расположился на покой и поставилъ крѣпкую стражу, опасаясь вѣроломства Татаръ. Утромъ слѣдующаго дня, казаки отправились къ Сибири. Какъ далеко Чувашево лежало отъ Сибири — навѣрное неизвѣстно; кажется, однакожь, что это очень-близко отъ нынѣшняго Тобольска, верстахъ въ трехъ или около, отъ устья Тобола, вверхъ по Иртышу: воспоминаніе объ этомъ мѣстѣ сохранилось нынѣ въ названіи Подчувашскаго-Перевоза и селенія Подчувашп: значитъ, казакамъ предстояло пройдти менѣе шестнадцати верстъ.

Казаки пошли къ Сибири, какъ увѣряютъ лѣтописцы «безъ боязни». Но когда они приблизились къ ней, то, къ удивленію своему, не замѣтили ни одной души. Раздумье напало на казаковъ; они стали прислушиваться — «и не бѣ никакого гласа». Мертвая тишина и запустѣніе поразили ихъ. Казаки, подозрѣвая, что Татары снова скрылись въ засадѣ, что они притворяются, въ надеждѣ заманить къ себѣ побѣдителей, долго не рѣшались входить въ запустѣлый городъ, «мняще, яко лукавствуютъ погани надъ ними и нѣчто лукавнующе». И только 26-го числа, совершенно убѣдившись въ напрасномъ безпокойствѣ, они рѣшились войдти въ Сибирь.

Сибирь была пуста.

Но Ермакъ былъ уже владыкой всего Зауралья, вплоть до самаго Иртыша.

Въ два мѣсяца онъ совершилъ весь свой походъ, побѣдилъ Татаръ — покорилъ Сибирь.

«лишеніе: сильніи наши—изнемогоша и храбріи воини—вси побіени быша! О, горе «мнѣ! Что сотворю? или камо бѣжу? Покры срамота лице мое! Кто мя побѣди — «и царства моего лиших? Простыхъ бо людей послаша на мя Строгоновы изъ сво«ихъ острожковъ свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ, Ермака съ товари«щи не со многими своими людьми — и тыи насъ, нашедъ, побѣди и толико намъ «зла сотвори: воиство мое избиша, и сына моего уязвиша — еле жива отъ нихъ «увезоша, и мене самого посрами и отъ царствія моего отгна! И неправда моя сни«де на мя: азъ бо чужая съ радостію пріяхъ, русскую землю воевахъ, Пермь-вели«кую и Строгоновыхъ острожки — а нынѣ всего своего лишенъ быхъ и самъ по«бѣжденъ бысть! Нѣсть бо тоя радости на земли, иже не премѣнится на жалость!»

«И прибѣже, окаянный, въ градъ Сибирь, и взя себѣ мало—нѣчто отъ сокровищъ своихъ, и вдашася невозвратному бѣгству; а градъ Сибирь оставиша пустъ.» (Стр. Лѣтоп. 1821 г., изд. г. Спасскаго, стр. 38.)

Какъ значительны были богатства сибирскаго царя — мы не знаемъ; но вотъ, напримѣръ, исчисленіе конфискованныхъ въ 1594 году, въ пользу короны, «животовъ» кондійскаго князька: «два вѣнчика серебренныхъ; двѣ чепочки серебренныхъ; ложка серебрена, а у ней шесть плашей серебренныхъ, завитца серебрена: чарка серебрена; 426 соболей; 13 лисицъ — черныхъ и бурыхъ и красныхъ; 61 бобръ; 1000 бѣлки (сто бѣлокъ были положены тогда противъ одного рубля); завѣсь дорогинена, а опушенъ камчишкомъ двоелишною.» (Миллеръ, стр. 253.)

Объ относительной стоимости бѣлокъ и соболей можно вывести заключеніе изъ того, что когда Етигеръ присылалъ Ивану Грозному по 1000 соболей и по 1000 бѣлокъ, то однажды прислалъ къ нему «за бѣлку—60 соболей». (Миллеръ, стр. 73.)

ГЛАВА VII-Я.

Утрата Сибири.

Умерщвленіе казаковъ. — Плѣнъ Махмет-Кула. — Посольство къ царю. — Подмога изъ Москвы. — Князь Болховской. — Указъ Строгоновымъ. — Ожесточеніе Татаръ. — Вѣроломство Карачи. — Осада Сибири. — Походъ Ермака къ Вагаю. — Смерть Ермака. — Бѣгство Казаковъ.

«Великій! гдѣ бъ ты ни родился
«Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ —
«Твой подвигъ жизни совершился!
«Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ,
«Хотя бъ сыны твои, потомки,
«Забывъ дѣянья предка громки,
«Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
«И жили съ алчными волками,
«Но ты, великій человѣкъ,
«Пойдешь въ ряду съ полубогами
«Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ,
«И славы лучъ твоей затмится
«Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
«Со трескомъ небо развалится
«И время на косу падетъ!»

П. И. Дмитріевъ.

Ермакъ взялъ Сибирь, или, какъ въ то время чрезвычайно-вѣрно выражались сами казаки—«сбилъ съ курена царя Кучума». Изъ пятисотъ-сорока человѣкъ, первоначальнаго числа дружины, у него стало гораздо-меньше. Порохъ вышелъ. Запасы истощились. Сообщеній съ Русскими на Камѣ не было и не могло быть. Зима...

Остаться въ Сибири — останешься если и не безъ хлѣба, то уже навѣрное безъ снарядовъ; отправиться самому за Уралъ — Сибирь опять потеряна.

Положеніе Ермака было незавидное.

Не смотря на то, что на четвертый же день послѣ занятія имъ запустѣлаго города, возвратились туда и обитавшіе въ немъ Остяки, что они видѣли въ Ермакѣ героя непобѣдимаго, что, не имѣя сочувствія къ личнымъ выгодамъ Кучума, князецъ остяцкій снабдилъ ермакову дружину, сколько могъ, всѣми жизненными запасами, не смотря на то, что семейства этихъ Остяковъ и ихъ жены скоро подружились съ покорителями, Ермаку надо было подумать о будущемъ и оградить себя, сколько это было возможно въ его положеніи, отъ козней Кучума и Махмет-Кула, которыхъ мѣстопребываніе было ему неизвѣстно.

Однакожь, казаки, съ первыхъ же недѣль своей зимовки, увѣрились, что теперь имъ нечего безпокоиться, что подвиги ихъ надолго упрочили

въ этихъ мѣстахъ тишину и спокойствіе: они довѣрчиво стали выходить изъ Сибири на промыслы и мелкими дружинами удалялись отъ прочихъ собратій на порядочное разстояніе.

Такъ однажды, 5 декабря, отправившись на рыбный промыселъ къ урочищу Абалакъ (это названіе сохранилось и поныне въ названіи селенія Абалацкаго, верстахъ въ пяти отъ бывшей Сибири вверхъ по Иртышу), казаки устроили себѣ тамъ шалаши и, утомившись одно время работой, легли на покой но стражи не разставили. Махмет-Кулъ воспользовался ихъ безпечностью, напалъ на нихъ, и умертвилъ ихъ всѣхъ до единаго.

Узнавъ объ этой потерѣ, Ермакъ съ дружиною бросился за нимъ въ погоню, догналъ его и разбилъ: Татары разбѣжались.

Этотъ случай, послужившій Ермаку новымъ доказательствомъ, что положеніе его было слишкомъ не обезпечено, заставилъ его обсудить свое дѣло со всѣхъ сторонъ.

Въ-слѣдствіе ли давнишнихъ соображеній, или нечаянно, сказать навѣрное трудно, Ермака осѣнила счастливая мысль — рѣшиться на предпріятіе небывалое, на послѣднюю крайность, на которую могъ рѣшиться только человѣкъ съ сильной энергіей и въ самомъ безвыходномъ положеніи: мысль эта была—послать посольство *къ царю!*

Остановимся на этомъ, и объяснимъ благосклонному читателю, что здѣсь мы должны нѣсколько отступить отъ того порядка, въ которомъ лѣтописцы передаютъ намъ послѣдующія событія Чтобъ понять вполнѣ дѣло, намъ нужно, вооружившись чистою логикой, войдти въ соображеніе этихъ событій съ ихъ естественною послѣдовательностью въ томъ видѣ, въ какомъ они, по нашему мнѣнію, должны были проистекать одно изъ другаго; намъ нужно войдти въ тогдашнія обстоятельства Ермака, примѣнить къ нимъ мѣстныя особенности и распутать темное доселѣ дѣло самыми простыми причинами, опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хронологическій порядокъ происшествій, который самимъ Карамзинымъ признанъ запутаннымъ (63).

Дѣло въ томъ, что до-сихъ-поръ, сколько по-крайней-мѣрѣ намъ это извѣстно, не было положительно опредѣлено нашими писателями:

1) Отъ-чего царь поздно будто-бы узналъ о взятіи Сибири?
2) Когда Ермакъ послалъ къ царю пословъ?
3) Когда царь узналъ о плѣнѣ Махмет-Кула?
4) Когда пришло въ Сибирь царское войско?
5) Что дѣлалъ Ермакъ въ-теченіе весьма-продолжительнаго періода? и
6) Когда умеръ Ермакъ?

О времени плѣна Махмет-Кула нашъ лѣтописецъ, Есиповъ, ничего не говоритъ, но изъ разстановки главъ его лѣтописи выходитъ,

---

(63) Путаница годовъ такъ изумила Карамзина, что онъ въ одномъ мѣстѣ простодушно говоритъ, что «остается или не вѣрить *хронологіи грамотъ*— или (писать) вопреки лѣтописямъ». (Ср. И. Г. Р. т. IX, стр. 382 и 397, и примѣчанія къ тому же тому 670, 671 и 703.)

что плѣнъ этотъ случился какъ-будто послѣ отбытія нѣкоторыхъ казаковъ на Москву. Извѣстно положительно, что Махмет-Кулъ отправленъ къ царю немедленно по прибытіи въ Сибирь посланной туда Грознымъ рати, воеводы которой объявили Ермаку повелѣніе Грознаго о высылкѣ Махмет-Кула (64): значитъ, Грозный, при посылкѣ рати, зналъ о плѣнѣ Махмет-Кула. Посольство къ царю отъ Ермака было только одно, объ одномъ только и упоминаютъ всѣ лѣтописцы: значитъ, Махмет-Кулъ былъ взятъ въ плѣнъ до отсылки Ермакомъ пословъ изъ Сибири. Если выводъ этотъ вѣренъ, то одинъ изъ существенныхъ вопросовъ разрѣшенъ согласно съ строгоновскою лѣтописью.

Плѣнъ Махмет-Кула происходилъ по слѣдующему случаю:

Отецъ и сынъ, Кучумъ и Махмет-Кулъ, послѣ несчастныхъ для нихъ происшествій подъ Чувашевымъ, раздѣлились и, кажется, кочевали розно.

Ермакъ пріучалъ къ себѣ Татаръ, ладилъ съ ними и умѣлъ расположить ихъ въ свою пользу. Добрыя Татарки, вѣроятно, играли тутъ тоже не послѣднюю роль. Повѣствованія о разселеніяхъ Русскихъ по Сибири, въ-продолженіе всего послѣдующаго столѣтія, наводятъ насъ, сторонюю, на мысль, что туземныя обитательницы этихъ краевъ много дѣлали добра нашимъ героямъ; нѣтъ сомнѣнія, что многими удачами казаки были обязаны именно женщинамъ. Поэтому мы никакъ не можемъ вѣровать въ то, во что вѣровалъ Карамзинъ, именно въ удивительную, неземную чистоту нравовъ нашихъ удальцовъ въ-отношеніи къ сибирскимъ красавицамъ и въ непонятную, непостижимую скромность, при которой наши казаки не смѣли будто-бы «тронуть ни волоса у мирныхъ жителей». Или строгоновскому лѣтописцу, а съ нимъ вмѣстѣ и Карамзину, не были извѣстны подлинныя слова цѣлой кипы царскихъ грамматъ и груды другихъ не менѣе достовѣрныхъ актовъ, которые могли ясно показать имъ, что дѣлывалось въ бывалые годы въ Сибири, или они не считали ермаковыхъ казаковъ за казаковъ (тогдашняго времени). Безпристрастный читатель и самъ знаетъ, что участь войны и другія обстоятельства набрасываютъ на многое очень-темныя тѣни: для чего же эти черныя пятна выставлять въ несвойственномъ имъ видѣ? И въ XIX вѣкѣ мы видимъ мародеровъ силою и рядомъ: дурныя стороны—сами-по-себѣ; но дѣло въ томъ, что, не смотря на насилія, казаки умѣли привязать къ себѣ покоренныя племена и пользовались этою привязанностью какъ-нельзя-лучше.

Итакъ, Татары любили Ермака. Одинъ изъ нихъ, болѣе-усердный къ видамъ нашихъ богатырей, пришелъ къ Ермаку съ доброю вѣстью и разсказалъ, что вотъ тамъ и тамъ, въ такомъ-то мѣстѣ, у рѣки Вагая, кочуетъ Махмет-Кулъ съ такими-то толпами.

Ермакъ собралъ отрядъ самыхъ расторопныхъ и удалыхъ молодцовъ,

---

(64) Карамзинъ И. Г. Р. Т. IX, прим. 712.

и послалъ ихъ въ указанное мѣсто съ приказомъ наверстать паши потери и отплатить царевичу за его варварскую жестокость при Абалакѣ.

Казаки полетѣли, достигли до становища махмет-куловой орды, выждали ночи, подкрались къ «шатрамъ» (вѣроятно, къ кибиткамъ), накрыли ихъ, ударили, перерубили всѣхъ Татаръ и захватили въ плѣнъ Махмет-Кула. Они пощадили жизнь «сибирскихъ странъ богатыря» и съ торжествомъ представили его къ Ермаку.

Умный Ермакъ обошелся съ Махмет-Куломъ какъ-нельзя-лучше: онъ принялъ его съ подобающею сану царевича честію, старался утѣшить его въ печальномъ удѣлѣ воинскаго счастія, окружилъ его заботами, «повѣдаетъ ему царское великое жалованіе и ублажаетъ ласкосердыми словесы». Единоборства съ нимъ у Ермака никакого не было, и знаменитому стиху «то сей, то оный на бокъ гнется!» надобно уже дать другое значеніе. Но тѣмъ не менѣе поэтъ постигъ великость этой минуты, и Ермакъ дѣйствительно могъ и долженъ былъ высказать свои чувства въ родѣ того, какъ они переданы у И. И. Дмитріева.

Несчастный отецъ узналъ объ участи сына и горько его оплакивалъ. Страшась за жизнь его, онъ смиренно переносилъ свою тяжелую долю, боясь Ермака прогнѣвить.

Теперь Ермаку нельзя было долѣе медлить: пора было привести свою мысль въ исполненіе и послать къ царю посольство.

Для этого Ермаку слѣдовало раздѣлить свою дружину на двѣ неравныя части. Съ однимъ, значительнѣйшимъ отрядомъ, онъ самъ остался въ покоренной странѣ, увѣренный, что добудетъ себѣ запасовъ отъ мѣстныхъ жителей, и для лучшаго успѣха въ этомъ рѣшился оставить при себѣ кучумова сына Махмет-Кула. Другой отрядъ, разумѣется, менѣе-значительный, Ермакъ послалъ за-горы, какъ говорятъ, съ вѣрнымъ своимъ товарищемъ, обреченнымъ уже казни, Иваномъ Кольцомъ (65). Кольцо, проводивъ своихъ охранителей до чусовскихъ слободокъ, долженъ былъ ѣхать къ царю, упросить его претворить гнѣвъ на милость ради новаго царства и заявить тутъ же, что сынъ кучумовъ взятъ въ плѣнъ и находится при Ермакѣ, а между-прочимъ просить о высылкѣ воинства, для скрѣпленія слабыхъ еще узъ Россіи съ Сибирью. Провожатые Кольца, вѣроятно, должны были остаться на Чусовой, заготовить запасы и осенью доставить ихъ Ермаку.

Если предположить, что плѣнъ Махмет-Кула послѣдовалъ непосредственно за умерщвленіемъ казаковъ при Абалакѣ (5 декабря 1581 г.), то Кольцо, окончивъ сборы, не могъ отправиться въ путь ранѣе начала 1582 года. А идя, въ краткіе зимніе дни, дремучими лѣсами, въ горахъ, на лыжахъ, или много-что въ нартахъ, на оленяхъ, по указаніямъ вожаковъ изъ мѣстныхъ племенъ, и притомъ съ порядочною толпою своихъ людей, онъ не имѣлъ возможности ранѣе февраля или марта 1582 года достигнуть центра пермской земли, не для того, какъ думаетъ Карамзинъ, чтобъ рапортовать Строгоновымъ объ успѣхахъ

(63) См. прим. 30 и далѣе глава X.

предпріятія, а для того, чтобъ явиться къ чердынскому воеводѣ и отъ него получить должное содѣйствіе къ дальнѣйшему путешествію. Долженъ ли былъ Кольцо выждать здѣсь вскрытія рѣкъ и когда именно онъ отсюда отправился, неизвѣстно, но достовѣрно одно, что онъ явился въ Москву позже 16 числа ноября 1582 года, т. е. того дня, въ который была подписана приведенная выше опальная граммата Строгоновымъ. Значитъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, царь узналъ обо всемъ во-время, что и требовалось доказать.

Нежданая вѣсть должна была обрадовать царя: при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, особенно послѣ набѣга пелымскаго князька, послѣ тщетныхъ ожиданій короткихъ связей нашихъ съ Сибирью и притомъ въ такое время, когда правительство занято было съ одной стороны войною съ Шведами, а съ другой, *усмиреніемъ общаго бунта въ Черемисской-Землѣ* — для царя Сибирь точно съ неба упала. Онъ простилъ и наградилъ Кольцо, Ермака *и всѣхъ казаковъ*, и *забылъ* ихъ старыя вины; увѣряютъ даже, что Грозный пожаловалъ Ермаку дорогую шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два дорогіе панцыря, но такъ-какъ эта награда ничѣмъ не подтверждается, то и намъ не на что опереться, чтобъ ей повѣрить.

Немедленно по полученіи этого радостнаго извѣстія, царь назначилъ въ новую свою провинцію воеводъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ тремястами ратниками, стрѣльцами, которыхъ, въ-послѣдствіи, тоже стали называть казаками, въ смыслѣ войсковой черни, простыхъ солдатъ.

Естественно, что въ-слѣдствіе этого Болховской отправился изъ Москвы не ранѣе весны 1583 года. Въ строгоновскія дачи онъ пришелъ къ зимѣ того же 1583 года. Ему данъ былъ приказъ: взять у Строгоновыхъ, въ подмогу къ своей рати, 50 человѣкъ конныхъ, отправиться съ ними въ Сибирь и немедленно выслать къ царскому двору царевича Махмет-Кула.

Зимой, въ горахъ, въ снѣгахъ, по непроторенной дорогѣ нельзя было ѣхать верхомъ. Болховской не могъ изготовить своему войску ни лыжъ, ни нартъ, ни достаточнаго количества запасовъ: это было выше его средствъ и возможности. Сосѣднія племена не могли ссудить его своими лыжами или нартами, что у кого было, или всѣми запасами, на триста пятьдесятъ человѣкъ и лишиться чрезъ это средствъ къ собственному существованію.

По Болховской былъ въ Сибири, приказалъ отправить Махмет-Кула къ царю и умеръ отъ распространившейся въ станѣ болѣзни, отъ которой гибли его воины, претерпѣвая страшный голодъ и нужду при недостаточности своихъ запасовъ и истомившись сверхъестественными трудами отъ Чусовой до Иртыша, по дорогѣ, которая, если даже предположить ее самою краткою, прямою линіею—не могла простираться менѣе пятисотъ верстъ.

Но прежде еще, чѣмъ вѣсть объ этомъ достигла до Москвы, Иванъ-Грозный, не зная, что Болховской успѣлъ совершить такой переходъ, но только прослышавъ объ опасностяхъ пути чрезъ Уралъ, посѣшилъ

послать Болховскому повелѣніе, чтобъ онъ остался въ Перми до весны слѣдующаго 1584 года и до полой воды не ходилъ въ Сибирь.

Но было уже поздно.

Чтобъ не случилось остановки за Строгоновыми, и къ нимъ посланъ былъ слѣдующій приказъ:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи — Семену, Аникіеву сыну, да Максиму, Яковлеву сыну, да Никитѣ, Григорьеву сыну — Строгоновымъ.

«По нашему указу велѣно было у васъ взяти, съ остроговъ вашихъ, князю Семену Дмитріевичу Болховскому, на нашу службу, въ сибирской зимней походъ пятьдесятъ человѣкъ на конѣхъ.

«И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что въ Сибирь, зимнимъ путемъ, на конѣхъ, пройтить не мочно, и мы князю Семену нынѣ изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь до весны, до полыя воды, ходить есмя не велѣли, и ратныхъ людей по прежнему нашему указу, пятьдесятъ человѣкъ конныхъ, имати у васъ есмя не велѣли.

«А на весиѣ велѣли есмя князю Семену, идучи въ Сибирь, взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ—пятнадцать струговъ, со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бъ струги подняли по двадцати человѣкъ съ запасомъ, а *людей ратныхъ* и подводъ и проводниковъ *имати у васъ* есмя *не велѣли*, и обиды есмя, идучи въ Сибирь, вашимъ людемъ и крестьянамъ никакія чинить не велѣли.

«И какъ къ вамъ ся наша грамата пріидетъ—и вы бъ тотчасъ велѣли къ весиѣ, ко князю Семенову пріѣзду Болховскому, изготовить подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бъ подняли по двадцати человѣкъ съ запасомъ, да какъ по весиѣ съ нашею ратью и съ запасомъ князь Семенъ Болховской, или головы Иванъ Киреевъ да Иванъ Глуховъ, въ Сибирь пойдутъ, и вы бъ тотчасъ тѣ суды со всѣмъ судовымъ запасомъ дали подъ нашу рать и подъ запасъ князь Семену Болховскому, или головамъ Ивану Кирееву да Ивану Глухову, чтобъ за тѣми струги, въ вашихъ острогахъ, и часу не мѣшкати.

«А не дадутъ судовъ подъ наши ратные люди вскорѣ, со всѣмъ судовымъ запасомъ тотчасъ, а нашему дѣлу учинится поруха—и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ.

«Писанъ на Москвѣ лѣта 7092 (1584) генваря въ 7 день.»

(На оборотѣ приложена черная восковая печать) (66).

Что же дѣлалъ Ермакъ въ-продолженіе этого времени, въ 1582 и 1583 годахъ?

---

(66) Миллеръ, стр. 171. Царской подписи тутъ вовсе не имѣется.—Просимъ благосклоннаго читателя обратить вниманіе, что ни въ этой бумагѣ изъ приказа, ни въ другихъ грамматахъ Строгоновы нигдѣ не почествованы, *ничѣмъ*, единственнымъ правомъ «именитыхъ людей».

Послѣ этого указа, въ которомъ смотрятъ на Строгоновыхъ съ общей точки, какъ на пермскихъ купцовъ, а не какъ на хозяевъ-покорителей Сибири, о другой *грамматѣ царской съ красной печатью*—намъ нигдѣ, кромѣ новѣйшихъ сочиненій нашихъ

Старался жить въ ладахъ съ окрестными племенами, съ Кучумомъ и другими кочевыми властителями, которые были тутъ же около него, и ограничивался наѣздами на отдѣльныя племена, кочевавшія внизъ по Иртышу. Кучума онъ держалъ въ рукахъ, не подавая повода къ ссорамъ и ласкал Махмет-Кула, за жизнь котораго страшился отецъ, а кажущеюся бездѣятельностью онъ усыплялъ всѣ подозрѣнія сибирскаго народа. Одни вовсе не сочувствовали интересамъ Кучума, до котораго имъ не было никакого дѣла; а другіе, не видя ни усиленія ермаковой рати, ни особенныхъ притѣсненій, можетъ-быть, и подумывали иногда о странномъ появленіи въ ихъ глуши чудныхъ людей и о конечныхъ результатахъ прежнихъ битвъ и браней, но всегда оканчивали свои размышленія утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что и впередъ хуже того, чѣмъ теперь есть, уже не будетъ.

Но когда Татары увидѣли, что силы Ермака усугубились новыми силами, когда они узнали, что Махмет-Кулъ отправленъ въ Москву и, значитъ, то, что̀ связывало ихъ съ Ермакомъ, рушилось, когда они поняли тонкую политику Ермака, убѣдились въ участи, которая теперь ихъ ожидаетъ, то, желая побѣдить хитрость хитростью, рѣшились на всѣ возможныя коварства. И съ 1584 года мы видимъ въ Сибири новыя движенія, новыя убійства, новыя потери, окончившіяся послѣднею, жестокою утратою.

Началось съ того, что Татары, карачева улуса, притворившись довѣрчивыми къ Ермаку и къ нелицемѣрной дружбѣ его съ ними, явились къ нему съ жалобами на хищничество сосѣдней казачьей (кайсакской) орды и просили у него на помощь какой-нибудь отрядъ казаковъ, чтобъ устрашить своихъ непріятелей. Ермакъ сначала не до-

---

ученыхъ историковъ, не случалось слышать. Но вотъ сказаніе объ ней двухъ авторовъ:

Карамзинъ:

«Строгоновы, сіи усердные, знаменитые граждане, *истинные виновники* столь важнаго пріобрѣтенія *для* Россіи,— *уступивъ оное Государству*, не остались безъ возмездія: Іоаннъ, за ихъ службу и радѣніе, пожаловалъ Семену Строгонову два мѣстечка, — Большую и Малую Соль на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ, — право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно» (Кар., т. IX, стр. 399).

Строгоновская Лѣтопись:

«Государь, за ихъ (Строгоновыхъ) службу и радѣнье пожаловалъ городы Солью Большою, еже есть на Волгѣ, и Солью Малою и грамоту свою *царскую* на тѣ мѣста Семену Строгонову пожаловалъ, за *красною* печатью, за приписью дьяка Андрея Щелкалова, почему ему тѣми городами владѣти; а Максима и Никиту, Строгоновыхъ же, пожаловалъ въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ ихъ торговати имъ, и у нихъ всякимъ людемъ, безпошлинно» (Карам., т. IX, прим. 704).

Чтобъ убѣдиться, много ли въ этихъ словахъ правды, стоитъ только сравнить ихъ съ извѣстною «Описью фамильныхъ документовъ Строгоновыхъ», приложенною въ концѣ книги «Именитые Люди Строгоновы»: тутъ этой грамматы вовсе не поименовано.

Будь подлинная на это граммата, найдись оффиціальный документъ, подтверждающіе слова незаслуживающей вѣроятія лѣтописи — и тогда мы вряд ли скажемъ, что онъ далъ Строгоновымъ за Сибирь.

вѣрялъ имъ; но когда они поклялись, что не причинятъ Русскимъ никакого зла, то, посовѣтовавшись съ товарищами и, вѣроятно, прельстившись какими-нибудь существенными выгодами, при возможности распространить свое вліяніе, онъ согласился на ихъ просьбу, собралъ отрядъ въ сорокъ человѣкъ, ввѣрилъ его попеченію возвратившагося уже изъ Москвы атамана Ивана Кольца и отпустилъ ихъ къ Карачѣ.

Татары, коварно заведя ихъ въ засаду къ Карачѣ, всѣхъ ихъ предали смерти и ни одного въ живыхъ не оставили (67). Всѣ лѣтописи единогласно говорятъ, что Ермакъ плакалъ о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ.

Слухъ о такой важной для Ермака потери быстро разнесся по всѣмъ улусамъ. Злобно радуясь нашей погибели, Татары стали всюду преслѣдовать казаковъ, умерщвляя ихъ вездѣ, гдѣ только ни встрѣчали и гдѣ могли одолѣть ихъ силою, или измѣною.

Довольный общею враждою и возстаніемъ Татаръ, Карача самъ двинулся на казаковъ, въ полной увѣренности, при многочисленности своихъ приверженцевъ, лишить Ермака могущества въ Сибири. Великимъ постомъ онъ обложилъ городъ Сибирь обозами и таборами, прекратилъ казакамъ всѣ сообщенія, надѣясь голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, а самъ укрѣпился лагеремъ при урочищѣ Саускапъ, близъ города, въ трехъ верстахъ (поприщахъ) оттуда. Казаки мужественно выдерживали осаду до іюня мѣсяца. Находясь въ послѣдней крайности, казаки рѣшились на вылазку и, выждавъ удобную ночь, вышли тайно изъ города, подобрались къ Саускану, напали на погруженныхъ въ сонъ Татаръ и начали кровопролитіе. Битва была удачна; Татары гибли; двое сыновъ Карачи пали подъ ударами казаковъ; въ станѣ поднялось смятеніе: враги разсѣялись.

Во тмѣ ночной они разметались въ разныя стороны, и многіе изъ нихъ, достигнувъ Сибири, уже тамъ опомнились отъ пораженія, разсказали своимъ единовѣрцамъ о постигшей ихъ участи и, воспламенивъ ихъ негодованіе и сами горя местію, снова, вмѣстѣ съ ними, бросились въ Саускапъ, гдѣ все еще оставались казаки.

Загорѣлась новая битва; она продолжалась до полудня и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Карачи; онъ снялъ осаду и отступилъ со срамомъ, разбитый на голову горстью храбрецовъ, которые и въ этой послѣдней своей битвѣ не положили на свое оружіе дурной славы. Власть ихъ надъ окрестными племенами снова утвердилась.

Лѣто 1584 года проходило для казаковъ благополучно, и Ермакъ, казалось, забылъ о своихъ утратахъ.

Въ исходѣ лѣта, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, приверженные къ Ермаку Татары дали ему знать, что по Иртышу идутъ торговые Бухарцы, но что Кучумъ задержалъ ихъ и не пропускаетъ.

Надоѣло ли Ермаку бездѣйствіе, или разлакомили его принесенныя

---

(67) Строг. Лѣтопись, изд. г. Спасскаго, стр. 52. Карамзинъ, т. IX, прим. 715, и Сводъ Лѣтописей.

вѣсти, или изъ какихъ-нибудь другихъ видовъ — онъ рѣшился идти на выручку Бухарцевъ, выбралъ себѣ отрядъ самыхъ надежныхъ храбрецовъ и немедленно самъ пустился въ путь, для наказанія Кучума.

Кучумъ, какъ было уже извѣстно Ермаку, по удаленіи изъ города Сибири, скитался къ югу отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Ермакъ. Какъ казакъ, какъ кочевой житель — Кучумъ переходилъ съ одного мѣста на другое по степямъ, прилегающимъ къ рѣкѣ Вагаю, впадающему въ Иртышъ между Тоболомъ и Ишимомъ, куда казаки наши однажды уже и заходили для плѣна Махмет-Кула, но самъ Ермакъ тамъ не бывалъ еще.

Ермакъ приготовилъ стругъ, запасся всѣмъ необходимымъ и отправился вверхъ по Иртышу до устья Вагая. Здѣсь надѣялся онъ встрѣтить Бухарцевъ или Кучума — но не встрѣтилъ. Онъ рѣшился попробовать проплыть немножко подальше, поднялся по Вагаю и достигъ урочища Атбашъ, гдѣ и по нынѣ еще существуетъ селеніе того же имени.

Здѣсь онъ опять никого не встрѣтилъ. Плывя вверхъ по рѣкѣ, люди, конечно, устали, но остановиться въ незнакомомъ мѣстѣ они не рѣшались; и самъ Ермакъ, понимая, какъ неблагоразумно было бы заходить въ мѣста, гдѣ всюду грозила опасность горсти его воiска, а этимъ словомъ можно уже было почтить ермакову дружину, предпринялъ обратное плаваніе тѣмъ болѣе удобное, что ему безъ хлопотъ и безъ трудовъ приходилось совершать его по теченію рѣки.

Темнота ночи и поднявшаяся буря заставили, однакожь, Ермака сдѣлать привалъ; а можетъ-быть, Ермакъ, не желая возвращаться съ пустыми руками, хотѣлъ здѣсь поджидать Бухарцевъ, не подозрѣвая ни вѣроломства, ни какихъ-нибудь враждебныхъ покушеній со стороны Кучума.

Выбравшись ближе къ Иртышу, Ермакъ причалилъ къ тому берегу, который былъ къ нему ближе, который принадлежалъ уже ему, который ограничивалъ русское сибирское царство—именно къ лѣвому. Но онъ вышелъ не на самый берегъ, а на островъ, образованный «перекопомъ», прорывомъ, протокою, рукавомъ рѣки. Нѣкоторые наши ученые даже понынѣ увѣрены, что эта естественная протока, есть «древнѣйшій россійскій каналъ» (68), которымъ будто-бы мы обязаны Ермаку. Блаженны вѣрующіе!

---

(68) Желательно бы, чтобъ наши ученые объяснили намъ ремезовскую сказку, а вовсе не преданіе народное, объ «Ермаковой-Перекопи» и растолковали намъ, какими судьбами успѣлъ Ермакъ прорыть этотъ каналъ. Не-уже-ли онъ дѣйствовалъ «по щучьему велѣнью, по своему прошенью»? Намъ этого мѣста не удалось лично видѣть;

Привязавъ стругъ къ первой попавшейся лѣсинѣ, казаки вышли на островъ, раскинули свои шатры и расположились на покой.

Они не поставили стражи, надѣясь, что рѣка глубока и имъ опасаться нѣчего.

Ночь была, какъ пишутъ лѣтописцы, бурная, дождь лилъ какъ изъ ведра, и истомленная дружина, а вмѣстѣ съ нею и Ермакъ, заснули крѣпкимъ сномъ.

И послѣднимъ!..

Кучумъ былъ близко. Онъ слѣдилъ за движеніями казаковъ.

Пользуясь темнотою ночи и шумомъ непогоды, Татары перебрели рѣку, подкрались къ людямъ, которыхъ считали своими притѣснителями, бросились на сонныхъ съ остервенѣніемъ и всѣхъ ихъ умертвили...

«Токмо єдинъ утече—и Ермакъ убіенъ бысть!» восклицаютъ лѣтописцы (69).

но что «Ермакова-Перекопь» есть именно рукавъ рѣки Вагая, то заключеніе это мы выводимъ изъ сличенія текстовъ (см. Сводъ Лѣтописей). — Миллеръ, осматривавшій это мѣсто, говоритъ (стр. 179):

«Что касается до перекопи, то въ семъ спорить не можно, чтобъ она отъ Ермака или по его приказу выкопана не была..... Она длиною на версту и кончится не въ дальнемъ разстояніи отъ устья рѣки Вагая.... На полуденной сторонѣ перекопи, не въ дальнемъ разстояніи есть на ровномъ низкомъ лугу бугоръ.... не натурою сдѣланъ, но наносною землею насыпанъ..... (Есть преданіе, что этотъ бугоръ сдѣланъ лѣвками, которыя землю наносили въ своихъ пололахъ....)»

Далѣе (стр. 180) онъ говоритъ: «Дѣло... въ томъ: вѣроятно ли, что помянутая перекопь въ то время (при Ермакѣ) сдѣлана?.... должно думать, что оная либо уже прежде того сдѣлана....»

Помѣщенный у насъ въ «Сводѣ Лѣт.» Новый-Лѣтописецъ говоритъ: «Ста ночевати въ проливѣ... Кучумъ же... видѣ ихъ на острову.»

«Неизвѣстная Рукопись употребляетъ выраженіе перекопъ, а не перекопь.

(69) Значитъ, Ермаку нѣкогда уже было одѣваться, въ просонкахъ, въ жалованную броню, которая послужила будто бы ему же на погибель.—Впрочемъ, старые лѣтописцы и не говорятъ о *жалованной бронѣ*, а просто прибавляютъ «понеже одѣянъ бѣ желѣзомъ».

Намъ кажется, что это—чистая реторика. Положимъ, Ермакъ легъ спать въ одеждѣ; естественно, что подъ нею была и кой-какая кольчуга: но не могла же она, наконецъ, быть тяжелою до такой степени, чтобъ совершенно обезсилить здороваго, плотнаго Ермака?

И въ этомъ случаѣ Карамзинъ, подражая Миллеру, повторяетъ слова Ремезова, повѣствующаго, что тѣло Ермака найдено черезъ недѣлю при Епанчинскихъ-Юртахъ, отстоявшихъ будто-бы только на 12 верстъ отъ Абалака вверхъ по Иртышу (ихъ тутъ вовсе небыло—они были на Турѣ), и что какой-то Татаринъ вытащилъ «бездушнаго исполина» изъ воды за *болтавшіяся поверхъ воды* ноги, накинувъ на нихъ петлю. Оставивъ въ сторонѣ разсказъ о томъ, что нашего героя дѣйствительно выудили изъ воды, и о прочемъ (Миллеръ, стр. 193 и слѣд.), мы не можемъ понять

Горько народному самолюбію допустить, что Ермака, героя—убили соннаго! И хотя лѣтописецъ, упоминая о какомъ-нибудь происшествіи, всякій разъ объясняетъ, что оно случилось въ такое-то лѣто «по убіеніи ермаковѣ», однакожь, уступая собственному чувству, онъ какъ будто сознается, что ему не хотѣлось бы такой смерти покорителю Сибири: онъ хочетъ, чтобъ Ермакъ погибъ лучше въ пучинахъ, не подъ ножомъ убійцы...

Но не оскорбительнѣе ли для нашей гордости допускать, что Ермакъ думалъ искать спасенія въ бѣгствѣ, бѣжалъ, какъ низкій трусъ, въ такую минуту, когда его братьевъ рѣзали? Не могъ Ермакъ бѣжать: онъ долженъ былъ пасть!

Ермакъ убитъ ночью 5 августа 1584 года.

Эта цифра стоитъ и на обелискѣ Ермаку.

Эта же самая цифра клеймитъ позоромъ бѣглецовъ: оставшіеся въ Сибири казаки и стрѣльцы, узнавъ объ участи, постигшей Ермака — всѣ до одного бѣжали! (70).

Мы потеряли Сибирь.

=

только одного: какимъ образомъ трупъ очутился «вверхъ Иртыша»? Черный народъ, преимущественно женскаго пола, вѣритъ у насъ, что «трупъ утопленника всегда плыветъ противъ воды»; но каждому засѣдателю земскаго суда извѣстно, что теорія эта противорѣчитъ практикѣ.

Въ выпискѣ изъ Тобольскаго Синодика сказано: «атаману Ермаку, съ товарищи — сорокъ человѣкомъ — вѣчная память!» (Карамзинъ. т. IX, прим. 720.)

(70) Здѣсь у лѣтописцевъ разногласіе на счетъ пути бѣглецовъ: Есиповъ, его первообразъ и Новый-Лѣтописецъ—говорятъ, что казаки бросились внизъ по Иртышу и по Оби и уже оттуда бѣжали на Русь. Строгоновская Лѣтопись, избѣгая слова *бѣжаша* и употребляя глаголъ *пойдоша*, даетъ поводъ выводить заключеніе, что одна шайка этихъ бѣглецовъ, подъ предводительствомъ своего атамана Матвѣя Мещеряка, пошла путемъ Ермака, то-есть по Турѣ, гдѣ она и встрѣтилась съ новыми московскими воеводами (Карамзинъ, т. IX, прим. 725 и т. X, прим. 31). Но изъ сказаній лѣтописцевъ о приходѣ въ Сибирь новаго воеводы Мансурова ясно, что этотъ воевода не встрѣчался съ Мещерякомъ; у нихъ именно сказано, что Мансуровъ, приплывъ къ Сибири, увидѣлъ тамъ множество Татаръ и «слыша яко казаки побѣгоша изъ града — и убоящеся, и не приста ко брегу, но поплыша внизъ по Иртышу». Еслибъ воевода встрѣтился съ Мещерякомъ, то новыя вѣсти о бѣгствѣ не произвели бы на него такого впечатлѣнія. Да притомъ же идти на Туру значило бы затруднять себя походомъ противъ теченія рѣки, а Иртышемъ и Обью они и вѣрнѣе и скорѣе могли скрыться.

Въ помѣщенномъ у насъ въ «Сводѣ Лѣтописей» Новомъ-Лѣтописцѣ сказано:

«Воевода Иванъ Глуховъ и атаманы и казаки, испужался того, изъ городка погребли рѣкою Иртишью, а рѣкою Обью догребли до рѣки *Соби* (такъ, кажется, слѣдуетъ читать) и до Березова, а отъ Березова, чрезъ Камень пришли къ Москвѣ.»

Въ Книгѣ Большому Чертежу есть два Березова: одинъ—на Оби, повыше городовъ Рогового и Сабдина, другой—на Оби же, при устьѣ рѣки Сосвы.

Сабдинъ или Собдинъ, можетъ-быть, былъ при устьѣ Соби, гдѣ нынѣче селеніе

Царское войско скоро возвратило намъ утраченную добычу казаковъ.

Но надлежало начать дѣло съизнова, предпринимать новыя покоренія.

Вмѣсто одного Кучума; у насъ явилось теперь много враговъ.

Надо было отъ нихъ избавиться, но избѣгать кровопролитія.

«Собски»: въ такомъ случаѣ одинъ Березовъ могъ быть по лѣвой сторонѣ Оби, на рѣкахъ Эріамбо, Хони, или Харовой. Другой Березовъ и понынѣ стоитъ при устьѣ Сосвы, по лѣвому берегу Оби.

(Основываясь на собственныхъ нашихъ личныхъ изслѣдованіяхъ о Югрѣ, помѣщенныхъ во II главѣ, и на картѣ Зауралья, представленной нами въ Русское Географическое Общество вмѣстѣ съ пояснительнымъ текстомъ,—мы имѣемъ претензію думать, что *мы первые* достаточно опровергли мнѣніе Герберга и Гарберштейна о Югрѣ и прояснили понятіе о томъ, что́ такое была Югра. Пользуясь случаемъ, мы не можемъ не указать на кажущуюся намъ ошибочность мнѣнія г. академика, І. Х. Гамеля, полагающаго, что городъ, или городище Роговой былъ по сю сторону Урала. Мысль, что Роговой-городъ *долгое время былъ на сѣверѣ* центромъ торговыхъ сношеній Европы съ Азіею кажется намъ слишкомъ преувеличенною и не основательною. Такъ-какъ цѣлое ученое сословіе единогласно признало, что г. академикъ Гамель прояснилъ темныя стороны русской географіи и даже исправилъ нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя погрѣшности нашихъ историковъ, то надѣемся, что замѣчанія наши господинъ академикъ пріймете за выраженіе сердечнаго участія къ почтеннымъ трудамъ его и какъ свидѣтельство личнаго уваженія нашего къ ученому, посвятившему себя въ русскомъ царствѣ разработкѣ отечественной географіи).

Если казаки доплыли до Соби, то пробираясь, къ ея вершинамъ, они должны были выйдти за Ураломъ только на вершины рѣки Усы и тамошними тундрами достигнуть Печоры. Но, принявъ въ соображеніе позднее время года, дальность пути и численность бѣглецовъ, трудно допустить, чтобъ они, со страха, такъ далеко и притомъ безполезно забирались.

Вѣроятнѣе допустить, что они достигли южнаго Березова. Въ такомъ случаѣ, по Сосвѣ, потомъ вверхъ по Сыгвѣ они должны были выйдти на р. Манью, на Лянинъ-городокъ, собрать поневолѣ извѣстія, помѣщенныя нынѣ въ Книгу Большому Чертежу о городахъ по Сосвѣ. Отъ Лянина они прошли черезъ Уралъ и должны были выйдти на рѣку Щугоръ, или прямо на Печору, на тотъ путь, которымъ шелъ Курбскій при Иванѣ III.

Вотъ особенности скромнаго памятника, воздвигнутаго Ермаку въ Тобольскѣ, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ окрестностью:

Онъ состоитъ изъ мраморнаго пирамидальнаго обелиска, сѣраго цвѣта, поставленнаго на гранитномъ подножіи.

Подножіе это имѣетъ 1¼ аршина вышины; вѣсу до 5.300 пудовъ.

Самый обелискъ — вышиною въ 7 саженъ; вѣсу около 6.500 пудовъ.

Съ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слѣдующія надписи:

Съ западной, обращенной къ Россіи, — «Покорителю Сибири, Ермаку»;

съ восточной — «Воздвигнутъ въ 1839 году»;

съ южной — «1581»,

и съ сѣверной — «1584».

При памятникѣ Ермака предполагалось даже развести садъ; на этотъ предметъ отведено мѣсто въ двѣ десятины, поставлена чугунная рѣшетка и сдѣланы дорожки: деревьевъ почти *вовсе нѣтъ*.

ГЛАВА VIII-Я.

Покореніе Сибири.

Появленіе въ Сибири царевича Алея. — Занятіе Сибири княземъ Сейдякомъ. — Воевода Мансуровъ. — Враждебныя дѣйствія Остяковъ. — Воевода Сукинъ. — Воевода Чулковъ. — Основаніе городовъ Тюмени и Тобольска. — Тогдашнее положеніе воеводъ. — Вынужденныя мѣры. — Званый обѣдъ. — Плѣнъ враговъ Россіи. — Сибирь—русская провинція.— Колонизація. — Остатки города Сибири.

«И Божіимъ милосердіемъ и государевымъ счастіемъ — ста Сибирь подъ государскою высокою рукою до-вѣка, покамѣста Богъ изволитъ вселенной стоять.»

Отписка казаковъ.

Бѣгство казаковъ и стрѣльцовъ не могло оставаться тайною для Татаръ. Приверженцы Кучума торжествовали. Хотя Кучумъ и былъ живъ, но теперь онъ не стоитъ уже на первомъ планѣ, а всюду является старшій сынъ его, Алей; подъ его вѣдѣніемъ и владычествомъ находились всѣ татарскія волости вверхъ по Иртышу и послѣ по Барабинской Степи, и его, кажется, оффиціальные документы того времени именуютъ ногайскимъ мурзою, исчисляя племена, которыя не платили дани московскому двору.

Алей безпрепятственно занялъ Сибирь.

Но задолго еще до прибытія въ Сибирь воеводы князя Болховскаго, кажется, скоро послѣ плѣна Махмет-Кула, Кучумъ получилъ вѣсти, что сынъ сверженнаго имъ Бекбулата, племянникъ Етигера, Сейдякъ, укрывавшійся въ Бухарѣ, ищетъ случая отмстить Кучуму и возвратить себѣ Сибирь, отцовское достояніе.

Во время гибели Ермака, Сейдякъ былъ уже на Иртышѣ. Какъ онъ мстилъ Кучуму, и мстилъ ли дѣйствительно, объ этомъ лѣтописи наши не говорятъ ничего, до самаго времени занятія Сибири Алеемъ. Въ это лишь время, Сейдякъ появляется на сценѣ въ первый разъ и вслѣдъ за тѣмъ, опять на нѣсколько лѣтъ, скрывается со страницъ старыхъ повѣствованій, чтобъ потомъ снова мелькнуть въ схваткѣ съ Русскими, попасть къ нимъ въ плѣнъ и навсегда исчезнуть изъ памяти народа.

Савва Есиповъ говоритъ о немъ только слѣдующее: «Слышавъ же «князь Сейдякъ, бекбулатовъ сынъ, яко атаманъ Ермакъ съ товарищи «на перскóи убіенъ быша, прочіе же бѣжаша изъ града, и яко обла- «да градомъ царевичъ Алей, кучумовъ сынъ, и собрався со всѣмъ «домомъ своимъ и съ воинскими людьми, и прiиде ко граду Сибири, и «градъ взя и царевича Алея и прочихъ побѣди и изъ града изгна. Прi- «емлетъ же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываша во «градѣ».

Въ Москвѣ, новый царь ничего не зналъ. Но, сдѣлавъ пріемъ Махмет-Кулу (который не засталъ уже въ живыхъ Грознаго) и наградивъ его вотчинами, Феодоръ Іоанновичъ, соображая, что въ Сибири ермаковыхъ казаковъ есть человѣкъ четыреста, да съ Болховскимъ пришло триста человѣкъ, послалъ въ Сибирь новое подкрѣпленіе изъ ста человѣкъ стрѣльцовъ; но этотъ отрядъ онъ усилилъ могучимъ двигателемъ: онъ послалъ съ ними пушку. Для Сибири это было новостью.

Воевода царскій, Иванъ Мансуровъ, прибылъ въ сибирскую сторону въ 1585 году. Проходя еще черезъ закамскую сторону, онъ ни въ Чердынѣ, ни у Строгоновыхъ ничего не слыхалъ о происшествіяхъ въ Сибири: ни Строгоновы, ни пермское правительство не подозрѣвали о горестныхъ утратахъ, тѣмъ менѣе имъ могла быть доступна мысль о всеобщемъ бѣгствѣ всѣхъ казаковъ, которыхъ численность въ 1584 году (если принять въ разсчетъ моръ отъ голода и болѣзней, убійство дружины Кольца, Ермака и потерю въ битвѣ подъ Саускапомъ), вѣроятно, весьма-немногимъ уступала численности героевъ 1581 года.

Поэтому нисколько не можетъ казаться удивительнымъ, что Мансуровъ уже на берегахъ Иртыша узналъ о поступкѣ казаковъ, и что, устрашась многочисленности непріятелей по иртышскому берегу, благоразумно принялъ другое направленіе и, не сворачивая къ Сибири, пустился внизъ по Иртышу, достигъ Оби и только тутъ считалъ себя въ безопасности. Время было позднее, рѣка становилась. Мансуровъ вышелъ на берегъ и укрѣпился, то-есть, поставилъ городокъ, крѣпостцу— противъ иртышскаго устья. Онъ здѣсь рѣшился зимовать съ горстью своихъ воиновъ. Мѣсто это въ Книгѣ Большому Чертежу названо «Городокъ Обскій-Большой», нынѣ «Самарово».

Здѣсь, въ Кодской-Землѣ, въ *сибирской* Югрѣ, Мансурова ожидала опасность отъ людей, отъ которыхъ онъ менѣе всего могъ ожидать враждебныхъ дѣйствій.

Уже прежде мы могли замѣтить, что Остяки были къ Русскимъ весьма расположены; если же, по обстоятельствамъ, имъ приходилось иногда, по неволѣ, бороться съ нами, то борьба эта бывала всегда вынуждена сильными противниками, и Остяки, при первомъ же удобномъ случаѣ, принимали нашу сторону. Теперь было не такъ.

Не успѣлъ Мансуровъ освоиться съ мѣстомъ, какъ многочисленныя, сравнительно съ нашимъ воинствомъ, остяцкія поколѣнія, обитавшія по берегамъ рѣкъ Иртыша и Оби, окружили со всѣхъ сторонъ русское зимовье, стараясь вытѣснить оттуда нашихъ небывалыхъ и нежданныхъ пришельцевъ и уничтожить ихъ. Дано было «сраженіе»; Русскіе не

уступали; они отбивались отъ Остяковъ цѣлый день сколько могли, и только ночь прекратила битву: дѣло кончилось ничѣмъ, хотя Остяки и разошлись.

На утро, враги снова явились. Чтобъ болѣе одушевиться храбростью, Остяки привесли своего идола, которому лѣтописцы даютъ имя «Славутей» или «Славутенъ», и стали приносить ему жертвы, моля о погибели Русскихъ. Мансурову пришла счастливая мысль грянуть изъ пушки, рева которой до-тѣхъ-поръ въ Сибири и не слыхивали. Онъ велѣлъ прицѣлиться въ кумира, который былъ прислоненъ къ дереву. Выстрѣлъ грянулъ—Остяки были оглушены. Опомнившись отъ перваго испуга и не понимая сначала, откуда зимою громъ раздался, они бросились къ кумиру, но и кумиръ и дерево были разщеплены. Познавъ могущество русской огненной стрѣлы, Остяки, по словамъ лѣтописцевъ, увидѣли, что имъ не совладать съ нами: «сильнія убо сія стрѣлять!» сказали они и разошлись по домамъ, признавъ себя данниками Руси (71) Князецъ остяцкій Лугуй самъ поѣхалъ къ Бѣлому-царю въ Москву: онъ былъ первый добровольный данщякъ.

Добродѣтельный царь Ѳеодоръ «не опалился», когда узналъ, что бѣглецы, Глуховъ и казаки, явились на Руси, бѣжавъ изъ Сибири: онъ ихъ

---

(71) Вѣроятно, слѣдствіемъ этого же событія была слѣдующая грамота, хранившаяся, по словамъ Миллера, «яко нѣкая святыня», у Остяковъ куноватской волости, Березовскаго-Уѣзда Тобольской-Губерніи.

«Божіею милостію государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи, владимерскій, московскій, новогородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода Низовскія-Земли, черниговскій, рязанскій, полотцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, лифляндскій, удорскій, обдорскій, ковдинскій и обладатель всея Сибирскія-Земли и *Великія рѣки-Оби*, и сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ земель государь.

«Пріѣжалъ къ нашему царскому величеству, съ Великія-рѣки-Оби: Куновата города, да Ычмы города, да Ляпина городка, да Мункоса городка, да Юила городка, да Березова городка,—Лугуй князь, чтобъ намъ его пожаловать: *тѣхъ его городковъ* нашимъ ратнымъ людемъ, которые нынѣ сидятъ въ городѣ въ нашемъ, на великой рѣкѣ на Оби, на усть Иртыша, *воевати* его, и племя его все, и его людей, которые въ тѣхъ, во шти городкахъ сидятъ — *не велѣли*, а *дань* бы нашу намъ съ него, съ тѣхъ его городковъ, велѣли *имати въ Вымской-Землѣ* по нашему жалованію приказнымъ людемъ, кому будетъ приказано.

«И мы Лугуя-князя съ тѣми его городки пожаловали—*для того, что онъ къ намъ пріѣжалъ напередъ всѣхъ бить челомъ* — велѣли съ него имать, по нашему царскому жалованію, съ его городковъ, въ Вымской-Землѣ наши дани, на годъ *по семи сороковъ* соболей лучшихъ, и привозить ему дань ежегодь на Вымъ самому, или его братьѣ, или племянникомъ, по семи (сороковъ) соболей лучшихъ.

«И нашимъ *воеводамъ*, которые нынѣ на усть Иртыша, на Оби, новый городокъ поставили, на Лугуя-князя, и на его городки — нашихъ ратныхъ людей по посылати, и воевати его не велѣти, и дани на немъ, и на его городьѣхъ, имати не велѣти, и *поминковъ*, и *посуловъ* съ нихъ не имати.

«А привезати ему дань впервые, на Вымь, къ приказному человѣку и къ цѣловальникамъ, на срокъ, на Дмитріевъ-день лѣта 7096 году; а привезъ на два года дань, четырнадцать сороковъ, на девять десять-пятой годъ, да на девять-десять-шестой годъ, и впредь въ два года привозити дань по тому-жъ. А тѣми городки кодмогати,

прогналъ опять назадъ, назначилъ въ Сибирь еще воеводъ — Василья Сукина съ Иваномъ Мясным и, въ подкрѣпленіе ратниковъ Мансурова, послалъ 300 человѣкъ.

Воевода Сукинъ явился въ Сибири вскорѣ послѣ Мансурова. Онъ постигалъ, что власть Руси въ сибирскомъ краѣ до-тѣхъ-поръ будетъ шатка и непрочна, пока Русскіе не оснуются въ немъ на твердой опорѣ, не построютъ городовъ, не населятъ ихъ по возможности и не укрѣпятъ ихъ пушками.

Правильной колонизаціи въ это время еще не могло быть, хотя мы скоро увидимъ правительственныя мѣры къ переселенію въ Сибирь хлѣбопашенныхъ крестьянскихъ семей; но Сукинъ, оцѣнивъ важность туринскаго осѣдлаго народонаселенія и притомъ не имѣя достаточныхъ силъ, не торопился идти къ занятому непріятелемъ городу Сибири; онъ остановился на Турѣ, выбралъ для себя выгодное мѣстоположеніе (далеко еще до впаденія Туры въ Тоболъ), построилъ тутъ городокъ близъ стараго городища, «иже прежде былъ градъ Чинги», и далъ ему имя «Тюмень», названіе котораго и въ старые годы было здѣсь знакомо въ этихъ мѣстахъ и около Камы на рѣкѣ Обвѣ (72).

Подробныхъ, точныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ этого воеводы мы не имѣемъ. Изъ этого не слѣдуетъ предполагать, что Сукинъ оставался въ бездѣйствіи: ему много было трудовъ и на Турѣ. Надо было умѣть ладить дѣла съ Татарами, надо было умѣть не возбудить ихъ неудовольствія и не подвинуть къ возстанію; надо было, при всемъ томъ, умѣть оффиціальнымъ образомъ покорить ихъ владычеству московскаго двора, обязать ихъ данью, упрочить ихъ подданство и мѣшать Кучуму или Алею заводить съ ними связи.

Въ 1587 году является въ сибирской исторіи новый воевода, Даніила Чулковъ (73). Онъ прибылъ въ Сибирь съ новою ратью въ пятьсотъ человѣкъ.

Чулковъ достигъ Иртыша и близъ города Сибири, при сліяніи Иртыша съ Тоболомъ, заложилъ крѣпостцу, городокъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ могъ свободно повелѣвать по направленію трехъ рѣкъ, включая сюда

и подмога имъ тѣмъ давати, кого, межь себя выбравъ, пошлютъ съ данью на Вымскую-Землю.

«А прочитая сеё нашу царскую грамату по всѣмъ нашимъ городомъ въ Сибирской-Землѣ и на Обп-на-Великой, отдавали ее назадъ.

«Дана сія жаловальная грамата въ царствующемъ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7094 (1586) году, августа мѣсяца.»

У грамматы привѣшана красная восковая печать, а на оборотѣ подписано: «Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи.»

По словамъ Миллера, Мансуровъ, по окончаніи зимы, возвратился съ Оби въ Москву. (Миллеръ, стр. 200, 202 и 209, и Собр. Госуд. Грам.и Догов., т. II, № 54.)

(72) См. примѣч. 20.

(73) Миллеръ (стр. 216) называетъ его только «письменнымъ головою», но Чулковъ былъ именно — воевода, хотя и не принадлежалъ къ сословію бояръ, какъ напримѣръ Болховской, Елецкій, Годуновъ или другіе. Ср. прим. 83.

же и Обь, низовья которой, при содѣйствіи князька Лугуя, не представляли намъ какихъ-нибудь особенныхъ затрудненій.

Въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ данныхъ, изъ которыхъ бы мы могли выводить заключеніе, что Чулковъ предпринималъ битвы съ Татарами, засѣвшими въ Сибири. Вѣроятнѣе предположить, что Чулковъ, слѣдуя однажды навсегда принятой политикѣ нашихъ воеводъ распространять завоеванія не пролитіемъ крови, а мѣрами кроткими, старался жить въ мирѣ и согласіи съ весьма-близкими и весьма-опасными своими сосѣдями, да и самъ тихо и смирно жилъ въ новомъ городкѣ, названномъ имъ — Тобольскомъ (а не Иртышскомъ) именно потому, что это названіе, сокращенное изъ «Усть-Тобольска», какъ-нельзя-лучше опредѣляло положеніе этой крѣпостцы на Усть-Тоболѣ, или на устьѣ Тобола. (Тобольскъ стоитъ нынѣ на правомъ берегу Иртыша, въ двухъ верстахъ выше сліянія съ нимъ Тобола; но находящаяся нынѣ на самомъ устьѣ Тобола деревня «Монастырская» носитъ до-сихъ-поръ именованіе «Стараго-Тобола».)

Припоминая себѣ житьё-бытьё нашихъ первыхъ воеводъ въ Сибири, мы очень жалѣемъ, что не можемъ представить читателямъ описанія великолѣпныхъ дворцовъ, торжественныхъ въѣздовъ, вкусныхъ пировъ, романтическихъ происшествій, роскошной природы, которыми бы наслаждались русскіе головы въ нашей Сибири по примѣру испанскихъ генераловъ въ Сибири американской. И лѣтописцы наши скупы были на эти описанія, да и сама Сибирь мало представляла лакомыхъ сторонъ въ этомъ отношеніи.

Города сибирскихъ князей были небольшія площадки земли, огражденныя или природными укрѣпленіями, горами и утесами, или искусственными насыпями, буграми, стѣнами и земляными валами и рвами. Города Русскихъ были лачужки, землянки, иногда и избы, обнесенныя тыномъ и земляными валомъ. Природа была скупа, не разсыпала на сѣверѣ даровъ, назначенныхъ только для юга: она давала необходимое—лѣса тогдашней Сибири богаты были дичью, птицею и звѣремъ; въ сибирскихъ рѣкахъ вода слаще и пріятнѣе нашей невской воды; рыбы въ нихъ, особенно той, которою русскій человѣкъ дорожитъ — множество; но вотъ и все. Жизненныя наслажденія были всѣ наперечетъ: ѣда и питье; иное что-нибудь, кромѣ вина, зерни и охоты, и придумать трудно! А женщины... конечно, Татарки и Остячки благоволили къ нашимъ красавцамъ, безъ романичности не обходилось; но до романовъ ли было нашимъ геродамъ, когда имъ, на каждомъ шагу, грозила опасность, то отъ природы, то отъ людей? Житьё-бытьё нашихъ воеводъ было плохое; удѣлъ ихъ былъ и вѣчный трудъ, и вѣчная забота, и вѣчныя лишенія.

Таково было положеніе и Чулкова. Ладя съ Сейдякомъ, все еще обладавшимъ Сибирью, Чулковъ понималъ, что одного непрочнаго мира и наружной тишины мало, что надо подумать о томъ, какъ бы избавиться отъ страшныхъ враговъ. Кажется, Сейдякъ значительно усилилъ свои средства: въ союзѣ съ нимъ мы находимъ и Карачу, давно-бросившаго своего царя Кучума, и еще какого-то узбека казачьей

орды. Лѣтописи называютъ его царевичемъ Салтановъ — и мы будемъ его звать тоже Салтановъ. Намъ представляется теперь случай говорить про нихъ, но не можемъ приступить къ этому безъ слѣдующей маленькой оговорки.

Тамъ, гдѣ благосостояніе цѣлаго края требуетъ какихъ-нибудь сильныхъ мѣръ, средства — послѣднее дѣло, была бы благая цѣль достигнута: безъ жертвъ, вынуждаемыхъ иногда обстоятельствами, обойдтись очень-трудно, часто невозможно. При такомъ взглядѣ на вещи, если припомнимъ себѣ, что Русскіе смотрѣли на Татаръ, какъ на народъ «поганый» въ русскомъ значеніи этого слова, что эту «нѣхристь», по ихъ понятіямъ, не грѣхъ было искоренять чѣмъ и какъ ни попало; если мы вспомнимъ притомъ, съ какою злобою сами Татары дѣйствовали противъ казаковъ, съ какимъ коварствомъ они умерщвляли нашихъ ратниковъ; словомъ, если мы войдемъ въ тогдашнія обстоятельства, въ тогдашній образъ мыслей, — хоть и со вздохомъ, а должны будемъ одобрить, или, если не одобрить, то по-крайней-мѣрѣ не строго укорять въ чемъ-нибудь недобромъ воеводу Чулкова, которому въ этомъ случаѣ мы обязаны конечнымъ прекращеніемъ главныхъ и важныхъ смутъ въ Сибири и доставленіемъ царю неотъемлемаго и крѣпкаго права назвать всю до-иртышскую страну своею отчиной, то-есть, государственнымъ достояніемъ Россіи, а вслѣдъ за тѣмъ и всю Сибирь признать русскою областью. Съ-этихъ-поръ намъ почти нечужно было покорять — намъ нужно было только двигаться; съ подвигомъ Чулкова у насъ враговъ не стало, намъ оставалось только пріобрѣтать союзниковъ и одною ласкою обращать ихъ въ нашихъ данниковъ. Такъ ово и было, съ весьма-рѣдкими, по-временамъ, исключеніями, когда казаки и воеводы сами забывались въ пылу горячихъ стремленій къ собственной наживѣ и забывали повелѣніе «призывать тамошнихъ людей подъ государеву царскую высокую руку ласкою, а не жестокостью».

Но обратимся къ Чулкову, къ его подвигу уничтоженія нашихъ враговъ, случившагося, какъ кажется, по переѣздѣ городка, на противоположный берегъ Иртыша.

Дѣло это, по свидѣтельству и разсказамъ большинства лѣтописей, происходило вотъ какимъ образомъ, весьма-оригинальнымъ и вѣроподобнымъ.

Въ непродолжительномъ времени по основаніи Тобольска, князь Сейдякъ, претендентъ на санъ повелителя Сибири, вмѣстѣ съ царевичемъ касачьей орды Салтановъ и съ бывшимъ кучумовымъ Карачею, въ сопровожденіи пятисотъ человѣкъ Татаръ, вышли изъ Сибири и пошли къ Тобольску. Близъ Тобольска они остановились на полѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Княжій-Лугъ», показывая видъ, будто тѣшатъ себя встребиною (кречетною) охотою.

Чулковъ узналъ объ этомъ; но, подозрѣвая, что «умыселъ другой тутъ былъ», и что пятьсотъ Татаръ взяты Сейдякомъ на охоту не на однѣхъ птицъ, собралъ своихъ подчиненныхъ и разсказалъ имъ дѣло. Посовѣтовавшись между собою, Чулковъ выслалъ къ Сейдяку сво-

ихъ людей и наказалъ имъ пригласить Сейдяка къ себѣ въ гости въ Тобольскъ, чтобъ сообща посовѣтоваться объ упроченіи мира. Приказъ его былъ исполненъ.

Сейдякъ, съ своей стороны, тоже посовѣтовавшись съ Салтаномъ и съ Карачею, рѣшился идти на зовъ Чулкова, но не одинъ, а вмѣстѣ съ ними, втроемъ, взявъ себѣ въ провожатые сто человѣкъ изъ своей орды.

Чулковъ встрѣтилъ ихъ въ воротахъ, но, видя, что Татары вооружены, представилъ Сейдяку неумѣстность подобнаго наряда, велѣлъ снять съ себя оружіе; а такъ-какъ время было обѣденное, на столъ накрыто, то воевода и просилъ дорогихъ своихъ гостей откушать хлѣба-соли, чѣмъ Богъ послалъ.

Сейдякъ съ товарищами вступилъ въ городокъ безоружный и, втроемъ съ своими друзьями, вошелъ въ домъ Чулкова.

Кушанье было подано; хозяинъ съ тремя гостями сѣлъ за столъ и за обѣдомъ сталъ имъ толковать о мирныхъ условіяхъ.

Пропалъ ли у Сейдяка отъ условій Чулкова аппетитъ и ему было ужь не до обѣда, или ему просто ѣсть не хотѣлось, только онъ въ ротъ куска не бралъ и сидѣлъ, крѣпко задумавшись.

— Что съ тобой сдѣлалось, князь, говорилъ Сейдяку воевода: — ни пьешь, ни ѣшь моей хлѣба-соли? Ужь не задумываешь ли чего недобраго?

— Ничего не задумываю: мнѣ просто ѣсть не хочется! отвѣчалъ Сейдякъ.

— Не мыслишь зла на насъ, не хочешь ѣсть, такъ пей вино. На, выпей на здоровье!

Сейдякъ принялъ чару, поднесъ ее къ губамъ, но сдѣлалъ глотокъ и—поперхнулся.

Чулковъ посмотрѣлъ на него пристально, въ мигъ сообразивъ нравственную причину подобнаго явленія (или, какъ говоритъ Савва Есиповъ «Богу же, обличающу ихъ зломысліе») и, передавая чару Салтану, сказалъ:

— Нутка ты теперь, выпей.

Салтанъ хватилъ неосторожно и тоже поперхнулся.

Сметливый Карача видѣлъ, что дѣло принимаетъ неловкій оборотъ: когда очередь дошла до него, онъ, чтобъ снять тѣнь подозрѣнія съ Чулкова, со страхомъ и трепетомъ схватился за чару; но, видно, и его грѣшная утроба не приняла православнаго напитка—и онъ поперхнулся!

Можетъ-быть, Чулкову въ-самомъ-дѣлѣ показалось страннымъ и подозрительнымъ такое, непонятное для простаго Русака, безсиліе Татаръ, или все это дѣлалось по заранѣе-начертанному плану хитрымъ воеводой, только чарка вина сгубила Сибирь.

— А, такъ вы такъ-то! загремѣлъ воевода.—Такъ у васъ вотъ что на умѣ? предательство? измѣна?.. Самъ Богъ обличаетъ васъ въ сію минуту и предаетъ мнѣ въ руки за ваше нечестіе... Связать ихъ, поганыхъ! крикнулъ онъ, махнувъ рукой близстоящей стражѣ.

Казаки бросились на невѣрныхъ изверговъ, обрадовавшись случаю— разнаго рода униженіями отплатить имъ за старыя неправды.

Несчастные, видя безпощадную гибель, кинулись въ окно. Они удачно, одинъ за другимъ, соскочили на землю и ударились-было бѣжать къ своимъ, но ловкіе казаки настигли ихъ, перехватили поочередно, связали ихъ веревками и представили къ воеводѣ, а прочихъ, мелкій народъ, тутъ же положили на мѣстѣ.

Объ оставшихся въ полѣ четырехстахъ Татарахъ лѣтопись говоритъ такъ: «таково страхованіе найде на сихъ, яко и въ градъ свой не возвратишася; слыша же въ градѣ (Сибири) яко бѣжа—и тыи избѣгоша изъ града и никто же остася во градѣ» (74).

---

(74) Строгоновская Лѣтопись передаетъ это происшествіе, случившееся черезъ пять съ половиною лѣтъ послѣ перваго взятія Сибири Ермакомъ, совершенно въ другомъ видѣ.

Вотъ ея сказаніе:

Глава XXXIV. — «Государь..... прислалъ съ Москвы въ Сибирь воеводу Данилу Чулкова со многими воинскими людьми и со огненнымъ нарядомъ — и пришедъ въ Сибирскую-Землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его; татарове же сего убоящеся русскихъ вой много пришествія, *набѣгоша изъ града своего*, идѣже прежде сего бысть въ Сибири татарскій ихъ городокъ стольный, *усть Тобола и Иртыша*, иже именуемый Сибирь, — оставиша его пуста. Русіи же воеводы *пріидоша и сѣдоша въ немъ* и утвердивше градъ крѣпко, *идѣже нынѣ* именуется богоспасаемый градъ Тобольскъ.»

Главы XXXV. — «Умыслиша же сей окаянный бусурменскій князь Сейдекъ съ сибирскими людьми собрати воинства множество себѣ и пришедъ войною подъ городокъ Тоболескъ, хотя его взяти и людей въ немъ побити — да не будутъ въ нашу землю селитися русіи люди! — и государевымъ *воеводамъ* сказася, что пріиде для торга, а людей своихъ воинскихъ *поставилъ въ укрытіи* и торговаша съ русскими людьми день и на утріа пріиде *подъ городъ тайно* приступомъ со всѣми своими людьми и обліже градъ и нача къ нему приступати. Московстіи же люди и волости казацы, видѣвъ ихъ бѣгство и жестокій приступъ ко граду и послабиша имъ приближитися къ стѣнамъ града и начаша по нихъ со града стрѣляти и многихъ побиша, а иніи изъ града къ нимъ на вылазку выпедше, и многихъ побиваше бусорменъ и живыхъ яша и самого князя Сейдека на томъ бою ухватиша ранена. Они же, окаяннія, бѣгству яшася и въ станы свои бѣжаша. Русіи же вои и до становъ ихъ за ними гнаша сѣкуще; они же оставиша станы своя и все свое богатство въ станѣхъ своихъ и сами едва утекоша. И на семъ бою волскій атаманъ Матѳей Мещерякъ убіенъ бысть; и оттолѣ на всѣхъ сибирскія земли бусорменѣхъ бысть страхъ великій и всѣ татарове, ближніи и дальніи не смѣяше къ государевымъ городомъ войною приходити.» (Строг. Лѣт. 1821, изд. г. Спасскаго, стр. 63.)

1) Слѣдя за направленіемъ ермаковыхъ походовъ, мы могли убѣдиться, что городъ Сибирь стоялъ на Иртышѣ, гораздо-выше соединенія съ нимъ Тобола: значитъ, Тобольскъ стоитъ вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ была Сибирь, которой остатки доселѣ существуютъ.

2) До времени плѣна Сейдяка Сибирь была занята Татарами, и Русскіе ею не владѣли.

3) Надо имѣть слѣпую вѣру въ Строгоновскую Лѣтопись, чтобъ согласиться, будто Сейдякъ успѣлъ обмануть нашихъ воиновъ и, неизвѣстно для какихъ причинъ, съумѣлъ притвориться купцомъ. Но желательно бы знать, гдѣ онъ могъ спрятать отъ нашей стражи все свое «*войско*», которое, вѣроятно, состояло не менѣе какъ изъ 500 человѣкъ. (Правда, что и Есиповская Лѣтопись тоже требуетъ безусловнаго вѣрованія, но тамъ, по-крайней-мѣрѣ, болѣе возможности логически понять весь ходъ

Городъ Сибирь опустѣлъ; Русскимъ онъ былъ не нуженъ; скоро онъ пришелъ въ совершенное забвеніе, и теперь даже память о немъ въ народѣ почти совсѣмъ исчезла.

Сейдякъ, Салтанъ и Карача въ то же время были отправлены въ Москву; вліяніе ихъ на мѣстныя племена было уничтожено; власть Русскихъ утверждена прочно; главнѣйшія преповы къ распространенію владычества нашего рухнули; сибирскій-юртъ канулъ въ вѣчность и царство сибирское было ужь русское царство.

Съ плѣнниками царь поступилъ милостиво; онъ не заставлялъ ихъ въ Москвѣ разъигрывать той роли, которую на нашихъ глазахъ разъигрывали предводители полудикихъ племенъ Африки во Франціи: сибирскихъ Абд-эль-Кадеровъ у насъ не сажали по крѣпостямъ и по тюрьмамъ. Государи Россіи принимали ихъ съ лаской, утѣшали ихъ тоску по родинѣ своимъ милосердіемъ, заставляли ихъ забывать прежнюю, дикую свободу, награждая ихъ землями, богатыми помѣстьями, принимали ихъ въ службу, довѣрчиво приближали ихъ къ своей особѣ; но, надѣляя ихъ почестями, тогдашніе владыки Россіи не упускали случая напоминать на нихъ гнѣвъ свой, когда плѣнники забывали ничтожность свою предъ новымъ властелиномъ.

Получивъ вѣсть, что теперь Сибирь вплоть до Иртыша и далѣе къ сѣверу по Оби—вся наша, новый царь уже не ограничивался видами на одни поклоны въ тысячу соболей и въ тысячу бѣлокъ: онъ обложилъ ее данью настоящею и повелѣлъ взимать съ нея въ годъ тысячу-тысячъ дорогихъ шкурокъ. Въ подданствѣ русскомъ, сверхъ занятыхъ мѣстъ, считались тогда и Пелымское-Государство, и Иргизское-Государство, и Обь-Великая вся (т. е. сколько ее знали), и всѣ города обскіе, числомъ девяносто-четыре: такую важность справедливо придавали тогда утвержденію нашему въ Сибири и такъ твердо были убѣждены наши политики, что съ-этихъ-поръ, съ 1587 года, Сибирь была —вся наша (75). Восточная граница Россіи въ то время очертилась ли-

---

дѣла, тѣмъ болѣе, что она не подала повода сомнѣваться въ своей добросовѣстности, а Строгоновская Лѣтопись, въ нашихъ глазахъ, потеряла всякое довѣріе.)

4) Извѣстный уже намъ не-храбрый бѣглецъ, атаманъ Мещерякъ, можетъ довольствоваться и тѣмъ, что его убили и безъ сраженія, въ простой дракѣ.

5) Со смертію Ермака намъ, по настоящему, и не слѣдуетъ говорить про бывшихъ волжскихъ ермаковыхъ казаковъ; при изложеніи хода событій этого времени, мы слово «казакъ» употребляемъ въ общемъ смыслѣ царскаго войска, царскихъ солдатъ—стрѣльцовъ и вольной черни изъ Русскихъ, Татаръ, Поляковъ: въ эти казаки могли попасть и ермаковы казаки.

(75) «Ясаку положилъ государь на сибирское царство: и на Конду-Большую и на Конду-Меньшую (послѣдняя течетъ въ Большую-Конду, а Большая-Конда впадаетъ въ Иртышъ съ лѣвой его стороны, къ сѣверу отъ Тобольска), и на Пелымское государство (Пелымъ течетъ въ Тавду ближе къ Уралу, на западъ отъ Конды), и на Туру рѣку, и на Иртышъ, и на Иргиское государство (Иргизъ рѣка протекаетъ съ западной стороны киргизской степи: вершины его сближаются съ вершинами Тобола), и на Нѣгіе-Колмаки (вѣроятно это Нѣгая-Орда, то-есть Нарымъ), и на Обь-Великую и на всѣ городки обскіе, на девяносто на четыре города (по Книгѣ Большому Чер-

ніею съ сѣвера по Оби, далѣе по Иртышу, потомъ по Тоболу, и, наконецъ, по Иргизу.

Съ этого же времени началась и колонизація Сибири.

Первыми колонистами въ Сибири были тридцать хлѣбопашенныхъ семей, которыя, по повелѣнію государя, въ 1590 году, были отправлены изъ Сольвычегодска съ такимъ наказомъ, чтобъ у каждаго хозяина «было по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да «по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пятеру ку«ровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для паш«ни, да телѣга, да сани, и всякая житейская рухлядь»; кромѣ того велѣно имъ дать въ подмогу, въ тогдашнее время, по *двадцати-пяти рублей;* отправка каждой семьи обошлась общинамъ *по сту-десяти рублей.* Уничтоженіе знаменитаго юрьева-дня, приведя въ броженіе умы простаго народа, необразованнаго и грубаго, однимъ указало путь на западъ, другихъ погнало на востокъ. Послѣдующіе указы, дополнительные и пояснительные, и всюду разносившаяся молва о богатствахъ Сибири, послужили, какъ говоритъ одинъ писатель, доброю закваскою за-уральской земледѣльческой населенности. Толпы народа стремились въ Сибирь въ гораздо-большемъ количествѣ противу тѣхъ, которыя отправлялись туда по распоряженію самого правительства, заботившагося сколько о снабженіи края землепашцами, столько же и другими сословіями, для него необходимыми, *ямщиками*, для устройства сообщеній, плотниками и другими мастерами для городскихъ построекъ и поставленія храмовъ Божіихъ, священниками и иноками для распространенія вѣры Христовой. Но уже и въ это время Сибирь является мѣстомъ ссылки лицъ, для которыхъ, по мнѣнію Бориса Годунова, былъ вреденъ воздухъ столицы.

Къ этому же времени относится и формированіе отдѣльной ратной силы Сибири. Не здѣсь мѣсто входить во всѣ подробности этого предмета, заслуживающаго отдѣльнаго трактата и тѣсно связаннаго съ подробностями колонизаціи Сибири, но не мѣшаетъ, однако, замѣтить вкратцѣ, что громада постоянно-высылаемаго изъ Россіи войска была уже въ это время росписана по городамъ: явились казаки городовые, началось формированіе казаковъ изъ Татаръ «юртовскихъ», собиравшихся изъ своихъ городковъ, и «волостныхъ», не вполнѣ осѣдлыхъ и землепашенныхъ. Въ сословіе казаковъ включены были и Литва, и плѣнные Поляки, и Нѣмцы; самые земледѣльцы были иногда зачисляемы въ казаки «черноместные», а Татары верстались въ это сословіе служилыхъ людей за особенныя услуги, часто по ихъ собственной просьбѣ, но преимущественно изъ тѣхъ «отъ нихъ же измѣны не почаятъ». Нынѣшняя сибирская полиція—*русскіе* городовые казаки (не «линейные» и не «пограничные», а «городовые» и станич-

---

тежу мы насчитали всего-навсе около 50 городковъ по всѣмъ рѣкамъ; значитъ, сюда многое, извѣстное уже, не внесено; см. примѣч. 6) — съ году на годъ имати по 5000 сороковъ (200,000 штукъ) соболей, по 10,000 — лисицъ черныхъ да по 500,000 бѣлки большія и плетцкія». (Карамзинъ, т. X, прим. 44.)

ные и полковые) величаютъ себя прямыми потомками Ермака; но они жестоко ошибаются: они вовсе ему не сродни ни по чему, ни по плоти, ни по духу.

Чтобъ показать, какія немногосложныя, но прямо-ведущія къ цѣли средства предпринимало наше правительство къ занятію покоряемыхъ земель, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующій отрывокъ грамматы, относящейся къ 1592 году:

«А будетъ князецъ, прослышавъ ратныхъ людей, къ воеводамъ не повинится, а почнетъ бѣгать, и воеводамъ послать ратныхъ людей въ малыхъ судѣхъ его искати, и жены и дѣти и ихъ люди воевать и городокъ ихъ жечи. А (напередъ) приказывать, чтобъ они отъ государя на себя опалы большія не наводили, а пошли бъ безъ боязни, а государь ихъ пожалуетъ и князцу ничего не будетъ. А будетъ князецъ и дѣти его придутъ къ воеводамъ, и ихъ обнадежить, чтобъ ихъ всѣхъ примануть; а чорныхъ людей всѣхъ промолыти и обнадежить, чтобъ жили по своимъ юртамъ безстрашно и къ намъ въ городъ приходили...

«О всемъ промышляти, и городъ дѣлать, и люди устроить, и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людемъ и казакомъ, смотря по тамошнему мѣсту, какъ бы впередъ было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакомъ терскимъ говорить государево жаловальное слово, чтобъ они государю послужили. А которые захотятъ въ жильцы туто изо всякихъ ратныхъ людей, и ихъ переписати, а устроить туто (въ Таборахъ) пятьдесятъ человѣкъ конныхъ: тѣмъ и земли, пометивъ, раздавать; а жалованья годового сулить имъ польскамъ казакомъ по семи рублевъ, а атаману—десять рублевъ, а хлѣба по семи четь муки, а овса потому жь. А стрѣльцовъ прибирать пѣшихъ до ста человѣкъ, а сотнику потому жь, что и атаману, а пѣшимъ стрѣльцамъ по пяти рублевъ, да хлѣба по пяти четь муки, да по четверти крупъ, да по четверти толокна человѣку. А земли бы имъ всѣмъ давати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и хлѣба бы не возить.

«А которые московскіе вѣденцы девять человѣкъ изъ Каргополя посланы, и тѣмъ указать земли и угодья, чтобъ они изъ Перміи съ собою взяли и лошади и животины и сохъ, хотя немного, чтобъ имъ пашня вскорѣ завести. А которые посланы изъ Перміи и съ Вятки на житье для пашни, и у тѣхъ бы, хотя и у четырехъ человѣкъ была одна лошадь, а животина бы съ нами была, и сохи бы были съ нами, хотя бъ къ паранинѣ завести и немного пашни, да и ржи взяти на заводъ десять четь изъ Перміи; и велѣти жилецкимъ людемъ дворы себѣ ставить, и слобода у города устроить, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и земли на пашни высмотрить лутчія, и у крѣпостей подавать пашни на государя пахать всякимъ людемъ. А лучшія мѣста выбравъ оставить про государевъ обиходъ до трехъ сотъ четь; а впередъ та земля пахать на государя жилецкимъ людемъ, которыхъ устроятъ на житьё. Да изъ Таборовъ и Кошуковъ пашенныхъ молотчихъ людей взять со всѣми семьями и съ лошадьми и посадить туто на пашнѣ, и пашни пахати велѣти на государя. На Таборы и на Кошуки, на тутошные люди, положить хлѣбомъ оброкъ, чтобъ съ нихъ ничего не имать, никакого обро-

ку, ни соболей, а имать бы хлѣбомъ. Только устроя городъ и укрѣпя, —положить на нихъ оброкъ хлѣбной, распрося про нихъ, что̀ пригоже на нихъ положить...

«И церковное строеніе устроить, а попа и дьякона взять ѣдучи въ Сибирь (по дорогѣ, изъ такого-то города) и, въ подмогу, съ посадскихъ тамошнихъ поповъ собрать сорокъ рублевъ. А на церковь послано съ Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну, да пудъ воску, да ведро вина церковнаго, и образы, и книги, и колокола, и все церковное строеніе».

Вѣроятно, при каждой новой посылкѣ воеводъ и ратн въ Сибирь, имъ повторялось однажды уже данное повелѣніе: «и вы бъ, пріѣхавъ «въ Пермь Великую, велѣли тотчасъ бирючю тово жь дни кликать въ «Перміи, въ Чердыни, да въ уѣздѣ по погостамъ, и къ Соли-Камской «тотчасъ розослали, для того, чтобъ или охочіе люди наймоваться къ «нашему дѣлу... О всемъ отписывати къ государю съ нарочнымъ гон«цомъ, чтобъ государю про всякія дѣла, что̀ сдѣлается, было вѣдомо «самому и было̀ объ кого разспросить, чтобъ кто разсказать умѣлъ».

Въ послѣдствіи времени, крестьянамъ, переселявшимся въ Сибирь по распоряженію правительства, стали давать льготу въ податяхъ и пособіе хлѣбомъ и деньгами: узаконеніе объ этомъ явилось еще въ 1613 году. Вообще, система колонизаціи была придумана и приводилась въ исполненіе чрезвычайно-благоразумно, такъ-что колонистъ, приходя въ Сибирь, получалъ, въ тѣ времена, полное обезпеченіе во всѣхъ своихъ нуждахъ, особенно на первыхъ порахъ. И сѣмена, и земледѣльческія орудія, и лѣсъ для избы, и земля для пашни, и домашній скотъ, и даже наличныя деньги—все было для него готово. Край населялся успѣшно годъ-отъ-году все болѣе и болѣе. По добытымъ языкамъ, по слѣдамъ первопачальныхъ покорителей, охотниковъ, метавшихся проѣдывать о новыхъ племенахъ во всѣ стороны по рѣкамъ и рѣчкамъ—на плотахъ и въ лодкахъ, а по снѣжнымъ сугробамъ—въ собачьихъ или оленьихъ нартахъ да на лыжахъ, воеводы, снабженные наказами, избирали себѣ мѣста для зимовьевъ, рубили остроги, городили города и дѣлали укрѣпленія, всегда устроивая эти дѣла такъ, что гдѣ зимовье ясачное—тамъ и крестъ, гдѣ острогъ—тамъ и часовня, а гдѣ населеніе поразрослось и водворепіе порасширилось — тамъ для себя церковь, а для Татаръ—пушка! И легкость большей части дальнѣйшихъ завоеваній, при смѣтливости, ухищрчивости, вкрадчивости въ довѣріе и дружелюбныхъ наклонностяхъ нашихъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе становится для насъ удобопонятною, что инородческія племена были разрознены, несвязаны общимъ интересомъ, неподчинены одной, общей, глубоко-сознанной идеѣ самостоятельности и, находясь на низшей степени гражданственности, мирно покорялись пришельцамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, для Русскихъ въ Сибири каждый новый шагъ приносилъ новое, никѣмъ—неоспоримое владычество.

Не смотря даже на неслыханное развращеніе нравовъ нашихъ казаковъ, на татарскія ихъ наклонности (противъ чего грозно вопіялъ святѣйшій патріархъ Филаретъ въ знаменитой своей граммать къ то-

больскому архіепископу), на ухищренія мелкихъ торгашей и промышленниковъ, знакомившихъ дикія племена съ виномъ, зерью и другими грязными утѣшеніями — дѣло овладѣнія Сибирью шло у насъ чрезвычайно-быстро и непостижимо-успѣшно. Пятидесяти лѣтъ не прошло со времени перваго молодецкаго ермакова посвиста въ сторонѣ за-уральской—и уже русская держава крѣпко охватила все пространство до самаго Енисея. Мы имѣли тутъ болѣе двадцати опорныхъ пунктовъ, укрѣпленныхъ и населенныхъ мѣстъ и городовъ; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Тюмень основанъ въ 1586 году, Тобольскъ — въ 1587, Пелымъ — въ 1592, Сургутъ и Березовъ — въ 1593, Тара — въ 1594, Нарымъ и Кетскъ — въ 1595, Верхотурье — въ 1598, Обдорскій Городокъ (въ низовьяхъ Оби) и Мангазейскій-Острогъ (на Таѣ)—въ 1600, Туринскъ въ 1601, Томскъ — въ 1604, Туруханскъ (при устьѣ Турухана въ Енисей, послѣ уничтоженія Мангазеи) и Зимовье-Имбацкое (Имбахъ, рѣка, впадающая въ Енисей справа, между Подкаменной—Тунгуской и Елогуемъ) — въ 1609, остроги Маковскій (въ вершинахъ Кети), Кондомскій и нынѣшній Кузнецкъ (при сліяніи Мрасы съ Кондомою) — въ 1618, Енисейскъ и Бѣльскій — въ 1619, Мелетскій (на Іюсѣ) — въ 1620, и Красноярскъ (при устьѣ Качи въ Енисей, между устьями въ него съ противоположной стороны Маны и Кана, верховья которыхъ сближаются съ верховьями Бирюсы) основанъ въ 1628 году.

Вотъ какими шагами мы шагали по Сибири... Мало этого: болѣе, чѣмъ за цѣлое полстолѣтіе до Беринга, наши казаки, простые русскіе казаки положительно доказали—и ученая Европа знала объ этомъ еще во время царствованія Ѳеодора Алексѣевича! — что проливъ между Азіей и Америкой существуетъ и что Ледовитое-Море, вмѣстѣ съ Восточнымъ-Океаномъ, составляетъ одно общее цѣлое; но національное открытіе нашихъ казаковъ окрещено именемъ *фон*-Беринга. Времена Никона, Петра-Великаго, бироновщина и другія событія населили Сибирь многочисленными толпами народа, который, разселяясь до Китая и до Камчатки, успѣлъ занести ногу на материкъ новаго свѣта. Въ самой же Сибири народъ русскій, незнакомый съ угнетательною политикой обитателей Запада, дружески сближался съ покоренными племенами, невѣдомо самому-себѣ прививалъ къ нимъ свои повѣрья и обычаи, незамѣтно, безъ насилій, подавлялъ ихъ національность—если только національность можетъ существовать у дикихъ племенъ, къ которымъ самое слово «нація» непримѣнимо—и, поставивъ ихъ, сколько можно было, въ уровень съ самимъ-собою, довелъ ихъ до того, что Сибирь, за исключеніемъ крайнихъ предѣловъ сѣвера и юга, почти совершенно обрусѣла (племена ея не вымерли, какъ иные говорятъ, и не выродились, а переродились въ Русскихъ), и теперь имя ея потеряло уже то значеніе, которое предки наши придавали этой далекой, но богатой и прекрасной странѣ. Тамъ, гдѣ была кучумова столица, гдѣ стоялъ городъ Сибирь—нынѣче запустѣніе, и только остатки древнихъ валовъ указываютъ путнику то мѣсто, на которомъ воздвигнутъ былъ Ермакомъ краеугольный камень владычеству Россіи надъ зауральскимъ краемъ.

Много людей проѣхало мимо этого городища по почтовой дорогѣ изъ Тобольска въ Омскъ; много людей слышало въ этомъ мѣстѣ окликъ ямщика: «вотъ, дескать, ваше почтеніе, городъ Сибирь, гдѣ Ермакъ Тимоѳеичъ разбилъ царя Кучума и самъ сѣлъ на царство»; но немногіе, вѣроятно, потрудились выйдти изъ экипажа и пройдтись по пустынному полю, напоминающему столько дорогихъ для Русскаго воспоминаній...

Насъ судьба привела взглянуть на этотъ уголокъ, но мы только этимъ и ограничились: обстоятельства не позволили намъ прибавить ни одной лишней черты къ тому, что уже до насъ было сдѣлано. Передаемъ цѣликомъ слова ученаго очевидца, знаменитаго Миллера, который, за сто лѣтъ назадъ, имѣлъ возможность вполнѣ удовлетворить своему просвѣщенному любопытству:

«Остатки сего столичнаго города (ежели такое мѣсто, какъ сіе по«видимому было, названіемъ города почтить можно» прибавляетъ Миллеръ) «еще и по нынѣ видны. Восточный, высокій берегъ рѣки «Иртыша, имѣетъ на томъ мѣстѣ чрезвычайную вышину, и оный бе«регъ, почти везіѣ, гдѣ рѣка полѣ горъ течетъ, отъ опой подмы«вается: отъ чего въ томъ мѣстѣ нѣкоторая часть горы отвалилась, «такъ что сторона къ рѣкѣ Иртышу стоитъ почти перпендикулярно.

«По верхней сторонѣ находится глубокій буракъ, въ которомъ те«четъ маленькая рѣчка, и оная, на россійскомъ языкѣ, по городу на«зывается - Сибирка, а Татаре сію рѣчку именемъ не называютъ, для «того, что они и многія другія малыя рѣчки, которыя разстояніемъ «не болѣе двухъ и трехъ верстъ вершины свои имѣютъ, безъименны«ми оставляютъ. Понеже оная сторона весьма крута, то на томъ мѣ«стѣ и всходу нѣтъ.

«Съ третьей, или съ полевой стороны есть долина, которая мало-по«малу глубже становится, и съ бураком, въ которомъ рѣчка Сибирка «течетъ, соединяется. Развѣ отсюда можно было на то мѣсто, гдѣ го«родъ былъ, подняться, но понеже и тутъ еще нарочито круто, то «оное требовало бы не малаго затрудненія.

«Одна четвертая нижняя сторона, по теченію рѣки Иртыша, немно«го полога, такъ что съ той стороны и всходъ былъ, какъ и теперь «сіе мѣсто съ той же стороны сперва видно, ежели кто, для смотрѣ«нія онаго, изъ Тобольска выѣдетъ. Оно видится съ дороги, на не«большой круглой горкѣ, которая, въ разныхъ уступахъ, укрѣплена «тройнымъ валомъ съ находящимися притомъ рвами, изъ которыхъ «одинъ валъ другаго выше, а сіи валы окружаютъ городское мѣсто «только съ приходу и со стороны долины, понеже прочія обѣ сторо«ны, отъ рѣки Иртыша и отъ буерака, никакого укрѣпленія не требу«ютъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ валы и рвы, за многопрошедшимъ «временемъ, такъ заросли, что нынѣ мало ихъ видно.

«Внутреннее пространство кругловато и поперегъ не болѣе пятиде«сяти сажень содержитъ. По сему заключить должно, что тамъ, кромѣ «хана и его фамиліи и служителей, немногимъ другимъ знатнымъ та«тарамъ жить можно было, развѣ тогда оное мѣсто гораздо простран«нѣе было, какъ и увѣряютъ, что нѣсколько земли, а много ли, или

«мало, того невзвѣстно, съ рѣчной стороны отъ подмыванія осыпа-
«лось.

«Отъ дворовъ, или отъ другаго какого строенія, никакихъ слѣдовъ
«болѣе не видно, какъ только что по разнымъ мѣстамъ, отъ неровно-
«стя земли, разсуждать можно, что какое-нибудь строеніе прежде тамъ
«находилось. Дворы, по обыкновенію Сибирскихъ Татаръ, построены бы-
«ли либо деревянные, либо, по бухарскому обыкновенію, изъ пежже-
«ныхъ кирпичей, потому-что съ того времени вовсе пропали. Нѣкото-
«рыя мѣста предъ другими глубже, которыя, можетъ-быть, вмѣсто по-
«гребовъ служили.

«Въ послѣднія времена окольные россійскіе жители, ищущіе закопан-
«ныхъ въ землѣ пожитковъ, вездѣ глубокія ямы покопали, изъ кото-
«рыхъ нѣкоторые не даромъ трудились.»

Но мы забыли про царя Кучума; обратимся къ нашему разсказу, изъяснившись снова передъ благосклоннымъ читателемъ, что мы вовсе не брали на себя тяжкой обязанности писать исторію Сибири, и что настоящій трудъ есть только попытка разъяснить нѣкоторые запутанные вопросы этой исторіи: мы сочли за непремѣнную обязанность напомнить объ этомъ для того, чтобъ читатель не посѣтовалъ на насъ за отсутствіе полноты, недостаточность фактовъ, безцвѣтность картины и другіе недостатки, слишкомъ-рѣзко намъ самимъ замѣтные и извинительные здѣсь только потому, что трудъ нашъ—только попытка.

ГЛАВА IX-Я.

Царь Кучумъ.

Скитальчество Кучума.—Поиски на Кучума.—Преслѣдованіе Кучума.—Граммата Кучума къ воеводамъ.—Граммата царя Ѳеодора къ Кучуму.—Письмо къ нему сына его, Абдул-Хаира.—Воевода Воййковъ.—Послѣдняя битва.—Послѣднія рѣчи.—Конецъ.

«До тебе лежачего въ болотѣ спросности
небаченья твоего склонимся, а тобѣ руку
подамы, хотячи тебе зъ него вытягнути,
отерши напередъ берніе зъ очью твоихъ,
же бы еси могъ прозрѣти, а гносность и
спросность свою обачити. Если же слова
наши не будутъ тебѣ смаковати — ты самъ
того причиною, же ся на насъ торгнулъ
напередъ несмачными и быстрыми словы...
Набольшая мудрость самому себя знати:
аже бы себя лѣпѣй познялъ — посылаемъ
тобѣ книги, которыя о тобѣ роспсаны
суть...

Граммата Баторія къ Грозному, 1581 г.

Семнадцатилѣтняя скитальческая, не спокойно-кочевая, а постоянно-тревожная жизнь Кучума въ степяхъ сибирскихъ, по отечественнымъ лѣтописямъ, намъ мало извѣстна. Лѣтописцы наши передаютъ о немъ очень-немногое. По ихъ свидѣтельствамъ, Кучумъ, послѣ бѣгства своего изъ Сибири, при окончаніи ермаковой битвы подъ Чувашевымъ,

или у Подчувашья, удалился въ Ишимскія-Степи; черезъ три года, именно въ 1584 году, мы находимъ его въ тѣхъ же мѣстахъ, на Вагаѣ. Послѣ плѣна Махмет-Кула, Кучумъ былъ оставленъ всѣми, даже Карача отступился отъ него; послѣ смерти Ермака, Кучумъ былъ преслѣдуемъ Сейдякомъ, наконецъ онъ направился вверхъ по Иртышу, но не переставалъ вредить Русскимъ. Лѣтомъ 1591 года воевода князь Кольцовъ-Масальскій настигъ Кучума близъ рѣки Ишима, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ двухъ его женъ и другаго его сына, Абдул-Хаира. Кучумъ снова скрылся, и долго настоящее мѣстопребываніе его не было извѣстно Русскимъ (76).

Кучумъ, однакожь, не удалялся отъ Иртыша слишкомъ-далеко: расположенныя вверхъ по этой рѣкѣ волости платили ему дань, «блюдяся отъ него войны». Чтобъ совершенно уничтожить вредное его для насъ вліяніе въ этихъ краяхъ, велѣно—въ центрѣ подвластныхъ Кучуму волостей, поставить новый городъ Тару и ставить сюда изъ Казани, изъ Свіяжска, изъ Тетюшъ, изъ Тюмени, Тобольска, Таборовъ и Кошуковъ рать почти изъ 1200 человѣкъ конныхъ и болѣе 500 пѣшихъ. Тутъ были и ермаковы казаки, и стрѣльцы, и польскіе казаки, и Литва, и Черкасы, и Башкирцы, и Татары. Въ царскомъ наказѣ воеводамъ (1594 года) объ этомъ предметѣ, повелѣно на тѣ, неподвластныя еще намъ въ Верхней-Землѣ, волости (если онѣ добровольно не признаютъ нашей власти) «войною посылать, князьковъ ихъ побивать, животы ихъ — лошади, разную животину и всякую рухлядь—имать ратнымъ людямъ въ раздѣлъ между собой», кромѣ соболей и черныхъ лисицъ, которые всѣ идутъ на государя. Царь крѣпко наказывалъ воеводъ «промыслить, истѣснить и изоевать Кучума», но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ «крѣпко беречься Кучума, чтобы онъ, пришедъ, которыя порухи не учинилъ»; стараться склонить Кучума отдаться въ наши руки, уговорить его жить съ нами въ мирѣ и тишинѣ, объявить ему, что государь желаетъ держать его подъ своею царскою рукою, что онъ, по милосердію своему, и сына его Облагаира и людей его отпуститъ на родину, пожаловавъ напередъ своимъ царскимъ жалованьемъ... Подобныя повелѣнія повторялись неоднократно, но упрямый Кучумъ оставался непреклоненъ.

Инструкціи, данныя по этому случаю воеводъ, боярину князю Андрею Васильевичу Елецкому, заключали въ себѣ слѣдующія главнѣйшія основанія: мы приводимъ подлинникомъ многія фразы этихъ интересныхъ документовъ, чтобъ совершенно уяснить дѣло и тогдашнее состояніе покоренной страны.

«Итти города ставить вверхъ Иртыша на Таръ-рѣку, гдѣ бы государю было впредь прибыльнѣе, чтобъ пашню завести и Кучума царя истѣснить и соль устроить и тѣхъ бы волостей, которыя больше по-сюсторону Тобольскаго (города) и Тобольскова уѣзду отвести отъ Кучума и привести къ государю... чтобъ впередъ государевымъ ясашнымъ людямъ жить по Иртышу отъ Кучума царя и отъ погайскихъ людей безстрашно. А идучи изъ Тобольскова воеводѣ князю Ондрею съ то-

(76) Миллеръ, стр. 224 и 276.

варищи про Кучума царя и про ногайскихъ людей провѣдывать, [illegible] нынѣ Кучумъ царь? и сторожи напередъ себя конные посылать, чтобъ Кучимъ царь, собрався съ ногайскими людьми, пришедъ, надъ воеводами и надъ хлѣбными запасы безвѣстно порухи ни которой не учинилъ, а конным людемъ потомужъ идти бережно, чтобъ имъ отъ Кучума царя идти съ великимъ береженьемъ и отъ него беречись, чтобъ на нихъ не пришелъ.

«А будетъ которые ясашные люди и князьки, которые живутъ по Иртышу, съ воеводою, съ княземъ Ондресмъ на Кучума и на ногайскихъ людей города ставить не пойдутъ и не послушаютъ— и воеводѣ князю Ондрею Васильевичу, идучи Иртышемъ, тѣ волости воевать, и посылки конныя на нихъ посылать, и измѣнниковъ сыскивать, винныхъ казнить, а чорныхъ людей къ шертѣ приводить, и у нихъ заклады имать.

«И что будетъ ходу отъ Тобольскаго города до Тары, и что будетъ отъ Тары до Тобольскаго города, и что будетъ полемъ (степью) отъ новаго города отъ Тарскаго на Уфу — чтобъ и впредь отъ нихъ было безстрашно. А пришедъ на Таръ—рѣку присмотрѣть подъ городъ мѣсто: гдѣ пригоже быти новому городу, туто и мѣсто очистить и городъ поставить; а дѣлать городъ и лѣсъ возить всею ратью, всѣми людьми, и конными и пѣшими, а сдѣлать бы городъ во всѣхъ стѣнахъ, и въ стѣнахъ и въ городищахъ сажень около въ полтретьяста и больши—то по мѣсту смотря, да острогъ дѣлати сажень въ триста и въ четыреста и, смотря по людямъ, и до пятисотъ сажень. А въ городѣ быть самому князю Ондрею да (письменнымъ головамъ) Борису Доможирову, да Григорью Елизарову: тому и у казны, и у сбору, и у житницъ быть.

«А хлѣбъ будь въ житницахъ въ городѣ, да попамъ, да пушкарямъ, да стрѣльцамъ: у тѣхъ бы въ городѣ дворцы (дворики, избушки) были. А въ острогѣ мѣста на огороды дать и гдѣ имъ въ лѣтѣ есть варить. А опричь воеводы и голобъ ести ни у кого не варить, а воеводѣ и головамъ поварни въ землѣ сдѣлать, какъ бы беретчися Кучума; а въ острогѣ казакамъ конным и Татарамъ служилымъ тобольскимъ и тутошнымъ и тюменскимъ, чтобъ быть безстрашнымъ.

«А Кучума царя оплашивать, а приказывать ему то: что государь Кучума-царя хочетъ держать подъ своею царскою рукою и сына къ нему Облагапра и людей его, впередъ пожаловавъ своимъ царскимъ жалованіемъ, отпуститъ, а нынѣ бы жилъ вверхъ новаго города, въ которыхъ городкѣхъ пригоже; а прислалъ бы Кучумъ-царь сына своего... царевича: не безчестно царю прислать къ государю сына своего и съ нимъ лучшихъ людей дву-трехъ, а государь царь и великій князь тотчасъ пришлетъ ко царю къ Кучуму сына его, царевича Облагапра, и людей его съ нимъ. А промышлять князь Ондрею, чтобъ Кучумъ-царь прислалъ къ государю изъ царевичей лучшаго, который бы... человѣчнѣе.

«А будетъ, оплоша, мочно надъ царемъ промышлять — и посылка большая съ татарскими людьми послати, чтобъ надъ Кучумомъ, и надъ его женами, и надъ дѣтьми, промыслить и извоевати накрѣпко; а береженье накрѣпко отъ Кучума-царя держати, а которыя ево волости по

Иртышу, промежь Тобольскова и новаго города—и въ тѣ бы онъ волости Кучумъ-царь одиолично не вступался, и ихъ отъ Кучума-царя беречи накрѣпко.

«А будетъ Кучумъ-царь учнетъ приходить, собрався со многими людьми, на государевыхъ воеволъ и города ставить не дастъ, и учнетъ тѣсноту чинить—и воеводѣ князю Ондрею Васильевичу съ товарыщи отъ Кучума-царя беречись, чтобъ, пришедъ, Кучумъ-царь которыя порухи не учинилъ. А какъ городъ поукрѣпятъ—и князю Ондрею съ товарыщи надъ Кучумомъ-царемъ, провѣдавъ про него подлинно, промышлять, сколько Богъ помочи подастъ, большими посылками, чтобъ надъ нимъ поискъ учинить съ вогненнымъ боемъ. А будетъ надъ Кучумомъ промыслу не начаять, а люди будетъ отъ него не поѣдутъ на государево имя—и надъ Кучумомъ-царемъ посылки большой, не развѣдавъ накрѣпко, вскорѣ не посылать, и къ нему приказывать, и его оплашивать, и житье ему ослобожать въ верхнихъ городѣхъ, и промышлять надъ ногайскимъ мурзою, надъ Алеемъ, чтобъ надъ тѣмъ промыслить большою посылкою, а отъ Кучума-царя людей лучшихъ отговаривать, чтобъ ѣхали къ государю служить; а ссылались бы съ ними тобольскіе служилые Татарове; а которые отъ царя пріѣдутъ и тѣхъ жаловать, и сукна давать и хлѣбца. И которые князьки и Татарове государю служатъ и въ городъ къ воеводамъ приходятъ и ясаки платятъ, и про всякія вѣсти про Кучума-царя, и про его умышленье, и про Ногай, учнутъ приходя сказывать—и тѣхъ Татаръ поить и кормить государевымъ запасомъ и береженье къ нимъ и ласку держать великую и отпускати ихъ къ себѣ (домой) не задерживая.

«А что съ котораго городка и съ волостей, и съ кого именемъ, государева ясаку возьмутъ соболей и лисицъ и шубъ собольихъ и бѣльихъ и бобровъ, и то все велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ. А имати въ ясакъ на государя соболи и бобры добрые и лисицы чорныя, а худыхъ соболей и лисицъ и бобровъ въ ясакъ не имати. А что ясашные люди принесутъ сверхъ ясаку, государю челомъ ударятъ, или воеводамъ, что принесутъ въ поминкахъ—и то все, потому жь, велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ и держать ясачную казну за своими печатьми. А которые князьки и Остяки учнутъ ослушатись и въ государевъ городъ не учнутъ приходить—и на тѣ волости посылать посылки, а велѣти ихъ повоевать, и заклады у нихъ поимать, и ихъ поострастить и укрѣпить, чтобъ ихъ привести подъ государеву руку, и дани съ нихъ собрать.

«А которые торговые люди учнутъ пріѣзжать въ новый городъ, на Тару, изъ Бухаръ и изъ Ногай, со всякими товары и съ лошадьми и съ животиною — и у тѣхъ у торговыхъ людей велѣти служилымъ людемъ всякіе товары, и лошади, и животину, покупать и береженье къ торговымъ людемъ, къ Бухарцамъ и къ Ногаемъ, держати, чтобъ ихъ и впередъ пріучити; а какъ они осторгуются—и ихъ отпущать, не задержавъ. А которые, будетъ, торговые люди похотятъ идти мимо новый городъ въ сибирскіе городы, въ Тобольскъ или въ Тюмень, торговать всякими товары, или съ лошадьми и животиною —и ихъ пото-

му жь пропущать и береженье къ нимъ держати. А только буде Бухарцы учнутъ пріѣзжать изъ Бухаръ, о которыхъ о государевыхъ и о земскихъ о тамошнихъ дѣлѣхъ, и воеводѣ о томъ отписывати ко государю, а ихъ отпущать не задержавъ: и государь велитъ свой указъ учинити» (77).

---

(77) Миллеръ, стр. 261, 272 и 284.

Образцовая роспись ратнаго сбора козаковъ въ 1594 году.

«Съ сотникомъ стрѣлецкимъ съ Самойломъ съ Лодыженскимъ *Московскихъ Стрѣльцовъ* 100 человѣкъ.

«Съ другимъ сотникомъ, съ Заметнею Шокуровымъ 47 человѣкъ.

«И обоего съ двѣма сотниками *Московскихъ Стрѣльцовъ* 147 человѣкъ; а хлѣбное жалованье дано стрѣльцамъ на 102-й (1594-й) годъ сполна, да имъ же дано въ дорогу по четверти сухарей человѣку, а *деньги имъ даны большое жалованье*, да въ Перми, взявъ съ Пермскія-Земли, дать имъ по четверти мукй человѣку.

«А какъ придутъ въ новый городъ на Тарь-рѣку и имъ дати изъ запасова хлѣба по четверти муки человѣку, да по осьминѣ крупъ, по полуосминѣ толокна человѣку, итого 147 четвертей мукй ржаной, 73 четверти крупъ, 37 четвертей, безъ полуосмины, толокна.

«Да изъ Казани и съ Уфы послано полемъ въ Тобольскій городъ, а изъ Тобольскаго города идти имъ съ головою съ Мамлѣемъ съ Мальцовымъ *Татаръ Казанскихъ и Свіяжскихъ* 100 человѣкъ, *Башкирцовъ* 300 человѣкъ, да къ нимъ 4 человѣка дѣтей боярскихъ, ко сту по человѣку.

«Да съ сотникомъ изъ *Казани* 50 человѣкъ *стрѣльцовъ конныхъ*, да изъ Лапшова съ тѣмъ же сотникомъ 50 человѣкъ съ пищальми *полоненниковъ*, да изъ Тетюшъ съ сотникомъ съ Микитою съ Корякинымъ 50 человѣкъ *казаковъ польскихъ*.

«И всего изъ понизовыхъ городовъ велѣно послать съ Мамлѣемъ 384 человѣка *конныхъ*.

«Да изъ Тобольскаго города взято въ тотъ новый городъ, выбравъ, *Литвы и Черкасъ и Казаковъ* добрыхъ конныхъ съ огненнымъ боемъ съ головою съ Свонтиномъ съ Руносовымъ 100 человѣкъ.

«Да *Татаръ Тобольскихъ служилыхъ конныхъ* съ атаманомъ съ Черкасомъ со Александровымъ, да съ головами съ Бансентомъ да съ Байбахтою 100 человѣкъ, а быти *Литвѣ и казакамъ конными и Татарамъ* съ головою съ Свонтиномъ съ Руносовымъ и съ Черкасомъ *вмѣстѣ*.

«И обоего изъ Тобольскаго велѣно послать *конныхъ* 200 человѣкъ.

«Да къ тому собрати изъ волостей (туземныхъ племенъ, не двоедапцовъ и Русскому царю и Кучуму, а уже объясаченныхъ), которые волости пошли отъ Тобольска вверхъ по Иртышу, *Татаръ ясашныхъ добрыхъ конныхъ* 300 человѣкъ, а *быти имъ съ головами съ татарскими*.

«Да *тѣхъ Татаръ* прибрать въ судѣхъ съ пищальми 150, а *суды подъ ними готовы*, а *быти имъ вмѣстѣ съ стрѣльцы московскими*.

«Да *изъ Тюмени* велѣно послать, выбравъ *Литвы и Черкасъ и Казаковъ конныхъ* 40 человѣкъ.

«Да *Татаръ* тюменскихъ, верхотурскихъ, ондрѣевскихъ (обитавшихъ у Андреевскаго-Озера) и Бѣляковцовъ (отъ рѣчки Бѣляковки, впадающей въ Ишиму) и *Зырянцовъ*, у которыхъ заклады (аманаты) поиманы въ Тобольской и въ Тюмень, и измѣны отъ нихъ не почаять, выбрать велѣно добрыхъ 50 человѣкъ *конныхъ*.

«А государева имъ жалованья послано по 2 рубли человѣку, итого 100 рублевъ.

«И обоего изъ Тюмени велѣно послать 90 человѣкъ конныхъ.

«Да изъ Таборовъ взять 30 человѣкъ Татаръ конныхъ.

«Да изъ Кошуковъ взять 20 человѣкъ конныхъ.

«И обоего съ Таборовъ и съ Кошуковъ 50 человѣкъ.

«Да Пермичъ плотниковъ взять изъ Тобольскаго 30 человѣкъ пѣшихъ, да въ новый городъ (Тару) послать Пермичь 20 человѣкъ [illegible] велѣно имъ по-

Воеводы ловили кучумовскихъ Татаръ, разспрашивали ихъ и добрымъ словомъ и жестокими пытками, и наконецъ, въ 1595 году, добытые языки изъ-подъ пытки разсказали, что Кучумъ, провѣдавъ тоже о царскомъ повелѣніи поставить въ его волостяхъ городъ, послалъ туда сына своего Алея и велѣлъ ему перевесть здѣшнія племена далѣе вверхъ по Иртышу; а Алей собралъ здѣсь орду въ 150 человѣкъ и пошелъ съ ними вверхъ по Иртышу на Черный-Островъ; здѣсь они остановились, усилили свою численность еще 50-ю человѣками, поставили себѣ городокъ, и стали зимовать. Воеводы узнали также, что эти выведенные Кучумомъ Татары живутъ и около Вузюкова-Озера; что въ этомъ озерѣ Татары ловятъ рыбу на царя и посылаютъ ее къ Кучуму, что отъ Кучума къ нимъ пріѣзжаютъ люди ежедневно и что самъ Кучумъ стоитъ еще выше по Иртышу «межъ двухъ рѣчекъ, одернувся телегами, за Омь рѣкою пѣшимъ ходомъ днища съ два», и что отъ городка Чернаго-Острова до кучумова кочевья, пѣшими людьми и нескорымъ ходомъ, будетъ днищъ съ пять или съ шесть (78).

Воевода князь Елецкій послалъ подъ Черный-Городокъ сборной братьи 276 человѣкъ (изъ нихъ 100 человѣкъ были стрѣльцы, 60 человѣкъ тобольской Литвы и 40 человѣкъ тобольскихъ казаковъ). Число враговъ не превышало двухъ сотъ человѣкъ. Предводитель отряда, Борисъ Доможировъ, разбилъ Татаръ, взялъ болѣе 60 человѣкъ плѣнныхъ и сжегъ городокъ. О тѣхъ, которые бились явственно, были ранены и имали языковъ, воевода представилъ государю «послужные списки», и царь наградилъ храбрыхъ «золотыми» и деньгами.

Вскорѣ получены были новыя вѣсти, что Кучумъ зимуетъ вверхъ по Иртышу, въ двадцати днищахъ отъ Тары: князь Елецкій послалъ туда новую рать въ 483 человѣка (въ мартѣ мѣсяцѣ), подъ предводитель-

---

слать съ Перми хлѣба по три четверти муки человѣку, по осминѣ крупъ, по осминѣ толокна, да по 3 рубли денегъ человѣку.

«И всего въ новый городъ велѣно послати всякихъ служилыхъ людей..... конныхъ 1194 человѣка, а пѣшихъ 547 человѣкъ.

«И обоего 1741 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей (подъ общимъ, на мѣстѣ, наименованіемъ казаковъ, какъ ихъ и называютъ лѣтописцы).

. . . . . .

«А хлѣба въ тотъ новый городъ взять съ Лозвы изъ устюжскаго запасу 500 четвертей муки ржаной, 100 четвертей крупъ, 100 четвертей толокна, да денегъ на запасъ послано 200 руб.

«Да на расходъ на татарской (то-есть на подарки выѣзжимъ Татарамъ)— два поставца пастрафильныхъ, да десять половинокъ ярославскихъ.»

Князя Андрея Елецкаго на Тарѣ смѣнилъ новый воевода князь Ѳедоръ Борисовичъ Елецкій; въ Тобольскѣ былъ въ это время воеводою князь Ѳедоръ Лобановъ-Ростовскій; въ Тюмени князь Петръ Борятинскій; въ лозвинскомъ городѣ Иванъ Пагой, въ Березовѣ Никифоръ Траханіотовъ, на мѣсто котораго назначенъ Василій Волынскій.

(78) Миллеръ, стр. 289, 295 и 301. Полагаемъ, что Черный-Островъ долженъ быть гдѣ-нибудь около нынѣшнихъ селеній *Чернолуцкаго* и *Карасутскаго* (по Иртышу, между Тарой и Омскомъ, ближе къ Омску): и въ томъ и въ другомъ названіи существуетъ слово черный (кара). Вузюково озеро намъ неизвѣстно.

(79) Тамъ же, стр. 295 и 301.

ствомъ того же Доможирова. Успѣхъ дѣла былъ такъ же блистателенъ: русскіе головы сожгли городокъ Тупусъ, разбили непокорныя волости, наложили на нихъ ясакъ царю; но Кучумъ не попался казакамъ въ руки, тѣмъ болѣе, что «пришло роскалье великое, и идти на лыжахъ было не мочно». Однакожь, въ скоромъ времени на нашу сторону передались мать Махмет-Кула и приближенный къ Кучуму Чин-Мурза съ женою: они втроемъ добровольно выѣхали на Тару въ сопровожденіи 38 человѣкъ Татаръ.

Воеводы тѣснили Кучума, сколько могли: приводили въ покорность Россіи его волости, прекращали ему всѣ сообщенія съ покоренными, полонили вѣстниковъ, которые ѣхали къ нему въ гости, брали въ добычу всю кладь торговцевъ, которые отправлялись къ Кучуму, засылали къ нему своихъ клієнтовъ, представляли ему безвыходность его положенія, говорили, что ужь если казакъ Ермакъ его покорилъ, такъ куда жь ему съ царскимъ войскомъ бороться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же отдалъ свою Сибирь? Воеводы надѣжили его царскою милостію и требовали отъ него мира и покорности.

До насъ дошла слѣдующая граммата царя Кучума, составленіе которой относятъ уже къ 1597 году. Въ ней Кучумъ все еще называетъ себя царемъ и все еще гордо старается поддержать свое дикое величіе.

«Богъ богатъ!

«Отъ вольнаго человѣка, отъ царя, бо яромъ поклонъ, а слово то:

«Что̀ есте хотѣли со мною поговорити? Вамъ отъ государя своего, отъ Бѣлаго-Князя, о томъ указъ есть ли? И будетъ указъ есть—и мы поговоримъ, и его слово пріятно учинимъ.

«А мое челобитье то: прошу у великаго князя, у Бѣлаго-Царя, иртишскаго берегу, да и у васъ, у воеводъ, бью челомъ, тогожь прошу. Да т(акожь) вещей у васъ прошу, и вы изъ тѣхъ вещей хоти и одну дадите—и ваше слово будетъ истинно, а будетъ не дадите—и слово ваше ложно!

«А челобитье мое то: прошу Шапну, а тѣ оба гости, которыхъ (вы) взяли—ѣхали ко мнѣ въ послѣхъ и ихъ вамъ Богъ судилъ! И изъ тоё посолскіе рухляди одного (вь)юка конскаго прошу: очи у меня больны и съ тѣми послы были зелья, да и роспись тѣмъ зельямъ съ ними жъ была. И язъ того прошу и только тѣ три вещи мнѣ дадите — и слово ваше будетъ истинно!

«И будетъ со мною похотите поговорити—и вы ко мнѣ пришлите толмача Богдана; а Сююндюкъ пріѣхалъ, великаго князя, Бѣлаго-Царя, очи видѣлъ: и язъ бы изъ его устъ указъ его услышалъ! И вы бъ его прислали: и будетъ тѣ дѣла правда—и вы бъ прислали Бахтыураза, который нынѣ пріѣхалъ.

«А отъ Ермакова приходу и по-ся-мѣста пытался есмя встрѣчно стояти! А Сибирь не язъ отдалъ: сами есте взяли!

«И нынѣ попытаемъ мириться —любо будетъ на концѣ лучше!

«А съ Ногаи есмя—въ соединеньи и только съ обѣихъ сторонъ станемъ: и княжая казна шатнется!

«И язъ хочу правдою помириться, а для миру на всякое дѣло снисходительство учиню!» (80)

Въ этой смѣси моленій и угрозъ ясно высказываетъ Кучумъ и свою горькую жизнь и свои грубыя, но пылкія чувства; онъ благоговѣлъ предъ волею русскаго царя и жаждалъ слышать его повелѣнія.

Русскій царь снисшелъ на его желанія, услышавъ присланнаго имъ вѣстника и, упоминая о всегдашнихъ данныхъ сибирскихъ властителей московскимъ государямъ, такъ, или почти-такъ отвѣчалъ, въ 1597 году, непокорному Кучуму (81) въ длинной, чувствительной и трогательной граммать, имѣвшей цѣлію доказать сибирскому царю всю его виновность и дерзость непослушанія.

«Послушай! не-уже-ли ты думаешь, что ты мнѣ страшенъ, что я не покорю тебя, что рати у меня не хватитъ? Нѣтъ, много у меня воинской силы! Мнѣ жаль тебя: тебя щадя, не шлю я бо́льшей рати, я жду пока ты самъ явишься въ Москву, предъ мои свѣтлы очи. Ты знаешь самъ, что̀ надъ тобою сталось, и сколько лѣтъ ты казакомъ кочуешь въ полѣ, въ трудахъ и нищетѣ?.. а медлишь покориться! ты вспомни про Казань, про Астрахань: онѣ сплошной Сибири были, а покорились русскому царю. Ты ждешь чего? Друзья тебя оставили; два сына въ полону; Сибирь взята; ты изгнанъ; всюду на твоей землѣ другіе города построены; Сибирь вся подъ моей державой; я царь Сибири — а ты...? Ты сталъ казакъ, изгнанникъ, одинокій, оставленъ всѣми; жизнь твоя виситъ на волоскѣ! Одно лишь слово изреку я воеводамъ—и ты погибъ! Но знай, что Русскій царь — царь милосердый. Обычай нашъ—гнѣвъ претворять на милость, казнь жизнью замѣнять, за зло платить добромъ. Я все готовъ забыть, всѣ твои вины, всѣ неправды, готовъ на милости, готовъ излить щедроты давнишнему врагу, рабу-ослушнику; но покорись, не вынуждай меня на гнѣвныя велѣнья. Явись въ Москву: захочешь мнѣ служить и жить вмѣстѣ съ дѣтьми — останься, мнѣ будетъ пріятно — я награжу тебя и одѣлю богатствомъ, дамъ тебѣ деревни, села, города, всего прилично съ твоимъ саномъ. А не захочешь ты при мнѣ служить, задумаешь въ Сибирь, опять на старо мѣсто,— пожалуй, съ Богомъ! Я готовъ хоть и въ Сибирь тебя отправить, готовъ пожаловать тебѣ твой прежній юртъ, сдѣлаю тебя царемъ и честь тебѣ воздамъ какъ слѣдуетъ царю Сибири... но прежде покорись и пріѣзжай въ Москву!»

---

(80) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 66.

(81) Вотъ слова подлинной грамматы, изъ которой мы, для краткости исключили полный титулъ въ началѣ и потомъ слишкомъ-часто встрѣчающіеся слова «Великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ»; кромѣ того не помѣстили родословной царей сибирскихъ, данниковъ Москвы древнихъ временъ, до Етигера.

«Бога единаго, безначальнаго и безконечнаго, и невидимаго, страшнаго и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владующаго силами небесными, и единымъ безсмертнымъ словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся сотворшаго и самодерж(ащаго), божественнымъ духомъ вся оживляющаго, (нел) ременнымъ (о)комъ землю призирающаго и всяческая на ней устрояющаго, и утѣшенія

Кромѣ этого, русскій государь дозволилъ и Абдул-Хаиру написать письмо къ несчастному отцу. Абдул-Хаиръ писалъ къ Кучуму тоже о милостяхъ къ себѣ и къ брату своему Махмет-Кулу—писалъ, какъ ихъ

благая всѣмъ человѣкомъ подающаго, его же въ трехъ именехъ трепещутъ и боятся небесная, земная и преисподняя, того единаго Бога нашего... и... славимаго и покланяемаго (слѣдуетъ весь титулъ царя), нашего царскаго величества милостивое слово, съ великимъ жалованьемъ повелѣнье Кучюму-царю.

«Изъ давнихъ лѣтъ сибирское государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженныя памяти великихъ государей русскихъ царей и съ сибирскія земли всякую дань давали нашимъ прародителемъ-царемъ... (исчисляются сибирскіе князья данники).

«А какъ ты, Кучюмъ-царь, учинился въ сибирской землѣ царемъ и ты отцу нашему, блаженныя памяти великому государю царю Ивану Васильевичу, послушенъ былъ и дань съ сибирскія земли присылалъ, а отецъ нашъ, блаженныя памяти, тебя въ своемъ царскомъ жалованьѣ держалъ, подъ своею царскою высокою рукою.

«А послѣ того ты, Кучюмъ-царь, отъ отца нашего, блаженныя памяти царя Ивана Васильевича и отъ его царскаго жалованья отсталъ и, отъ такова великаго государя, отъ его царскія милости отставъ, непослушникомъ учинился еси: и дани давать не почалъ еси, и сына боярскаго, Третьяка Чабукова, который былъ посланъ для дани, убилъ еси, и на наши украинные мѣста, въ пермскую землю, войною многижда приходилъ еси!

«И за такія твои грубости и неправды что надъ тобой сталось — то самъ вѣдаешь!

«А какъ по нашего царскаго величества повелѣнью наши люди, пришедъ въ Сибирь, тебя съ царства согнали и сибирскую землю взяли, — а ты пошелъ въ казакѣхъ кочевати и во многія времена, будучи еси на полѣ, нашему царскому величеству грубости и непослушанія чинилъ еси: мимо наше царское жалованье самъ ты, Кучюмъ царь, на сибирскіе волости приходилъ еси.

«А съ тобою былъ еси племянникъ твой Махмет-Кулъ царевичъ, да сынъ твой Абдюлъ-Хаиръ царевичъ и оба тѣ царевичи нашимъ людемъ въ руки попались и къ нашему царскому величеству въ полоненникѣхъ приведены, а люди твои многіе побиты. И за твои грубости и неправды и за непослушанье племянникъ твой Махметъ Кулъ царевичъ и сынъ твой Абдюлъ-Хаиръ царевичъ достойны были смертныя казни — да мы, великій государь, милостивый, истинный великій царь, крестьянскій государь, не смотря на твои грубости и неправды — племяннику твоему Махметъ-Кулу царевичу и сыну твоему Абдюлъ-Хаиру царевичу казнь имъ смертную отдали и пожаловали ихъ въ нашемъ государствѣ — устропти велѣли своимъ царскимъ жалованьемъ, городы и волостьми и деньгами устропти по ихъ достоинству.

«А нынѣ съ Божіею помочью, нашего царскаго величества по повелѣнью, въ нашей отчинѣ, въ сибирской землѣ — городы поставлены, и въ тѣхъ городѣхъ осадные люди съ вогненнымъ боемъ устроены.

«А большіе своей рати въ сибирскую землю на тебя, на Кучюма царя, послати есмя не велѣли для того, что ожидали есмя отъ тебя, отъ Кучюма царя, обращенья, чаяли того, что ты, узнавъ свои вины и неправды — нашему царскому величеству добьешь челомъ и нашего царскаго величества жалованье на себѣ видѣти похочешь.

«А только бъ по нашего царскаго величества повелѣнью наша большая рать послана была въ Сибирь — и тебя бы нашли! гдѣ бы ты ни былъ! и неправды бы твои надъ тобою отомстили.

«Да и потому есмя на тебя нашей рати не велѣли посылати, что прежь сего — тому четвертый годъ, присылалъ еси къ нашему царскому величеству человѣка своего Мегметя съ грамматою, а въ граммативѣ своей писалъ еси намъ съ... прошеньемъ, чтобъ намъ тебя пожаловать, юртъ твой тебѣ отдати и племянника твоего отпустити къ тебѣ, а ты въ нашемъ царскомъ жалованьѣ будешь подъ нашею царскою высокою рукою.

«И мы, великій государь, хотѣли тебя пожаловати—устропти на сибирской земли

обоихъ царь одѣлилъ и землями, и волостями, писалъ, что царю русскому служатъ многіе цари и царевичи, просилъ Кучума пріѣхать въ Москву и извѣщалъ, что ему навѣрное извѣстно желаніе царя наградить

царемъ, какъ было тебѣ быти въ нашемъ царскомъ жалованьи впередъ крѣпку и неподвижну. А племянникъ твой, Махметъ-Кулъ царевичъ, нынѣ устроенъ въ нашемъ государствѣ и пожалованъ городы и волостьми по его достоинству и служитъ нашему царскому величеству.

«И послалъ того пріѣхалъ къ нашему царскому величеству въ службу, изъ твоего, улусу, Чин-Мурза, Ильмурзинъ сынъ, Исуповъ съ своимъ улусомъ, и наше царское величество Чин-Мурзу пожаловали городы и волостьми и деньгами — и нынѣ намъ, великому государю, служитъ.

«А... ковe мѣрѣ казакомъ кочуешь на полѣ, не со многими своими людьми — то нашему царскому величеству вѣдомо. А которые ногайскіе люди, тайбугинъ юртъ которые кочевали вмѣстѣ съ тобою — отъ тебя отстали, на которыхъ людей была тебѣ большая надежда! А Чин-Мурза отъѣхалъ къ нашему царскому величеству и нынѣ, по нашему царскому жалованью — намъ служитъ. А достальные твои люди — отъ тебя пошли прочь съ царевичи съ Канаемъ да съ Ыделиемъ; а иные пошли въ Бухары и въ Ногаи, въ казацкую орду, а съ тобою нынѣ люди не многіе — то нашему царскому величеству подлинно вѣдомо.

«А хоти бъ съ тобою были и многіе люди — и тебѣ, по своей неправдѣ, противъ нашіе рати какъ стоять?

«Вѣдаешь и самъ, какія были мусульманскія великія государства — Казань да Астрохань — и тѣ государства, съ Божіею помощію, отецъ нашъ, блаженныя памяти царь Иванъ Васильевичъ, пришедъ своею царскою персоною — такія государства поймалъ — и нынѣ наше царское величество тѣ государства, съ Божіею помощію, держитъ.

«А тебѣ — будучи на полѣ и живучи казакомъ — отъ нашіе царскіе рати и отъ огненного бою .. избыти, и нынѣ за твои прежніе грубости и неправды пригоже было намъ на тебя послати (свою большая) рать съ огненнымъ боемъ и тебя со всѣмъ покорити;

«Да мы, царь всеа Русіи — истинный хрестьянскій, милостивый государь, по своему милосердому царскому обычаю, смертнымъ — животъ даемъ и винымъ — милость кажемъ!

«И на такіе твои прежніе грубости, и неправды, и непослушанье не смотря, видяче тебя въ такой нынѣ незгодѣ — наше царское, жаловальное слово тебѣ объявляемъ, чтобъ ты, Кучумъ царь, ѣхалъ къ нашему царскому величеству, буде похочешь нашему царскому величеству служити — безо всякаго сумнѣнія и съ своими дѣтьми, которые нынѣ съ тобою похотятъ ѣхати и наши царскія пресвѣтлыя очи видѣть.

«А какъ у нашего царскаго величества будешь и наши царскія очи увидишь — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. И похочешь, будетъ, быти здѣся, въ нашемъ государствѣ московскомъ, при нашихъ царскихъ очѣхъ, и близко нашей царской милости — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, устроити велимъ городы и волостьми и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству, также какъ и иныхъ царей и царевичей жалуемъ, которые служатъ нашему царскому величеству.

«А будетъ, бывъ у насъ и наши царскія очи увидѣвъ, похочешь быти на прежнемъ своемъ юртѣ, въ Сибири — и мы, великій государь, тебя, Кучума царя, пожалуемъ на сибирской земли царемъ и въ нашемъ царскомъ жалованьи учнемъ тебя держати милостивно.

«Писано въ лѣто 7103 (1597).» (Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 68.)

дить и пожаловать бѣднаго изгнанника, сообразно съ его прежнимъ величіемъ (82).

Кучумъ не послушалъ милосердаго призыва.

Участь его была рѣшена.

Донесенія тарскаго воеводы Воейкова къ царю открываютъ намъ слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ и послѣднихъ бѣдствіяхъ

---

(82) «*Цареву величеству* холопъ вашъ, Абдюль-Хаирь царевичъ множествомъ много челомъ бьетъ.

«Прежь сего присылали есте къ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству, человѣка своего Мегметя съ грамматою, и въ грамматѣ своей царскому величеству писали есте, чтобъ великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ тебя пожаловали юрты... отдати велѣли и брата нашего Мегметъ-Кула... къ тебѣ отпустить велѣлъ. А язъ въ тѣноры былъ у царскаго величества въ опалѣ. И били есмя челомъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, чтобъ великій государь меня пожаловалъ, поволилъ мнѣ написати тебѣ граммату, а ты вины своя покроешь, учинишься подъ его царскою рукою и сына своего царевича къ его царскому величеству пришлешь. И великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ, не памятуя предъ своимъ царскимъ величествомъ винъ нашихъ, поволилъ мнѣ отъ себя написати къ тебѣ граммату, а ты по той м(оей) грамматѣ ничего не учинилъ — къ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу, всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству... ни самъ не пріѣхалъ, ни царевича не прислалъ.

«И нынѣ великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ, всеа Русіи самодержецъ, милостивый, истинный великій царь, крестьянскій государь, не смотря на наши грубости и неправды, меня пожаловалъ, казнь смертную отдалъ и пожаловалъ меня (городы) и волостьми съ братомъ съ моимъ, съ Магметъ-Куломъ царевичемъ вмѣстѣ.

«А про *ваше царево величество* слухъ доходитъ, что пребыванье твое — нужно, и скудость великая, и братья наши, царевичи Канай да Иделинъ со многими людьми, пошли отъ тебя прочь, а съ *вашимъ царевымъ величествомъ* немногіе люди остались.

«И мы съ братомъ своимъ съ Магметъ-Куломъ царевичемъ били челомъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, его царскому величеству, чтобъ насъ царское величество пожаловалъ, поволилъ намъ написати къ тебѣ граммату, а ваше, чаемъ, *царево величество* нынѣ похочетъ быть подъ великаго государя его царскаго величества рукою.

«И великій государь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ... поволилъ, а приказалъ намъ написати къ вамъ граммату и вы бъ, *царево величество*... къ великому государю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу... (пріѣхали на Москву?).

«А то намъ, царскаго величества, отъ печатнаго и посольскаго дьяка Василья Яковлича (Шел)калова вѣдомо есть: будетъ похочешь быти при царскомъ величествѣ, при его пресвѣтлыхъ очехъ и великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ тебя пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ, городы и волостьми и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству. А у великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи самодержца, у его царскаго величества служатъ многіе цари и царевичи и в(ое)водичи волоскіе и мутьянскіе и изо многихъ государствъ государскіе дѣти — и тѣ всѣ в(ъ великомъ) жалованьѣ живутъ безъ оскудѣнія.

«А буд(етъ, будучи) у царскаго величества, похочешь бы(ти на своемъ) юртѣ, въ Сибири и царское величество (тебя) своимъ жалованьемъ пожалуетъ—(въ сиб)ирской землѣ царемъ велитъ быти.» (Тамъ же, № 67.)

перваго и послѣдняго сибирскаго властителя, чествуемаго отъ нашего двора титуломъ царя.

Воевода Воейковъ отправился изъ Тары въ походъ на Кучума 4 августа 1598 года. Изъ Тары онъ вывелъ отрядъ, который составляли три сына боярскіе, два атамана, сто человѣкъ Литвы и казаковъ, 30 человѣкъ служилыхъ юртовскихъ Татаръ и 60 человѣкъ ясачныхъ, волостныхъ Татаръ; съ этимъ отрядомъ соединились отряды изъ другихъ городовъ, такъ-что всю численную силу рати Воейкова составляли три сына боярскіе, татарскій голова Черкасъ Александровъ, три атамана и четыреста, безъ трехъ, Литвы, казаковъ и Татаръ.

10 августа, въ предѣлахъ нынѣшней Барабинской-Степи, Воейковъ послалъ татарскаго голову Черкаса Александрова съ однимъ боярскимъ сыномъ, въ турашскую волость добывать языковъ. Голова досталъ языковъ.

Языки сказали, что Кучумъ велѣлъ имъ жить на Убѣ, а самъ онъ кочуетъ на Черныхъ-Водахъ; людей у него 500 человѣкъ, да торговыхъ Бухарцевъ пятьдесятъ.

15 августа воевода Воейковъ пришелъ на Убъ-Озеро (Убинское, на сѣверо-востокъ отъ озёръ Сартлана и Чановъ), захватилъ тамъ всѣхъ лучшихъ людей, сталъ ихъ выпытывать про Кучума и узналъ, что Кучумъ съ Черныхъ-Водъ ушелъ на рѣку Обь, гдѣ у него хлѣбъ сѣянъ.

На другой день, казаки привели къ Воейкову, со степи, изъ барабинской волости, новыхъ языковъ. Они подтвердили тѣ извѣстія, которыя собраны были наканунѣ, но къ этому прибавили, что Кучумъ сбирается войною на Тару, что онъ скоро хочетъ на нее идти, и что, кромѣ наличной орды въ 500 человѣкъ, у него есть еще много приверженцевъ по окрестностямъ.

Воейковъ отдѣлилъ отъ своего отряда небольшую команду и послалъ ее на этихъ приверженцевъ, по указаніямъ языковъ, а самъ двинулся впередъ на Кучума.

Пунктъ пребыванія Кучума былъ, по донесенію Воейкова, на Оби, и именно въ трехъ днищахъ выше Чатъ (Чапъ), на лугу, на Ормени, отъ Колмаковъ въ двухъ днищахъ (83).

Съ самаго начала похода, Воейковъ шелъ «наспѣхъ, день и ночь».

---

(83) Мы полагаемъ, что «Черныя-Воды» переводъ слова Кара-су. Южнѣе Чановъ есть и озеро *кара-суцкія* и рѣка *Кара-сукъ*. Вершины Карасука сближаются съ крутымъ изворотомъ рѣки Оби между городомъ Колыванью и селеніемъ Крутихою (на пол-пути водой отъ Колывани до Барнаула), въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи и именно въ Колыванской-Области. Затрудненіе въ томъ еще: какъ понимать выраженіе: *выше Чатъ*? Были ли сами Чаты на Оби, или это просто значитъ — къ югу отъ Чатъ, то-есть, именно отъ озера Чаны? вотъ вопросы, которые положительно еще не разрѣшены. Если воеводы наши знали про Убинское-Озеро — то имъ нельзя было не знать и про Чаны, а между-тѣмъ этого названія мы рѣшительно нигдѣ не встрѣтили. Принявъ, что Чаты то же, что и Чаны—мы поймемъ и выраженіе князца томской волости, Еуштинскаго — Тояна, что отъ мѣстъ его кочевья, то-есть, отъ рѣки Томи, до Чатъ — ходу 10 дней. (См. прим. 58.)

Весь походъ былъ совершенъ въ 16 дней, и 20 августа, на зарѣ, воевода явился въ становище Кучума.

Русскій отрядъ дѣйствовалъ стрѣлами и пищалями; у Татаръ «огненнаго бою», вѣроятно, не было; но какова была битва, каково было ожесточеніе Татаръ, если этотъ, по-видимому, неравный бой, при единодушіи и энергіи кучумовыхъ Татаръ и при разноплеменности нашего отряда, продолжался отъ солнечнаго восхода до полудня!

Вотъ красноръчивый результатъ этого отчаяннаго боя, въ которомъ наши казаки «дрались явственно».

Убиты:

Илтенъ, братъ Кучума;
Канай, сынъ Кучума;
двое дѣтей спасшагося бѣгствомъ царевича Алея;
шесть князей;
десять мурзъ;
пять аталыковъ;
150 человѣкъ ратныхъ.

Этого мало: 100 человѣкъ Татаръ ударились въ бѣгство и бросились въ Обь, въ надеждѣ переплыть ее; пощады имъ не было и тутъ: воевода велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пищалей и изъ луковъ, и всѣ они погибли.

50 человѣкъ Татаръ взяты въ плѣнъ; Воейковъ доносилъ царю, что онъ ихъ велѣлъ — кого приколоть, кого перевѣшать: таково было ожесточеніе, еще болѣе возбужденное кровопролитною битвою.

Спаслось всего человѣкъ «съ пятьдесятъ», но и ихъ вскорѣ нагнали и всѣхъ извели.

Захвачены въ плѣнъ, сохранены и отправлены въ Москву:

Сыновья Кучума, *царевичи сибирскіе:* 1) Асманакъ, 30 лѣтъ; 2) Шаимъ, 20 лѣтъ; 3) Бибадша, 8 лѣтъ; 4) Молла, 4 лѣтъ и 5) Кумышъ, одного года.

Жены Кучума, *царицы сибирскія:* 1) Большая, Салтанымъ съ дочерью, царевною Тулунбекъ, 3-хъ лѣтъ; 2) Сюйдеджанъ съ дочерьми, царевнами: Дерпадшей, 10 лѣтъ, Мондуръ 6 лѣтъ и Карачанъ 3 лѣтъ; 3) Яндевлетъ, 4) Актолунъ съ 14-ти лѣтнею дочерью, царевною Гулсыфатъ; 5) Аксюйрюкъ, съ трех-лѣтнею дочерью, царевною Акханымъ; 6) Шевлели съ дочерью, царевною Азеи-Салтанъ, 11 лѣтъ; 7) Кубулъ-царица и 8) царица Чеппанъ, мать Абдул-Хапра.

Кромѣ поименованныхъ семи царевенъ, была еще царевна, 14-тилѣтняя дочь Кучума, Кумызъ.

Вмѣстѣ съ ними попали въ плѣнъ:

Жена старшаго кучумова сына, Алея, дочь ногайскаго князя Тин-Ахмета, Ханзада съ сыномъ Янсюеромъ, 4 лѣтъ.

Жена другаго кучумова сына Каная, дочь ногайскаго князя Уруса, Данай, съ дочерью Наврузбекъ.

Кучумова зятя, ногайскаго мурзы, измаилова внука, Беги-мурзы, убитаго въ битвѣ на Оби, сынъ Зеи-Махметъ съ сестрою Лалтотаей.

Сибирскіе мурзы Бейтерекъ Чемлемишевъ съ женою, Тока Козяковъ,

Исенгильдей Тойлаковъ, Короявда Карамышевъ и нѣсколько мужской и женской прислуги.

Плѣнникамъ царь велѣлъ объявить, что «царева кучумова передъ «государемъ была неправда многая — и за то надъ нимъ такъ Богъ и «учинилъ; но чтобъ они не сумнялися: русскій царь милостивъ, онъ «казнить ихъ не велитъ, а велитъ, по своему милосердому обычаю, «устроить, какъ бы имъ быти безъ нужи».

Но не смотря на строгіе указы, чтобъ приставленные къ высокимъ плѣнникамъ люди, имѣли къ нимъ береженье, охраняли ихъ отъ нуждъ, обидъ и безчестья, хорошенько ихъ кормили и поили виномъ и медомъ (что разрѣшено было забирать и въ монастыряхъ, еслибъ случилось, что кабаковъ на дорогѣ по близости не было) — все безъ маленькихъ непріятностей дѣло необходилось: то никто не хотѣлъ давать имъ корму безъ особаго царскаго указа, то продавцы заламывали страшныя деньги противъ указной оцѣнки, то денегъ не хватало, то нигдѣ не могли сыскать патоки, вина и меду, до которыхъ «ихъ царёвы величества» были, кажется, очень-лакомы.

Были и другія не столь мелкія горести. Такъ однажды царевичъ Асманакъ «изнемогъ съ кручины», что его разобидѣлъ конный казакъ Пятунька Петровъ. Въ то самое время, когда у царственнаго семейства вышелъ послѣдній запасъ хмѣльнаго а ему очень-хотѣлось потѣшиться русскими шипучими медами, «Пятуня пришелъ къ царевичамъ «чамъ пьянъ, ночью, бранился и лаялся»... весьма неблагопристойно. Вообще, прибавляютъ царскіе приставы, казаки ведутъ себя изъ-рукъвонъ-дурно: «и Татарамъ чинятъ тѣсноту великую, да и насъ-то, холопей твоихъ государевыхъ, вовсе не слушаютъ (говорятъ: мы-де «вамъ не приказаны! таковы жь-де и мы, что и вы!), ходятъ всегды «пьяни (берутъ не вѣдомо откуды), воруютъ, и къ царевичамъ и къ «царицамъ ходятъ безчинно».

Годуновъ смиловался надъ несчастными, хотя и дикими, но все же царственными плѣнниками, настрого заказалъ дѣлать имъ малѣйшія непріятности, безпрестанно посылалъ имъ вина и медовъ и тѣшилъ ихъ, отъ царскихъ щедротъ своихъ, яблоками, изюмомъ, винными ягодами, шафрапомъ, толченымъ перцомъ и разными другими лакомствами; наконецъ съ избыткомъ одарилъ ихъ платьями цвѣтными, шубами дорогими, шелковыми матеріями и бархатами, отвелъ всѣмъ имъ въ Москвѣ удобныя квартиры и далъ приличное, сообразное съ тогдашними временемъ и обстоятельствами, безбѣдное содержаніе.

Но Кучумъ опять не дался намъ въ руки!

Во время послѣдняго разгрома, онъ, самъ-третей, уплылъ въ лодкѣ, *внизъ* по Оби.

Воейковъ пустился-было со всею ратью за нимъ въ погоню, переѣхалъ на плоту рѣку Обь, полагая, что Кучумъ тутъ гдѣ-нибудь скрывается въ лѣсу, бросился въ разсыпную, искалъ его вездѣ—но Кучумъ скрылся.

Онъ былъ еще живъ, хотя сначала и ходили слухи, будто-бы онъ утонулъ въ Оби.

Вскорѣ послѣ того, Воейковъ послалъ кучумова септа, Тул-Махмета, отъискать Кучума и сказать ему, чтобъ онъ сдался, чтобъ онъ поѣхалъ къ царю, служилъ ему вѣрою и правдою, что воцарился новый царь, государь милостивый, Борисъ Ѳедоровичъ Голуновъ, что онъ Кучума-царя помилуетъ, пожалуетъ его своимъ царскимъ жалованьемъ; отдастъ ему и дѣтей и женъ...

— Не поѣхалъ я самъ къ государю, по государевой граммать, по государеву зову, пока еще я былъ человѣкомъ, такъ ужь теперь мнѣ идти на вѣрную смерть что́ за неволя? Я ужь и то и старъ, и глухъ, и слѣпъ, и совсѣмъ пропалъ! Огняли вы у меня, старика, и послѣднюю подпору, сына моего-кормильца Асманака царевича. Лучше бъ вы у меня всѣхъ моихъ дѣтей поотняли, да Асманака мнѣ одного оставили. Ну, что́ я безъ него теперь?... Пойду къ Погаямъ, а сынъ пу́скай идетъ въ Бухары...» (84).

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ Кучума Воейкову черезъ Тул-Махмета: семьнадцать лѣтъ потерь, неудачъ, лишеній, горя — не переломили желѣзной воли этого человѣка!

Тул-Махметъ возвратился 5 октября 1598 года и разсказывалъ воеводѣ, что онъ нашелъ Кучума за Обью (значитъ, по правому берегу, гдѣ-нибудь между Чумышемъ и Бердью, въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи), въ лѣсу, внизъ по Оби, въ двухъ дняцахъ отъ побоища; съ нимъ было три сына, да человѣкъ тридцать Татаръ.

Кучумъ водилъ септа къ побоищу — хоронить тѣла вѣрныхъ друзей своихъ.

Онъ собрался въ Погаи, но... время холодное, далеко...

Кто-то, добрый человѣкъ, сжалился надъ сибирскимъ царемъ, далъ ему коня и шубу.

«Царь Кучумъ бѣжа въ Погаи — и тамо убіенъ бысть отъ Погаи, еже бо ему рекоша: яко ты здѣ пребываеши, да и намъ тако же сотворятъ, яко же и тебѣ!

«И ту скончa животъ свой!» (85).

---

(84) Акты Ист. Археогр. Комм., т. II, №№ 1, 2, 4, 7, 11 — 13, 15 — 17, 19 и 21 — 23. — Подлинныя рѣчи Кучума Тулъ-Махметъ передалъ Воейкову такъ:

«Не поѣхалъ-деи я къ государю по государевѣ граммать своею волею, въ кою-деи пору я былъ совсѣмъ цѣлъ, а *за саблею*-деи мнѣ къ государю ѣхать не почто! А нынѣча-деи я сталъ глухъ, и слѣпъ и безо всего живота. Взяли-деи у меня промышленика, сына моего Асманака царевича: хотя бы-деи у меня всѣхъ дѣтей поимали, а одинъ бы-деи у меня остался Асманакъ — и язъ бы-деи объ немъ еще прожилъ. А нынѣча-деи я иду въ Погаи, а сына-деи я своего посылаю въ Бухары.»... «Кучумъ побѣжалъ вверхъ по Оби... а септа отпустилъ».

Выраженіе «ѣхать за саблею» — здѣсь значитъ «идти на вѣрную смерть».

Мухаммедапскія и вообще инородческія племена Сибири, при произнесеніи присяги на подданство московскому государю, исполняли нѣсколько обрядовъ, въ числѣ которыхъ было и *лизаніе кровавой сабли*; въ словахъ клятвы въ вѣрности — было заклятіе *ссыки мою голову та вострая сабля;* саблю эту держали въ то время надъ головой присягающаго или рубили ею собакъ. (См. Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 145 и т. IV, № 197.)

(85) Считаемъ неизлишнимъ приложить здѣсь одну граммату, интересную какъ по внутреннему своему содержанію, такъ и по извѣстію, что казаки убили Кучума.

ГЛАВА X-Я И ПОСЛѢДНЯЯ.

Заключеніе.

Нѣсколько мыслей о личности Ермака.

. . . . . .

«Вы изъ чего такъ хлопочете? Вамъ-то какое тутъ дѣло?
«Вотъ, вѣдь охота жъ пришла человѣку пускаться на споры...
«Есть изъ чего хлопотать!.. да впрочемъ, кто жъ вамъ повѣритъ?
«Дѣло другое — скажи это тотъ, кто поголосистѣй —
«Академикъ, французъ, или нѣмецъ мудрый —
«Ну, тогда апелляціи нѣтъ: развѣнчана слава!
«Дѣло съ концомъ!.. а то, прости Господи. . . . . .»

Ю. Вяземскій.

Итакъ мы кончили свои нехитрые и далеко неполные разсказы о Ермакѣ и о Кучумѣ; передали, безъ увлеченія, къ пользу своихъ или въ пользу чужихъ, простыя сказанія лѣтописцевъ; показали, какъ

Вѣроятно, слово *убили* здѣсь равносильно слову *разбили*, но не болѣе. Грамату эту мы беремъ изъ Миллера (стр. 306 и 307):

«Отъ царя и великаго князя Михайлы Ѳедоровича всеа Русіи въ Сибирь, въ тюменской городъ, воеводамъ нашимъ, князю Михайлу Борисовичу Долгорукову, да Юрью Аѳиногеновичу Редрикову.

«Билъ намъ челомъ тюменскаго города конный казакъ Гаврилко Иванов; а сказалъ:

«Служилъ-де онъ блаженныя памяти *государю царю* и *великому князю* Ивану Васильевичу всеа Русіи, *государю царю* и *великому князю* Ѳедору Ивановичу всеа Русіи, и *царю* Борису Ѳедоровичу всеа Русіи, и *царю* Василью Ивановичу всеа Русіи и намъ великому государю — *въ Сибири сорокъ два года*, а прежде того онъ служилъ намъ на полѣ двадцать лѣтъ *у Ермака въ станицѣ* и съ иными атаманы.

«И какъ съ Ермакомъ Сибирь взяли и Кучума царя *съ куреня сбили*, а царство сибирское намъ взяли, и мураъ и Татаръ разорили и онъ-де былъ посылашъ съ Ондреемъ съ Воейковымъ на нашу службу на тово же Кучума царя и Божіею-де милостію и нашимъ счастіемъ тово царя Кучума на Обѣ рѣкѣ погромили, и его *убили* и жены его и дѣти взяли.

«Да его же-де посылалъ *на Алея царя* боярин нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ съ воеводою съ Пазарьемъ Изъѣдиновымъ и того-де *Алея царя взяли* и женъ и дѣтей поимали.

«Да онъ же-де въ Сибири ставилъ Томской городокъ при воеводѣ Гаврилѣ Писемскомъ; да онъ же-де ставилъ городъ Тюмень при воеводѣ Васильѣ Сукинѣ; да онъ же-де посылашъ былъ въ Кузнецы для нашего ясаку и первый-де ясакъ взяли; да онъ же-да Тобольскій городокъ ставилъ при воеводѣ Данилѣ Чулковѣ; да онъ же-де Тарской городокъ ставилъ при воеводѣ при князѣ Андреѣ Елецкомъ; да онъ же-де ставилъ Пелымской городъ при воеводѣ при князѣ Петрѣ Горчаковѣ; да ево же-де посылалъ на нашу службу боярин нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ головствомъ на калмыцкихъ людей, и они-де калмыцкихъ людей погромили и женъ и дѣтей въ полонъ взяли.

«А нынѣ-де на Тюмени у нихъ у конныхъ казаковъ—*атамана* нѣтъ и намъ бы его пожаловати, велѣти ему быти въ Тюменскомъ городѣ у конныхъ казаковъ въ атаманѣхъ на Степаново мѣсто—Онтропьева, а Степанъ-де нынѣ служитъ на Тюмени *въ дѣтяхъ боярскихъ*.

«И какъ къ вамъ ся наша грамата придетъ, а то, будетъ. Степана Антропьева мѣсто порожно—атамана на его мѣсто у конныхъ казаковъ нѣтъ—и вы бъ Гаврилку Иванова, за тѣ его многія службы, велѣли въ Тюменскомъ городѣ быти у тюменскихъ, у конныхъ, казаковъ въ атаманѣхъ.

«Писанъ въ Москвѣ лѣта 7131 (1623) году февраля въ 23 день.»

Ермакъ, «сей витязь счастливый», пришелъ въ Сибирь, какъ онъ согналъ съ мѣста (съ кургана сбилъ) сибирскаго царя, какъ Кучуму пришлось перенести свое кочевье вверхъ по Иртышу, какъ, наконецъ, Русскіе его настигли и уничтожили... все, кажется, шло просто, какъ нельзя-быть проще, безъ чудесъ, естественно, своимъ порядкомъ, и кажется такъ, что этому дѣлу случиться иначе и невозможно было.

Но отъ-чего жь до Ермака этого не случилось?

Отъ-чего жь послѣ Ермака не повторилось чего-нибудь подобнаго, въ томъ же размѣрѣ?

Не-уже-ли одному Ермаку на роду написано было такое счастье?

Славное счастье! Надобно же было простому казаку, волжскому казаку, забрать въ голову счастливую мысль — идти въ Сибирь; надобно же было счастью помочь ему счастливо добраться до Сибири, счастливо побѣждать Татаръ, счастливо не умереть съ голоду, счастливо не замерзнуть отъ морозовъ, счастливо овладѣть Сибирью, счастливо два года держаться въ ней, счастливо не упустить ея изъ рукъ, счастливо указать путь другимъ, счастливо заставить все потомство чтить его память...

Нѣтъ, тутъ ужь изъ-рукъ-вонъ много счастья!

Невольно вспомнишь слова другаго русака-счастливца: «все счастье да счастье—надо же, помилуй Богъ, вѣдь и ума сколько-нибудь!»

Посмотримъ, много ли было ума у простолюдина временъ Грознаго —у Ермака, и сколько его пошло на дѣло завоеванія Сибири.

Если предположить, что первоначальный проблескъ мысли «идти въ Сибирь» былъ безсознательный, то мысль эта такъ-хорошо созрѣла, такъ-хорошо обдумана Ермакомъ, чтобъ ее можно было назвать коротко «счастливымъ шагомъ». Мысль эта такъ необыкновенна, такъ хитра, такъ въ ермаковомъ положеніи велика, что, принявшись обдумывать предметъ съ этой стороны, мы принуждены искать какой-нибудь опоры, чтобъ понять «логичность» ермакова похода. Мы невольно перевертываемъ нѣсколько страницъ, и все вниманіе свое устремляемъ на какое-то преданіе (глава V) о томъ, что Ермакъ былъ камскій уроженецъ, или, вѣрнѣе, тутошній житель, котораго, въ молодыхъ лѣтахъ, привезли сюда родители на кличъ о заселеніи закамской стороны охотниками, и который имѣлъ время и средства изучить страну. Внутренняя, нравственная, положимъ, тайная связь должна существовать между Ермакомъ и Чусовою. По всему видно, что онъ пришелъ не въ чужое мѣсто, а въ знакомое ему захолустье, гдѣ онъ издавна набрался свѣдѣній и о путяхъ, ведущихъ за Камень, и о сосѣдяхъ, о ихъ бытѣ и о степени гражданскаго порядка. Ермакъ не пошелъ на Яикъ, подобно нѣкоторымъ казачьимъ шайкамъ, не бросился и въ противоположную сторону за другими партіями, не кинулся въ какую-нибудь глушь, которая не сулила ему особенныхъ пріобрѣтеній — нѣтъ, удаляясь въ сѣверо-восточную украйну, онъ зналъ, куда именно онъ идетъ и зачѣмъ именно онъ идетъ. Онъ долженъ былъ вполнѣ и заранѣе сознать всѣ успѣхи, предвидѣть всѣ неудачи, чтобъ сговорить своихъ многочисленныхъ товарищей послѣдовать за собою единодушно.

Ермаку много надо было имѣть ума и на то, чтобъ преслѣдовать внезапно-осѣнившую его мысль; но еще больше ума надлежало ему имѣть, чтобъ привести эту мысль въ исполненіе, чтобъ совершить трудный и опасный походъ на Чусовую.

Нуженъ былъ Ермаку умъ необыкновенный и для того, чтобъ уладить искусно свои дѣла на Чусовой и вести себя такъ, что тамошнее народонаселеніе не вооружилось противъ его дѣйствій, не вооружило противъ него его же товарищей, что Ермака не лишили власти, не связали и не представили мѣстнымъ правителямъ, какъ осужденнаго и бѣглаго преступника, вмѣстѣ съ Кольцомъ и другими атаманами.

Пребываніе Ермака на Чусовой, должно было ознаменоваться проявленіемъ его блистательныхъ административныхъ способностей. Онъ не могъ идти въ походъ «какъ есть»: ему нужно было обезпечить и собственную свою участь, и участь задуманной мысли, и участь всѣхъ своихъ товарищей.

По однимъ сказаніямъ, Ермакъ привелъ съ собой 600 человѣкъ, да на Чусовой навербовалъ еще 50 человѣкъ съ провожатыми; по другимъ —у него было только 500 казаковъ, да съ Чусовой онъ забралъ съ собой 40 человѣкъ. Слѣдуя Есипову, мы принимаемъ мѣньшее число, хотя при первомъ случаѣ готовы принять и бо́льшее, потому-что вопросъ этотъ положительно не разрѣшенъ—и дѣло чрезъ это нисколько не терпитъ, ни выигрываетъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ.

Первою мыслію Ермака для сформированія своихъ товарищей въ необходимомъ порядкѣ, было... тутъ мы затрудняемся докончить фразу, потому–что у Ермака все должно было быть главною мыслію. Раздѣлимъ же эти средства на предметы продовольствія и на предметы снабженія экспедиціи тѣмъ, безъ чего ей обойтись было нельзя.

Начнемъ съ хлѣба.

И тутъ, съ перваго же раза, мы видимъ новый, умный разсчетъ Ермака. Обитатели Сибири, какъ мы уже видѣли, занимались земледѣліемъ. Ермакъ зналъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ долженъ былъ знать, что путь его будетъ лежать мимо пашенныхъ волостей, и выбралъ для своего похода по Сибири время самое удобное, сентябрь мѣсяцъ, осень, когда хлѣбъ долженъ быть убранъ съ полей. Въ этомъ фактѣ нельзя видѣть удачи, или одного-счастія; хлѣбъ не такой предметъ, чтобъ не подумать заблаговременно: «чѣмъ же мы жить будемъ?» Ермакъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и, въ-слѣдствіе этого, дѣйствительно могъ не обременять себя излишнимъ количествомъ хлѣбныхъ запасовъ: будь это не къ осени и не въ видѣ набѣга — препятствіе въ продовольствіи было бы непреодолимое.

На счетъ соли Ермаку, точно такъ же какъ и на счетъ хлѣба, надобно было мастерски уладить дѣло съ чусовскими жителями и ихъ соляными варницами. И ласковыя слова, и угрозы, и обольщенія, все было пущено въ ходъ, чтобъ пріобрѣсть необходимое. Мѣры, предпринятыя для этого Ермакомъ, намъ точно неизвѣстны, но тѣмъ не менѣе, каковы бы онѣ ни были, результатъ самый доказываетъ, что Ермакъ былъ такъ уменъ, такъ великъ, что на этой дорогѣ не могли остановили его какія-нибудь препятствія, которыхъ бы онъ не съумѣлъ бли-

стительно преодолѣть. Черезъ три года, этимъ же путемъ шло царское войско; но походъ его былъ несчастливъ. Надо предположить что нибудь одно: или Болховской не умѣлъ самъ обезпечить продовольствіе своей рати, уступавшей въ своемъ числѣ ермаковой дружинѣ, или ему на Чусовой не дали столько провіанту, сколько было нужно, за неимѣніемъ и бѣдностью обитателей. Рать Болховскаго гибла — Ермакъ вышелъ цѣлъ и невредимъ, и заслуга его, въ этомъ отношеніи, сколько блистательна, столько же доказываетъ въ немъ отличнаго администратора.

Ермаку мало было запасаться однимъ хлѣбомъ: ему нужно было перевезти съ собой и рыболовныя сѣти, которыя обезпечивали въ немаловажной степени существованіе его людей: сѣти—неотъемлемая принадлежность казака и могли быть привезены имп съ Волги.

Что касается до другихъ принадлежностей, которыя мы подводимъ подъ одну категорію снабженій, начнемъ съ перваго, въ чемъ Ермакъ могъ и долженъ былъ нуждаться.

Рѣчныя суда, въ которыхъ Ермакъ прибылъ на Чусовую, не было возможности перетаскивать черезъ горы волокомъ. Такой родъ перевозки дѣлается и въ наши времена, но только не по горамъ, а тамъ, гдѣ и мѣстность, и краткость пространства, и механическія усовершенствованія даютъ къ этому возможность. По Уральскому-Хребту, по грядамъ горъ, отъ гребня до подошвы усѣянныхъ черными, гигантскими лѣсами, перетаскивать лодки съ кладью, людьми, на огромномъ протяженіи, по мѣстности, непредставляющей къ тому никакихъ способовъ, было физически-невозможно. Ермакъ долженъ былъ заблаговременно запастись всѣмъ, чтобы, по переходѣ горъ, «по образу пѣшаго хожденія», быть въ состояніи продолжать свой путь водою. Ему нужны были топоры, веревки, гвозди, холстъ, множество другихъ вещей, о которыхъ ему надо было подумать самому и не ставить себя въ зависимость отъ Татаръ, которые многочисленностью своею могли всю его дружину уничтожить въ прахъ: не помогли бы и ружья — непріятелю стоило только пріучиться къ ихъ грому, а мы видѣли, что Татары скоро успѣли освоиться и свыкнуться съ огненными стрѣлами, или самопалами казаковъ.

Наконецъ, Ермакъ долженъ былъ снабдить болѣе 500 человѣкъ оружіемъ. Положимъ, что главнымъ оружіемъ ихъ могли быть топоры и копья, пики или дротики, которыхъ изготовленіе не могло затруднить казаковъ; можетъ-быть, у иныхъ были и сабли; но безъ сайдаковъ, обыкновеннаго вооруженія того времени—Ермаку трудно было обойдтись. Татары сами дѣйствовали стрѣлами: значитъ, и Ермаку нужно было, хотя для половины своихъ ратниковъ, имѣть что-нибудь, чѣмъ бы могъ онъ дѣйствовать на непріятелей издалека. Для каждаго казака имѣть пищали было не только не въ средствахъ или въ возможности частнаго лица, предводителя 540 человѣкъ, но даже и долго спустя, мы и въ царскомъ-то войскѣ, гораздо-позже, и не въ одной Сибири видимъ ружья не у всѣхъ ратниковъ. Достаточно, если у Ермака на каждые десять человѣкъ было по одной пищали.

Само-собой разумѣется, что мысль о пушкахъ Ермаку, какъ умному человѣку, не могла прійдти въ голову, хотя наши учёные историки и утверждаютъ, согласно строгоновскому лѣтописцу, что Строгоновы дали ему триста человѣкъ собственныхъ своихъ храбрыхъ, предобрыхъ воиновъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, Татаръ, Русскихъ и, вдобавокъ, снабдили его цѣлою артиллеріей изъ *нѣсколькихъ пушекъ*. Вспомнимъ только, что́ были тогдашнія пушки, вспомнимъ ихъ форму, ихъ тяжесть, снаряды для нихъ, ихъ неспособность для перевозки по такимъ мѣстамъ, гдѣ и пѣшему проходить — трудъ огромный, и согласимся, что казакамъ брать пушки съ собою было — не дѣло. Да и гдѣ было Ермаку взять хоть одну пушку? О Строгоновыхъ — дѣло конченое: стало быть, самому Ермаку приходилось или украсть или купить пушку, изготовить для нея передокъ, добыть и уложить сотни двѣ-три ядеръ (не холостымъ же зарядомъ стрѣлять ему въ воздухъ!); для одной пушки требовалось много и много-прочаго: гдѣ ему было достать такую драгоцѣнность? На Камѣ, въ иномъ мѣстѣ, одна пушка защищала цѣлое селеніе: кто съ такимъ сокровищемъ разстанется? И мансуровская пушка могла быть въ Сибири только потому, что ее везли или несли по проложенному пути, и по особеннымъ причинамъ — потому-что она была прислана отъ царя. Но за то сколько, можетъ-быть, ея переносъ стóилъ! сколько онъ потребовалъ времени!.. Не таковы были обстоятельства Ермака, чтобъ онъ рѣшился связывать себя обузою и тяжкою и ненужною. Замѣтимъ къ слову, что въ тѣ времена, выраженія — «огненный бой» и «пушечный парядъ» употреблялись какъ синонимы, что слово «пушкарь» хотя и розшлось отъ слова «стрѣлецъ», однакожь имъ иногда именовали всякаго стрѣлка, который владѣлъ пищалью или управлялъ пушкою, что названіе «пищаль» обозначало и самопалъ и пушку меньшаго калибра, и что только въ царскомъ войскѣ, при конечномъ покореніи центра тогдашнихъ преданныхъ Кучуму волостей, въ 1594 году, мы видимъ около 110 пищалей, да три пушки, у одной ядро въ четыре гривенки, или фунта, а у двухъ по двѣ гривенки (86)... Но мы много наговорили, а не обратили внима-

---

(86) «А паряду въ тотъ въ новой городъ (въ Тару) послати съ Москвы съ воеводами:

«Пищаль, въ 4 гривенки ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзныхъ;

«Пищаль девятипудная, 2 гривенки ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзныхъ;

«100 пищалей затинныхъ, а къ нимъ по 200 ядеръ къ пищали, итого 20,000 ядеръ;

«10 пищалей долгихъ, а къ нимъ по 200 ядеръ свинчатыхъ, итого 2,000 ядеръ;

«Да съ Пелыми взяти у князя Петра Горчакова пищаль девятипудная, а къ ней 200 ядеръ;

«Да въ тотъ же новый городъ послано 50 пудъ зелья, 50 пудъ свинцу.» (*Миллеръ*, стр. 271.)

Память воеводѣ князю Ѳедору Борисовичу Елецкому:

«Писалъ ко государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всея Русіи изъ Тобольскова воевода князь Ѳедоръ Лобановъ Ростовскій съ товарыщи, чтобъ прислать въ Сибирь пять скорострѣльныхъ пищалей (вѣроятно, курковыхъ самопаловъ, хотя слово самопалъ ни разу въ нашихъ актахъ не встрѣчается), чѣмъ промышлять надъ Кучюмомъ царемъ какъ царь будетъ въ городѣхъ.

«И нынѣ послано до Лозвы съ Прокофьемъ да съ Іваномъ Боейковыми пять ско-

нія на главное: для чего бы пушка пригодилась Ермаку? въ дракѣ съ Татарами, дѣйствовавшими въ разсыпную, ей у *казаковъ* не было никакого назначенія.

Но Ермаку все-таки нужно было имѣть при себѣ хоть пятьдесятъ пищалей или ружей и запастись для нихъ свинцомъ и зельемъ.

Это исчисленіе крайнихъ потребностей, безъ которыхъ Ермаку нельзя было ступить шага впередъ, и удовлетвореніе этихъ потребностей въ такомъ размѣрѣ, о которомъ ясно говоритъ результатъ ермакова похода — блистательный успѣхъ его, доказываетъ въ Ермакѣ отличнаго знатока своего дѣла, предусмотрительнаго полководца, какъ ни малочисленно было его войско. Обширный умъ его и въ этомъ дѣлѣ — неотъемлемъ; способности его — способности не простаго, дюжиннаго человѣка, а человѣка высшаго разряда.

Перейдемъ къ движеніямъ Ермака въ самой Сибири.

Сцена съ Таузаномъ, кратко переданная нашими лѣтописцами, открывая мѣры, посредствомъ которыхъ Ермакъ могъ узнать о Кучумѣ малѣйшія подробности, доказываетъ находчивость Ермака — изъ ничтожнаго, по-видимому, происшествія, изъ нечаянной встрѣчи, создать цѣлую поэму *завоеванія* Сибири. Ермакъ пощадилъ жизнь Таузана, послалъ его съ вѣстями къ Кучуму: значитъ, онъ собирался дѣйствовать противъ сибирскаго царя не изъ-за угла, а враждовать открыто. Какое бы преимущество Ермаку передъ Кучумомъ ни предавало огнестрѣльное оружіе, но тѣмъ не менѣе добровольное подготовленіе врага къ тому, чтобъ на него нельзя было дѣйствовать врасплохъ, выводитъ походъ казаковъ изъ ряда обыкновенныхъ набѣговъ, набѣговъ на-счастье, паузалу́ю, даетъ ему видъ благородной войны и показываетъ, что Ермакъ цѣнилъ себя, ставилъ себя выше того уровня, въ который его судьба забросила, сознавалъ свое нравственное превосходство. Употребляя немножко-громкія выраженія въ-отношеніи собственно къ Ермаку, мы спѣшимъ напомнить читателямъ, что хотя цѣль набѣга или похода Ермака была, по нашему, чисто-промышленная, то-есть желаніе промышлять добычи, но самое это желаніе, дышащее рыцарствомъ, облагораживается сопровождавшими его обстоятельствами и важностью результатовъ.

По нашему мнѣнію, завоеваніе Сибири нельзя, да и нейдетъ, сравнивать съ завоеваніемъ Перу и Мехики.

Мы видѣли, что Кучумъ не похожъ былъ на Монтезуму: параллели между ними проводить не слѣдуетъ. Говорятъ, что Кучуму были предсказанія, предвѣщанія, знаменія, подобныя тѣмъ, какія угрожали и

рострѣльныхъ пищалей, а къ нимъ по шти сотъ ядеръ желѣзныхъ и со всякими пищальными запасы.

«И воеводѣ князю Ѳедору Борисовичю, пріѣхавъ на Лозву, взяти у Прокофья и у Ивана Всейковыхъ тотъ государевъ нарядъ и всякіе пушечные запасы и пушкарей и зелье и свинецъ по росписи и устроить въ судѣхъ отвести съ собою въ новой городъ на Тару и, пришедъ на Тару, держать тотъ нарядъ въ государевѣ казнѣ, до о ходу на Кучума царя. (Миллеръ, стр. 285.)

Монтезумѣ; но Кучумъ не былъ такъ суевѣренъ, какъ Монтезума: онъ неуступчиво боролся съ Ермакомъ; въ борьбѣ этой онъ никогда не унижалъ ни своего сана, ни своего достоинства, не падалъ ницъ передъ покорителемъ, мстилъ ему, сообразно съ духомъ времени, и тайно и явно, сколько позволяли силы и возможность, и наконецъ, семнадцать лѣтъ скитаясь по степямъ, онъ, въ дикомъ величіи своемъ, предпочелъ лучше пасть подъ ударами судьбы, но не запятнать себя добровольною передачею къ тѣмъ, кого считалъ своими притѣснителями и врагами. Вотъ съ какимъ человѣкомъ пришлось бороться Ермаку: мы унизили бы Кучума съ его характеромъ и волею, если бы позволили себѣ ставить его на одну доску съ Монтезумой. Правъ ли былъ въ этомъ случаѣ Кучумъ или виноватъ въ чьихъ либо глазахъ—это другой вопросъ: наше дѣло видѣть, что онъ дѣйствовалъ сознательно, что онъ былъ врагъ сильный и опасный, что самая борьба съ такимъ человѣкомъ даетъ подвигу Ермака болѣе-яркій блескъ.

Татары тоже не походили на американскихъ дикарей. Тѣ видѣли въ испанскихъ всадникахъ боговъ, высшихъ существъ, составленныхъ изъ человѣка и коня; они сначала падали въ прахъ предъ этими высшими существами и покорялись имъ съ трепетомъ, безъ отговорокъ. Татары не признавали казаковъ за боговъ; они видѣли въ нихъ такихъ же смертныхъ, обыкновенныхъ людей, какими и сами были. Съ перваго же знакомства съ Русскими, Татары, вмѣсто того, чтобъ съ полною готовностью поспѣшить признать себя покоренными, осыпаютъ Русскихъ тучами стрѣлъ, ставятъ имъ разныя препятствія, преслѣдуютъ ихъ всюду, рубятся съ ними, убиваютъ ихъ—и все это во имя родной земли и свободы, которую они защищали отъ нашествія чужлыхъ имъ инородцевъ. Мехиканцы тоже дрались храбро въ послѣдствіи и неохотно подчинялись своимъ завоевателямъ, но пушки, регулярный составъ, надежда на чистое золото, самое положеніе Испанцевъ давали имъ огромный нравственный перевѣсъ передъ дикарями. Ермакъ былъ совершенно въ другихъ обстоятельствахъ.

Положимъ, на сторонѣ казаковъ было многое: былъ навыкъ къ схваткамъ, были лодки, въ которыхъ они ускользали отъ враговъ, были ружья, выстрѣлами которыхъ они разгоняли кучумовы толпы. Да развѣ у Татаръ не было же на столько навыка къ дракамъ, чтобъ они не могли противостоять ватагѣ Ермака? Знаніе мѣстности, болѣе извѣстной имъ, чѣмъ русскимъ пришлецамъ, замѣняло Татарамъ отсутствіе судовъ и давало имъ то преимущество, что они могли напередъ разсчитать время и мѣсто, гдѣ могутъ вновь встрѣтиться съ Ермакомъ. Да и Ермакъ, какъ мы уже видѣли, выходилъ на берега и сражался съ врагами своими на сухомъ пути, а не старался избѣгать военныхъ дѣйствій.

И въ этихъ дѣйствіяхъ — если на нашей сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, то на сторонѣ Кучума были преимущества, которыхъ казаки не имѣли, именно многочисленность рати, постоянно-разгорячаемая храбрость, свѣжесть силъ, общій интересъ въ дѣлѣ, бѣшеная ярость, фанатизмъ (который въ толпахъ Американцевъ стоитъ еще

подъ сомнѣніемъ) и, что́ не менѣе вѣжно — конница. Этотъ послѣдній фактъ, какъ онъ сначала ни кажется ничтожнымъ и какъ бы онъ ни былъ представляемъ въ забавномъ или смѣшномъ видѣ, все-таки ведетъ къ тому заключенію, что отрядъ конныхъ наѣзниковъ долженъ былъ имѣть рѣшительное вліяніе на планъ дѣйствій Ермака, долженъ былъ всѣхъ казаковъ ставить въ затруднительное положеніе, долженъ былъ принудить ихъ отвѣчать быстротой на быстроту, маневрировать, съ разсчетомъ пользоваться мѣстоположеніемъ и избирать выгоднѣйшія позиціи. Все это надлежало запечатлѣть единствомъ мысли, средствъ и исполненія. Успѣхъ въ дѣлѣ, побѣда, разбитіе и разсѣяніе враговъ, прибѣгавшихъ къ различнымъ воинскимъ хитростямъ, устроивавшимъ засады, осады, твердые оплоты натиску казаковъ, все это, о чемъ по-большей-части лѣтописи не распространяются, но что́ само-собой естественно, необходимо вызываетъ на размышленіе — все это, вмѣстѣ взятое, удостовѣряетъ, что тутъ мало было одного счастія, что если и было счастіе, то надобно было умѣть имъ воспользоваться; а подвигъ, которымъ ознаменовалъ себя Ермакъ, блестящимъ образомъ выдвигаютъ его изъ ряда людей, одаренныхъ обыкновенными воинскими способностями, и показываютъ, что онъ и въ этомъ дѣлѣ былъ человѣкъ — выше своего состоянія, выше своего времени.

Ермака не йдетъ сравнивать и съ Кортесомъ. Кортесъ и по рожденію и по воспитанію готовился для управленія другими, для начальствованія; онъ учился военному искусству, былъ образованный воинъ, былъ военный генералъ, съ малолѣтства посвященный во всѣ тайны тактики и стратегіи и притомъ дѣйствовалъ противъ своихъ непріятелей пушками, которыхъ у Ермака вовсе не было.

По кому Ермакъ былъ обязанъ своими побѣдами? въ какой школѣ онъ пріобрѣлъ тѣ свѣдѣнія и знанія, обладаніе которыми отъ Ермака неотъемлемо? Къ какой сферѣ принадлежалъ онъ? Въ правѣ ли мы отъ безвѣстнаго, неученаго, какъ видно безграмотнаго даже, простолюдина, ожидать такого блестящаго проявленія воинскихъ и административныхъ способностей, которыя привыкли встрѣчать только въ людяхъ, постепенно подготовляющихъ себя къ будущимъ подвигамъ по указанному пути?

Вопросы эти естественны: они не проистекаютъ изъ какой-нибудь недосказанной мысли... Нѣтъ, мы сами знаемъ, что можно привести тысячи примѣровъ тому, какъ стеченіе незначительныхъ, по-видимому, обстоятельствъ придастъ духа и окрылитъ способности человѣка; предложенные о Ермакѣ вопросы мы возбуждаемъ только для того, чтобъ имѣть болѣе сторонъ, болѣе возможности обсудить предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и вывести изъ этого конечное заключеніе о дѣйствительной важности ермаковыхъ заслугъ.

Здѣсь мало отвѣчать вмѣстѣ съ Карамзинымъ: «ни современники, ни потомство не думали *отнимать* (полно, такъ ли? а учёные-то мужи?..) отъ Ермака *полной чести* его завоеваній»: надо оцѣнить эту честь, надо разобрать эти «завоеванія», разложить ихъ на основныя части; на-

до понять, хотя приблизительно, личность Ермака и опредѣлить настоящее его значеніе, не изъ подражанія къ первымъ величинамъ другихъ сферъ, и не изъ квасного патріотизма, а изъ народной гордости, изъ отчетливой, разумной любви къ своему, къ родному: вотъ долгъ будущаго историка, который станетъ излагать намъ подробно о завоеваніи Сибири, о завоеваніи, совершенномъ въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ, включая сюда же и все время похода, хотя Карамзинъ и утверждаетъ, что не Ермакъ былъ *истиннымъ виновникомъ* великаго дѣла, что «молва увеличивала славу подвига... забыли давнишнюю извѣстность «и самое подданство (Сибири), чтобъ тѣмъ болѣе славить Ермака». Спрашиваемъ благосклоннаго читателя, развѣ эти слова историка, *обязаннаго* правдивостью, можно назвать *воздаяніемъ чести* Ермаку? Развѣ вырвавшіеся у Карамзина сердечные вопли о гибели Ермака можно назвать искренними? Какой же послѣ этого смыслъ мы должны дать тому чувству, подъ вліяніемъ котораго знаменитый исторіографъ нашъ восклицаетъ: «нѣтъ, волны Иртыша не поглотили его славы: Россія, исторія и церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!!!...»

Со времени овладѣнія Сибирью, для Ермака начинается новая эпоха внутренней жизни и наружныхъ дѣйствованій. Эпохѣ этой предшествовала минута, въ которую Ермакъ явился какъ-бы въ апоѳеозѣ своего величія, если только можно такъ выразиться. Природа, обстоятельства, люди, свои и чужіе—все вооружилось противъ Ермака, при взятіи имъ городища Аты: толпа увлекала его назадъ, вырывала изъ рукъ его славу и честь покоренія, готовилась къ бѣгству, но, удержавъ ее отъ постыднаго поступка въ такое время, когда въ поступкѣ этомъ всѣ сознавали крайность, всѣ видѣли необходимость, единственное свое спасеніе, Ермакъ показалъ, сколько благородныхъ, высокихъ чувствованій таилось въ глубинѣ души его, повидимому грубой и очерствѣлой. Рѣшиться на битву, въ его положеніи — было подвигъ; остановить казаковъ—подвигъ; вдохнуть въ нихъ храбрость и съ ними разбить многочисленнаго непріятеля—опять подвигъ.

Новая сторона способностей Ермака открывается при взглядѣ на послѣдствія плѣна кучумова сына, Махмет-Кула. Чего бы, казалось, проще было Ермаку, какъ приказать отмстить за смерть братьевъ смертію ихъ убійцы и тѣмъ навсегда покончить заботы объ опасномъ своемъ врагѣ? Но Ермакъ этого не сдѣлалъ, и мы видѣли, что имъ руководилъ тонкій разсчетъ будущихъ преимуществъ его надъ Татарами, преимуществъ, которыми онъ превосходно умѣлъ воспользоваться. Съ общими всѣмъ казакамъ идеями о братствѣ и равенствѣ только между собою, съ ихъ взглядомъ на Татаръ, какъ на народъ поганый — почтительность обращенія Ермака съ сибирскимъ царевичемъ и «ублажаніе его ласкосердыми словесы» служатъ выраженіемъ тонкаго, всеобъемлющаго ума Ермака какъ политика.

Махмет-Кулъ служилъ ручательствомъ за Кучума, что онъ не предпріиметъ враждебныхъ дѣйствій противъ Ермака, въ рукахъ котораго была жизнь его сына. Махмет-Кулъ же служилъ ему средствомъ для пріобрѣтенія себѣ и своимъ товарищамъ необходимыхъ запасовъ отъ

Татаръ, которыхъ ничто не обязывало ко взносамъ хлѣба и другихъ предметовъ, для людей имъ чуждыхъ, особенно, если вспомнимъ, что хлѣбопашенные Татары обитали вдалекѣ отъ города Сибири, что хотя многое необходимое и могло быть сплавлено къ Ермаку съ береговъ Тобола, Тавды, Туры или сверху Иртыша, изъ такъ-называемой Верхней-Земли, однакожъ, чтобъ добраться до тѣхъ мѣстъ, надо было умѣючи обдѣлать это дѣло, предварительно снаряднвъ отдѣльныя экспедиціи.

Наконецъ, Махмет-Кулъ служилъ Ермаку окончательною причиною осуществить на дѣлѣ тревожившую, можетъ-быть, его мысль—выступить изъ всегдашней своей сферы темныхъ поступковъ. Теперь Ермаку нѣчего уже было скрываться; теперь онъ имѣлъ право и возможность явно выступить на сцену, громогласно явиться дѣйствующимъ лицомъ въ обширномъ отечествѣ, обратить общее вниманіе своихъ единоземцевъ на посредственность, доголѣ имъ незамѣченную, ничтожную, пропащую и, въ глазахъ своего грознаго властелина, явиться не бѣглымъ преступникомъ, а могучимъ героемъ-завоевателемъ, для котораго не существуетъ уже постыдное прошедшее, который создалъ себѣ удивленіе въ настоящемъ и славу въ будущихъ вѣкахъ.

Отправленіе посольства отъ подданнаго, и еще отъ какого!—отъ осужденнаго подданнаго, къ царю Грозному — драма глубокая, и, прослѣдивъ всѣ впечатлѣнія, обуревавшія душу Ермака во все продолженіе этой драмы, прослѣдивъ хотя самымъ бѣглымъ образомъ все, что перечувствовалъ, что̀ долженъ былъ перечувствовать герой Сибири, мы поняли бы, сколько годовъ онъ въ эти минуты пережилъ... Вѣдь оно, дѣйствительно, легко намъ, теперь, черезъ двѣсти-шестьдесятъ-семь лѣтъ, судить о поступкахъ Ермака; но каково-то самому ему въ то время приходилось!

Поставимъ же себя на его мѣсто и отдадимъ отчетъ въ мысляхъ, которыя, какъ намъ кажется, должны были, естественно, волновать самого Ермака неразрѣшимыми заранѣе вопросами.

Извѣстно, что у Ермака въ дѣлѣ, предшествовавшемъ овладѣнію Сибирью, убито сто-семь человѣкъ; вѣроятно, многихъ казаковъ лишился онъ ранѣе; наконецъ, нѣсколько человѣкъ убито при Абалакѣ на рыбной ловлѣ: значитъ, у Ермака было всего съ небольшимъ человѣкъ четыреста казаковъ, или около. — Возьмемъ другое число, передаваемое другими лѣтописями, бо́льшее: тогда выйдетъ, что у Ермака было всего на все пятьсотъ человѣкъ. Отрядить для охраненія посольства ему надлежало по-крайней-мѣрѣ человѣкъ пятьдесятъ; стало-быть, Ермакъ остался охранять свое завоеваніе съ 350-ю или 450-ю казаками и долженъ былъ принести первый отрядъ и самого-себя въ жертву будущихъ обстоятельствъ.

Посольство отправлялось въ путь, вѣроятно, не Тагиломъ на Чусовую, а кратчайшимъ путемъ, или, какъ выражаются обыкновенно, «напроходъ», черезъ вершины Тавды, прямо на Чердынь: значитъ, мѣстами новыми, гдѣ казаки еще не бывали и гдѣ населенность была имъ незнакома.

Съ обѣихъ сторонъ, и со стороны Ермака и со стороны Кольца, видна рѣшимость, обличающая вполнѣ воинственный духъ и отважную храбрость казаковъ проходить мѣстами враждебными, гдѣ каждый шагъ грозилъ имъ смертью отъ природы или отъ людей. Чтобъ преодолѣть эти преграды, имъ нужно было искусство необыкновенное. Подвигъ Кольца, то-есть, фактическое разрѣшеніе задачи — исполненіе посольства—подвигъ-блистательный.

Но въ ожиданіи послѣствій, которыя бы говорили о несомнѣнной удачѣ, Ермака могъ тревожить вопросъ: какъ пройдутъ его послы до Чердыни? Не погибнутъ ли они еще въ Сибири, не перешагнувъ даже Урала и не подавъ вѣстей на Каму воеводѣ? Тогда погибла его жертва, погибло и дѣло: надо было или оставаться на прежнемъ мѣстѣ и обречь себя забвенію, или идти самому вѣстникомъ и потерять Сибирь!

Походъ посольства требовалъ особеннаго искусства, чтобъ облечь все предпріятіе тайною, непроницаемою для враговъ. Но если Тагары провѣдаютъ объ удаленіи горсти казаковъ? если они нападутъ на нихъ, изрубятъ ихъ? Если, воспламенясь удачею и кровью, предпріймутъ опасный набѣгъ на обезсиленнаго Ермака и, прегравивъ ему всѣ пути, лишивъ его всѣхъ средствъ для сношенія съ дружественными племенами Остяковъ, обложатъ его станъ огромною массою и продолжительностью осады, зимой, уничтожатъ подвигъ Ермака и погубятъ казаковъ?.. Такія, должно быть, были думы Ермака объ этомъ, и не вѣдая ему предстояла будущность.

Но если все пройдетъ счастливо, Кольцо благополучно совершитъ переходъ и явится наконецъ въ Чердынь, кто поручится, что воевода Пелепелицынъ не исполнитъ надъ нимъ повелѣнія, два раза повтореннаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ? Кто поручится, что воевода повѣритъ бѣглому казаку, не пріймете его вѣсти за сказку, не придастъ дѣлу другаго вида, не дастъ ему ложнаго, невыгоднаго для Ермака направленія? Тогда плоды завоеваній Ермака опять погибли, опять онъ обратится въ среду посредственности, ничтожества!

Достигнетъ Кольцо счастливо до Москвы — новая забота: какъ пріймете это дѣло царь? Конечно, Грозный долженъ былъ повѣрить Кольцу: онъ выше мелочныхъ разсчетовъ — но какой конецъ изъ этого выйдетъ? Пришлетъ царь воеводу и Ермака подчинитъ непосредственнымъ его распоряженіямъ? Покорителя Сибири поставитъ въ зависимость отъ постороннаго человѣка, совершенно-чуждаго дѣлу? Страдаетъ самолюбіе! Что жь остается дѣлать Ермаку? Утѣшаться наградою? Но будетъ ли оцѣненъ его подвигъ какъ должно? Кромѣ одной идеи о чести награды, будетъ ли онъ, какъ живой человѣкъ, достойно награжденъ чѣмъ-нибудь, посущественъе идеи? и чѣмъ именно? А если... если..? но мало ли горькихъ сомнѣній могли тревожить и мучить Ермака...

Всѣ эти доступные для человѣка вопросы, дѣйствительно, могли Ермаку прійдти въ голову, всѣ эти вопросы Ермакъ долженъ былъ разрѣшить такъ или иначе, въ свою пользу, или не въ пользу.

Нельзя предположить, чтобъ такой чисто-практическій человѣкъ,

какъ Ермакъ, съ его положительнымъ взглядомъ на «тщету міра сего», увлекался какими-нибудь теоріями или дѣйствовалъ по побужденію какого-нибудь отвлеченнаго начала, недоступнаго для полнаго сознанія натуръ простыхъ и непривыкшихъ къ умозрѣніямъ. Что же именно побудило Ермака отправить къ царю вѣсти о Сибири? Нельзя же объяснить этого только чувствомъ, на-примѣръ, благоговѣнія предъ Грознымъ? Нельзя объяснить и глубоко-постигнутымъ сознаніемъ долга, общественнымъ благомъ, отрѣшеннымъ отъ всякихъ эгоистическихъ побужденій? Ни то, ни другое—ни въ натурѣ, ни въ сферѣ волжскаго казака.

Въ лѣтописяхъ, намъ извѣстныхъ, нѣтъ опредѣлительнаго разрѣшенія этого вопроса, и намъ остается разгадать его, *судя* по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ Ермакъ въ то время находился.

Желалъ ли онъ покорностью своею заслужить прощеніе и милость царя за свое прежнее буйство по Волгѣ?

Страшился ли онъ погони русской рати и неизбѣжнаго, конечнаго наказанія за всѣ свои продѣлки? Хотѣлъ ли онъ видимой покорностью предотвратить бѣду, которую заранѣе предчувствовалъ? — Во всякомъ случаѣ хитрому казаку, казалось бы, естественнѣе было не безпокоиться понапрасну, а выждать эту бѣду, проводя, между-тѣмъ, время себѣ-на-умѣ и сообразно съ собственными видами. Но если бы предчувствіе погони въ-послѣдствіи его не обмануло, Ермакъ могъ *сдѣлать* эффектную *сцену*, выйдти на встрѣчу ожидаемымъ преслѣдователямъ, ослѣпить ихъ эмблемами покоренія царства сибирскаго, сочинить исторію своихъ побѣдъ и выйдти изъ воды сухимъ, а все-таки на первомъ планѣ — героемъ, покорителемъ.

Предвидѣлъ ли онъ новыя нападенія отъ Кучума и, не надѣясь отстоять Сибири (въ смыслѣ богатаго источника *своей* наживы), искалъ, въ этихъ видахъ, помощи московской рати? Но плѣнный Махмет-Кулъ, острастка, которой уже подверглись Татары, и двухлѣтняя выдержка всей тягости, безъ всякихъ пособій, убѣждаютъ насъ въ незначительности предположенія, на которое мы хотѣли-было опереться. Намъ кажется, что Ермаку, въ его положеніи, сообразнѣе было бы послать за новыми толпами казаковъ на Волгу, или на Яикъ, даже въ Запорожье: охотниковъ воевать и грабить нашлось бы вездѣ довольно; тогда Татары дѣлались Ермаку неопасными, и онъ спокойно бы остался на Сибири полнымъ господиномъ.

Иные придерживались того мнѣнія, что умный атаманъ не могъ съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, *оставленныхъ Россіею*, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили дань притѣснителямъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла. Но и это мнѣніе не клеится съ нѣкоторыми фактами: горсть смѣльчаковъ, въ-теченіе двухъ лѣтъ предоставленная самой себѣ и произволу судьбы, не исчезла же; «свирѣпые жители» не такъ-то были страшны Ермаку; даже примѣръ нашихъ русскихъ, алтайскихъ горцевъ прошедшаго столѣтія невольно заставляетъ насъ вѣрить, что при умѣ Ермака, при его оборотливости

и искусствѣ ладить съ новыми знакомыми —самобытное существованіе, до извѣстныхъ границъ, было для него предметомъ возможнымъ, и вовсе-неделоступнымъ.

Какимъ же образомъ согласить теперь врожденное желаніе первенства, которое уже Ермакъ имѣлъ и на которое онъ снова получилъ еще болѣе законное право, съ явнымъ согласіемъ подчинить себя зависимости другихъ? Разумѣется, что, отсылая посольство къ Грозному, Ермакъ долженъ былъ самъ понять, что, вмѣстѣ съ ратною помощію и съ милостями царя, онъ нисходилъ на низшій чинъ какого-нибудь воеводы, или воеводскаго подручника!..

По нашему мнѣнію, мысль, руководившая Ермакомъ, когда онъ назначалъ посольство, была простая и близкая каждому человѣку, къ какой бы эпохѣ, по времени, онъ ни принадлежалъ, но въ приложеніи своемъ—мысль эта принимала характеръ государственный.

По малодушію сбродной ватаги въ рѣшительныхъ и опасныхъ случаяхъ, по разрозненности интересовъ членовъ казацкой дружины, Ермакъ могъ видѣть, что только онъ одинъ составляетъ душу всего предпріятія. Съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, съ яснымъ пониманіемъ важности пріобрѣтенія Сибири, Ермакъ видѣлъ въ себѣ творца неслыханнаго подвига: въ подвигѣ этомъ онъ видѣлъ собственное дѣтище, которое онъ лелѣялъ, которымъ нельзя не дорожить. Естественно, что коль скоро для человѣка наступаетъ пора стряхнуть съ себя всю мелочность жизни, подъ вліяніемъ сознанія собственныхъ силъ, при блескѣ собственнаго творенія, не эфемернаго, а вѣковаго, то, вмѣстѣ съ этимъ, неразрывно съ любовью къ своему созданію, въ человѣкѣ рождается предчувствіе опасности, скорбь видѣть погибшимъ свой трудъ, взлелѣянный горемъ, лишеніями, плодами цѣлой жизни—и вслѣдъ за симъ возникаетъ безусловная, инстинктивная потребность упрочить свой подвигъ, нескончаемо повторить въ немъ самого-себя.

Смотря на Ермака съ этой точки зрѣнія и стараясь придать его поступку болѣе разумности, чѣмъ поступку другаго, дюжиннаго человѣка, необходимо предположить, что имъ руководилъ высшій расчетъ. Ему могла быть доступна мысль, что рано или поздно — но онъ сойдетъ со сцены: болѣзни, дряхлая старость, смерть, положатъ конецъ всему. Что же тогда Сибирь ожидаетъ? казакамъ эта мысль чужда: они не въ состояніи постигнуть, что можно сдѣлать изъ Сибири; имъ и не выдержать противъ орды проклятой: поганый Татаринъ прогонитъ ихъ, и дѣло православныхъ казаковъ какъ въ воду канетъ!

Изъ этого опасенія о неупроченной будущности *своего* созданія, изъ этой естественной, горячей заботливости о своемъ подвигѣ и проистекаетъ, какъ изъ источника, безусловная рѣшимость послать посольство къ царю Іоанну IV и всѣ второстепенные, чисто-эгоистическіе виды уничтожить конечнымъ приговоромъ: — пропадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гибни доброе дѣло!

Принимая это предположеніе, по нашему, по-крайней-мѣрѣ, мнѣнію, за вѣроятнѣйшее, мы не можемъ не удивляться Ермаку, подчинившему свои личные интересы болѣе-обширнымъ человѣческимъ видамъ и,

чрезъ это самое, не поставить его на ряду съ другими великими людьми, громкая слава которыхъ гремитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Конечно, мы умѣемъ восхищаться дѣяніями великихъ чужеземцевъ, да нашъ-то русскій человѣкъ, хоть онъ и простолюдинъ, дороже для насъ любаго великаго мужа Германіи...

По отправленіи посольства, Ермакъ не измѣнялъ своему положенію, не измѣнялъ самому-себѣ въ-теченіе остальныхъ двухъ съ половиною лѣтъ своихъ подвиговъ.

Оставшись съ горстью людей, Ермакъ имѣлъ могущественную нравственную силу, чтобъ два года держаться въ сторонѣ далекой, отвсюду окруженной людьми, на вѣрность которыхъ безумно бы было ему полагаться слѣпо. Много надобно было имѣть Ермаку ума и тонкихъ соображеній, чтобъ цѣлые два года обезпечивать себѣ продовольствіе и не заморить голодомъ своихъ казаковъ; нужно было и замаскировать себя, чтобъ враги не проведали объ уменьшеніи численной силы дружины Ермака; надо было уладить дѣло такъ, чтобъ одни племена признали себя покорными и не выходили изъ этой покорности, и чтобъ другія племена не тревожили Русскихъ своими нападеніями и своею численностью не уничтожили завоевателей. Надо было такъ удержать и своихъ подчиненныхъ, чтобы въ нихъ не обнаружилось ропота на недостаточность наживы, чтобъ они были постоянно-довольны, сыты, одѣты, обуты и, въ-теченіе трехъ зимъ, не стыли отъ морозовъ.

Умѣнье и способности Ермака въ этомъ отношеніи становятся очевидными, рисуются рѣзкими чертами при сравненіи его хозяйственности съ хозяйственностью Болховскаго: народъ у Ермака былъ цѣлъ — у Болховскаго онъ гибъ и меръ отъ болѣзней, отъ скудости запасовъ; и вина въ ихъ смерти ни въ какомъ случаѣ не должна падать на Ермака. Ермакъ дѣйствовалъ своими средствами, а Болховской своими; Ермакъ не могъ знать о времени его прихода; если-бъ даже онъ и зналъ, и тогда не имѣлъ надобности готовить для него провіантъ. Болховской шелъ по проложенному Ермакомъ пути, шелъ съ царскимъ указомъ, шелъ съ подмогою казакамъ: дѣло Болховскаго было предупредить всѣ недостатки собственной своей рати и принести существенную подмогу, людьми и хлѣбомъ, казакамъ Ермака. Мы не обвиняемъ Болховскаго: онъ торопился исполнить царскій указъ и самъ погибъ, если не жертвою своего усердія, то жертвою собственной оплошности, проистекавшей изъ этого усердія, какъ изъ источника. Но на Ермака тѣмъ менѣе можетъ падать упрекъ за Болховскаго, какъ нѣкоторые тайнымъ намекомъ и яснымъ словомъ посягали его заподозрить: будемъ безпристрастны и скажемъ откровенно, что Ермакъ былъ умнѣе Болховскаго и чистъ отъ подозрѣній.

Старинные лѣтописцы не передали намъ своихъ сказаній о мелочныхъ подробностяхъ жизни Ермака, не какъ завоевателя, а какъ человѣка просто. Пожалуй, благодарное потомство съ благоговѣніемъ сохраняетъ невѣдомо-кѣмъ и когда писанные портреты покорителя Сибири; дѣло темное: можетъ-быть, кисть художника дѣйствительно «Куяму Лукой писала», а можетъ-быть, и правда, что это—выли-

тый Ермакъ, какъ гласитъ преданіе. И Ремезовъ передаетъ намъ тоже, что Ермакъ «бѣ вельми мужественъ, и разуменъ, и человѣченъ, и «зрачепъ, и всякой мудрости доволенъ; плосколицъ, черпъ брадою и «власы, прикудрявъ, возрастъ средній, и плоскъ, плечистъ...» Но все-таки мы изъ этого не можемъ еще составить себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, что же именно былъ Ермакъ. Мы возсоздаемъ себѣ типъ великаго казака по оффиціальнымъ его дѣяніямъ и по впечатлѣнію, которое на насъ произвели его подвиги; но не имѣемъ надежной опоры, которая давала бы намъ право сказать: «онъ былъ именно таковъ, какъ я вамъ его представляю»—а эту опору мы навѣрное имѣли бы, еслибъ знали Ермака въ будничной, прозаической, горе-горькой жизни. Лѣтописцы спряталя отъ насъ человѣка-казака, не разсказали намъ, какъ жилъ Ермакъ, гдѣ что говорилъ, что дѣлалъ, что любилъ, однимъ-словомъ, не обрисовали намъ его личности въ той мѣрѣ, чтобъ мы могли вполнѣ понять характеръ этого человѣка. Лѣтописецъ временъ Петра-Великаго, Ремезовъ, передастъ намъ кое-что о Ермакѣ, но въ этой смѣси вымысловъ и сказокъ трудно добраться до истины, трудно повѣрить в тому, что повидимому похоже на правду. И лѣтописцы по-своему правы: «не лица, а дѣла», вотъ-что было ихъ девизомъ; они видѣли въ Ермакѣ только героя и не обращали вниманія на простаго смертнаго, хотя строгоновскій лѣтописецъ и не посовѣстился придать Ермаку нелестное значеніе наемника, дѣйствовавшаго по чужимъ приказамъ и указаніямъ.

Дѣйствительно, въ своемъ родѣ—Ермакъ былъ великій человѣкъ. Великъ онъ, какъ воинъ, великъ какъ администраторъ, великъ какъ политикъ и дипломатъ, какъ ни ограниченна была, повидимому, сфера его дѣйствованій. Замѣнимъ эти высокопарныя, современныя выраженія болѣе простыми: скажемъ, что Ермакъ былъ безстрашный боецъ, мудрый хозяинъ, ловкій хитрецъ— сущность дѣла отъ этого нисколько не потеряетъ, Ермакъ все такъ же останется великъ для нашей исторіи: послѣствія его похожденій, результаты его удачь такъ важны, что нельзя не признать великости его подвига.

Каждое движеніе его похода, его цѣли, средства, виды, намѣреніе, во время трехлѣтней его дѣятельности (1581—1584 годовъ)—все показываетъ въ немъ неистощимый, обогащенный опытностью, обширный запасъ свѣдѣній, способностей, ума; все показываетъ въ немъ человѣка, который, единственно своимъ лицомъ создалъ дѣло покоренія Сибири; человѣка, которымъ только однимъ держалась вся Сибирь, со смертію котораго пала надежда всѣхъ Русскихъ, занимавшихъ эту страну, рушилось все, что скрѣпляло Сибирь съ Россіею... но дорога была указана, средства преподаны, и Сибирь сдѣлалась Русью.

Не случай, не одно счастье помогали Ермаку: только самому-себѣ и своему уму «сей витязь счастливый» обязанъ и славою покорителя Сибири, и славою великаго человѣка.

По нашему мнѣнію, намъ, Русскимъ, нельзя быть равнодушными къ Ермаку при мысли, какъ важна для насъ Сибирь, золотое дно для частныхъ лицъ, кладъ для казны государственной и неисчерпаемая сокровищница нашихъ государей. Кто изъ земныхъ владыкъ богаче царя русскаго? Масса всѣхъ богатствъ монарховъ Европы ничтожна предъ грудами его сокровищъ! Казна государственная, не менѣе того, годъ отъ году все болѣе и болѣе обогащается черезъ Сибирь. Но не одни мѣха, не одни металлы, не одни драгоцѣнные камни даютъ значеніе Сибири: черезъ нее мы укрѣпили свои владѣнія въ Америкѣ, черезъ нее мы имѣемъ возможность утвердить когда-нибудь свою торговлю на Восточномъ-Океанѣ. Черезъ Сибирь мы открыли въ Китай и другія среднеазійскія владѣнія сбытъ нашихъ товаровъ, ненужныхъ для западныхъ государствъ. Черезъ Сибирь мы имѣемъ средства произвести благодѣтельный переворотъ въ мануфактурной дѣятельности нашего отечества. Кромѣ того, и что, по нашему мнѣнію, представляетъ не мѣньшую важность, обширный край Сибири далъ возможность русскому правительству удалять вредныхъ для общественнаго спокойствія членовъ, не прибѣгая, изъ видовъ предосторожности, къ смертной казни или къ содержанію въ тюрьмахъ, изнуряющихъ человѣка и стоющихъ значительныхъ издержекъ. Поселенный изгнанникъ, владѣя, при средствахъ, плодородной землей, имѣя подъ руками обширные лѣса и находясь уже подъ управленіемъ, проникнутымъ идеями, о которыхъ Европа только-что еще начинаетъ мечтать, пріучается мало-по-малу къ труду, къ просвѣщенію, къ общественности, къ уясненію себѣ общиннаго начала: человѣческое достоинство скорѣе можетъ пробудиться въ немъ, нежели въ бѣдномъ заточенникѣ уединенной кельи—по новой системѣ теоретиковъ, кельи, гдѣ, вмѣсто раскаянія, преступника часто ожидаетъ потеря послѣдняго разсудка. Кромѣ поселенія преступниковъ, кромѣ призрѣнія добровольныхъ пролетаріевъ, кромѣ исключенія даже возможности въ Россіи пауперизма, Сибирь важна для будущихъ колоній Россіи, съ какими бы видами онѣ ни были учреждены. Давно уже начались у насъ нескончаемыя переселенія изъ малоземельныхъ нашихъ губерній людей, не отвергаемыхъ обществомъ, а добрыхъ работниковъ. И теперь крестьянинъ съ охотой переходитъ въ Сибирь, какъ въ завѣтный уголокъ своего отечества; она не страшна уже и не чужда ему: тамъ находитъ онъ свой родной языкъ, свои обычаи, свою вѣру, и почти ту же природу, развѣ только великолѣпнѣе, богаче и величественнѣе—чего же надо ожидать тогда, когда между Великороссіей и Сибирью исчезнутъ послѣдніе остатки разъединенія?

На Западѣ, территоріи европейскихъ государствъ не вмѣстятъ въ себѣ будущаго размноженія европейскихъ націй, и *національности*, о которыхъ такъ много разсуждали, должны будутъ разомкнуться и раздѣлиться въ другіе края свѣта, отдѣленные отъ метрополій на неизмѣримыя пространства: а наша мать святая Русь такъ обширна, что и чрезъ триста лѣтъ громадная русская національность останется попрежнему цѣла и нераздѣльна.

Ну, что тогда Европа будетъ значить передъ Россіей?

Говорятъ, есть цѣлыя груды неизданныхъ въ свѣтъ бумагъ Петра Великаго, и въ этой грудѣ есть листокъ, съ собственноручной его резолюціей насчетъ того, сколько лѣтъ еще намъ остается учиться умуразуму у Запада, то-есть, перенимать у него, безъ обезьянства, все, служащее на пользу и на славу намъ самимъ. Говорятъ, Петръ-Великій опредѣлилъ даже и срокъ, когда мы поумнѣемъ, и когда намъ пора уже будетъ приняться за свой Востокъ и думать только о Россіи, учтиво отвернувшись отъ Европы. Желательно бы знать, какъ далеки мы отъ этого срока?

СИБИРСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

ЛѢТОПИСЬ САВВЫ ЕСИПОВА
ПО ХРОНОГРАФУ.
(Полуустав конца XVII вѣка.)

ГЛАВА I.

Сказаніе о сибирской странѣ.

Сія убо страна полунощная; стоитъ (1) же отъ Россіи царствующаго града Москвы во многихъ разстояній, яко до трію тысящъ поприщъ суть (2). *Межи* сихъ же государствъ россійскаго и сибирскіе страны земли́ — облежитъ Камень, превысочайшій зѣло, яко досязати (3) верхомъ и холмомъ до облакъ небесныхъ (4): тако бо божіими судьбами устроися, яко стѣнамъ граду утвержденнымъ. На семъ же Камени растяху древіе различное, кедри, *листвіе* (*) и прочая, въ нихъ же жительство имѣютъ звѣріе различнія. овіи подобніи (5) на снѣденіе человѣкомъ, овіи на украшеніе и на одѣяніе ризное, да кійждо (6) на снѣденіе сія суть чиста, еже есть слень, лось, *козелъ*, заяцъ, а иже (7) на одѣяніе и на украшеніе, еже есть лиспца и соболь, бобръ, розсомака, *горностай*, бѣлка и подобная симъ. Многія же и сладкопѣснивыя (8) птицы, паче же много различныя травныя цвѣты (9). Изъ сего же Камени рѣки многія истекоша, овіи поидоша (10) къ россійскому царству, овіи же въ сибирскую землю. Дивно убо есть какими Божіими судьбами рѣками (11) тамо бысть: вода камень твердъ раскопа — и бысть рѣки пространны и прекрасны зѣло, въ нихъ же водьі слад-

(1) По списку изданному г. Спасскимъ «отстоитъ».
(2) у г Сп. Многое разстояніе, яко до 2,400 поприщъ.
(3) у Сп. досягшій.
(4) Сп. и въ нихъ
(*) Словъ напечатанныхъ курсивомъ у г. Сп. нѣтъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.
СКОРОПИСЬ XVII ВѢКА.
(Первообразъ Есиповой лѣтописи.)

О Сибири.

I. Страна Сибирская отъ Московскаго государства на полунощной странѣ; разстояніе имѣетъ отъ Москвы яко двѣ тысящи поприщъ.

Промежъ сихъ каменіе и горы высокія зѣло–тако нѣмъ холмомъ до облакъ досязати небесныхъ. На горахъ же и каменехъ различные кедріе и иныя древа, въ нихъ же живяху различніе звѣріе, годны на снѣденіе человѣкомъ, еже есть слень, лось, заяцъ, иніи же на украшеніе одеждамъ, еже есть лиспца, бобръ, розсомака, бѣлка и подобпая симъ; и слаткопѣснивыя птицы и много различныя травныя цвѣты и рѣка многія: овіи истекоша въ рускія страны, овіи же въ Сибирскую землю. Въ рѣкахъ же каменіе (утесы) великое зѣло, рѣки жъ прекрасны, въ нихъ же воды сладкія и рыбы различ–

(5) Сп. надобни
(6) Сп. разныя. Да оня же
(7) Сп. иніи же
(8) Сп. сладкопѣвыя
(9) Сп. травы и цвѣты
(10) Сп. надоша
(11) Сп. рѣки

ЛѢТОПИСЬ СТРОГОНОВСКАЯ.

О взятіи Сибирскія земли: како благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, подарова Богъ Сибирское государство обладати ему Государю и побѣдити Муртазеліева сына Кучума Салтана Сибирскаго, и сына его Царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещеніемъ и святыми Божіими церквами *и утверди въ ней святительскій престолъ* Архиепископію.

I.

Вниде въ слухъ благочестивому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи о частыхъ приходѣхъ Бусурменскихъ, войною на его Государскую землю Пермьскую отъ Сибирскихъ людей, и како безбожни своимъ приходомъ, его Государевымъ Пермьскія земли городомъ, и посадомъ и селамъ многое плѣненіе и запустѣніе учиниша. И вложи Богъ благочестивому Государю Царю во умъ, разспросити своего Государства вѣдущихъ людей про ту страну, и *повелѣ Государь передъ собою поставити* Якова и Григорья *Строгоновыхъ и разспроси ихъ, како бы* оберегати Пермьская земля отъ нашествія Сибирскихъ людей и *Кучуму* бы *Салтану* чѣмъ *тѣснота* ему *учинити*. Они же ему Государю все подробну разсказаше, и слово ихъ ему Государю бысть пріятно, и ихъ пожаловалъ, велѣлъ дати имъ на волю, какъ бы имъ отъ Сибирскихъ людей Пермьской землѣ обереганіе учинити и о томъ имъ велѣлъ о всемъ свои Государевы грамоты подавати, о промыслу надъ Сибирскими людьми и иныхъ ордъ земель.

НЕИЗВѢСТНАЯ РУКОПИСЬ

XIX СТОЛѢТІЯ.

(Первообразъ Строгоновской лѣтописи.)

чайшія и рыбы различныя множество, *ихъ же имена суть: осетръ и таймень, вьсолъ по три пуда, стерледь, нельма, щуки великіе въ три аршина съ четвертью и больши; муксунъ, чиръ, пеледь, хальюсъ, окуни и караси великіе въ три четверти аршина; лини, тугунцы, омули и всякая мелкая рыба—противъ русской страны рѣкъ; и бѣлуги, и семги, и лососи, и угоричъ, и леща, и головля во всѣхъ сибирскихъ странахъ и рѣкахъ* (*). *И* на исходищахъ же сихъ рѣкъ дебрь плодовита на жатву и скотопитательная мѣста пространна зѣло.

Первая же рѣка изыде въ Сибирскую землю глаголемая Тура; по сейже рѣкѣ жительство имѣютъ людіе, рекомые Вагуличи; глаголютъ же своимъ языкомъ, поклоняются же идоломъ. Въ сію же рѣку въ Туру паки вниде рѣка Тагиль. Еще же вниде рѣка Ница (12) и совокупишася три рѣцы во едино сонмище (13), да аще совокупишася, *но* именуется Тура, старѣйшинства ради. *И* оттолѣ же йде рѣка Тура внутрь Сибирскіе страны. По ней же жительствуютъ Татаровя. Рѣка же Тура вниде глаголемую Тоболь; Тоболь же вниде въ рѣку, глаголемую въ Иртышъ. Сія рѣка Иртышъ вниде своимъ устіемъ въ великую рѣку, глаголемую Обь. По сихъ же рѣкахъ жительство имѣютъ многи языци, Татаровя же и Калмыки, Мунгалы, Пѣгая Орда Остяки, Самоядь, и прочая языцы. Татаровя законъ моаметовъ (14), держатъ; Колмаки же которой законъ, или отецъ своихъ преданіе, держатъ не вѣмъ, понеже писъмени о немъ не обрѣтохъ, ни испытати не возмогохъ (15). Пѣгая же Орда, и Остяки и Самоядь, закона не имѣютъ, но идоломъ покланяныя множество, и лузи мнози и мѣста скотопитательна, пространно зѣло.

Первая рѣка Тура, по ней же живутъ Вогуличи: языкъ имѣютъ свой; поклоняются идоломъ. Въ сію же Туру вниде рѣка Тагилъ, другая рѣка Ница; а се три рѣки совокупившеся идутъ въ Сибирскую землю, но именуется Тура, старѣйшинства ради—по ней же Татаровя. Тура же вниде въ рѣку Тоболь, Тоболъ же вниде своимъ устіемъ въ рѣку Иртищъ. Иртишъ же вниде въ рѣку Обь. По сихъ же рѣкахъ жительствуютъ Татаровя и Колмаки и Мунгалы и Пѣгая Орда, Остяки, Самоядь, и прочіи языцы.—Татара законъ держатъ Бахметовъ, Колмаки же невѣдомо кой законъ держатъ, или отцовъ своихъ преданіе, понеже писанія о семъ не обрѣтохъ, ни испытати не могохъ. Пѣгая же Орда, Остяки и Самоядь, закона не имѣютъ, но идоломъ поклоняются, и жертвы

(12) Сп. Ница
(13) Сп. во единъ сонмъ
(14) Сп. Махметовъ
(15) Сп. ни изпытахъ

II.

О поставленіи Канкора городка на Пыскорскомъ мысу, идѣже бѣ монастырь Всемилостиваго Спаса, зовомый Пыскоръ.

Въ лѣто ҂зѯѕ (1558) году Априля въ д҃ (4) день, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Григорья, Аникіева сына, Строгонова, ниже великія Перьми за восьмдесятъ и восемь верстъ, въ низъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону въ низъ Пызновской курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чусовыя рѣки, мѣста пустыя; и въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ изберетъ Григорій Строгоновъ мѣсто крѣпко и усторожливо, и городокъ ему поставити, и крѣпости учинити, и пушкарей, и затинщиковъ, и пищальниковъ и воротниковъ велѣли есмя ему устроити собою, для береженья Сибирскихъ и Нагайскихъ и иныхъ ордъ людей; и ему, Григорью, къ себѣ вольно называти нетяглыхъ и неписьмянныхъ на тѣ мѣста людей, и на Канкоръ городокъ. Грамота Государева дана за приписью Дьяка Петра Данилова; приказали: Окольничей Ѳедоръ Ивановичь Умной, да Алексѣй Ѳедоровичь Адашевъ, да Казначей Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ, да Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ; а приказъ подписалъ Дьякъ Третьякъ Карачаровъ.

1. Въ лѣто ҂зѯѕ (1558) Априля въ четвертый день Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всей Руси пожаловалъ Григорья Іоаникіевича сына Строгонова по Камѣ рѣкѣ, гдѣ изберетъ мѣсто, городокъ поставити для береженья *сибирскихъ* и ногайскихъ людей и призывати въ онь велѣлъ людей *вольныхъ*,

III.

О поставленіи другаго городка на Орловскомъ на волокѣ, зовомый Кергеданъ, а нѣнѣ зовется Орловъ.

Въ лѣто ҂зѻв (1564) мѣсяца Генваря въ в҃ (2) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ Григорья же Аникіева сына Строгонова жаловальною грамотою, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, что прежь сего его пожаловалъ, что онъ изобралъ ниже прежняго Канкора городка двадцать

2. Во лѣто ҂зѻв (1564) Генваря въ в҃ (2) день ему же Григорью ве-

ются, и жертвы приносятъ яко Богу, волшебною же хитростію правяще домы своя всуе, понеже сгда приносятъ дары кумиромъ своимъ, тогда же молитъ, яко сего ради приноситъ, яко подастъ ему кумиръ онъ вся многая въ дому его. Воистину и скотомъ не уподобишася сіи людіе: скотъ бо, аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ не повелѣнно ясти (16) ему—и не ястъ, звѣря ли, или птицы, или траву сѣнну (17). Сіи жь человѣцы не уподобишася симъ, понеже Бога и Господа на небесѣхъ не вѣдуще, ни закона и еже отъ повѣдающихъ имъ слышаще—и непріемлюще; сыроядцы, звѣрина же и гадская (18) мяса снѣдающе сквернно, и кровь піяху, яко воду, отъ животныхъ, и траву и кореніе ядяху. Остяки же одежду имѣютъ отъ рыбъ, Самоядь же отъ елепей; ѣздятъ же Остяки на псахъ, Самоядь же на еленяхъ. Сія же великая рѣка Обь винде своимъ устіемъ въ губу въ мангазѣйскую. Сія же губа винде двѣма устьи въ Окіанъ-Море прямо къ сѣверу. Въ сихъ же устіяхъ ледъ ископи состарѣвшися, николи же тающе отъ солнечнаго зноя, и непроходимо мѣсто и незнаемо Чадію (19).

приносятъ, сыроядцы суще: звѣрина же и гадска мяса ѣдятъ, и кровь піютъ яко воду, и траву и кореніе ѣдятъ. Остяки же одежды имѣютъ отъ рыбы, Самоядь же отъ олепей. Великая же рѣка Обь винде устьемъ въ губу Мангазейскую; сія же убо двѣма устіи винде въ море окіанъ, прямо къ сиверу, тамо же люди (снѣги) живутъ состарѣвшися и николи же тающе отъ великаго зною солнечна; то мѣсто же непроходимо бѣ и незнаемо Ча(у)дію.

---

(16) Сп. аще есть и безсловесно, но чисто, что ястъ Богомъ повелѣнное, а ясти...

(17) Сп. сѣльну.

(18) Сп. гадкая.

(19) Сп. Чудію.

верстъ, мѣсто на Орловскомъ на волокѣ, и ему, Григорью, собою же поставити *стѣны сажень по тридцати*, а съ приступную сторону для низи великимъ мѣсто *каменемъ закласти*; а пищальники и сторожи, *въ томъ городкѣ*, ему собою же уставити, и держати въ тѣхъ въ обоихъ городкѣхъ нарядъ скорострѣльной: пушечки, и пищали, и затинные, и ручницы подѣлати записнымъ мастеромъ, которыхъ къ себѣ Григорій приговоритъ изъ наймовъ, и у себя Григорью тотъ нарядъ держати. И грамота Государева на тотъ городокъ дана. Припись у грамоты большая Государева Дьяка Юрья Башанина: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всей Русіи; въ другомъ мѣстѣ припись Сени Непеина: по приказу Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи; въ третьемъ мѣстѣ припись Козмы Романцова: приказалъ Царевымъ и Великаго Князя словомъ; Казначей Никита Аѳанасьевичь Ѳуниковъ, по памяти съ приписью Дьяка Ивана Булгакова.

лѣлъ Государь городокъ поставити на Орловскомъ волоку.

IV.

О постановеніи Чусовскихъ городковъ.

Въ лѣто ҂зѯѕ (1568) году Марта въ ке (25) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Якова, Аникіева сына, Строгонова, жаловальною грамотою, отъ усть рѣки Чусовыя въ верьхъ, по обѣ стороны и до вершины, земли и рѣчки до вершинъ; и въ тѣхъ мѣстѣхъ, отъ Камы по Чусовой въ верьхъ восмьдесятъ верстъ, на правой и лѣвой сторонѣ поставить городки для крѣпости и обереганья Сибирскихъ, и Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ, и городовой нарядъ скорострѣльной: пушечки, и затинныя пищали и ручныя, и всякія крѣпости подѣлать, и *людей* ему *называть* въ тѣ городки *вольно*: пушкаревъ, и за-

3. Въ лѣто ҂зѯѕ (1568) острожки онъ по Чусовой ставилъ.

тинщиковъ, и пищальниковъ, и сторожевъ, и воротниковъ держати. И грамота Государева дана за приписью Дьяка Дружины Володимерова.

V.

О поставленіи острожковъ Сылвянскаго и Яйвинскаго, что поставлены на Сибирскихъ и Нагайскихъ людей пути.

Въ лѣто ҂зѻн (1570), по повелѣнію благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, поставилъ Яковъ Строгоновъ, для переходу Сибирскихъ и Нагаіскихъ людей, чтобы имъ къ Государевымъ Пермьскимъ городомъ пути не было, и для утѣсненія Сылвенскихъ и Иренскихъ Татаръ, и Остяковъ, и Чусовскихъ, и Яйвинскихъ, и Илвинскихъ и Косвинскихъ Вогуличь, надъ Сылвою и надъ Яйвою рѣками, острожки, и нарядъ скорострѣльной, и пушечки, и затинные, и пищали, и ручные, и людей пушкарей, и затинщиковъ, и пищальниковъ, и воротниковъ (и сторожевъ) въ тѣхъ острожкахъ устроилъ.

4. Въ лѣто ѻй (1570) году на Сылвѣ и на Яйвѣ острожки поставилъ царскимъ повелѣніемъ.

VI.

О убіеніи Русскихъ торговыхъ людей и ватащиковъ отъ Черемисы и Башкирцовъ.

Въ лѣто ҂зп (1572) году Іюля въ ѳі (15) день, Божіимъ попущеніемъ прійде на рѣку Каму Черемиса, и съ собою подговорища Остяковъ, и Башкирцовъ и Бушцовъ множество, и околъ прежреченныхъ городковъ Кайкора и Кергедана побиша Русскихъ торговыхъ людей пз (87) человѣкъ; и объ томъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи послалъ грамоту свою Царскую, за приписью Дьяка Кирѣя Горина къ Якову, да къ Григорью Строгоновымъ, а указалъ, чтобы имъ за его Государевыми измѣнниками, за Черемисою, и Ос-

ГЛАВА II.

О Сибирскихъ Царяхъ и Князьяхъ.

Рѣка, глаголемая Ишимъ, внидe устіемъ своимъ въ рѣку Иртышъ, ю же прежде именовахъ. На сей же рѣцѣ Ишимѣ бѣ царь, Моаметова закона, именемъ Онъ (20). И возста на него его же державы отъ простыхъ людей именемъ Чингій (21), и шедъ на него яко разбойникъ съ протчими, и уби царя Она, и царство самъ Чингій пріимлетъ. Нѣкто же отъ слугъ царя Она со-

На рѣцѣ же Обѣ, царь нѣкій, Моаметъ, (моаметовъ) два закона (законъ) имѣя(й), и тамо онъ убіенъ

(20) Въ Строгоновской—«Иванъ, ломомъ Татаринъ»; въ грамотѣ царя Ѳеодора къ Кучуму-Ибакъ царь.—Собр. Гос. Грам. и Догов. Т. II. № 68. Ибакъ Шибанскій жилъ въ концѣ XV столѣтія. Мы о Шибанахъ, или Шейбанидахъ въ своемъ текстѣ вовсе не упоминали, потому-что историческія изслѣдованія о Сибири до Кучума (если только Шибаны были въ *Сибири*) должны быть предметомъ особенныхъ, спеціальныхъ, чисто-ученыхъ сочиненій. Царь Иванъ былъ «Тюменскій князь». См. Акты Археографической Экспедиціи, Т. I. № 289, стр. 339; и тамъ же стр. 352 упоминается царь Ибалкъ.

(21) Строг. Чингисъ.

тяки, и за Башкирцы и за Бупицы, изъ городковъ людей своихъ собравъ послати. И они, Яковъ и Григорей, выбравъ въ городкѣхъ своихъ голову, и давъ ему ратныхъ людей казаковъ охочихъ и людей своихъ, за ними посылали на его Государевы измѣнники, кои ему Государю измѣнили; они же послании, ихъ окаянныхъ овыхъ побиша, а иныхъ живыхъ взяша, и всѣхъ къ шерти ихъ приведоша, что имъ Государю во всемъ прямить, и быти подручными, и оброки Государю давати, и на супротивныхъ супостатъ Государевыхъ стоять за него Государя безъ измѣны, и аманатовъ у нихъ поимавъ въ свои городки и въ Пермь къ Воеводамъ Государевымъ послали.

XIV.

Тоя Сибирскія земли о царехъ и о князехъ, како и откуду начашася.

Бысть въ Сибирской странѣ на рѣкѣ Ишимѣ нѣкто, Магметова закона, Царь именемъ Иванъ, роломъ Татаринъ; и возста на него, его державы отъ простыхъ Татаръ, именемъ Чингисъ, и наиѣдъ на него аки разбойникъ, призвавъ подобныхъ себѣ, и уби его и самъ бысть царь. И нѣкто отъ слугъ Царя Ивана, сына его Царевича Тайбугу соблюде отъ Чингисова убійства. И по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ увѣда Чингисъ про Тайбуга, яко сынъ есть Царя Ивана, его же уби и царствомъ его завладѣ, и почте его великою честію, и прозва его князь Тайбуга, и инѣмъ повелѣ его такожъ звати. И по семъ Тайбуга начатъ проситися, дабы отпущенъ былъ; онъ же собираетъ ему воинство и отпустиша его. Той же пришедъ на рѣку, рекомую Иртишь, идѣ же живяста Чюдь, и потомъ властію своею покори себѣ многихъ людей, живущихъ по рѣкѣ Иртишу и по великой Оби, и оттолѣ возвратися, и бывъ у него

блюде отъ Чингинова убійства сына Она царя, ему же имя Тайбуга. По нѣколицѣхъ же лѣтѣхъ, увѣдѣно бысть царю Чингину про Тайбугу, яко сынъ есть царя Она: и пріемлетъ его, и великою честію почте его; даруетъ же сему княженіе и власти въ людѣхъ. Посемъ же князь Тайбуга проси у царя Чингина отпущенія, идѣ же хощетъ Тайбуга да идетъ тамо съ воинствомъ (22). Царь же Чингій, собравъ воинство много и вооруженно, и отпусти его по рѣцѣ Иртышу, идѣже живяху Чудь. Князь же Тайбуга, шедъ съ воинствомъ, многія царю покори по рѣцѣ Иртышу и по великой Оби живущихъ тамо и оттолѣ возвратися во свояси радостію. Царь же Чингій, слышавъ отъ Тайбуги, яко покори ему многія и подручны сотвори, наипаче честь ему даруетъ. Паки Тайбуга проси отъ царя Чингія, яко отпуститъ его—идѣже хощетъ, тамо да пребываетъ. Царь же отпусти его: идѣ же, рече, хощеши—тамо да пребываеши. Изыде же князь Тайбуга со всѣмъ домомъ своимъ на рѣку Туру и тамо созда градъ Тюмень (23). Жилъ же Тайбуга во градѣ томъ много лѣтъ, ту и умре.

По немъ же княжилъ сынъ его Ходжа. По немъ Ходжинъ сынъ Маръ, Маровы дѣти-Адеръ, Абалакъ (24). Князь же Маръ женатъ былъ на сестрѣ у казанскаго царя Упака. Сей же казанскій царь Упакъ зятя своего Мара уби, и градомъ облада, и владѣ много лѣтъ. Маровы же дѣти Адеръ и Абалакъ умроша своею смертію.

Посемъ Адеровъ сынъ Мамстъ казанскаго царя Упака уби, градъ свой Чингиденъ разруши, и отъиде оттуду внутрь сибирскіе страны, и постави себѣ градъ на рѣкѣ

бысть, у него же сынъ Тайбуга.

Сей прінде на рѣку Туру и созда градъ, идѣ же нынѣ Тюмень. Тайбу(га) же ту и умре.

По немъ родъ его царствова ту.

По лѣтѣ(хъ) же нѣколицѣхъ Адеровъ сынъ Моамет Казан(ц)скаго царя Упака уби и градъ свои (Ч)Ингиденъ разруши и постави себѣ

(22) у Сп. отпущеніе, идѣже хощетъ царь, онъ же да идетъ тамо съ воинствомъ.

(23) Тюмень была по сю сторону Урала на р. Обвѣ. См. Атласъ Росс. Имперіи, изданный въ 1745 году Академіею Наукъ.

(24) у Сп. Апдеръ и Аболакъ.

немного время, и паки начатъ проситися; Чингисъ же отпусти его, аможе хощетъ и тамо да пребываетъ. Онъ же пришедъ на рѣку Туру, и поставиша градъ и назва его Чингіи, а нынѣ на томъ мѣстѣ Христіанскій градъ, рекомый Тюмень.

По немъ же княжилъ въ томъ градѣ сынъ его Ходжа, по Ходжѣ же княжилъ сынъ его Маръ; а тоій Маръ женатъ былъ на сестрѣ Казанскаго Царя Упака, и сей Упакъ уби зятя своего Мара, и градомъ тѣмъ владѣлъ много лѣтъ;

и по семъ Адеровъ сынъ Маметъ, Царя Упака убилъ.

Иртышѣ, и назва его градъ Сибирь, сирѣчь начальный. И живяше въ немъ царь лѣта многа, ту и умре, и оттолѣ пресѣчеся царство на рѣцѣ Ишимѣ.

ГЛАВА III.

О Сибири, чего ради Сибирь нарьчеся вся страна сія.

Да сгда убо Маметъ казанскаго царя побѣди и повелѣ поставити градъ; сего ради яко царя побѣди и храбрость свою показуя, и повелѣ начальнымъ градомъ звати его. Оттолѣ же и вся страна прозвася Сибирь: гради же сибирстіи именуемыи (25) кійждо по прилучанію и по стренію (26) и по древнему именованію,—обще же Сибирь именуется, яко же Ираклія (27) нарицается отъ Итала нѣкоего, обладавшаго странами вечернимы, яко свидѣтельствуетъ Кроника Латынская. Грады всеа Римскія страны разньство именъ имѣютъ,—обще же Италія нарицается. Прежде же сего сія како нарицашеся не вѣмъ, *понельже*, отнѣляѣже градъ Сибирь созданъ много лѣтъ прежде (28) испытати не возмогохъ. Прежде бо живяше Чюдь во всей Сибирской земли, а како нарицашеся—и того въ память никому не внидe, ни писанія обрѣтохъ.

ГЛАВА IV.

Княженіе прочихъ Сибирскихъ князей.

По князѣ жъ Маметѣ княжилъ на Сибири Абалаковъ сынъ Агушъ (29), по немъ же Маметовъ сынъ Казымъ (30); по семъ же Казыевы дѣти Тигеръ (31), Бекбулатъ. Бекбулатовъ сынъ Сейдякъ.

---

(25) у г. Сп. прозвася Сибирстіи гради иже сибирстіи именуемъ кійждо.

(26) Сп. смотрѣнію.

(27) Сп. и Италія.

(28) Сп. Прежде.

(29) у Сп. Агишъ; въ Строг. Агашъ.

(30) Въ Строг. Казый. — Касымъ-царь былъ Киргизъ. См. Акты Археографической Экспедиціи, Т. I. № 289 стр. 339.

(31) Строг. и у Сп. Етигеръ. Изъ разныхъ актовъ видно, что настоящее имя Этигаръ.

градъ на рѣкѣ Иртиши, и нарече Сибирь и ту, живъ, умре.

То и бѣ начальный градъ, Сибирь, потомъ же и вся страна та прозвася Сибирь. Гради же конждо свое имя имутъ по прилученію и по смотрѣнію, обще же Сибирь именуется, якоже и Римская страна и Италія нарицается, отъ Итала нѣкоего, обладавшаго странами вечернимы (Кроника Латынская); грады же всеа римскія страны разныя имена имѣютъ, обще же и Итталія, наречется. А какъ сибирстіи гради именами нарицалися—и се невѣдомо ни отъ кого же и не испытанно, понеже бо преже живяше по всей Сибирской земли Чюдь,—посему и писаніе нѣсть.

Маровы дѣти: Адеръ да Яболакъ; а Адеровъ сынъ Маметъ. Той Маметъ Царя Упака убилъ и поставилъ градъ надъ рѣкою Иртишемъ, и назва Сибирь, и княжилъ въ томъ градѣ:

а по немъ княжилъ Яболаковъ сынъ Агашь; а по немъ Маметовъ сынъ Казый по немъ дѣти его: Етигеръ да Бекбулатъ.

Глава V.

О Царѣ Кучумѣ.

Прінде же степью изъ Казачей Орды царь Кучумъ, Муртазѣевъ сынъ, со многими воинскими людьми и донде до града Сибири, и градъ Сибирь взялъ, князей же Етигера и Бекбулата уби, и прозвася сибирскій царь; и мнози языцы повинны себѣ сотвори, и превознесеся мыслію, и сего ради погибе по глаголющему «Господь гордымъ противится, смиреннымъ же дастъ благодать». Бекбулатовъ же сынъ Сейлякъ отъ убіенія царя Кучума соблюденъ бысть и изведенъ въ Чехарскую землю (32). Царь же Кучумъ царствовалъ въ Сибири лѣта довольна, во изобиліи и радости и въ веселіи мнозѣ, дани и оброки со многихъ языкъ имаше даже до лѣта повелѣнія Господня, въ ня же Богъ восхотѣ царство его разрушити и предати православнымъ христіаномъ.

Глава VI.

О Вѣрѣ Царя Кучума.

Законъ же царя Кучума и иже подъ его властію быша—Моамета проклятаго, а иніе же кумиромъ поклоняющеся *и жруще* (принося жертвы) *яко Богу. Святіи апостоли написаша въ правилахъ своихъ и вселенній предаша, еже бо рекоша:* аще кто прилежитъ моаметовымъ заповѣдемъ и внемлетъ ученикомъ его —анаѳема, спрѣчь да будетъ проклятъ. Паче же идолопоклонникомъ *правило предлежитъ, проклятію же сподобленъ* (33). Проклятіе же есть неправленіе въ царѣхъ и нестроеніе въ воинствѣ его, во всѣхъ же людехъ пря, и мятежъ многъ, ратей воздвиженіе, чадъ ненаслѣдіе бѣдами же и напастьми скорбя;

По мнозѣхъ же временехъ прінде степью изъ казачьи орды Царь Кучюмъ Муртазеевъ со многими воинскими людьми и градъ Сибирь взя, и князей поби,

и назнася царь Сибирскій, и многи языцы подъ себѣ покори;

и царьствова царь Кучумъ время не мало.

---

(32) у г. Сп. въ Бухарскую землю; Строг. въ Бухары.

(33) Словъ напечатанныхъ курсивомъ у г. Сп. нѣтъ.

И прінде на нихъ изъ степи съ поля Царь Кучумъ, Муртазеліевъ сынъ, со многими воинскими людьми, и убп Етигера и Бекбулата, и оттолѣ прозвася Кучумъ Сибирскій Царь. А Бекбулатовъ сынъ Сейдекъ, того увезоша въ Бухары въ малѣ возрастѣ. А у Царя Кучума два сына: единъ бѣ именемъ Маметкулъ, а вторый Алли.

VII.

О приходѣ Сибирскаго Салтана, Кучумова сына, Царевича Маметкула на Чусовую рѣку и о пльненіи Русскихъ людей.

Въ лѣто ҂зпа (1573) Іюля въ к (20) день, на память Святаго Пророка Иліи, изъ Сибирскія земли съ Тобола рѣки, приходилъ Сибирскаго Салтана Царя, Кучумова сынъ, Маметкулъ, собрався съ своими мурзами и уланами ратью на Чусовую рѣку дороги провѣдывати: куда бы ему пити ратью въ Яковлевы и въ Григорьевы Строгоновыхъ городки, и въ Пермь великую; да въ томъ приходѣ многихъ людей, данныхъ Остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, и посланника Государева Третьяка Чебукова и съ нимъ служилыхъ Татаръ, кои съ нимъ шли подъ Казань въ Казанскую орду, иныхъ побили, а овѣхъ въ полонъ взяша, а до Чусовскихъ городковъ не доходя за пять верстъ, что ему по-

5. Въ лѣто ҂зпа (1573) іюля въ к (20) день

приходилъ сибирскаго царя Кучума сынъ Маметлукъ съ

мурзами и со многими людьми въ

Пермь великую и данныхъ Остяковъ побили.

мню же, яко сего ради посла на сихъ гнѣвъ свой Господь, на сего царя Кучума и иже подъ его властію бысть, яко закона Божія не вѣдуще, и поклоняющеся идоломъ, и жруще бѣсомъ, а не Богу благому, ихъ же невѣдуще, яко же древле при законодавцѣ Моисеѣ сотвориша израильстіи людіе тельца и вмѣсто Бога поклонишася ему и рекоша: «се богитвои, Израилю!» и сего ради посла на нихъ Господь гнѣвъ свой, зміемъ повелѣ поядати (34) ихъ, кійждо ихъ уязвляемій *и* отъ змія умираху, и паки Господь милосердова о нихъ и вложи въ сердце блаженному Моисею. Онъ же, Божіимъ мановеніемъ подвижиму (35), сотвори змію мѣдяну и превознесе ю на трость, прообразуя Христово распятіе, уязвляеміи отъ змія взираху (36) на ону змію и изцѣлѣваху; *повелѣ же имъ не вмѣсто Бога змію имѣти, но немощь ихъ исходя,* они же и сію обожиша и начаша ю яко Бога хвалити (37) и сего ради тмами казнишася, гладомъ и язвами, плѣномъ и ратію, и различными разореньями, яко же *той же* блаженный Моисей, въ пѣсни (38) и въ девтеромін предвозвѣщая непокоривымъ іюдеомъ въ будущее имъ послѣднихъ съ озлобленіихъ, глаголетъ: и виде Господь и возревновахъ (39) и разгнѣвася гнѣвомъ ради сыновъ ихъ (40) и дщерей, имѣяху бо бѣсомъ въ жертву пожретія (41). И рече Богъ: «отвращу лице Мое отъ нихъ, яко прогнѣвиша Мя во идолѣхъ своихъ». И еще

---

(34) Сп. поучати.
(35) Сп. подвижимъ
(36) Сп. зазираху
(37) Сп. ю тако Богохвалить
(38) Сп. въ спѣніи
(39) Сп. предвозвѣщая непокорливымъ Іудеямъ въ будущее имъ послѣднимъ озлобленіи ихъ, глагола Господь и возревновавъ
(40) Сп. своихъ
(41) Сп. имѣя бо бѣсомъ пожрети я

лоненики Русскіе сказали, что въ городкахъ людемъ ратнымъ скопъ и васъ-де они къ себѣ ждутъ, и онъ убояся того назадъ воротился; а Яковъ и Григорей за Сибирскою ратью, безъ указа Государева, своихъ наемныхъ казаковъ (изъ городковъ) *послать не посмѣли.* А прежь того, Сибирской же Салтанъ ратью, данныхъ Остяковъ Чагира съ товарищи побили, а иныхъ въ полонъ взяли, которые жили около Чусовскихъ городковъ, и объ томъ Яковъ да Григорей писали благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи къ Москвѣ, чтобы Государь ихъ пожаловалъ, и велѣлъ за ними посылать безпенно и обиды имъ свои мстити. И за то ихъ Государь, Якова и Григорья пожаловалъ, велѣлъ дати свою Государеву грамоту, что имъ въ Сибирской странѣ, за Югорскимъ каменемъ, на Тагчелахъ, и на Тоболѣ рѣкѣ, и на Иртишѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для береженья, и охочимъ людемъ на опочивъ, крѣпости подѣлати, и снарядъ огненной, и пушкарей, и пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ, и отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ держати, и около крѣпостей, у рыбныхъ ловель и у пашенъ дворы ставити, по обѣ стороны Тоболы рѣки, и по рѣкамъ, и по озерамъ и до вершинъ, и крѣпитися всякими крѣпостьми накрѣпко; а кои Остяки, и Вогуличи и Югричи отъ Сибирскаго Салтана отстанутъ, а учнутъ быти подъ его Государевою рукою, а почнутъ Государю дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ Москвѣ. И отдавати дань въ Государеву казну, а тѣхъ данныхъ Остяковъ, и Вогуличь и Югричь, и жены ихъ и дѣти отъ Сибирцовъ ратныхъ приходу беречи Якову да Григорью, въ своихъ крѣпостѣхъ; а на Сибирскаго Салтана Якову же и Григорью, сбирая охо-

же Божіе отеческое его попеченіе разумѣемъ, имъ же о насъ *по*печется и покрываетъ яко птица птенца (42) своя, тако же и отъ сихъ идолопоклонникъ отврати Богъ лице свое, идолъ ради и жертвъ ихъ кровныхъ, и казни ихъ ни гладомъ, ни моромъ, ни огнемъ жегій (43), ни каменіемъ побивая, но сопротивъ послѝ мечъ обоюду остръ, пожиная (44) и поядая и искореняя и тли предавая бѣсовская идоложертвія и ихъ поклонники и служители.

(42) Сп. птевцы
(43) Сп. жги
(44) Сп. постигая

чихъ и своихъ людей и Остяковъ, и Вогуличь, и Югричь и Самоедь, *съ наемными казаками, и съ нарядомъ своимъ посылати воевати, и въ полонъ Сибирцовъ имати, и въ дань за Государя приводити.* А станутъ приходити въ тѣ крѣпости къ Якову и къ Григорью, торговые люди Бухарцы, и казацкія орды и иныхъ земель съ какими товары, и имъ у нихъ торговати вольно безпошлинно. И грамота Государева на тѣ мѣста въ Сибирскую Украйну, за Югорской камень на Тагчеи, и на Тоболу, и на Иртишь и по Обѣ, на крѣпостныя мѣста, дана лѣта ≠зпѳ (1574) Маія въ л (30) день, за приписью Дьяка Петра Григорьева.

VIII.

О призваніи Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, съ великія рѣки Волги въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ.

Въ лѣто ≠зпз (1579) году Априля въ ѕ (6) день, *слышаху* бо сія Семенъ и Максимъ и Никита *Строгоновы* отъ достовѣрныхъ людей, *о буйствѣ и храбрости* поволскихъ *казаковъ* и атамановъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побиваютъ и Ардобазарцовъ грабятъ и побиваютъ; и тіи людіе, слышавъ то про ихъ буйство и храбрость, и людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими *послаша къ нимъ*, дабы шли къ нимъ въ *вотчины* ихъ въ Чусовскіе городки и въ острожки, на спомоганіе имъ. И они же вельми сему возрадовашася, яко посланніи пріидоша къ нимъ отъ честныхъ людей и званіе ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Пань, Матѳѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною,

6. Въ лѣто ≠зпз (1579) Априля въ ѕ (6) день Семенъ и Максимъ и Никита *Строгоновы призваша* Волскихъ казаковъ *Ермака* Тимофеева *съ товарищи* въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ. И они сему возрадовашася, собрався единомысленно: Ермакъ Тимофеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Пань, Матѳей Мещерякъ съ прочею *предоброю* дру-

число же ихъ ф҃ и м҃ (500 и 40) человѣкъ, вскорѣ шествіе учинища къ нимъ.

IX.

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимовеева съ товарищи, въ Чусовскіе городки.

Тогожъ году Іюня въ к҃н (28) день, на память Святыхъ Чудотворецъ и безсребренникъ Кура и Іоанна, *пріидоша съ Волги атаманы и казаки*, Ермакъ Тимоѳеевъ Поволской съ товарищи, въ Чусовскіе городки; они же Семенъ и Максимъ и Никита *Строгоновы приняша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи, и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху.* Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйственно и единомысленно, съ живущими ту людьми въ городкѣхъ, и біяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху, и на невѣрныхъ поощряхуся: *пожиста же* они атаманы и *казаки въ городкахъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два.*

X.

О приходѣ Вогуличь подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвянской острожокъ войною.

Въ лѣто ≠зп҃ф҃ (1581) Іюля въ к҃в҃ (22) день, злокозненный же дьяволъ, иже искони ненавидяй добра человѣческому роду, поощри злаго и безбожнаго Вогульского мурзу Бегбелія Агтакова съ своимъ съ Вогульскимъ и Остяцскимъ собраніемъ, а собранія его х҃п҃ (680) человѣкъ, и пріидоша подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвянской острожекъ безвѣстно, украдомъ, и ту окрестъ живущихъ села и деревни поплѣниша, и пожгоша, и въ полонъ многихъ людей, мужей и женъ и дѣтей поимаша; но преблагій Богъ не попусти окаянныхъ. Вскорѣ надъ ними безбожными, Рустіи вои побѣду учинили изъ городковъ своихъ, и многихъ у городковъ поимаша, и по тѣмъ вѣ-

жиною числомъ ихъ ф҃м҃ (540) человѣкъ.

7. Вскорѣ шествіе учинища къ нимъ и пріидоша того жъ года Іюня въ к҃д҃ (28) день. Они же Семенъ и Максимъ и Никита пріяша ихъ *съ честію* и даяху имъ дары многи; и жиста у нихъ въ городкахъ в҃ (2) лѣта и мѣсяца в҃ (2).

8. И въ лѣто ≠зп҃ф҃ (1581) въ к҃в҃ (22) день (мѣсяца нѣтъ) пріидоша украдомъ подъ чусовскіе городки Вогулсской Мурза Бегбелій и съ нимъ х҃п҃ (680) человѣкъ и Богъ даде на нихъ побѣду и перепмаша,

ГЛАВА VII.

О пришествіи Ермаковѣ въ Сибирь.

Посла Богъ очистити мѣсто *святыны* (45) и побѣдити бесермонскаго (46) царя Кучюма и разорити богомерзкія ихъ и нечестивая капища, гдѣ же быша вогнѣжденіе звѣремъ и водвореніе сириномъ. Избра Богъ (47) не отъ славныхъ мужъ, ни отъ царска повелѣнія воеводъ, а вооружи славою и ратоборствомъ атамана Ермака, Тимофеева сына (48), и съ нимъ пять сотъ сорокъ человѣкъ. Забыша бо сіи свѣта сего честь и славу, но смерть въ животъ преложиша и воспріимше щитъ истинныя вѣры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость предъ нечестивыми (49); не поскорбѣша бо о суетныхъ міра, сладкое и покоищное (50) житіе отринуша, жестокое же и бранное дѣло, оружіе и щиты возлюбиша, не даша бо покоя своимъ скраніямъ (51), ни зѣницамъ

Въ лѣта же Царя Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, на Волгѣ рѣки множество бѣ казаковъ, и на Дону. И бысть имъ по царьскому велѣнью веліе утѣсненіе и изгнаніе съ Дону и съ Волги, имающе ихъ по темницомъ сажаху, а иныхъ казнѣмъ предающе. И того ради казаки, атаманы съ Волги Ермакъ, Тимофеевъ сынъ, съ товарыщи, девять атамановъ, да съ ними казаковъ пятьсотъ четыредесятъ человѣкъ, — пріидоша въ Сибирь... (лѣта ҂зиѳ году)...

---

(45) Словъ, напечатанныхъ курсивомъ, въ лѣтописи, изданной Г. Н. Спасскимъ въ 1823 году, нѣтъ

(46) Сп. бусорманскаго

(47) Сп. бичъ

(48) Въ лѣтописи г. Спасскаго, Глава XXXVII сказано: Ермака, Тимофѣева сына, Новольскаго.

(49) Сп. нечестивымъ

(50) Сп. покойное

(51) По Словарю Академіи — висскъ (по греч. το κρανιον — черепъ).

стямъ на переходѣхъ многихъ побиша, а иныхъ многихъ переимаша, и мурзу ихъ Бегбелія Агтакова взяша жива. И они безбожніи видя свое изнеможеніе, что Богъ подалъ надъ ними побѣду, Государю объ томъ добили челомъ и вину свою принесли, что быть имъ подъ данью Государя Царя и Великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи и на Русскую землю не приходити войною.

они же покоришася под данью Государевою быти

XI.

О посланіи Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищи и ратныхъ людей Строгоновыхъ въ Сибирь, на Сибирскаго Салтана.

Въ лѣто ҂зч҃ (1581) году Сентября въ а҃ (1) день, на память Преподобнаго отца нашего Семіона Столпника, *послаша* изъ городковъ своихъ Семенъ и Максимъ и Никита *Строгоновы,* въ Сибирь на Сибирскаго Салтана Волскихъ атамановъ и казаковъ *Ермака Тимоѳеева* съ товарищи, *и съ ними* собравъ изъ городковъ своихъ ратныхъ людей, Литвы, и Нѣмецъ, и Татаръ и Русскихъ людей буйственныхъ и храбрыхъ предобрыхъ воиновъ триста человѣкъ, и ихъ съ Волскими атаманы и казаки отпустиша вмѣстѣ за едино, и того ихъ собранія учредиша осмь сотъ четыредесять человѣкъ буйственныхъ и храбрыхъ; и отпѣвше соборнѣ молебныя пѣнія всемилостивому въ Троицы славимому Богу, и Пречистой Его Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ и святымъ угодникамъ Его, и *удоволиша ихъ мздою, и одѣяніи украсиша ихъ и оружіемъ огненнымъ:* пушечки *и скорострѣльными пищальми* семипядными, *и запасы многими, и всѣми сими довольно сподобиша ихъ, и вожевъ* вѣдущихъ той Сибирскій путь, *и толмачевъ бусурменскаго языка* имъ *даша,* и отпустиша ихъ въ Сибирскую землю съ

9. Въ лѣто ҂зч҃ (1581) сентября въ а҃ (1) день *послаша* изъ городковъ своихъ Семенъ и Максимъ *и Никита Строгоновы въ Сибирь на Сибирскаго Салтана* Волскихъ атамановъ и казаковъ *Ермака* Тимофеева *съ товарищи и съ нимъ Литвы и Нѣмецъ и Тотаръ, вкупѣ всѣхъ* ѡм҃ (840) человѣкъ, *пѣвше молебная* и одаривше отпустиша.

дреманія, дондеже Божію помощь пріяша на окаянныхъ бесерменъ. Не оскудно бо излитіе крови своея сіи воспріяша учащаеми ранами, отъ стрѣльныхъ верженіихъ отъ окаянныхъ Агарянъ, падоша (52) плещи своя на раны, оня бо окаяннін яростію претяху имъ и горлишася паче *кинтавръ и яко Антей*; но хранимы Божіими дланьми *казацы*. Писано бо есть, не убоится (53) исполинъ горда, ни звѣря устрашится, ниже вострепещутъ (54) желѣза, ни крокодилъ устъ: имать (55) бо поборника паче всякаго камени и твердости. Тако же и сіи воини положиша упованіе на Господа твердо и вси глаголюще: «достойно умрети за истинную вѣру, и пострадати за православіе, и благочестивому Царю послужити! Не отъ многихъ бо вой побѣда, глаголаше, бываетъ, но отъ Бога свыше». Истинна убо, воистину, словеса сія: не многими вои побѣдиша сихъ шатаніе поганыхъ, и бровн низвергоша превысшая, и смириша гордыя, и по всей Сибирской земли ликоваху *казацы* (56) стопами свободными, ни отъ когоже возбраняеми, и отъ сихъ поставиша грады и святыя Божія церкви воздвигоша. Аще древле Сибирская страна идоложертвіемъ помрачившися, а нынѣ же благочестіемъ сіяя, отпаде бѣсовская служба, и требища (57) идольская сокрушишася, Богоувѣденіе всадися, Троица Единосущная, не созданное Божество,— прославляется по глаголющему: «во «всю землю изыде вѣщаніе ихъ и «въ концы вселенныя глаголы ихъ».

(Ниніже повѣдаютъ лѣтописцы яко призваша ихъ съ Волги Строгоновы и даша имъ имѣнія и одежды добрыя и оружія, пищали и пушки полковыя и своихъ людей даша имъ Нѣмецъ и Лытвы триста человѣкъ!)

---

(52) Сп. ранами отъ стрѣлъ ихъ верженія окаянныхъ Агарянъ. Вдаша

(53) Сп. не убойся.

(54) Сп. вострепещемъ

(55) Сп. имя.

(56) Въ подлинникѣ, въ обоихъ мѣстахъ, по явной ошибкѣ писца, вставлена буква *я* (казанцы).

(57) Сп. истребиша

миромъ. Они же атаманы и казаки съ приборными людьми, поидоша съ радостію въ Сибирскую землю на Сибирскаго Салтана, съ учрежденіемъ полковъ на очищеніе Сибирскія земли, очистити мѣсто и отогнати безбожнаго варвара. Атаманы же и казаки идоша по Чусовой рѣкѣ въ верьхъ до усть Серебряныя рѣки четыре дни, и по Серебряной идоша два дни и дойде Сибирскія дороги, и ту городокъ земляной поставиша и назва его Ермаковъ Кокуй городокъ, и съ того мѣста перевезеся $\overline{\text{кє}}$ поприщь за волокъ, на рѣку рекомую Жаравли, и по той рѣцѣ поидоша въ низъ и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна.

Они же отыдоша и пріидоша на Туру рѣку — и ту бѣ Сибирская земля.

XII.

О приходѣ Сибирскихъ людей Пелымскаго князя подъ Пермьскіе городы, и подъ Канкоръ, и подъ Кергеданъ и подъ Чусовскіе городки, и подъ Сылвянской и Яйвинской острожки.

Въ та же времена девять десятыя годины и въ число лѣви, на память Преподобнаго отца нашего Семіона Столпника, злочестивый и безбожный князь Пелымскій ярости многи наполнися, но и паки звѣрострашіемъ объятъ бысть, и умысли злохитрое коварство въ сердцы своемъ и начатъ лесть съ лукавствомъ сшивати, и бысть ему безбожному ко своей погибели; тогда онъ злочестивый собра воя своя, число же ихъ седмь сотъ человѣкъ, и подозва съ собою буйственныхъ, и храбрыхъ и сильныхъ мурзъ и улановъ Сибирскія же земли со множествомъ воп; онъ же злый по неволи взя съ собою Сылвянскихъ, и Косвинскихъ, и Иренскихъ, и Ивинскихъ и Обвинскихъ Татаръ, и Остяковъ, и Вогуличь, и Вотяковъ и Башкирцовъ (*) мно-

10. Въ то же время, на Семенъдень, на девятдесятой годинѣ, — пріиде злочестивый Пелымскій — князь, съ нимъ бѣ ѱ (700) человѣкъ, *кромѣ сибирскихъ* людей и

(*) Все это были народцы ло-уральскіе.

Божественнымъ бо Апостоломъ аще и не благоволи (58) Богъ происходити сія страны, но проповѣдь ихъ повсюду изыде (59).

(58) Сп благослови

(59) Мелкія различія мы отмѣчать не будемъ.

жество, и прінде съ вои своими, ряся, на Пермьскія городы на Чердынь, и тѣ мѣста поплѣниша и пожгоша, дондеже и къ стѣнамъ града сурово и люто зѣло приближишася ко граду, едва не взяту бывшу. Но всемогій Богъ не попусти окаяныхъ; и вскорѣ отъ того мѣста поидоша подъ Кай городокъ и ту велію пакость учиниша; и оттолѣ окаяніи пріидоша подъ Камское усолье, и ту села и посады пожгоша, и людей поплѣниша; и пріидоша подъ Канкоръ и подъ Кергеданъ городки, а оттолѣ поидоша подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвяпской и Яйвинской острожки; и внезапу окаяніи нападоша на Чусовскіе городки, и около ту живущихъ крестьянъ множество посѣкоша и села ихъ и жилища пожгоша, и немилостивно православныхъ плѣняху, и полону многу взяту бывшу. Волскихъ же атамановъ и казаковъ не бѣ ту въ городкѣхъ; прежде прихода его, окаяннаго и безбожнаго Пелымскаго князя, тоя же годины, послаша ихъ Семенъ и Максимъ и Никита въ Сибирскую землю, на Сибирскаго Салтана, а оставшіе людіе въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ своихъ отъ окаянныхъ и безбожныхъ Татаръ, отъ ихъ злаго притужанія, едва смерти избыша, ни силою своею, но Божіею помощію, и оттолѣ многія скорби и притужанія пріимаху отъ окаянныхъ. Они же Семенъ и Максимъ и Никита съ мужественными своими и храбрыми людьми, призва себѣ въ помощь всемилостиваго, въ Троицы славимаго Бога, и Пречистую Его Богоматерь, и всѣхъ угодникъ Его, но и паче устремишася и мужественно и единомышленно стояху въ великомъ отъ окаянныхъ притужаніи, и бьяхуся крѣпко и мужественно со окаянными, и много множество отъ обою странъ падоша; окаяніи же увѣдаху, что Русстіи вои поидоша въ ихъ Сибирь много зла учиниша и *внезапу* (*) на чюсовскіе города нападоша и около ту живущихъ христіанъ множество посѣкоша, и жилища ихъ пожгоша.

А Волскихъ казаковъ не бѣ ту: *послаша бо ихъ на Сибирь.*

(*) Мы уже видѣли, что это было совсѣмъ не «внезапу».

скую землю войною, и того устрашишася, и тако, Божіею помощію, окаяннін варвары побѣждени быша, и полонъ Русскій у нихъ отъятъ бысть; они же безбожнін отойдоша посрамлени, аки пси во своя мѣста. И объ томъ Пелымскаго Князя приходѣ писалъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи изъ Чердыни Воевода Василій Нелепелицынъ, что Пермьскую землю повоевали, села и погоста и посады пожгли, а Семенъ и Максимъ и Никита Строгоновы, его Государевымъ городомъ не помогли, и людей отъ себя на помощь не послали, и Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи не отпустили къ нему на помощь. И о томъ прислана съ Москвы Государева Царева и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи грамота въ Чусовской городокъ, за приписью Дьяка Андрѣя Щолканова ч҃а҃ (1582) году Ноября въ ѕ҃ (6) день, къ нимъ къ Семену и Максиму и Никитѣ Строгоновымъ. А въ Государевѣ грамотѣ пишетъ: «Писалъ къ намъ изъ Перми Василій Нелепелицынъ, что послали вы изъ острожковъ своихъ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи воевать Вотяки, и Вогуличь, и Татаръ, и Пелымскія и Сибирскія мѣста ч҃а҃ (1582) году Сентября въ а҃ день; а въ тотъ же день, собрався Пелымской Князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи, приходили войною на наши Пермьскія мѣста, и къ городку Чердыню и къ острогу приступали, нашихъ людей побили и многіе убытки нашимъ людемъ учинили; и то сдѣлалось вашею измѣною: вы Вогуличь, и Вотяковъ и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задрали и войною на нихъ приходили; да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ Салтаномъ ссорили часъ; а Волскихъ атама-

И о томъ писалъ къ Государю изъ Чердыни воевода Василей Нелепелицынъ, что Пермскую землю пожгли, а Семенъ и Максимъ и Никита Государевымъ городамъ не помогли.

И отъ Государя писано о томъ Строгоновымъ съ опалою *чтобъ имъ впредь того блюстися,*

а и казаковъ-то

новъ, къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги, безъ нашего указа; а тѣ атаманы съ казаки, прежь того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарозовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинились и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермьскую землю оберегати, и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ по тому же, какъ на Волгѣ чинили и воровали: въ которой день въ Перьми къ Чердыни приходили Вогуличи, а въ тотъ же день отъ васъ изъ острожковъ, Ермакъ съ товарищи, пошли воевать Вогуличь, и Остяковъ и Татаръ, а Перми ни чѣмъ не пособили. И мы послали въ Пермь Воина Аничкова, а велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ товарищи взявъ, отвести въ Пермь и въ Усолье Камское и тутъ имъ стояти велѣли раздѣляся; а одно лично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ острогѣхъ быти не льзя, и вы бы у себя оставили немногихъ людей, съ которымъ атаманомъ, человѣкъ до ста, а достальныхъ всѣхъ выслать въ Чердынь одноличпо тотчасъ. А не вышлете изъ остроговъ своихъ Волскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимоѳеева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермьскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такою вашею измѣною, что надъ Пермьскими мѣсты учинится отъ Вогуличь, и отъ Пелымцовъ и отъ Сибирскаго Салтана людей, и впередъ намъ въ томъ опала на васъ своя положити большая; а атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать; и вы бы тѣхъ казаковъ одноличпо отпустили отъ себя въ Пермь. Писанъ на Москвѣ лѣта ҂зч҃а (1582) году Ноября въ ѕ҃і (16) день». И по симъ Семенъ

вы призвали безъ Нашего вѣдома.

ГЛАВА VIII.

О посланіи Кучумомъ сына своего Маметкула на рускіе вои (60).

Въ лѣто ≠зп҃д҃ (7.089—1.581)(61) въ державѣ благочестиваго Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всеа Россіи Самодержца, пріидоша сіи воины съ Волги въ Сибирь.

Идоша же въ Сибирь Чюсовою рѣкою, и пріидоша на рѣку Тагиль, и плыша Тагилью и Турою и дойдоша до рѣки Тавды. На усть же тоя рѣки яша (62) Татарина, именемъ Таудина (63), царева Кучюмова двора. Повѣда же имъ сей все про царя Кучюма.

Слышавъ же царь Кучюмъ пришествіе русскихъ вой и мужество ихъ и храбрость—и о семъ оскорбися зѣло и паки мысль свою предлагаетъ. Вскорѣ посылаетъ во всю

(60) Дальнѣйшее раздѣленіе на главы мы заимствуемъ изъ списка, изданнаго Г. И. Спасскимъ.

(61) Г. Спасскій считаетъ 1580.

(62) Сп. изымаша.

(63) Сп. Таувинъ, Строг. Таузакъ

И лѣта ≠зп҃д҃ году *(пріидоша казаки въ Сибирь)* (*).

И тако идоша въ Сибирь Чусовою рѣкою на рѣку Тагилъ, и плыша Тагиломъ и Турою до Тавды рѣки. На усть же той рѣки поймаша Татарина царева двора именемъ Таузанъ—и повѣда имъ все про царя Кучума. И начаша при немъ стрѣляти изъ оружія и отпустиша его къ царю Кучуму, да скажетъ про ихъ пришествіе.

Татаринъ же той, пришедъ, сказа царю русскихъ вой пришествіе и се сказа, яко сгда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ: ино изъ конца дымъ и огнь исходитъ и голкнетъ громко, а пробиваетъ наши куяки и бахтерцы на вылетъ.

Царь же Кучумъ вельми печаленъ бысть, слыша ихъ мужество и храбрость; и скоро посла во всю

(*) Слова эти мы повторили изъ предъидущаго предложенія.

и Максимъ и Никита быша въ велицей печали о томъ, что прежде его Государево Царево и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи повелѣніе бысть по прежнимъ Его Государевымъ грамотамъ, велѣно городки ставити и людей воинскихъ прибирать на Сибирскаго Салтана; а нынѣ его же Государевъ указъ, что не велѣно отпущати Волскихъ атамановъ и казаковъ, а у нихъ въ Сибирь отпущены казаки Ермаки съ товарищи (*).

И они о томъ въ великой печали были.

XIII.

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи, на Тавду рѣку въ Сибирской землѣ.

Въ лѣто ҂зч (1581) году Сентября въ д҃ (9) день, на память Богоотецъ Іоакима и Анны, пріидоша воини въ ту Сибирскую землю безстрастии, и многіе Татарскіе городки и улусы повоевали, въ низъ по Турѣ и дойдоша до Тавды рѣки въ мужествѣ, и на усть той рѣки поимаше Татаръ. Единъ бѣ отъ нихъ, именемъ Таузакъ, Царева двора, и повѣда имъ все по ряду, про Сибирскихъ царей, и князей, и мурзъ и улановъ, и про Царя Кучума; они же увѣдаше отъ него о всемъ достовѣрно, и отпустиша его, да скажетъ Кучумови Салтану пришествіе ихъ, и мужество и храбрость.

11. Въ лѣто ҂зч (1581) Сентября въ д҃ (9) день пріидоша *воины* казацы въ землю Сибирскую до Тавды рѣки, повоеваша въ мужествѣ, и взяша Татаръ на усть тоя рѣки, единаго отъ нихъ именемъ Таузанъ, царева двора.

Онъ же повѣда имъ о царѣ и о князѣхъ вся по ряду; и отпустиша его да скажетъ Кучумови пришествіе ихъ.

И отъ него же Туазака слышано бысть Царю Кучуму пришествіе Русскихъ воиновъ, и ихъ мужество и храбрость, и повѣдаша ему сице: такови бо суть Рустіи воини сильни, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пашетъ и дымъ великій изходитъ и гром-

И повѣда ему, прибѣжавъ, сице: «Таковы суть рустіи воини сильни егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пашетъ и дымъ ве-

(*) Эта глава и всѣ предъидущія показываютъ съ какимъ... *превосходнымъ умѣньемъ* составлены онѣ лѣтописцемъ.

свою державу, дабы ѣхали къ нему воинстіе (64) людіе во градъ Сибирь *и* противо русскихъ вой ополчилися (65). *И* въ малѣ времени собрашася къ нему множество Татаръ и Остяковъ и Вогуличъ и протчая языцы, иже подъ его властію.

свою державу по мурзы и по прочіи воинство.

Въ малѣ же времени собрашася къ нему множество Тотаръ, и Остяковъ, и Вогуличъ, и прочихъ языкъ.

Посла же царь сына своего Маметкула со множествомъ воинъ и повелѣ мужески ополчитися противъ нашедшихъ *казаковъ;*

Царь же сыну своему Маметкулю со множествомъ войска повелѣ итти на казаковъ бранію;

самъ же повелѣ засѣку *учинити* подлѣ рѣку Иртышъ подъ «Чюваше-вымъ» (66) и засыпати землею и многими крѣпостьми утвердити, яко же *есть* достойно утверженію.

Маметкулъ же съ вои своими донде до нѣкоего урочища, иже бо «Бога-санъ» именуемъ (67).
Казацы же видѣвше таковое собраніе поганыхъ, не мало тогда (68) устрашилися; и бысть

самъ же повелѣ крѣпитися, засѣку учинить подлѣ рѣки Иртишъ подъ Чивашевымъ, засыпати каменіемъ, яко достойно осада крѣпити.

Маметкулъ же съ воинствомъ своимъ донде нѣкоего урочища, иже именуемъ Бабасанъ.
Казаки же, видѣвше таковое собраніе, не мало убояшася; бысть

(64) Сп. въ воинство
(65) Сп. ополчитися
(66) Сп. Чувашемъ
(67) Сп. Бабасаны именуемо.
(68) Сп. того.

ко голкнетъ, аки громъ на небеси, а стрѣлъ изходящихъ отъ нихъ не видѣти, уязвляютъ ранами и смертно побиваютъ, а ущититься отъ нея никакими ратными збруями невозможно; куяки, и бехтерцы, и панцыри и колчюги наши не держатъ, все пробиваютъ на вылетъ. Царь же Кучумъ о семъ оскорбися и опечалися вельми зѣло, и паки въ недомѣніи многѣ бысть, и посылаетъ во всю свою державу, по градомъ и по улусомъ, дабы къ нему ѣхали во градъ на спомоганіе противу Русскихъ сильныхъ вой ополчитися; въ малѣ же времени собрашеся къ нему все множество воя его, князи, и мурзы, и уланове и Татары, и Остяки, и Вогуличи и прочая языцы подъ его властію вси.

XV.

О посланіи Царя Кучума сына своего Маметкула на Русскіе вои ратью.

Злочестивый же Царь Кучумъ посла сына своего Маметкула со множествомъ воинства своего, и повелѣ имъ мужески ополчитися противу нашедшихъ Русскаго воинства;
самъ же Кучумъ повелѣ себѣ учинити засѣку подлѣ рѣку Иртишь подъ Чувашіемъ, и засыпати землею и многими крѣпостьми утвердиша, но краткимъ словомъ реку, яко есть достойно на утверженіе.
Маметкулъ же со множествомъ вои своихъ донде до пѣкоего урочища, иже бо именуется Бабасанъ.
Рустіи же вои, атаманы и казаки видѣвше таковое поганыхъ собраніе, того нимало устрашишася, возложиша упованіе на Бога, изъ остроговъ своихъ скоро изходятъ, и на поганыхъ устремишася.

ликъ исходитъ и громко голкнетъ, а стрѣлъ исходящихъ не видѣть, уязвляютъ ранами до смерти, а не ущититься отъ нихъ никакими сбруями».

Царь же о семъ оскорбися и опечалися вельми, пребысть въ недоумѣніи и повсюду разослалъ повелѣ готовитися къ себѣ на брань.

И вои къ нему собрашася.

12. *И посла сына своего Маметкула противъ русскаго воинства.*

Самъ же повелѣ учинити себѣ засѣку подлѣ рѣку Иртищъ подъ «Чувашинемъ» и засыпати землею.

Сынъ же его донде до урочища Бабасанъ.

Рустіи вои видѣвше ихъ, Бога на помощь призвавше, на нихъ устремишася.

съ погаными брань велія, и побиша погаыхъ множество, и на бѣжаніе погаиіи устремишася. Паки же казаки попльша въ стругахъ своихъ на рѣку Тоболу, Татарова же начаша стрѣляти изъ-за-горъ (69) на струги ихъ—и то мѣсто пропльша ничимъ же врежденн.

же брань велія и побиша множество погаыхъ; прочіе же на бѣжаніе устремишася.

Казаки же поѣхаша въ стругахъ по рѣкѣ Тоболу; Татарове начаша съ горъ стрѣляти по нихъ на струги; по Божіею помощію пріидоша ничимъ невредими.

ГЛАВА IX.

О взятіи улуса Карачи.

Пойдоша же казацы же до Карачина улусу; сей же (70) Карача думной бѣ у царя Кучюма. Составиша съ Карачею брань, и улусъ его взяша, и множество богатства пріобрѣтоша, и царева меду въ струги (71) отнесоша, и припльша же до рѣки Иртыша, погаіи же на брегъ пріидоша, овіи на конѣхъ, овіи же пѣши. Казацы же на брегъ взыдоша и мужески на погаыхъ, наступаютъ, и въ то время бысть смертное пораженіе погаымъ, и вдашася погаіи невозвратному бѣгству.

И дошдоша Карачина улуса: бѣ же Карача думный царевъ. И бысть брань ту не малая; и улусъ Карачинъ взяша, и множество богатства пріобрѣтоша, и въ струги къ себѣ внесоша, и дошдоша до рѣки Иртиша. Погаіи же пріидоша на брегъ на конѣхъ, а иніи пѣши; казаки же вышедши на брегъ и поставиша брань; паде же погаыхъ множество, а прочіи побѣгоша.

---

(69) Сп. изъ-за горы. Здѣсь это слово поставлено въ смыслѣ утеса. Словъ напечатанныхъ курсивомъ у Г. И. Спасскаго нѣтъ.

70 Сп. еже.

71 Сп. и перева меду, и въ струги.

Погапіи же противу пашедшихъ крѣпце и немилостивно паступаху на конѣхъ, копѣйнымъ пораженіемъ и острыми стрѣлами казаковъ уязвляютъ вельми; Рустіи же людіе начаша стрѣляти *изъ пищалей* своихъ, и *изъ пушечекъ скорострѣльныхъ, и изъ дробовыхъ, и изъ затинныхъ, и шпанскихъ, и изъ аркобузовъ*, и сими побивающе погапыхъ безчисленное множество; и въ то время бысть брань жестока съ Татарскими вои, и паденіе ото обоихъ странъ много множество. Погапіи же видѣвше вои своихъ веліе паденіе предъ Русскими вои, и вдашася бѣгству. Рустіи же казацы паки поидоша по рѣкѣ Тоболу и пойдоша подъ гору; погапіи же начаше стрѣляти съ горы, и съ верьху падоша стрѣлы на струги ихъ аки дождь,
и та мѣста проидоша ни чимъ не врежени отъ Татаръ.

Они же сопротивъ крѣпко бьющеся

и отъ боей ихъ много падоша,

но проидоша мимо ихъ въ стругахъ казацы —

XVI.

О пришествіи Русскаго воинства подъ Карачинъ улусъ, думнаго царева.

Пріидоша казаки подъ Карачинъ улусъ, и ту вторую брань сотвориша съ Карачею, думчимъ царевымъ, также взяше улусъ его, въ немъ же царевъ медъ и богатство царево взяше въ струги своя; погапіи же постигоша ихъ у рѣки Иртиша, овіи на конѣхъ, а инии пѣши. Атаманы же и казаки ту на брегу съ нимъ брань составиша, и мужески на погапыхъ паступаютъ, и въ то время бысть сраженіе веліе обоимъ странамъ до смертнаго посѣченія. Тогда видѣвши погапіи своихъ паденіе веліе предъ Русскими вои и вдашася невозвратному бѣгству. И на томъ бою Русскаго воинства, отъ Ермаковы дружины, мало убіенно бысть, точію кождо уязвленіи быша.

— до Карачева улуса.

13. И взяша его.

ГЛАВА X.

О взятіи городка Атика Мурзы.

Царь же Кучумъ, видѣ своихъ паденіе, изыде со многими людьми на высоко мѣсто, на гору, рекомую «Чувашеву» (72); у засѣки же сынъ его Маметкулъ со многими же людьми.

Казаки же поидоша по Иртышу вверхъ
и взяша городокъ Атикъ мурзы, сѣдоша въ немъ (73). Нощи же пріидоша, и быша *казацы* въ размышленіи (74), видѣвше таково собраніе поганыхъ, яко битися единому съ десятію или съ двадесятію поганыхъ. И убояшася и престрашну бывше *и восхотьша тоя нощи бѣжати*. Друзи же не восхотѣша, яко уже осень бѣ (75) *но* уповаше на Бога, утвердиша же и прочихъ, яко да идутъ противо поганыхъ и уповаше на Бога.

Царь же Кучумъ, видѣ своихъ людей паденіе, изыде со многими людьми на высочайшее мѣсто на гору, рекомую Чювашево; у засѣки же сынъ его Маметкулъ со многими людьми.

Казаки же поидоша по Иртишу вверхъ, и взяша городокъ Аты-мурзы, и сѣдоша въ немъ. И нощи той быша въ размышленіи, видяще таковое воинство поганыхъ, и многи устрашишася, хотяще бѣжати; инии же устремишася на бой.

---

(72) Сп. На горѣ рѣкомѣй Чувашѣ.

(73) Сп. городокъ Атика Мурзы, сѣдша въ немъ.

(74) Сп. нощію же пришедше и быша въ размышленіи.

(75) Сп. о семъ сѣ.

Царь же Кучумъ видѣвъ своихъ вои, яко побѣжденни быша, и изыде со многими своими людьми, и ста на высоцѣ мѣстѣ на горѣ, по реклому Чувашевѣ (*), а у засѣки остася сынъ его Маметкулъ со многими людьми; казацы поидоша по рѣкѣ Иртишу въ верьхъ.

XVII.

О взятіи городка Атикъ-мурзы.

Пріидоша русское воинство подъ городокъ Атикъ-мурзы и взяше его, и сѣдоша въ немъ, уже нощи пришедши, тьмѣ нашедшу. Видѣвше же казаки у засѣки толикое поганыхъ собраніе, они же сего устрашишася и рекоша себѣ: како можемъ стати противу толикаго собранія? И начаша размышляти въ себѣ, и учиня кругъ и совѣтъ благъ сотвориша о томъ, и глаголаша другъ ко другу: отойти ли намъ мѣста сего или стояти единодушно? Инїи начаша мыслити и глаголати: лутче бы намъ было, аще отъидемъ отъ нихъ въ отходъ; а инїи же супротивъ глаголаху жестостію твердо: «О братія наша единомысленная, камо намъ бѣжати? уже осени достигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзается, не дадимся бѣгству, и тоя худыя славы себѣ не получимъ, ни укоризны на себѣ не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога: не отъ многихъ бо вои побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ бо и безпомощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы братія сами, колико зла сотворихъ безбожніи они и окаяннїи Агаряне Сибирскія земли, Салтанъ Кучумъ, нашей Русской Пермьстей земли, Государевымъ городомъ запустѣніе, и православнымъ Христіаномъ посѣченіе и плѣненіе веліе, и Строгоновыхъ острожкомъ

14. И пріидоша подъ городокъ Атикъ Мурзы и того взяша и въ немъ сѣдоша. Уже нощи нашедши,

глаголюще межъ себѣ: какъ бы намъ поганыхъ одолѣти, видяще Царя у засѣки въ силѣ тяжцѣ,

(*) Мы слышали, но не выдаемъ за вѣрное, что слово чувашъ, по остяцки означаетъ *прибрежье на рѣкахъ*.

ГЛАВА XI.

О пораженіи Маметкуля и его войска.

Мѣсяца октября *дня* кг̃ (23) всіи рустіи воини изъ городка на бой

И на утріе, октября въ 23 день, вси пойдоша въ бой; казаки же,

колико зла учиниша? Того ради всемогій Богъ мститъ имъ окаяннымъ за кровь ихъ крестьянскую. Вознемянемъ, братіе, обѣщаніе свое, како мы честнымъ людемъ, предъ Богомъ, обѣты и слово свое дали, и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ елико всемогій Богъ нашъ помощи подастъ, а отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ умрети, а вспять возвратитися не можемъ, срама ради и преступленія ради слова своего, еже съ клятвою обѣщахомся. Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ.» И по семъ атаманы и казаки, утвердившеся вси единодушно, и мужественно укрѣпившеся, и увѣришась до единаго, и вси глаголаху едино вкупѣ: «Готови умрети за святыя Божія церкви, и за истинную православную вѣру пострадати, и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи послужимъ, и постоимъ противу поганыхъ твердо до крови, и до самыя смерти: и того, братія, не премѣнимъ обѣта своего, и вси единодушно на томъ станемъ непоколебими.» И всѣмъ совѣтъ имъ бысть благъ.

но упованіе возложиша на Бога.

И уже нощи прошедши, свитающу дневи, и солнцу просіявшу, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ, Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся, и рече дружинѣ своей со слезами: «О друзи и братія! помолимся Богу и Пречистой Его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, дабы сохранени быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ нашествія.»

Свитающу дневи изыдоша изъ

И изыдоша изъ городка на бой мѣсяца Октября въ к҃г (23) день, на память святаго апостола Іякова брата Господня, и вси вкупѣ, яко единѣми усты глаголаху: съ на-

городка на бой Октября въ к҃г (23)

день и возопиша вси вкупѣ «съ

вышли и вси глаголаху: «съ нами Богъ!»И паки приложиша: «*съ нами Богъ*! Боже,помози рабомъ Своимъ!» И начаша приступати къ засѣкѣ. Бысть брань велика (76). Сіи же злоратніи мужіе убіеніе и дерзость свирѣподушную поганіи показываху и яко копѣйные сулицы имѣюще въ утробахъ своихъ, *бо* вооружившася собою крѣпце и вси дыхающе гнѣвомъ и яростію. Одѣяни же желѣзомъ и мѣдію щитницы (77) и копіеносцы и желѣзо стрѣльницы, состяжеся (78) брань отъ обою страну. Поганіи же пустиша тьмочисленныя стрѣлы, казаки же противо ихъ изъ огненнодышущихъ пищалей, и бысть сѣча зла: за руки емлюще сѣчахуся!

призвавше Бога на помощь, приступиша къ засѣкѣ; и бысть брань велія.

Поганіи же пустиша тьмочисленныя стрѣлы и сѣча зла бысть: за руки емляхуся!

Божіею помощію *по-малу*—по-малу поганіи начаша оскудѣвати и слабѣти, казацы же погнаша ихъ и въ слѣдъ ихъ побивающе, и валяюще (79) и попирающе. Очервленившася тогда кровьми поля, сущая (80) ту, и постлашася трупіемъ мертвецъ (81) и блато собрашася ту (82) отъ истекшія крови, яко же древле отъ тѣлесъ у Троянскаго града, близъ Командры рѣки, плѣпующу Ахиллесу (83): тако бо побѣдиша окаянныхъ бусурманъ! Божій гнѣвъ пріиде на нь за беззаконіе ихъ и кумиропоклонсніе, яко невѣдяху Бога, сотворшаго ихъ.

И Божіею помощію начаша поганіи оскудѣвати;

казаки же гоняще ихъ и сѣкуще во слѣдъ.

Царевичъ же Маметкулъ уязвленъ (84) отъ русскихъ вой тогда бысть:

(76) Сп. и бысть брань велія.
(77) Сп. мѣдьщитницы.
(78) Сп. составившася.
(79) Сп. сваляюще.
(80) Сп. омочая.
(81) Сп. мертвыхъ.
(82) Сп. и въ блата обратяся, тогда.
(83) Сп. отъ тѣлесъ ко граду близъ Скомандры рѣки плѣпующеся Ахиллесу.
(84) Сп. уязвиша.

ми Богъ! и паки: Господи, помози намъ, рабомъ своимъ! И начаша приступати къ засѣкѣ мужественно и сурово зѣло; и бысть съ погаными брань велія. Поганіи же пустиша стрѣлы тьмочисленныя съ верьху засѣки и изъ бойницъ, и мнозѣхъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ уязвляютъ, а иныхъ смертно убиваютъ. Поганіи же видѣвше храбрыхъ мужей паденіе, и разломиша сами засѣку свою въ трехъ мѣстахъ, и изыдоша на вылазку, надѣяхуся казаковъ невозвратному бѣгству предати; и въ то время на вылазкѣ составившася брань велія, крѣпко бьющеся, дондеже другъ друга за руки емлюще сѣчахуся; казацы же на поганыхъ вси единодушно устремишася, и показавше храбрость свою и жесточь предъ нечестивыми и безбожными Агаряны.

По малу же времени поганіи начаша оскудѣвати въ силѣ своей, Богъ же казацѣмъ на погаиыхъ побѣду дая; казацы же поля пріобрѣтаютъ, и одолѣваютъ ихъ, и безчисленно погаиыхъ побиваютъ, и отъ засѣки отбиша, и знамена своя на засѣку поставиша,

и Царевича Маметкула уязвиша,

нами Богъ!» и паки: «помози намъ, Господи, рабомъ своимъ!» И приступаша къ засѣкѣ и одолѣша имъ

и *знамена* своя ту на засѣкѣ поставиша,

и безчисленно ихъ побиша,

изъ бою свои его увезоша (85) наонъ-полъ рѣки Иртыша.

ГЛАВА XII.

О бытіи Кучума изъ града Сибири.

Царь же Кучумъ, стоя на горѣ высоцѣ, юже именовахъ прежде, видѣ своихъ паденіе, повелѣ муллямъ своимъ кликати свою молитву и призывати на помощь своя боги. И не бысть ему помощи отъ нихъ, ни поспѣшенія.

Царь же Кучумъ, стоя на мѣстѣ высоцѣ и видѣ своихъ паденіе веліе, и повелѣ муллямъ своимъ кликати свою молитву и призывати на помощь свои боги—и не бысть ничто же.

Въ тоже время князьцы остяцкіе отъидоша кождо во свояси.

Князьцы жъ Остяцкіе съ своими людьми отъидоша кождо во свояси.

Царь же Кучумъ, видѣ царства своего лишеніе, рече сущимъ съ нимъ: «побѣжимъ не медляще — сами видимъ всего лишеніе: сильніи изнемогоша, храбріи избіени быша.

Царь же Кучумъ, видѣ своего царства лишеніе, и рече сущимъ съ нимъ: «побѣжимъ нечедля, видимъ бо и сами, яко сильніи наши изнемогоша и храбріи побіени быша.

О горе, о люте мнѣ! Увы, увы, *увы*! Что сотворимъ? Како побѣжу? Покры срамота лице мое! Кто мя побѣди—*и* напрасно мя изъ царствія изгна? Отъ простыхъ людей Ермакъ не со многими вои пришедъ и толика зла сотвори, воя моя изби и посрами!» А того, беззаконниче, не вѣстъ, что и чада родитель своихъ страждутъ (86) ово гладомъ и наготою, ово пожаромъ и отъ звѣрей скоту снѣдаему (87) за твою, беззаконниче, скверну: Богъ вся видитъ! и обратися болѣзнь чюжая на главу твою, неправда же твоя на тя спиде. Тако же и онъ самъ на ся рече, сіе (88) глаголя: «Азъ побѣдихъ, во гра-

О люте, о горе мнѣ, увы мнѣ! Что сотворю, или камо бѣжу? Покры срамота лице мое! Кто мя побѣди и напрасно изъ царства изгна? Отъ простыхъ людей Ермакъ, не со многими людьми пришедъ, и войско мое поби и мене посрами!

Азъ бо побѣди въ Сибири кня-

(85) Сп. тогда бо и поиманъ бысть, но его увезоша на онъ полъ рѣки Иртыша.

(86) Сп. яко и чадъ, родитель своихъ ради, страждетъ.

(87) Сп. звѣрь скоту снѣдену;

(88) Сп. рекъ къ сему же.

но вои его увезоша въ малой лодицѣ за Иртишъ рѣку.

Царь же Кучумъ стояше на высоцѣ мѣстѣ, и видѣвъ своихъ Татаръ паденіе, и сына своего Маметкула уязвленіе, и бѣгство скоро, повелѣ муллямъ своимъ кликати свою бусурменскую молитву; и начаша призывати къ себѣ на помощь своя боги, и не бысть имъ ни мало помощи.

И въ то время князи Остяцкіи отойдоша съ своими людьми кождо во свояси.

Царь же Кучумъ видѣ свою погибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: «О мурзы и уланове! побѣжимъ не медлимъ, сами бо видимъ своего царства лишеніе, сильніи наши изнемогоша и храбріи воини вси побіени быша.

О горе мнѣ! что сотворю, или камо бѣжу? покры срамота лице мое. Кто мя побѣди и царства моего лиши? простыхъ бо людей посла на мя Строгоновы изъ своихъ острожковъ, свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи, не со многими своими людьми, и тои насъ нашедъ побѣди, и толико намъ зла сотвори: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша, еле жива отъ нихъ увезоша, и мене самаго посрами, и отъ царства моего отгна; обратися болѣзнь моя на главу мою; и неправда моя сниде на мя; азъ бо чужая съ радостію пріяхъ, Русскую землю воевахъ, Пермь великую и Строгоновыхъ острожки, а нынѣ всего своего лишенъ быхъ, и самъ побѣжденъ бысть: нѣсть бо тоя радости на земли, иже не премѣнится на жалость.»

дѣ Сибири, князей Етигара (89) и Бекбулата, многое богатство пріобрѣтохъ, пріидохъ и побѣдихъ, ни отъ кого же посланъ корысти ради и величія».

Прибѣже во градъ царь *же* Кучюмъ взя мало нѣчто отъ сокровищъ своихъ и вдашася невозвратному бѣгству со всѣми вои своими; градъ же свой Сибирь оставиша пустъ.

ГЛАВА XIII.

О вшествіи Ермака съ товарищи въ Сибирь.

Егда (90) же убо подъ Чювашевымъ (91) ста бранное ополченіе, воинстіе людіе утрудишася, уже бо нощи пришедши, отъидоша оттуду и обночевашеся, стражу же утвердиша крѣпце (92) отъ поганыхъ, да яко зміи не-схапаютъ (93), окаянніи! На утріе же вси воинстіи людіе, молитву сотворше ко всещедрому Богу и Пречистѣй (94) Его Богоматери, и поидоша ко граду Сибири, безъ боязни. Да яко же приближишася близъ града—и не бѣ слышати во градѣ ни гласа, ни послушанія, мняще же прежде яко егда скрышася во градѣ окаяннін. Воинстіе же людіе на Бога уповаша и поидоша *ко граду*.

Пріиде же (95) Ермакъ съ товарыщи во градъ Сибирь въ лѣто ≠зпѳ (7089—1581) (96) октября дня кѕ (26) на память святаго великомученика Димитрія Селунскаго, прославиша Бога, давшаго имъ таковую побѣду на окаянныхъ Агарянъ *и* идолопоклонникъ, и радостію радующеся. Достойно воистину воспомнпати сію побѣду и

(89) Сп. Етигера
(90) Сп. А егда.
(91) Сп. Чувашемъ
(92) Сп. къ рѣцѣ.
(93) Сп. зміи ухапятъ.
(94) Сп. Пресвятѣй.
(95) Этихъ словъ, равно какъ и другихъ, курсивомъ напечатанныхъ, у г. Сп нѣтъ.
(96) Сп. 1580.

зей Етигера и Бекбулата и много богатства обрѣтохъ!»

И много укоряя себѣ, и прибѣже во градъ царь Кучумъ, и взя нѣчто мало отъ сокровищъ своихъ, и побѣжа со своими; градъ же Сибирь оставиша пустъ.

Казаки же съ побоища того по-

идоша во свой городъ, понеже утрудишася; и поставиша стражбу крѣпку, сами же нощью почиша.

На утріи же казаки поидоша ко

граду Сибири безбоязненно; и егда быша близъ града —
и не бѣ во градѣ никаково гласа: и мняще себѣ казаки, яко лукавствуютъ погании надъ ними и нѣчто лукавнующе.
Казаки же, уповающе на Бога, поидоша во градъ...

III. Въ лѣто ≠зпѳ октября въ кѕ (26) день; и

прославиша Бога, давшаго имъ побѣду, яко

И прибѣже окаянный во градъ Сибирь, и взя себѣ мало нѣчто отъ сокровищъ своихъ, и вдашася невозвратному бѣгству, а градъ Сибирь оставиша пустъ.

Храбрый же Ермакъ съ дружиною пріидоша во градъ Сибирь, послѣди же рекомый Тоболескъ, мѣсяца Октября въ к$\vec{з}$ (26) день, на память святаго Великомученика и Страстотерпца Дмитрія Селунскаго, и прославиша Бога, давшаго имъ побѣду на поганыхъ и окаянныхъ Агарянъ, радующесь радостію великою; богатства же отъ злата и сребра, и паволоки златыя и каменіе многоцѣнное, и соболина, и купья и лисицъ драгихъ вельми множество взяша, и по себѣ раздѣляютъ; дивно бо бѣ слышати, и достойно воистину прославити всесильнаго въ Троицы славимаго Бога, давшаго побѣду на поганыя сопостаты, и побѣдиша гордаго царя Кучума не многими бо сильными воини Русскими. Елико бо царь Кучумъ собра воинъ своихъ, яко же изрещись, единому казаку противитися съ десятьми, или съ двадцатьми или съ тридесятьми погаными, и зѣло восплакася окаянный о множествѣ вои своихъ погибшихъ; но Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ Христіаномъ даетъ благодать свою.

и въ градъ Сибирь внидоша, иже нынѣ Тоболескъ,
октября въ к$\vec{з}$ день,

и прославиша Бога радостію великою.

Царь же собравъ воя много, яко

быти противъ единаго к$\vec{а}$ (20) или л$\vec{а}$ (30),

но невозможно противитися.

въ предъидущіе роды, яко не многима воп таково царство взяша, но Божіею помощію.

немногими воины побѣдиша.

ГЛАВА XIV.

О прибытіи въ градъ Сибирь Остяцкаго князьца Боляра.

По взятіи же Сибпря въ $\bar{\text{А}}$ (4) день пріиде во градъ Сибирь Остяцкій Князецъ, именемъ Боляръ, со многими Остяки; принесоша же Ермаку съ товарыщи многіе дары и запасы, я же на потребу. По семъ же начаша приходити Татаровя мнозіи съ женами и дѣтьми, и начаша жити въ первыхъ своихъ домѣхъ, видящихъ православіи яко покори имъ Богъ невѣрныя люди (97).

По взятіи Сибирскомъ въ $\bar{\text{А}}$ день пріиде въ градъ князецъ Остяцкій, именемъ Боляръ, со многими Остяки, и принесоша Ермаку и казакамъ многія дары;

и мнози начаша приходити Татаровя съ женами и съ дѣтьми; и начаша жити въ первыхъ своихъ домѣхъ.

ГЛАВА XV.

О убіеніи казаковъ на рыбной ловлѣ подъ Абалаковъ.

Того же лѣта, декабря дня $\bar{\text{Є}}$ (5) Ермаковѣ дружинѣ безъ опасенія идущимъ къ рыбной ловлѣ къ нѣкоему урочищу, иже именуется Абалакъ (98), поставиша же станъ свой и почиша безъ стражи. Царевичъ же Маметкулъ, пришедъ на нихъ *тай* со многими людьми, и поби ихъ. Слышано же бысть во градѣ о убіеніи ихъ; Ермакъ же съ дружиною своею погнавъ въ слѣдъ поганыхъ и достигоша ихъ близъ поля и бысть съ погаными брань велія на многъ часъ.

Того же лѣта декабря въ $\bar{\text{Є}}$ день

казакамъ идущимъ рыбной ловлѣ, иже именуется Абалакъ, въ станахъ своихъ почиша безъ стражеи. Царевичъ же Маметкулъ пріиде внезапу, и поби ихъ ту.
И вѣдано бысть о семъ во градѣ; Ермакъ же съ иными казаками догна ихъ,

и, многихъ поби поганыхъ,

(97) Сп. видяще же православное воинство и покори ихъ Богъ православнымъ христіаномъ.
(98) Сп. Ябалакъ.

На четвертый день пріидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною Остяцкій князь именемъ Бояръ со многими Остяки, и привезоша съ собою многіе дары и запасы; и посемъ учали приходити многіе Татарове съ женами и съ дѣтьми, и учали жити въ прежнихъ своихъ юртахъ.

И на четвертый день пріидоша во градъ Остяки съ дары, князь ихъ и бояре.
По семъ учали приходити многія Татары съ женами и дѣтьми.

XVIII.

О убіеніи казаковъ на рыбной ловли подъ Яболаколъ.

Тое же зимы, Декабря въ ѕ (5) день, Волскимъ казакамъ, Ермакове дружинѣ, безъ опасенія идущимъ въ рыбной ловлѣ къ нѣкоему урочищу, иже зовется Яболакъ; казацы же быша въ стану своемъ; Царевичъ же Маметкулъ пришедъ внезапу и побиша ихъ безъ остатку.

Слышано же бысть во градѣ томъ убіеніе ихъ; Ермакъ же о семъ оскорбися много зѣло и на гнѣвъ подвижась, и возьярися сердцемъ вельми, и повелѣ дружинѣ своей препоясатися оружіемъ и шедъ на брань, и въ слѣдъ погнаша поганыхъ и постигоша ихъ подъ Яболакомъ. И тако воини повелѣніе Ермаково исполняютъ и мужески на поганыхъ нападаютъ и брань спускаютъ, и ото обою страну другъ на друга сурово и немилостивно наскачутъ, и отъ смертныхъ пораженій падаютъ трупія мертвыхъ ото обою странъ; уже бо нощнѣй тьмѣ нашедши и брань преста,

15. Той же зимы декабря въ ѕ день,

на рыбной ловли,

внезапу найде на Ермакову дружину царевичъ Маметкулъ,
безъ остатка побилъ ихъ.

Ермакъ же, слышавъ, много оскорбися, погна во слѣдъ ихъ,

и мужески порази Татаръ,

Погани же на бѣжаніе устремишася, Ермакъ же съ товарыщи возвратися во градъ Сибирь.

возвратися въ градъ здравъ.

ГЛАВА XVI.

О посланіи къ Государю въ Москву атамана съ ясакомъ и отпискою.

Егда же изволи Богъ Христіанскій Сибирскую христіаномъ взяти землю (99), и по взятіи, того же лѣта Ермакъ съ товарыщи послаша къ Москвѣ «скупчамъ» (100) атамана и казаковъ (101) и писаша ко Благочестивому Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу, всеа Россіи Самодержцу:

Того же лѣта посла Ермакъ съ товарыщи атамана и казаковъ къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всей Русіи, что

«Всемилостиваго, въ Троицѣ сла«вимаго Бога и Пречистыя Его Бо«гоматери и великихъ чудотворцевъ «всеа Россіи молитвами,—тебѣ же «Государя Царя и Великаго Князя «Іоанна Васильевича всеа Россіи «праведною молитвою ко всещедро«му Богу и счастіемъ — царство «Сибирское взяша, и царя Кучума «съ воп его побѣдиша, и подъ твою «царскую высокую руку покориша «многихъ живущихъ иноземцевъ, «Татаръ и Остяковъ и Вогуличъ, и «къ шерти ихъ, по ихъ вѣрѣ, при«вели многихъ, чтобъ быти имъ «подъ твоею государскою высокою «рукою до вѣка, юкамѣсть Богъ из«волитъ вселенныѣй стояти,—и ясакъ «давати тебѣ Великому Государю «всегда, во вся лѣта, безпереводно. «А на русскихъ людеи имъ зла «никакого не мыслити, а которые «похотятъ въ твою государскую «службу—и тѣмъ твоя государская «служба служити прямо, недругомъ «твоимъ государскимъ ни въ чемъ

его государьскимъ счастіемъ царство Сибирское взяша.

---

(99) Г. Сп. Егда изволи Богъ христіанамъ Сибирскую землю взяти.

(100) Сп. съ ясакомъ; въ «Новомъ Лѣтописцѣ»—«саунчукомъ»; въ одной изъ старинныхъ грамматъ (Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. 2, № 66) употреблено слово «сююндюкъ» въ смыслѣ гонца. «*Сеунчъ* — слово татарское и значитъ — *вѣсть*» (Карамзинъ, И. Г. Р. т. V, примѣч. 329).

(101) Сп. атамана изъ казаковъ.

а погании побѣгоша; Ермакъ же съ дружиною своею возвратившась во градъ.

XXI.

Ермакъ же съ вои своими возвратившася (изъ Назыма) во градъ Сибирь, и о томъ изъ Сибири атаманы и казаки, *Ермакъ* Тимоѳеевъ съ товарищи, *къ честнымъ людемъ* къ Семену и Максиму и къ Никитѣ, въ ихъ городки, *писаша:* егда Господь, въ Троицы славимый Богъ, изволи убо одолѣти имъ Кучума Салтана, и градъ его стольный взять въ Сибирской его землѣ, и сына его Царевича Маметкула жива взяша. И тогда Семенъ и Максимъ и Никита *Строгоновы,* изъ острожковъ своихъ, по ихъ атамановъ и казаковъ отпискамъ, *писаша* къ Москвѣ благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, *о взятіи и одолѣніи Сибирскія земли* и пятіи Царевича Маметкула; послѣди же того *и сами,* не во мнозѣ времени *пришедше къ Москвѣ,* и *Государю* о всемъ *о томъ извѣстиша* вся по ряду: *како* изъ острожковъ своихъ *казаковъ* Волскихъ съ своими людьми *отпустиша въ Сибирскую землю, войною на Сибирскаго Царя Кучума,* и о взятіи Кучумова сына Царевича Маметкула, и града его стольного Сибири, и о отгнаніи Царя Кучума, и о усмиреніи Сибирскія земли, *все ему* Государю *повѣдаша. И Государь* Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, *за ихъ службу и радѣнье, пожаловалъ* городы Солью большею, еже есть на Волгѣ, и Солью малою, и грамоту свою Царскую на тѣ мѣста Семену Строгонову пожаловалъ, за красною печатью, за приписью Посольскаго Дьяка Андрѣя Щелкалова, почему ему тѣми городами владѣти, а Максима и Никиту Строгоновыхъ же пожаловалъ, въ го-

и здравъ возвратися.

«не спускать, елико Богъ помощи «сподастъ, а самѣмъ имъ не измѣ- «нить, къ царю Кучюму и въ иные «орды и улусы не отъѣхать, и зла «на всякихъ русскихъ людей ни- «какова не думать, и во всемъ ира- «вомъ постоянствѣ стояти» (102).

Атаманъ же и казаки къ Москвѣ пріѣхаша. Повѣдано же бысть Государю Царю. О сихъ (103) благочестивый Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи слыша и повелѣ отписку у нихъ принять и вычесть предъ своимъ царскимъ лицемъ. И егда услыша Государь Божію помощь и силу яко снабди Господь Богъ царство его, и пространство даруетъ, и покоряетъ непокоривыя, и повинны творитъ враги его, и подручны супостаты его, тогда же прослави Бога и Пречистую Его Матерь, яко яви свою такову пребогатую милость: не отъ многихъ вой такова побѣда бысть. Ермака же своимъ царскимъ жалованіемъ, заочнымъ словомъ, пожаловалъ, казаковъ же пожаловалъ Государь своимъ государьскимъ жалованіемъ, деньгами и сукнами, и паки отпусти ихъ въ Сибирь къ Ермаку съ товарыщи; Ермаку же и прочимъ атаманомъ и казакомъ посла Государь свое государское жалованье многое, за ихъ къ нему Государю службу и за пролитіе ихъ крови.

Казаки же пріѣхавъ къ Москвѣ; и повѣдано бысть Государю о семъ,

и повелѣ у нихъ отписку приняти и предъ собою чести;

и слышавъ сія

и прослави Бога.

Казаковъ же пожаловалъ Государь деньгами и сукнами, и въ Сибирь послалъ Государь къ Ермаку и казакомъ съ жалованіемъ.

ГЛАВА XVII.

О взятіи въ плѣнъ Маметкула.

По семъ же пріиде въ градъ къ Ермаку Татаринъ, именемъ Сенбахта (104), и повѣда Ермаку, что царевичъ Маметкулъ, Кучюма царя сынъ, стоитъ на рѣцѣ Вагаѣ, суть же отъ града Сибири яко поприщь сто. Ермакъ же послалъ нѣкото-

Пріиде къ Ермаку Татаринъ

и повѣда, что царевичъ Маметкулъ

стоитъ на рѣцѣ Вогаю, отъ града яко сто поприщъ. Ермакъ же посла нѣкихъ казаков-

(102) У г. Сп. отписка эта внесена въ текстъ лѣтописи въ видѣ изложенія ея содержанія, а не какъ подлинникъ.

(103) Сп. Государю о сихъ;

(104) Сп. Сенбохта.

родкѣхъ и въ острожкѣхъ ихъ торговати имъ, и у нихъ всякимъ людемъ безпошлинно.

XXII.

О посланіи казаковъ Государю, къ Москвѣ, съ отписками бити челомъ Государю Царю и объявляти свою службу.

Тогда же они *атаманы и казаки* Волстіи, *Ермакъ* Тимоѳеевъ *съ дружиною* своею, изъ Сибири *писаше къ* Москвѣ *Государю* Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, *о взятіи града* столнаго *Сибири* (*), и о отгнаніи Царя Кучума, и о ятіи Царевича Маметкула, и о усмиреніи Сибирскія земли. И слышавъ Государь милость Божію, что Богъ ему, Государю, покорилъ Сибирскую землю, и Царевича Маметкула взята жива, и тѣхъ казаковъ пожаловалъ, кои къ нему Государю пріѣхали съ тою вѣстію, великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, и сукнами, и камками; а кои въ Сибири атаманы и казаки, и тѣмъ Государь пожаловалъ, велѣлъ послать имъ свое Государево полное большое жалованье, и воеводъ велѣлъ отпустить съ людьми служилыми въ Сибирскіе городы, которые ему Государю Богъ поручилъ, а Царевича Маметкула указалъ Государь къ Москвѣ послати.

XIX.

Како Кучумова сына, Царевича Маметкула, взяша жива.

Тое же весны, по водополію, пришелъ во градъ Татаринъ именемъ Сенбохта, а сказалъ, что Царевичь Маметкулъ стоитъ на рѣцѣ Вогаѣ;

16. Посемъ и того Кучума сына, царевича Маметкула

(*) Разноголосица съ предъидущею главою.

рыхъ товарства своего умныхъ (105) и искусныхъ мужей ратному дѣлу. Поидоша же сіи воини и дошедше до стана (106) ихъ и нападоша нощію, овѣмъ спящимъ, овѣмъ же неспящимъ, и многихъ поганыхъ побиша. Царевича же шатра дондоша, и объидоша, и жива яша царевича Маметкула со всѣмъ богатствомъ. Приведоша же сего во градъ Сибирь къ Ермаку съ товарыщи. Ермакъ же пріятъ сего; повѣдаетъ же ему царское великое жалованіе и ублажаетъ ласкосердыми (107) словесы. Царь же Кучюмъ ожида сына своего Маметкула многое время; пріидоша же къ нему вѣстницы и повѣдаша ему, яко плѣненъ есть сынъ его Маметкулъ; слышавъ же и болѣзнова о немъ, и много въ болѣзни плакася царь и весь домъ его на много лѣто (108).

ковъ,
искусныхъ ратному дѣлу.

Они же, пришедъ, нападоша нощію,
и побиша многихъ;
дондоша же до шатра царевичева,
и обыдоша шатеръ его, и взяша его жива со всѣмъ богатствомъ, и привезоша во градъ.

Ермакъ же утѣша его словесы

и государьскимъ жалованьемъ.

Царь же Кучумъ ожида сына своего многое время,
и нѣкоторые пришедъ повѣдаша Кучуму, яко сынъ его взятъ въ полонъ и весь дворъ его,—
и много плакася по немъ.

ГЛАВА XVIII.

О приходѣ князя Сейдяка Бекбулатова съ воинствомъ на Кучума.

Пріидоша же вѣстницы ко царю Кучюму и повѣдаша ему яко идетъ на него съ воинствомъ многимъ князь Сендякъ, Бейбулатовъ сынъ, изъ Бухарскія земли, иже отъ убіенія его крыяшеся тамо (109) и воспомяну отечество свое, и наслѣдити (110) восхотѣ, и отмстити кровь отца своего Бекбулата хощетъ. Царь же Кучюмъ слышавъ сіе отъ повѣдающихъ ему и убояся страхомъ велінмъ зѣло и недоумѣяшеся и брежаше стражу перваго бою иже бысть отъ русскаго полка (111). (П)о семъ же думной его Карача, иже бысть въ дому его

По семъ же и Карача отъ него

(105) Сп. нѣкоторыхъ товарищей полка своего юныхъ.
(106) Сп. на станы.
(107) Сп. милосердыми.
(108) Сп. время.
(109) Сп. крыестася.
(110) Сп. на семъ жити.
(111) Сп. . . . . страхомъ великимъ зѣло, еще бъ изыдоша изобильно стражу перваго, въ ней же бысть отъ русскыя полку.

и; нѣцы отъ Ермаковы дружины поидоша на Вогап, и дошедше мѣста того и нападоша нощію на станъ Царевичевъ, и много погаными побища, и Царевича Маметкула жива яша, и во градъ къ себѣ приведоша его.

жива взя

Царь же Кучумъ много стоя на рѣцѣ Ишимѣ, ожидая сына своего Маметкула; не по мнозѣ времени пріидоша къ нему вѣстницы и повѣда ему вся по ряду, и яко сына Маметкула казаки полониша;

Царь же Кучумъ о семъ не мало болѣзнуетъ, скорбію велією одержимъ зѣло, ради сына своего Маметкула.

XX.

О приходѣ князя Сейдека, Бекбулатова на Царя Кучума.

И по малѣ времени, пріидоша къ нему инѣи вѣстницы, и сповѣдаша ему, яко идетъ на него князь Сейдекъ, Бекбулатовъ сынъ, со многими воинскими людьми;

Царь же Кучумъ, слышавъ то, вельми устрашися зѣло.

съ своими людьми, отъиде отъ царя Кучюма и не восхотѣша быти въ повиновеніи предъ нимъ (112). Слышавъ же царь сія восплакася плачемъ великимъ и рече: «его же Богъ не помилуетъ—того и любимые друзи оставляютъ и бысть яко враги!» Карача же прінде къ Ялыпскому (113) озеру, иже вверхъ рѣки Иртыша межъ рѣки Тары и рѣки Оми и ту пребываше.

отъиде,
не восхотѣ быти въ повиновеніи отъ него,

прінде къ Юлымскому озеру, иже вверхъ Иртыша и межъ Оби,
и ту пребываше.

ГЛАВА XIX.

О храбрости Ермаковѣ и о взятіи Назима, остяцкаго городка.

Храбровавъ же Ермакъ (114) съ дружиною по всей Сибирской земли, ликовахъ стопами свободными, ни отъ кого же устрашающися, страхъ бо Божій на всѣхъ бяше живущихъ тамо, яко мечъ обоюду остръ, идый предъ лицемъ русскаго полка, пожиная ихъ и страша (115); повоева же (116) многія городки и улусы по рѣкѣ Иртышу и по великой Оби и назимскій городокъ взяша остяцкой со княземъ ихъ и со всѣмъ богатствомъ. Возвратишася же въ градъ Сибирь съ радостію веліею и корыстію.

По семъ же храбрый Ермакъ

повоева многіе городки и улусы по рѣкѣ Иртышу и по великой рѣки Оби, назимской городокъ взяша и со княземъ ихъ и со всѣмъ богатствомъ.

ГЛАВА XX.

О прибытіи въ Сибирь воеводъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова и о гладѣ.

Въ лѣто ≠ЗЧѢ (7091—158¾) Благочестивый Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, всеа Росіи Самодержецъ, посла въ свою державу, въ Сибирь, воеводъ своихъ князя Семена Болховскаго да Ивана Глухова со многими воинскими людьми. Въ то же время бысть во градѣ Сибири гладъ крѣпокъ, да егда пріидоша воинстіе

IV. Лѣта ≠ЗЧа присла Государь

въ Сибирь воеводъ своихъ князь Семена Глухова да Ивана Болховскаго (*) со многими воинскими людьми. Въ тоже время въ Сибири бысть гладъ крѣпокъ.
Егда же пріидоша множество войска

(112) Прежнемъ.
(113) Сп. Юломскому; вѣроятнѣе предположить, что къ озеру въ волости Оялы, которая дѣйствительно была между Иртышемъ и Обью.
(114) Сп. храбровавшу Ермаку.
(115) Сп. устрашая всяко невѣріе.
(116) Сп. По воеваніи.

(*) Здѣсь фамиліи писцомъ по ошибкѣ явно перепутаны.

И по семъ его думчей Карача съ своими людьми отойде отъ него; Царь же Кучумъ плакася горько и рече къ себѣ: «его же Богъ не милуетъ, тому и честь на безчестіе приходитъ; того и любиміи друзи оставляютъ.» Карача же пришедъ въ Лымскую землю, и нача жити на большемъ озерѣ, выше рѣки Тары, близъ рѣки Сосмы.

XXI.

О буйствѣ и храбрости Ермаковѣ, и о взятіи Назыма града и о убіеніи Никиты Пана Волскаго атамана съ его дружиною.

Того же лѣта, храбрствующу Ермаку съ дружиною своею, и обнажиша мечи свои на нечестивые, и толико въ крѣпости меча своего многіе городки и улусы Татарскіе по рѣкѣ Иртишу и по великой Обѣ, и Назымъ градъ Остяцкой взяше со княземъ ихъ; и въ томъ хожденіи погани убиша подъ городки своими на приступѣ атамана *Никиту Пана съ его дружиною.*

XXIII.

О посланіи съ Москвы Государевыхъ Воеводъ въ Сибирь Князя Семена Болховскаго, да Ивана Глухова.

И во второе лѣто, по взятіи Сибирскія земли, послалъ Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, съ Москвы, Воеводъ Князя Семена Болховскаго, да Ивана Глухова, со множествомъ воинскими людьми, въ Сибирь; атаманы же и казаки стрѣтоша ихъ съ великою честію; Государевы же Воеводы, по Государской росписи Государево имъ жалованье объявиша, и пришедъ въ городъ въ Сибирь и имъ даша. Они же атаманы и казаки, Государевыхъ Воевод одариша драгими собольми, и лисицами и всякою мягкою рухлядью, елико кто что можаху, и радости наполнишася, и

18. И во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли послалъ Царь Государь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи воеводъ своихъ Князя Семена Болховскаго да Ивана Глухова со множествомъ воій; и здравы пріидоша въ Сибирь.

людіе, паппаче гладу обдержащу, мнози же гладомъ умроша.

паппаче гладъ: и мнози отъ глада умроша,

И князь Семенъ умре тý же и погребенъ бысть. Бѣ же гладъ зимнею годиною (117).

и князь Семенъ умре. Гладъ же бѣ зимою.

Егда же пріиде весна тогда начаша Татаровя и Остяки отъ ловитвъ своихъ приносити во градъ многіе запасы и паки быша во градѣ изобильны житными и овощными и прочими яже (118) на потребу.

Егда же пріиде весна—начаша Татарове и Остяки приносити запасы отъ ловитвы во градъ, и паки бысть отрада велія отъ гр(л)ада.

(117) Си. порою
(118) Си. юже.

веселяхуся благодаряще Бога, видя къ себѣ Государское жалованье, что къ нимъ пожаловалъ Государь послалъ за ихъ атаманскую и казачью службу.

XXIV.

Како въ Сибири бысть гладъ людемъ.

Тое же зимы, егда пріидоша Московстіи воп въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и тіи изълдоша, а *казацы запасъ пасяху, смѣтяся по своимъ людемъ*, а того *не вѣдуще Московскія силы людей пришествія* къ себѣ; и того ради бысть оскудѣніе веліе всякимъ запасомъ, и многи отъ гладу изомроша Московстіи воп и казаци, и Воевода Князь Семенъ Болховскій тожъ умре, и положенъ бысть въ то время въ Сибири. И по семъ убо зимняя година проіиде, мразу и студени облегчевшу отъ солнечныя теплоты, и настомъ наставшимъ, и звѣриной ловлѣ лосьей и оленьей приспѣвшу, и тѣмъ людемъ питающеся и гладу облегчеваюшу, и егда весна приспѣвшу, и отъ теплости воздуха снѣгу растаявшу, и всяка тварь ботѣюще, и древесамъ и травамъ прорастающимъ, и отверзеніе водамъ бысть, тогда убо всяко животно веселящеся, и птицамъ прилетающимъ въ та мѣста плодовъ своихъ ради, и въ рѣкахъ рыбамъ плоду ради ходящимъ, и рыбной ловлѣ и птичьей бывшу много множество, и тою ловитвою питавшеся, и гладу людемъ не бысть, а кои языцы окрестъ живуще того мѣста, Татаровя, и Остяки и Вогуличи привожаху имъ запасы отъ звѣрей, и птицъ, и рыбъ и отъ скотъ вельми множество, кои подъ его Государевою рукою бысть дальни и ближни, и отъ товаровъ драгихъ, отъ всякія мягкія рухляди. Тогда Московстіи людіе и казацы, Божіею милостію, всякими брашны изобильны быша и богатства себѣ приобрѣтаютъ множества, отъ торгу мягкія рухляди, и пребывающе

19. Казацы же о нихъ не вѣдуще, запасу токмо при (про) себе имуще.

И того ради гладъ постиже ихъ и мнози изомроша отъ глада того.

И Князь Семенъ Болховской умре и погребенъ бысть въ Сибирѣ.

Егда же приспѣвше на звѣри ловля—облегчахуся отъ глада.

А весна пріиде и вода отверзеся—и множество птицъ Остяки приношаху имъ изобильно.

Они же, Бога благодаря, питахуся.

ГЛАВА XXI.

О посланіи царевича Маметкула къ Москвѣ.

Того же лѣта царевича Маметкула, Кучумова сына, посланна изъ Сибири въ царствующій градъ Москву со многими воинскими людьми. До того же ихъ пріѣзду, на Москвѣ, Богу изволившу, Благочестивый Государь, Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, всеа Россіи Самодержецъ, къ Господу отъиде въ вѣчный покой; по своемъ же преставленіи на свой царскій престолъ повелѣ возвести сына своего Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Россіи Самодержца,— еже и бысть. И привезоша (119) же воинстіе людіи царевича Маметкула въ царствующій градъ Москву, и по повелѣнію же Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Россіи встрѣча была ему честна и на пріѣздѣ Государь того царевича пожаловалъ своимъ царскимъ жалованіемъ многимъ, такожде (120) и служилыхъ людей, которые за нимъ присланы были Государь пожаловалъ деньгами и кормомъ и выходными сукнами (121).

Того же лѣта посланна царевича Маметкула къ Москвѣ со многими воинскими людьми.

Въ то же время Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ преставися,

и по повелѣнію Государя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи—царевичу стрѣча была честна,
и пожалова Государь царевича своимъ государевымъ жалованіемъ,
и служилыхъ людей, которые съ нимъ присланы,
деньгами, сукнами и кормомъ.

ГЛАВА XXII.

О убіеніи атамана Ивана Кольца и съ нимъ 40 человѣкъ.

Того же лѣта пріидоша къ Ермаку отъ Карачи послы и просиша людей оборонити ихъ отъ (122) Казачьи Орды, даша же на томъ шерть по своеи вѣрѣ, что никакого зла на казаковъ не мыслити. Ермакъ же—съ товарыщи посовѣтова и повѣриша ихъ безбожному

Того же лѣта пріидоша отъ Карачи къ Ермаку послы и просиша людей, оборонити ихъ отъ Казачьи-Орды, и даша на томъ по своеи вѣрѣ шерть, что никакого зла надъ казаками не сотворити.—

И повѣриша ихъ шертованію

(119) У Сп. Еже бысть и приведоша.
(120) У Сп. жалованьемъ, многихъ тако...
(121) У Сп. и сукнами.
(122) Сп. для.

въ радости и въ веселіи, благодаряще всемогущаго Бога, что дарова Богъ Государю такую благодатную землю.

XXV.

О посланіи Царевича Маметкула Кучумова къ Москвѣ.

По повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Воевода Иванъ Глуховъ и Сибирскіе атаманы и казаки, посланна ко благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, во царствующій градъ Москву, Царевича Сибирскаго Кучумова сына Маметкула, со многими его людьми; и второе отъ Государя, съ Москвы въ Сибирь, атаманомъ и казакомъ, бысть великое жалованье.

17. Иославъ его (Маметкула) къ Москвѣ къ Государю съ писаніемъ съ дружиною своею.

XXVI.

О убіеніи атамановъ Ивана Кольца и Якова Михайлова съ дружиною.

Того же лѣта, пріидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною, отъ Карачи послы просити людей, оборонити ихъ отъ Нагайской орды, и шертоваша на томъ, что ни котораго зла казакомъ не учинити и не мыслити.

Ермакъ же съ-дружиною повѣрища ихъ безвѣрному шертованію, а они злі Агаряне совѣщаша совѣтъ неблагодарный на Христіанъ; казацы же оскудѣша умы своими, и не помянуша реченнаго Пророкомъ: не всякому духу вѣруйте, но изпытай-

20. Того лѣта пріиде отъ Карачи посолъ къ Ермаку, прося обороны отъ Ногайскихъ людей: и на томъ шертвова, что не учинитъ зла.

Ермакъ же съ дружиною, не уразумѣ л(ют)ости ихъ,

и лукавому шертвованію и

отпустиша къ нему атамана именемъ Ивана Кольца, съ нимъ м̄ (40) человѣкъ.
И егда пріидоша сіи воини (123) къ нечестивому Карачи — и внезапу вси избіени быша отъ нечестиваго Карачи. Слышано же бысть во градѣ, яко сіи воини побіени быша отъ нечестиваго Карачи, Ермакъ же и казаки, дружина ихъ рыдаху (124) на многъ часъ, яко по чадѣхъ.

Випде же сіе во уши (125) поганымъ яко атамана Ивана Кольца и прочихъ побиша, — и начаху во многихъ мѣстѣхъ казаковъ побивати гдѣ обрѣтаеми бываху, по волостемъ и по улусомъ.

и даша имъ атамана Ивана Кольцова, а съ нимъ сорокъ человѣкъ казаковъ. И егда же пріидоша къ нему въ городъ, —

и вси побіени быша отъ него.
И слышано бысть во градѣ Сибири казакомъ убійство сіе,
и плакаша по нихъ Ермакъ и прочіе казаки.

Слышано же бысть поганымъ, яко атамана Ивана Кольцова и иныхъ казаковъ побіени — и начаша вездѣ казаковъ побивати, гдѣ обрѣтающе, по волостемъ и по улусомъ.

ГЛАВА XXIII.

О приходѣ Карачи подъ градъ Сибирь и о побѣдѣ надъ нимъ.

Того же лѣта, во время великаго-поста, пріиде Карача со многими вопискими людьми, и обтекоша градъ Сибирь обозами и табары поставиша;

самъ же Карача ста въ нѣкоемъ мѣстѣ, иже зовемъ Саусканъ, отъ

Того же лѣта, въ великій-постъ, пріиде Карача со многими вопискими людьми, и облегоша градъ Сибирь обозами, и табары поставиша.

Самъ же Карача ста въ нѣкоемъ мѣстѣ, иже зовется Саусканъ,

---

(123) Сп. сыны.
(124) Сп. и съ дружиною плакаху и рыдаху.
(125) Сп. аки о чадѣхъ. Випдежъ въ умы сіе.

те духи; не всякъ бо духъ отъ Бога есть, есть бо духъ Божій и духъ льстечь; и льсти и лукавства ихъ окаянныхъ не уразумѣша, и нрава ихъ не вѣдуща, что сверхъ ихъ шерти емлютъ у нихъ аманатовъ, ихъ ради злаго пронырства и непостояньства лукаваго Карачина, и невозмогоша домыслитися,
и отпустиша къ нему атамана Ивана Кольца, да съ нимъ м̃ (40) человѣкъ,
и тіи сами предашася въ руки окаяннымъ и нечестивымъ врагомъ безбожнымъ Агаряномъ,
и тамо вси сіи избіени быша отъ нечестиваго Карачи. Слышано же бысть во градѣ атаманомъ и казакомъ, что атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною своею побіени быша, и рыдаху горько по нихъ вся братія, плачуще изъ глубины сердца. Вниде же сія во уши поганыхъ Агарянъ, которіи живяху близь града того, яко атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною побіени быша, тогда атаманъ Яковъ Михайловъ, хотя надъ окаянными промыслъ учинити, пойде подъ нихъ въ подсмотръ; они же окаяннїи яше его и убиша: и тако сіи добрїи и храбрїи воини атаманы скончашася.

отпусти съ ними атамана Кольца, да съ нимъ м̃ (40) человѣкъ.

Врази же окаяннїи побиша ихъ немилостиво всѣхъ.

XXVII.

О приходѣ подъ городъ Карачинъ и о побѣдѣ и о убіеніи сыновъ его.

Того же года, во время святаго великаго поста, егда наставше мѣсяцъ Мартъ, въ то же время настоящія тоя годины, прінде Карача со многими своими людьми въ силѣ и въ мощи своеи, облегоша весь градъ обозами;
самъ же Карача сталъ не въ коемъ мѣстѣ, зовомомъ Саусканъ, отъ града яко поприща за три. Казацы же пребывающе во осадѣ не мало время, зима уже мимопде, прилѣтіе же прінде, веснѣ приспѣвшу, потомъ же и лѣту дошедшу, земля прошибающе злакъ свой и возрастающе семена своя и птицамъ возлѣваю-

21. Того же года во время святаго и Великаго Поста прінде Карача со многими своими людьми и облегоша весь градъ обозами.

Самъ же Карача ста отъ града яко поприща три на мѣстѣ Саусканъ,

града яко три поприща (126), многую тѣсноту творяще *граду же данома* (гражданомъ) и тако стояще до пролѣтія.

отъ града яко три поприща, и многую тѣсноту дѣюще гражаномъ. И

Егда же бысть мѣсяцъ Іюнь, въ тоже время изыдоша изъ града Сибири казаки таи и пріидоша къ станомъ Карачинымъ

стоя до мѣсяца іюня.
Казаки жъ тайно изыдоша изъ града, и пріидоша къ станомъ Карачановымъ въ Саускань,

въ Саускань и нападоша нань нощію.

и нападоша на нихъ,

Они же спяще безъ всякаго опасенія;

и побиша множество нечестивыхъ Татаръ;

дву же сыновъ Карачиныхъ убиша; прочіе же Татаровя разбѣгошася вразнь; Карача же и съ нимъ немнозіи за езеро убѣгоша; инін же бѣжаша, идѣ же прочіи стояше во обступленіи града и повѣдаша имъ вся бывшая нань (127); слышавъ же сія тіи, иже (128) стояща во обступленіи града, и прибѣгоша въ Саускань надѣяхуся

(126) По списку Карамзина—*десять поприщъ* (П. Г. Р. т. IX, пр. 716).
(127) Сп. вся бывшая.
(128) Сп. они же слышавше сія таже.

щимъ, но вкратцѣ реку, вся суть обновляема, Карача же нимало отступи, но стоя во обступленіи града, хотя ихъ уморити гладомъ, и аки нѣкая ехидна, дыхая на казаковъ уклонишася въ злоокаянную свою мысль, хотя ихъ похитить, и простре руки своя окаянный на убьеніи казаковъ, и собраніе ихъ хотя себѣ взяти, и стоя подъ градомъ многое время.

хотя въ обступленіи уморити казаковъ.

И егда мѣсяцъ Іюнь наста и приспѣвшу дни к҃і (12) поврата зимняго, и въ то время, въ едину нощь, съ казацы же атаманъ Матѳей Мещерякъ изыдоша изъ града отай, гласу же ни виску никако же ни отъ единаго не бысть, и пришедъ къ станомъ Карачинымъ и умыслиша напасти на нихъ, и хотя отомстити наносимыя имъ отъ него тяжкія обиды, и поидоша на нечестиваго и лживаго супостата, и тамо ему жестоко и немилостивно отомщеніе покушахуся воздати; во градѣ же остася Ермакъ не со многими людьми. Пріидоша же прочіи казацы подъ Карачу въ Саусканъ, и мужески и храбро на станы ихъ нападоша, поганымъ же спящимъ безо всякаго опасенія, и милостію Божіею и Пречистыя Богородицы помощію,

Мѣсяца Іюня во второй-надесять день, совѣщася во едину нощь,

изы(доша изъ) града, поганымъ

спящимъ,

казацы же поганыхъ посѣкоша много множество, и дошедше близь Карачина стану,

и посѣкоша ихъ многое множество,

и дву сыновъ его убиша, поганіи же бѣгаютъ отъ казаковъ семо и овамо; самъ же Карача и съ нимъ не мнози за озера убѣгоша, и иніи же побѣжаша, идѣже поганіи стояша во оступленіи града, и уже нощи прошедши, свитающи дневи, поганіи же слышавше се отъ града вси скорятъ въ Саусканъ, надѣяхуся казаковъ смерти предати, и доидоша до нихъ и нача составляти брань, казацы же ни мало того устрашишася, но и паче укрѣпляшеся, поганіи же на нихъ жестоко приступающе,

и дву сыновъ Карачевыхъ убиша.

(129) казаковъ смерти предати, и нападоша нань.
Казаки же крыяхуся отъ нихъ, и на вылазку хожаше, и біющеся съ погаными крѣпце, и бысть брань (130) до полудне; и преста бранное ополченіе; Татаровя же отступиша отъ нихъ, казаки же во градъ возвратишася.

Видѣвше Карача яко казаковъ одолѣти не возможе—отъиде во свояси со срамомъ.

ГЛАВА XXIV.

О смерти Ермаковѣ и съ нимъ бывшихъ казаковъ.

Въ лѣто ≠ЗЧѲ (7092—1584) посланіемъ Божіимъ уготовися часъ и прінде (131) на воиновъ (132) смерть. —Пріндоша вѣстницы въ Сибирь, къ Ермаку съ товарыщи, и повѣдаша имъ, яко царь Кучюмъ не пропуститъ въ Сибирь (133). Ермакъ же не со многими воинскими людьми пойде на стрѣчу (134) ихъ по рѣкѣ Иртышу, въ стругахъ.—Дошедше до рѣки Вагая—Бухарядовъ (135) не обрѣтоша и паки шедъ по Вагаю вверхъ до мѣста иже (136) зовомо Обашъ (137)—и необрѣте, и отъ того (138) возвратися. Пришедши же нощи, казаки же утрудившеся отъ многаго пути, дондоша до перекопи и ту обночевавшеся, и поставиша станы своя, стра(жу) же крѣпку (139) не утвердиша: ослабѣша (140) умы своими, яко приходитъ смертный часъ.

и біющеся съ погаными крѣпко: бысть же брань до полудне.

И отступи Татарове, казаки же внидоша во градъ.

Видѣ же Карача, яко не возможе одолѣти казаковъ, возвратися со срамомъ во свояси.

Лѣта ≠ЗЧѲ (7092—1584)

Пріндоша отъ Бухарцовъ

вѣстницы, яко царь Кучумъ не пропуститъ ихъ въ Сибирь. Ермакъ же съ дружиною, не со многими людьми воинскими, пойде на стрѣчу ихъ по рѣцѣ Иртишу въ стругахъ; и дошедъ до рѣки Вагаю—Бухарцовъ не обрѣте; и паки поиде по Вагаю вверхъ до мѣста зовомаго Атбашъ—и не обрѣте; и возвратися, наставше нощи. Казаки же утрудишася отъ многаго пути и дондоша до перекопи и ту обночеваше,
поставиша станы своя и стражу.

---

(129) Сп. начаху.
(130) Сп. бранное ополченіе.
(131) Сп. пріндоша.
(132) Сп. воинскихъ людей.
(133) Сп. не пропустилъ въ Сибирь Бухарцовъ.
(134) Сп. встрѣчу.
(135) Сп. Бухарцовъ.
(136) Сп. ихъ.
(137) Сп. Атбашъ.
(138) Сп. оттолѣ.
(139) Сп. стражи жъ крѣпко.
(140) Сп. и ослабѣша.

казацы же отъ нихъ защищахуся въ Саускань, и тако бысть брань до полудни, и преста бранное ополченіе, поганіи же отступиша отъ нихъ, казацы же возвратишася во градъ свой радующеся, и веселящеся, и хвалу воздающе всемогущему Богу;
видѣвше же Карача, яко казаковъ одолѣти не возможе, и отойде во своясн съ срамомъ.

XXVIII.

О убіеніи *храбраго атамана* Ермака *съ Русскими вои.*

Того же лѣта, мѣсяца Августа въ ѕ (5) день, на предпразднество Преображенія Господня,
на память святаго мученика Евсигнія, пріидоша вѣстницы отъ Бухарцовъ торговыхъ людей, атаманомъ и казакомъ къ Ермаку съ дружиною и сказаша, что ихъ Царь Кучумъ не пропуститъ; и Ермакъ же не со многими людьми пойде на встрѣчу (по рѣкѣ) Иртишу, и пришедъ на Вогап Бухарцовъ не обрѣте, и дондоша до мѣста, зовомаго Атбашъ, и оттолѣ возвратишася, уже бо дни прешедшу и нощнѣй тьмѣ нашедши, казацы же зѣло утрудишася отъ многаго пути, и дошедше до перекопа и обночевавшеся ту.

Видѣвъ же Карача

со срамомъ отбѣже.

22. Того же лѣта мѣсяца Августа въ ѕ день

пріидоша вѣстницы отъ торговыхъ Бухарцовъ къ Ермаку съ дружиною
и сказаша, что ихъ Царь Кучумъ не пропуститъ.
Ермакъ же не со многими людьми, пойде на встрѣчу по рѣкѣ Иртишу, и не обрѣте Бухарцовъ и,

зѣло утрудишася,
дошедше до перекопа—
обночевашася.

Царь же, узрѣвъ ихъ, — и повели тоя нощи крѣпко стерещи ихъ (141) и многихъ Татаръ по многимъ мѣстомъ разосла. —
Тоя же нощи бысть дождь великій и въ полунощи пріидоша множество поганыхъ, казакомъ же спящимъ безъ всякаго опасенія, и нападоша на нь (142), токмо единъ казакъ утече.

Царь же Кучумъ увѣда о нихъ,

и многихъ Татаръ по многимъ мѣстомъ разосла.
Тоя же нощи бысть дождь вели̑й.
Въ полунощи нападоша множество поганыхъ, казакомъ же спящимъ безъ всякаго опасенія. И нападоша погани̑и и побиша ихъ: токмо единъ казакъ утече.

Ермакъ же видѣ своихъ воиновъ отъ поганыхъ побѣенныхъ, и ни отъ кого же видѣ (143) помощи имѣти живоу своему, и бѣже (144) въ стругъ, и не може (145) дойти, понеже одѣянъ бѣ желѣзомъ, стругу же отилывшу (146) отъ брега и, не дошедъ, утопе (147)!—

Ермакъ же видѣ свое войско побито,

и ни отъ кого же помощи не имѣя, и побѣже въ стругъ свой и не може дойти, понеже одѣянъ желѣзомъ; стругу же отилывшу отъ брега—и не дошѐлъ: утонулъ!

Божіимъ бо судомъ (148) пріиде на воины смерть и тако живота своего гонзуша (149). Убіенъ же бысть мѣсяца Августа въ ѕ̃ (5) день.
Слышавъ же *сія* во градѣ остающая, яко атаманъ Ермакъ убіенъ бысть и съ прочими — плакахуся по немъ плачемъ великимъ зѣло на многое время.

Сіе же быша августа въ ѕ̃ (5) день.
Слышавше же сія во градѣ, яко Ермакъ убіенъ бысть —
и плакахуся по нихъ,

---

(141) Сп. царь узрѣ ихъ и повелѣ тоя нощи крѣпко стрещи.
(142) Сп. на нихъ;
(143) Сп. видя.
(144) Сп. побѣже.
(145) Сп. не возможе.
(146) Сп. стругъ же отилывше отъ брегу

(147) Сп. утону.
(148) Сп. Божіими судьбами.
(149) Сп. гонзднуша (зишася).

Царь же Кучумъ подсмотри ихъ, и разосла многихъ Татаръ, и повелѣ твердо стрещи;

тое же нощи бысть дождь великъ, погании же, аки ехидна пѣкая, дышуще на Ермака съ дружиною, и мечи своя готовляху на отомщеніе, уповаху наслѣдити, конецъ желаемаго своего дѣла возхотѣша учинити; время же бѣ наста яко въ полунощи, Ермакъ же съ дружиною спаху въ станѣхъ въ полагахъ, погании же яко неистово дышуще готовляшеся на пролитіе крови, и разумѣша, яко время есть уже хотѣніе свое исполнити, и скоро оружіе свое изваскоша, и на станъ ихъ нападаютъ, и обнаженными мечи погубляютъ ихъ, и тако ту всѣ избіени быша, единъ токмо утече; а велеумный и храбрый риторъ Ермакъ убіенъ бысть.

Послѣди же *ляцы глаголютъ отъ языкъ* о томъ, яко возпрянувъ ту храбрый вашъ воинъ и Ермакъ отъ сна своего, и видѣ дружину свою отъ насъ побиваемыхъ, и ни коея надежды можно имѣти ему животу своему, и побѣже въ стругъ, и не може допти своихъ си, понеже бо въ дали разстояніе, и туто ввержеся въ рѣку и утопе; *но* посланіемъ Божіимъ прииде на воиновъ храбрыхъ и крѣпцыхъ казацевъ внезапу смерть, и тако животъ свой скончаша. Слышано же бысть во градѣ атаману Матѳею Мещеряку съ дружиною, яко начальный атаманъ, велеумный Ермакъ съ дружиною, побьени быша, они же во градѣ плакахуся по нихъ горько.

Подсмотри же ихъ ту Кучумъ Царь и повелѣ многимъ Татаромъ твердо стрещи ихъ.

Нощію же дождю велику шедшу,

погании готовляхуся,

о немъ же (оцымъ, казакамъ,) въ пологахъ спящимъ невѣдущимъ,—

въ полунощи нападоша на нихъ окаяннїи обнаженными мечи, увы! погубляю всѣхъ; единъ токмо утече—и велехвальный Ермакъ убіенъ бысть! Послѣди же глаголютъ о немъ *языци*, яко воспрянувъ храбрый вашъ воинъ Ермакъ видѣ дружину свою побиваемыхъ, побѣже въ стругъ и не може допти своихъ си и ту ввержеся въ рѣку и утопе, — а прочіи избіени быша.

23. Слышавъ же сія дружина ихъ Матѳеи Мещерякъ, съ остав-

ГЛАВА XXV.

О походѣ казаковъ къ Руси.

По убіеніи же Ермака (150) съ дружиною, оставшаяся во градѣ Сибири, видяще яко наставника ихъ Ермака злочестивіи Татарове (151) убиша и съ дружиною его съ прочими казаками, — и убояшася жити во градѣ, и изыдоша изъ града, и поплыша внизъ по Иртышу и по Великой-Оби, и черезъ Камень къ Руси *бѣжавше* (152);—градъ же Сибирь оставиша пустъ.

и убояшася жити во градѣ, и изыдоша изъ града, поплыша внизъ по Иртишу и по Великой Оби, черезъ Камень *побѣгоша* къ Руси, градъ же Сибирь оставиша пустъ.

ГЛАВА XXVI.

О приходѣ во градъ Сибирь Алея и Сейдека.

Егда *же* изъ града казаки побѣгоша, тогда же увѣдавше царевичъ Алей, Кучюмовъ сынъ, яко казаки побѣгоша изъ града, градъ же остася пустъ, — пріиде съ воинскими людьми и вниде во градъ и водворися (153) ту.

Увѣдаша же сіе Алей, Кучумовъ сынъ, яко побѣгоша казаки и Сибирь оставиша пусту,
и пріиде съ воинскими людьми и водворися ту.

Слышавъ же сія князь (154), Бекбулатовъ сынъ, яко атаманъ Ермакъ съ товарыщи на перекопи убіени быша, прочіи же бѣжаше изъ града, и яко облада градомъ царевичъ Алей, Кучюмовъ сынъ, и собрашася со всѣмъ домомъ своимъ и съ воинскими людьми и пріиде ко граду Сибири, и градъ взя, и царевича Алея и прочихъ побѣди, изъ града изгна. Пріемлетъ же сей отчину отца своего, Бекбулата, и тако пребываше во градѣ.

Слышавъ же сіе князь Сейдякъ, Бекбулатовъ сынъ, собрася со всѣмъ домомъ своимъ
и съ воинскими людьми,
и вся градъ Сибирь,
и царевича Алея и прочихъ побѣди, изъ града изгна и пріятъ отчину отца своего Бекбулата.

ГЛАВА XXVII.

О приходѣ изъ Москвы воеводы Мансурова.

Во второе же лѣто по Ермакова (155) убіеніи пріиде съ Москвы *въ Сибирь* (156) воевода Иванъ Мансуровъ съ воинскими людьми и до-

Во второе же лѣто пріиде съ Москвы, по убіеніи Ермаковѣ, въ Сибирь воевода Иванъ Мансуровъ съ воинскими людьми, и доплыша

(150) Сп. Ермаковѣ.
(151) Сп. злочестивые Татарове.
(152) Сп. бѣжаша.
(153) Сп. водвористася.
(154) Сп. Князь Сейдекъ.

(155) Сп. Ермаковѣ (значитъ въ 1585 году).
(156) У г. Сп. нѣтъ.

XXIX.

О походѣ казаковъ на Русь.

И не по многѣхъ днѣхъ атаманъ Матѳеи Мещерякъ со оставшими казаки *поидоша* на Русь, а градъ оставиша Сибирь пустъ.

шимися казаками, *поидоша* на Русь, градъ оставиша,

XXX.

О приходѣ Царевича Аллія Кучумова во градъ.

Егда же они казаки изъ града изыдоша, тогда Царевичь Алли, Кучумовъ сынъ, видѣ бо казаковъ *изшедшихъ* изъ града, и пришедъ съ своими людьми во градъ; посемъ и отецъ его Царь Кучумъ прiиде ту во градъ свой стольный Сибирь, радовашеся.

24. и видоша въ онь Царь Кучумъ съ сыномъ и возрадовашася.

XXXI.

О приходѣ Сейдековѣ.

Виде же сiя во уши князю Сейдеку Бекбулатову сыну, яко вожь и наставникъ казачей, атаманъ Ермакъ, убiенъ бысть, а прочiи казаки изъ града *поидоша*, и сему Татарове радовахуся и веселяхуся вельми зѣло, понеже боязнь велiю отъ нихъ имѣяху; потомъ князь Сейдекъ Бекбулатовъ небоязненно прiиде ко граду Сибири, и Царя Кучума побѣди и градомъ Сибирью облада.

XXXII.

О второмъ приходѣ съ Москвы Воеводы Ивана Мансурова, и о возвращенiи Волскихъ казаковъ атамана Матѳея Мещерякa съ товарищи и съ прочими оставьшимися воинскими людьми, iже прежде бывшихъ въ Сибирской землѣ войною.

Во второе лѣто по Ермаковѣ убiенiи, въ лѣто $\neq$ЗЧД (1586) году, послѣ Семенова дни лѣтопроводца, посла Государь изъ цар-

25. И егда прiиде Матѳеи съ дружиною на Туру рѣку,—срѣтеся съ воеводою съ Иваномъ Мансуровымъ, —

плыша до рѣки Иртыша; Татаръ же множество собрашеся въ уроченномъ (157) мѣстѣ у рѣки Иртыша на брегу. Воевода же видѣ таковое собраніе поганыхъ и слыша, яко казаки побѣгоша изъ града, — и убояся (158), и не приста ко брегу, но поплыша вниз по Иртышу, доплыша до великой рѣки Оби, бѣ бо тогда уже ссень (159) ледъ въ рѣкахъ смерзается (160).

Иванъ же Мансуровъ видѣ яко наставаше (161) зима и повелѣ поставити градокъ (162) надъ рѣкою Обью, противъ иртышсково устья и сяде (163) въ немъ съ воинскими людьми — и тако озимѣвше (164).

до рѣки Иртиша,

и видѣша на брегу поганыхъ великое собраніе — и слыша яко казаки побѣгоша изъ града — и убояшеся; не приста ко брегу, но поплыша вниз по Иртишу, и доплыша до Великой Оби, бѣ бо ужи осень и ледъ въ рѣкахъ смерзанеся. Иванъ же Мансуровъ, видѣвъ яко наста зима, и повелѣ поставити городокъ надъ рѣкою Обью, противъ Иртишскаго устья, и сяде въ немъ съ воинскими людьми зимовати.

ГЛАВА XXVIII.

О пришествіи Остяковъ подъ усть-городокъ.

По нѣколицѣхъ же днехъ придоша подъ городокъ множество Остяковъ, живущихъ по Великой-Оби и по Иртышу, начаша же къ городку приступати со всѣхъ странъ, людіе же изъ городка (165) противляхуся имъ и тако стояща и бишася день весь (166); нощи же пришедши погани отступиша отъ городка.

По нѣколицѣхъ днѣхъ придоша множество Остяковъ подъ городокъ той, начаша же къ городку приступати со всѣхъ странъ, и тако съ ними бишася цѣлой день; нощи же пришедше отступиша отъ городка Остяки, кои живутъ по Великой Оби и по Иртишу.

(157) Сп. уреченномъ.
(158) Сп. да и убоятся.
(159) Сп. осень.
(160) Сп. смерзашеся.
(161) Сп. видя, яко наставаетъ.
(162) Сп. городокъ.
(163) Сп. сѣдше.
(164) У Сп. прибавлено — козаки во градѣ.
(165) Сп. съ Усть-городка.
(166) Сп. цѣлъ.

ствующаго града Москвы Воеводу Ивана Мансурова со многими воинскими людьми,
и той пришедъ на Туру рѣку, *ту встрѣтоша Волскаго атамана Матвея Мещеряка съ дружиною, и радовахуся и веселящася казацы* о пришествіи воеводъ въ Сибирскую землю, и оттолѣ возвратишася вси вкупѣ единодушно на безбожныхъ Агарянъ; и пойдоста въ низъ по Турѣ, и *по* Иртишу и *до* Тоболу, идѣже нынѣ богоспасаемый Русскій градъ Тоболескъ. Погании же, собрашася во уреченномъ мѣстѣ, у рѣки Иртиша на брегу.
Воевода же видѣвъ таковое поганыхъ собраніе и устрашишася вельми, и не приставша ко брегу, и паки поидоша въ низъ по Иртишу, и дойде великія рѣки Оби; бѣ бо тогда уже осень, и наста година зимняя и воздухъ небесный премѣнися на студенъ, и бысть снѣгове и ледъ по рѣцѣ смерзается;
Воевода же опытій видѣ премѣненіе воздуха, яко паста зима, и ту озимѣвше и поставиша городокъ надъ рѣкою Обью, на усть Иртиша, и сѣдше въ немъ со всѣми людьми своими; *съ ними же бѣ и Волстіи казацы Матвей Мещерякъ съ дружиною.*

XXXIII.

О пришествіи Остяковъ подъ городокъ.

По нѣколицѣхъ же днѣхъ, пріидоша подъ городокъ Остяковъ множество, и начаша приступати со всѣхъ странъ, людіе изъ городка того противу нашелшихъ противляхуся со стѣнъ городка; нашедши же нощнѣй тьмѣ, погании отступиша.

26. посла бо сего Государь съ Москвы со многими воинскими людьми; и возвеселишася, возвратишася вкупѣ, единодушно поидоша на поганыхъ,

и видѣвше ихъ множество — поидоша внизъ по Иртишу въ стругахъ, устрашившеся, и поставиша городокъ на усть Иртиша надъ Обью и сѣдше зимовати.

27. Погании же Остяки, множество со всѣхъ странъ, въ ночной

ГЛАВА XXIX.

О пришествіи Остяковъ подъ городокъ съ кумиромъ.

На утріе же пріидоша Остяки подъ городокъ и принесоша кумира, его же вмѣсто Бога чтяху, кумиръ же въ землѣ ихъ словутенъ (167). Поставиша же сего кумира подъ древомъ и начаша жрети предъ нимъ, начаяхуся помощію его христіанъ взяти и смерти предати.

Наутріе же поганіи паки пріидоша подъ городокъ и принесоша съ собою кумиръ,
словяше у нихъ Славутей, и поставиша его
подъ древомъ, и начаша ему жрети,
надѣющися
помощію его городокъ взяти.

Въ тое же время, *еда* (168) жруще, стрелиша изъ городка изъ пушки—и древо оно, подъ нимъ же бѣ и кумиръ, разби (169) на многія части; и сего погани устрашишася, не вѣдуще что сей есть (170) и чаяху яко нѣкто изъ лука стрѣлилъ и реша другъ ко другу: «сильніи убо сіи стрѣляти—яко таково древо (171) разби!»—и отъ того часа отъидоша во свояси.

Въ то же время стрелиша
изъ городка изъ пушки,
и древо, подъ нимъ же кумира, разбиша на многія части; поганіи же устрашишася сего

и мняху они, яко нѣкто изъ лука стрѣлилъ и реша другъ ко другу: «сильни убо стрѣляти, яко древо на многія части разбиша стрѣлою!» —Отъидоша во свояси.

ГЛАВА XXX.

О поставленіи града Тюмени.

Въ лѣто ҂зчг (7093—1585) (172) пріидоша съ Руси воеводы Василей Сукинъ да Иванъ Мясной (173), съ ними же многіе Рускіе люди; и поставиша градъ Тюмень, иже прежде бысть градъ Чинги (174) и поставиша домы себѣ, воздвигоша же церковь въ прибѣжище себѣ и прочимъ православнымъ христіаномъ.

V. Лѣта ҂зчг пріидоша съ Москвы воевода Василей Сукинъ да Иванъ Мясной,
съ ними же многія русскія люди,
и поставиша градъ Тюмень, идѣ же бѣ градъ Чингій, и домъ себѣ устроиша, и церковь воздвигоша въ прибѣжище
христіаномъ.

---

(167) Сп. славенъ зѣло.
(168) У Сп. пѣтъ.
(169) Сп. и древо и кумира разби.
(170) Сп. не вѣдаша, что се есть.
(171) У Сп. прибавлено *и кумира.*
(172) У Сп. 7092—1584; по Миллеру 1586.
(173) Сп. Мѣсновъ.
(174) Сп. Чингій.

На утріи же погании паки пріидоша къ городку
и принесоша кумира своего, его же чтяху, и поставиша его близь городка подъ древомъ, въ низкомъ мѣстѣ, и начаша предъ нимъ жрети, чая себѣ нечестивіи помощника Христіянъ одолѣти и мечу ихъ предати; той же кумиръ погапымъ нарочитъ и славенъ, и мнози погании приносятъ ему дары изъ дальнихъ городовъ вельми множество, по вся дни,

и въ то время изъ городка казаки стрѣлиша изъ пушки, и древо опо, подъ нимъ же погании кумиру творяху жертву, разбиша на многія части, и кумира ихъ сокрушиша; и сего погании Агаряне устрашишася, невѣдуще сего и мняху, яко изъ лука стрѣлиша нѣкто, и рекоша сами себѣ: «сильни убо Рустіи воини стрѣляти, таковое великое древо разбиша и боги наша сокрушиша», и отъ того времени къ городку приходити Остяки не сташа.

тьмѣ, обступиша городокъ,
и кумира къ городку принесоша, его же чтяху,
и поставиша его,

чающе себѣ помощника. Той же

кумиръ славенъ и погапымъ нарочитъ: изъ дальнихъ городковъ своихъ къ нему мнози прихожаху по вся дни.

И въ то время изъ городка казаки стрѣлиша изъ пушки,

кумира разбиша на многія части.
Погании же устрашишася,
мнѣвше яко изъ лука стрѣли нѣкто, глаголюще:
«сильни
рустіи воини стрѣляти —
таковаго
Бога нашего сокрушили!»
И отъидоша посрамлени.

ГЛАВА XXXI.

О поставленіи града Тобольска.

Въ лѣто ≠ЗчЄ (7095—1587), при державѣ благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Росіи Самодержца, по его царскому изволенію, посланъ съ Москвы его государевъ воевода, Данило Чюлковъ со многими воинскими людьми; и дондоша до рѣки Иртыша и (175) благоизволи ту и просвѣти (176) мѣсто во славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу. Вмѣсто же сего царствующаго града Сибири, старѣйшина бѣ (177) градъ Тоболескъ, понеже ту побѣда и одолѣніе на окаянныхъ Агарянъ и Бусорманъ бысть, паче же на мѣсто царствующа града причтенъ.

и VI. Лѣта ≠ЗчЄ, повелѣніемъ

Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи,

присланъ съ Москвы
воевода Данило Чулковъ,

дондоша до рѣки Иртиша и ту градъ Тоболескъ поставиша.

И бысть, вмѣсто царствующаго града Сибири, градъ Тоболескъ старѣйшина, понеже ту побѣда и одолѣніе на босурманъ.

ГЛАВА XXXII.

О плѣненіи царевича Салтана и князя Сейдека.

По немнозѣхъ же днѣхъ князь Сейдякъ изыде изъ града Сибири, съ нимъ же (178) царевичъ Казачей Орды Салтанъ, да царя Кучюма думный Карача съ нимъ же воинскихъ людей 500 человѣкъ; дондоша же до мѣста иже именуется «Княжей-Лугъ» (179) и начаша пущати ястребы (180) за птицами. Увидѣвше же сихъ изъ града Тобольска воевода Данило Чюлковъ и воинстіи люди (181) и, посовѣтовавъ, отпустиша ко князю Сейдяку посланниковъ и повелѣ говорити имъ князю Сейдяку, чтобы онъ пріѣхалъ во градъ совѣтовати о миру (182): еще бо тогда сущу ему яко схиднѣ дыхающе на православныхъ христіанъ и не покоряющеся, но яко змія ухапити хотя. Посланницы

По ставленіи же града Тоболска не по многѣхъ днѣхъ, изыде князь Сейдякъ изъ града Сибири, съ нимъ и царевичъ казачьи Орды и Карача-думной,
и съ ними воинскихъ людей пять сотъ человѣкъ, и дондоша до мѣста иже именуется «Княжь-Лугъ» и начаша пущати ястребы за птицами.
Увидѣвъ же изъ града Тобольска воевода Данило Чулковъ и воинстіе людіе и, посовѣтовавъ, послаша къ Сейдяку,
чтобы онъ пріѣхалъ въ городъ совѣтовать о мирномъ поставленіи.

---

(175) Сп. до рѣки Иртыша отъ града.
(176) Сп. прослави.
(177) Сп. бысть.
(178) У г. Сп. снова прибавлено изыде
(179) Сп. именуема Княжій Лугъ.
(180) Сп. стрѣлы. Карамз. ястребы.
(181) Сп. воинскіе люди.
(182) Сп. о мирномъ постановленіи.

XXXIV.

О третьемъ приходѣ съ Москвы Воеводы Данила Чулкова.

И по нѣколицѣ времени, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи, прислалъ съ Москвы въ Сибирь Воеводу Данила Чулкова со многими воинскими людьми, и со огненнымъ нарядомъ; и пришедъ въ Сибирскую землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его, Татарове же сего убояшася Русскихъ вой много пришествія, избѣгоша отъ града своего, идѣже прежде сего бысть въ Сибири Татарскій ихъ городокъ стольный усть Тобола и Иртиша, иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста; Рустіи же воіи пріидоша, и сѣдоша въ немъ, и утвердивше градъ крѣпко, идѣже бо нынѣ именуемый богоспасаемый градъ Тоболескъ.

28. И по нѣкоемъ времени Благочестивый Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи, прислахъ въ Сибирь съ Москвы воеводу Данило Чулкова со многими воинскими людьми и съ огненнымъ нарядомъ. Слышавше же о семъ языцы возмятошася, градъ оставиша и сбѣгоша; и сѣдоша въ немъ Рустіи воіи утвердившеся идѣже нынѣ именуется Тоболескъ.

XXXV.

О приходѣ князя Сейдека Бекбулатова съ Сибирскими людьми войною подъ городъ Тоболескъ.

Умыслиі сей окаянный бусурменскій князь Сейдекъ съ Сибирскими людьми, собрати воинства множество себѣ, и пришедъ войною подъ городокъ Тоболескъ, хотя его взяти, и людей въ немъ побити, да не будутъ въ нашу землю селитися Рустіи людіе, и Государевымъ воеводамъ сказася, что пріиде для торгу, а людеіі своихъ воинскихъ поставилъ въ укрытѣ, и торговаша съ Рускими людьми день, *и наутріа пріиде подъ городъ тайно приступомъ со всѣми своими людьми, и обляже градъ, и нача къ нему приступати.* Московстіи же людіе и Волости казацы видѣвъ ихъ безстудство и жестокой приступъ ко граду, и послабиша имъ приближитися къ стѣнамъ града, и начаша по нихъ со града стрѣлятіи, и многихъ побиша, а иніи изъ града къ нимъ на вылазку вышедше, и многихъ побиваше бусурменъ, и

29. И пріиде подъ него нѣкогда еще Князь Бесерменскій Сейдекъ съ сибирскимъ множествомъ воинства, хотя его взяти, и облегоша градъ.

Рустіи же послабиша имъ пріити близъ ко граду, и начаша стрѣляти со града, и многихъ побиша,

же пришедше возвѣстиша сія, яже повелѣ имъ изрещи воевода *же* Данило *Чюлковъ*. Князь же Сейдякъ слыша отъ нихъ сія словеса, совѣтъ потребова съ царевичемъ и Салтаномъ и *съ* Карачею и абіе, совѣту бывшу, пойде князь Сейдякъ и съ нимъ царевичъ Салтанъ и Карача, съ ними же воинскихъ людей, по ихъ повелѣнію, поиде сто человѣкъ, прочихъ же оставиша внѣ града.

Пріидоша же въ домъ къ воеводѣ (182) Даниlу Чюлкову и вси сѣдоша (183) за столъ, уже (184) бо ястію готову сущу.

Глагола же много о мирномъ поставленіи (185); князь же Сейдякъ сѣдяше задумався, ни питія ни брашна вкуси. Видѣвше (186) сіе воевода Данило Чюлковъ и рече Князю Сейдяку:

— Княже Сейдякъ! Что зло мыслиши на православныхъ христіанъ, ни питія, ни брашна вкуси?

Рече же ему Князь Сейдякъ:

— Азъ не мыслю на васъ никакого зла.

Данило жъ, пріемъ чашу питія и рече:

— Княже Сейдякъ, аще не мыслиши зла, ты и царевичъ Салтанъ и Карача, на насъ, православныхъ христіанъ, и вы выпіете чашу сію за здравіе! (187)

Пріемъ же чашу князь Сейдякъ и нача пити и—поперхнуся (188) въ гортани его!

По семъ же пріемъ Царевичъ Салтанъ и нача пити: — тако же поперхну въ гортани его.

Еще же пріемлетъ Карача и на-

И пришедъ посланники сказаша сія словеса;

Сейдякъ же посовѣтовавъ съ

съ царевичемъ Салтаномъ и съ Карачею и пойдоша князь Сейдякъ и

царевичъ и Карача и съ ними сто человѣкъ,

прочіе же осташа внѣ града;

и пріидоша же въ градъ Тоболескъ.

Воевода же Данило Чулковъ срѣте ихъ во вратѣхъ грацкихъ, оружія же имъ повелѣ положити внѣ града,

и пришедше въ домъ къ воеводѣ, сѣдоша за столъ ясти, юже готову сущу.

И начаша ясти.

И многу глаголанію бывшу о мирномъ поставленіи,—князь же Сейдякъ задумавше сѣдяше, ни яды и ни пія. Воевода же рече:

— Нечто зло мыслите на насъ: ни ясте, ни піете?

И рече воевода:

— Егда аще не мыслете зла—то

выпейте чашу сію за здравіе.

Пріимъ же чашу князь Сейдякъ и нача пити и—поперхну въ гортани его.

По семъ же пріимъ царевичъ Салтанъ нача пити—и тако же поперхну въ гортани его.

Тако же и Карача нача пити—и

(182) Сп. воеводы.
(183) Сп. сѣдши.
(184) Сп. иже.
(185) Сп. постановленіи.
(186) Сп. видѣвъ же.

(187) Сп. и вы піете чашу сію во здравіе.
(188) Сп. поперхну.

живыхъ яша, и самаго *князя Сейдека* на томъ бою *ухватиша ранена;* они же окаяннїи бѣгству яшася и въ станы своя бѣжаша, Рустїи же вои и до становъ ихъ за ними гнаша сѣкуще; они же оставиша станы своя и все свое богатство въ станѣхъ своихъ и сами едва утекоша; и на семъ бою Волскїй атаманъ Матоей Мещерякъ убіенъ бысть; и оттолѣ на всѣхъ Сибирскія земли бусурменѣхъ бысть страхъ великій, и всѣ Татаровя ближнїи и дальнїи не смѣяше къ Государевымъ городомъ войною приходити.

и живыхъ яша, и самаго князя Сейдяка ранена ухватиша; и бѣгству прочіи вдашася, а за ними Рустіи гнаша сѣкуще.

Погани же вси ужасошася къ тому же ратоватися не смѣюще.

чатъ пити—тако же поперхну: Богу бо обличающу (190) ихъ!

Видѣвше же сіе воевода и вогнстіи людіе, яко зло мысляше (191) на нихъ князь Сейдякъ и прочіи, хотятъ (192) ихъ смерти предати — и помаха въ (193) рукою воевода Данило Чюлковъ, вогнсти же людіе начаша побивати поганыхъ.

Князь же Сейдякъ вкинувся (194) въ окошко, за нимъ же Царевичъ Салтанъ и Карача, но абіе поимани быша (195).

Слышавши же стоящи внѣ града (196) яко Князь Сейдякъ побѣжденъ бысть — и на бѣжаніе устремишася: и таково страхованіе найде на нихъ, яко и въ градъ свой (197) не возвратишася.

Слышаще же иже во градѣ бѣжаша (198) и сіи избѣгоша изъ града и никто же осташася во градѣ (199).

ГЛАВА XXXIII.

Объ отправленіи плѣнниковъ въ Москву.

По нѣколицѣ же времени послаша князя (200) Сейдяка и царевича Казачьи (201) Орды Салтана (202) и царя Кучюма думново его Карачю въ царствующій градъ Москву со многими вогнскими людьми.

ГЛАВА XXXIV.

Козни и бѣгство Кучума.

Егда же побѣжденъ бысть царь Кучюмъ и бѣжа изъ царства своего въ поле и дойде и обрѣте мѣ-

поперхну же въ гортани его: Богу бо обличающу ихъ!

Видѣвъ же сіе воевода

и помахавъ рукою вогнскимъ людемъ.

Они же начаша ихъ бити.

Князь же Сейдякъ кинуся въ окно, за нимъ же и царевичъ Салтанъ и Карача, но абіе поимавъ связаша ихъ: прочіи же побіени быша

Слышавше стояще за градомъ,

и вси побѣгоша, яко и во градъ

свой невозвратишася.

И во градѣ сія слышавше (*)...

—

(190) Сп. обличающе.
(191) Сп. зломысляще.
(192) Сп. хотя.
(193) Сп. помахавъ.
(194) Сп. кинулся.
(195) У Сп. прибавлено: и связани, прочіе жь побіени быша.
(196) Тобольска.
(197 и 198) Сибирь.
(199) Сп. бѣжа.
(200) Сп. Княже и
(201) Сп. казачей.
(202) Сп. вездѣ пишетъ Сейдекъ, Солтанъ; по нашему списку Сеидякъ.

(*) Этимъ словомъ заключается послѣдняя строка послѣдней страницы рукописи. Конецъ утраченъ.

XXXVI.

О устроеніи градомъ и острогомъ въ Сибирской земли.

По повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и по немъ сына его Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, начася въ Сибирской землѣ городы и остроги поставлятися, и разпространятися въ Сибирской странѣ крестьянская православная вѣра, и церкви Божія воздвигнушася, и проповѣдь Евангельскаго ученія обтече во вся концы Сибирскія земли, и псаломскій громъ огласи на мнозѣхъ мѣстѣхъ; повелѣніемъ ихъ Государей поставляшася грады и остроги христіянскія, и въ нихъ церкви Божія воздвигнушася, и монастыри составляшася въ славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу. И видѣвше невѣрніи таковую благодать въ ихъ странѣ просіявшу и Государскую высокую руку надъ собою возвысившуся, и подъ его Государеву руку мнози покорящася, и оставльше свою богомерскую вѣру, и мнози

30. Московстіи же вои, по повелѣнію государеву, начаша въ Сибирской земли городы и остроги ставити и церкви Божіи воздвигати христіанскія вѣры. И проповѣдь евангельскаго гласа яко солнце осія сибирскія концы и псаломски вкупѣ громъ огласи. Невѣрніи же, преславная видѣша таковая, дивящася; и познавше нѣцыи

сто (203) и ста ту со оставшими своими людьми,—многажды же покушашеся итти въ Сибирь и полѣнити града Сибирскіе и месть воздати православнымъ христіаномъ, но страхомъ одержими бяше (204) прежняго ради побѣжденія. Нѣкогда покусився (205) итти и собрати оставшая воя, елико бысть, и пойде въ Сибирь и егда дойде до рѣки Иртыша, еще не близъ града Тоболска,—и абіе нападе на нь (206) трепетъ и ужасъ — и не поіде ко граду Тоболску и ко прочимъ градомъ, и не многія (207) ас(г)арянскія веси полѣни и бѣжа, идѣ же пребываше (208). Повѣдано же бысть во градѣ Тоболскѣ, яко царь Кучюмъ полѣни Тобольскія веси, и собрашася рустіи вои и погнаша во слѣдъ его, постигоша же его (209) близъ поля и нападоша на нь (210) и Божіею помощію вои царя Кучюма побиша и двѣ царицы и сына его, царевича, взяша и множество богатства пріобрѣтоша. Царь же Кучюмъ утече не со многими людьми (211) и донде до улуса своего и оставшая люди взятъ и иде тай (212) въ Колмацкіе земли и улусы (213). Подсмотрившe стада конскіе и нападше отгнаша (214). Отщутившe же Колмацкіе люди (215) и погнашася вслѣдъ и постигоша и воя его многихъ побиша и кони своя отполониша. — Царь же Кучюмъ бѣже (216) въ Наган—и тамо

(203) Сп. мѣсты.
(204) Сп. бяху.
(205) Сп. покушашеся.
(206) Сп. на нихъ.
(207) Сп. и нины многія.
(208) Сп. пребываша.
(209) Сп. сего.
(210) Сп. на нихъ.
(211) Сп. воинскими людьми.
(212) Сп. отъ иде втай.
(213) Сп. въ Калмыцкіе улусы.
(214) Сп. Подсмотрѣвъ же стада конская и нападоша и отогнаша.
(215) Сп. ощутивъ же сего Калмыцкіе люди
(216) Сп. бѣжа.

невѣрнія приходяще въ крещеніе и крестящеся живуще въ православной вѣрѣ, и всюду убо Божія благодать разпространяшеся, и *богатно изліяся въ Сибирской странѣ* земли.

XXXVII.

О ясашномъ сборѣ.

По взятіи же и по очищеніи всея Сибирскія земли и по усмиреніи бусурменскаго языка Сибирскихъ Татаръ, и Остяковъ и Вогуличь, честныхъ людей Семена и Максима и Никиты Строгоновыхъ промысломъ, *и подмогою*, и храбрствомъ и мужествомъ добрыхъ и доброродныхъ воинъ атамановъ и *казаковъ*, Ермака Тимоѳеева Поволскаго съ товарищи, и еще къ сему приложиша тіи честніи людіе, кои бусурмене живуще близь ихъ городковъ и острожковъ по Камѣ, и по Чусовой, и по Усвѣ, и по Сылвѣ, и по Яйвѣ, и по Обвѣ, и по Инвѣ, и по Косвѣ и по инымъ рѣкамъ (*), и тѣхъ всѣхъ бусурменъ приведоша къ шерти, что имъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи служити безъ измѣны, и во всемъ ему Государю прямити и доброхотити, и ясаки съ себя имъ давати. И оттолѣ начаша Семенъ и Максимъ и Никита, изъ городковъ и изъ острожковъ своихъ, того ясашнаго ради сбору по рѣкамъ въ Татарскіе, и въ Остяцкіе и въ Вогульскіе улусы, людей своихъ посылати и ясакъ съ нихъ бусурменъ собирати, и къ Москвѣ съ людьми своими въ Ноугородскую четь посылати. И потомъ повелѣніемъ Государевымъ Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, и съ тѣхъ бусурменъ ясашные сборы начашася сбиратися по городомъ отъ воеводъ, гдѣ тѣ языцы живяху въ разныхъ мѣстѣхъ, и отъ нихъ истину, и лжу еретическія тьмы отвергоша, и къ свѣту православія притекоша, и Бога единосущнаго въ трехъ лицахъ исповѣдаша, съ нами вкупѣ славяще и глаголюще: поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, нераздѣлимѣй Пресвятѣй Троицѣ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь (*)!

(*) Все это притоки рѣки Камы.

(*) По нашему мнѣнію эта лѣтопись есть первоначальный трудъ, — коротенькій эскизъ предшествовавшій болѣе обширному труду составителя строгоновской лѣтописи.

убіенъ бысть отъ Нагаи, еже бо ему рекоша: «яко ты здѣ пребываеши да и намъ тако же (217) сотворятъ, яко же у (и) тебѣ!»

И ту скончa животъ свой.

ГЛАВА XXXV.

Оттолѣ же солнце Евангельское землю Сибирскую осія и псаломски громъ огласи, наипаче же во многихъ мѣстѣхъ поставишася гради, и святыя Божія церкви, и монастыри создашася во славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу, въ прибѣжище православнымъ христіаномъ; и мнози невѣрніи, увѣдевше (218) христіанскую вѣру православную, крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и отъ невѣрія бысть вѣрніи, і повсюду благодать Божія изліяся по всей Сибирстей земли (219), по писанному: посѣтилъ (220) еси землю и упои ся (221) умножилъ еси обогатити. Идѣ же въ слухъ (222) никому же пріиде, идѣ же нынѣ гради и веси и въ нихъ внутренняя жителя множество православныхъ разсѣяшася по лицу всея Сибирскія земли и отъ сихъ по (223) здѣ паче же ко исправленію (224) пріидохъ, имѣющу же помощь и справляющу лѣтописанія, еже бо о взятіи Сибиріи и о побѣдѣ сицевѣ.

Въ лѣто ҂зрк҃д (7129—1621) (225) Божіимъ попущеніемъ (226), повелѣ-

(217) Сп. пребываеши такожде и намъ.

(218) Сп. увидѣвше.

(219) Сп. странѣ.

(220) Сп. побѣдилъ.

(221) Сп. ю и

(222) Сп. велѣлъ.

(223) Сп. до.

(224) Въ спискѣ г. Сп. изъ слѣдующихъ словъ составлена особая XXXVI глава *объ изправленіи лѣтописи* въ такихъ, разнящихся отъ нашего списка, выраженіяхъ: «Имѣюще помощь и изправляше лѣтописи сія, еже бо взятіе Сибири и о побѣдѣ сицѣ въ..... Сентября въ 1 день.»

(225) Сп. 1626 года.

(226) Сп. изволеніемъ.

стѣхъ: въ Чердынь, и на Уфу, и на Верхотурьѣ и по инымъ городомъ Сибирскимъ, гдѣ тѣ языцы окрестъ живуще близь городовъ.

Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и о *отпущеніи* въ Сибирь атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, и о похожденіи ихъ казачьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ Царя Кучума, и о взятіи сына его Царевича Маметкула, и о владѣніи Сибирской земли Государевыхъ людей Русскихъ, сія словеса о семъ преходятъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чтый, да разумѣетъ и дѣло толикія вещи не забываетъ, на вознопоминаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будетъ толикія вещи трудъ (*).

(*) Кажется, изъ этого сличенія ясно, что составитель строгоновской лѣтописи писалъ ея на тэму, изложенную въ «Неизвѣстной Рукописи», кое-что добавлялъ изъ Есипова, кое-что повыбралъ изъ подлинныхъ граммать и кое-что прибавилъ отъ себя. Стало-быть, нѣтъ никакого основанія считать эту лѣтопись древнѣйшею, напротивъ-того она очевидно работа позднѣйшаго времени.

ніемъ же благочестиваго и христолюбиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Росіи и благословеніемъ крайняго святителя Θиларета Никитича, Патріарха (227) Московскаго и всеа Росіи, поставленъ бысть въ Сибирь, въ Тоболескъ, первый архіепископъ Кипріанъ, бывы прежде на Хутыни архимандритъ; и во второе же лѣто первопрестольства его воспомяну атамана Ермака, Тимофѣева сына, съ дружиною; и повелѣ разспросити Ермаковыхъ казаковъ: како они пріидоша въ Сибирь, и гдѣ съ погаными были бои, и ково гдѣ убили погани (228)? Казаки же принесоша къ нему писаніе (229) како пріидоша въ Сибирь, и гдѣ у нихъ (230) были бои, и гдѣ казаковъ и ково имянемъ (231) у нихъ убиша. Онъ же добрый пастырь попеченіе имѣя отъ нихъ (232) и повелѣ убитыхъ имена написати въ церкви Соθѣи, Премудрости Божіей, въ соборный (233) синодикъ и въ «православную недѣлю» кликати повелѣ съ прочими пострадавшими за православіе вѣчную память, а имена ихъ въ синодикъ вписаны.

Конецъ же предлагаю лѣтописи сея: изложена же бысть сія лѣтопись «Сибирское Царство и Княженіе» и «О взятіи Тоболска града» въ лѣто ҂зрме (7145 — 1636) Сентября дня а҃ (1) (*).

—

(227) Это слово въ спискѣ Сп. выпущено.

(228) У Сп. прибавлено: на брани.

(229) У Сп. прибавлено *сіе*.

(230) У Сп. прибавлено: съ погаными.

(231) Сп. именно.

(232) Сп. о нихъ.

(233) У Сп. прибавлено церкви.

(*) Т. е. въ новый годъ. Этимъ тотъ списокъ, которымъ мы пользовались — оканчивается, но въ спискѣ, изданномъ въ 1823 году Г. Н. Спасскимъ и полученномъ имъ отъ В. Н. Берха, событія доведены до 1641 года. Событія эти заключаются въ смерти архіепископовъ или въ прибытіи новыхъ святителей, и главное, о внесеніи въ синодикъ убіенныхъ казаковъ, безъ поименованія, однакожь, тутъ ихъ прозваній. Эти свѣдѣнія и составляютъ содержаніе маленькихъ главъ XXXVII—XL.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ПОВѢСТВОВАНІЯ О СИБИРИ» ЛАТИНСКОЙ РУКОПИСИ ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII СТОЛѢТІЯ.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся двѣ рукописи, на латинскомъ языкѣ, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о Сибири.

Первая изъ этихъ рукописей, изъ собранія Залускаго, носитъ названіе: «Relatio de Sibiria, qua continetur notitia dictae provinciae et littoris oceani glacialis et orientalis, a portu S. Michaëlis Archangeli usque ad Chinam, sive Catajum; item de calmucis nomadibus et quaedam narratiunculae de gemmariorum, matalliorum et alchimistarum fraudibus.» Scripta anno 1681. Aeternum soli gloria tota Deo.

Заглавіе другой, принадлежащей къ собранію Дубровскаго: «Historia de Sibiria, sive notitia regnis Sibiriae et littoris oceani glacialis et orientalis, idem de calmucis nomadibus et nonnullae narratiunculae de gemmariorum, metallorum et alchimistarum fraudibus.» Anonymi autographum circa anno M. DC. LXXX.

Обѣ рукописи совершенно между собою сходны по изложенію, съ незначительною разницею.

Гр. Ив. Спасскій, издатель знаменитыхъ въ свое время и имѣющихъ донынѣ особенную важность журналовъ «Сибирскій Вѣстникъ» и «Азіатскій Вѣстникъ» свѣрилъ первую, древнѣйшую по времени рукопись со второю, какъ съ позднѣйшимъ ея спискомъ, и издалъ ее въ 1822 году подъ названіемъ «Повѣствованіе о Сибири». Латинская рукопись XVII столѣтія (1).

Г. Спасскій присовокупилъ къ тексту и свой переводъ съ примѣчаніями.

Изъ этого чрезвычайно-любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ повѣствованія, изобилующаго многими драгоцѣнными свѣдѣніями, мы заимствуемъ слѣдующія строки подлинникомъ и дополняемъ ихъ своимъ переводомъ и своими примѣчаніями, присовокупивъ и переводъ г-на Спасскаго на тотъ конецъ, чтобъ лучше выяснить дѣло.

Считаемъ неизлишнимъ предварительно сказать, что неизвѣстный авторъ «Повѣствованія», какъ это видно изъ посвятительнаго письма его, сохранившагося при второй рукописи и утратившагося въ первой — провелъ въ Сибири пятнадцать лѣтъ и сибирскіе свои очерки посвятилъ Гильдебранду Горну, секретарю датскаго короля. Но и въ письмѣ этомъ онъ тоже себя не поименовалъ, а вмѣсто подписи прибавилъ: «scripsit quem nosti», то-есть, писалъ тотъ, кого ты знаешь, или, какъ это у насъ водится, — «Вамъ извѣстный».

Вотъ его слова о нашемъ предметѣ:

---

1) За указаніе этого источника, за присылку экземпляра «Лѣтописи» и за дозволеніе перепечатать Строгоновскаго-Лѣтописца мы считаемъ себя вполнѣ одолженными просвѣщенной благосклонности Гр. Ив. Спасскаго.

ТЕКСТЪ.

Sibiria (2) in mosciae regum ditionem cessit hoc modo:

Inter plurimos, qui regis Ioannis Basilii tyrannidem devitantes omnia latrociniis infestabant, fuit quidam pirata (3) nomine Jarmacus, qui, in flumine Volga et circa ripas, viatores spoliabat.

Sed cum inaudisset validam adversum se militiae manum appropinquare, relictis suis scaphis consurrexit cum

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Сибирь подпала подъ власть московскихъ царей вотъ какимъ образомъ:

Въ числѣ многихъ, старавшихся укрыться отъ строгости Царя Ивана Васильевича и производившихъ повсюду грабительскіе набѣги, былъ одинъ пиратъ, по имени Ермакъ, грабившій путниковъ по Волгѣ, на судахъ и на сухомъ пути.

Когда онъ прослышалъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ рати—то, бросивъ суда, стакнулся

---

(2) Въ послѣдней книжкѣ, за 1848 годъ, «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» появилась весьма-любопытная статья П. С. Щукина подъ названіемъ: Что за рѣка Уйгуръ-Муранъ въ Южной Сибири? за основной пунктъ которой надлежитъ отдать полную справедливость извѣстному ученому В. В. Григорьеву. Въ этой статьѣ авторъ, трактуя о Ибиръ-Сибиръ персидскаго историка Рашида, между-прочимъ говоритъ, будто бы

а) «Мы (вѣроятно, П. С. Щукинъ, а не мы — читатели) не знали, есть ли слово *Сибирь* туземное, или дано странѣ Русскими». На это замѣтимъ, что мы, смиренные читатели, во-первыхъ, *слыхали* въ Сибири фразу въ родѣ слѣдующей: «Сначала ѣхали яланью, а тамъ пошла такая *сибирь*, что нѝа»; а во-вторыхъ, *читали*, хоть бы, напримѣръ, у не безъизвѣстнаго г-ну Щукину, Семивскаго, въ его «Любопытныхъ Запискахъ», приложенныхъ къ напечатанной въ 1817 году книгѣ «Новѣйшія, любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной-Сибири, изъ чего многое донынѣ не было всѣмъ извѣстно», замѣтку подъ № 1-мъ, что «*Сибирь* или *Сѝбири* — слово монгольское, значитъ *сырыя* или *мокрыя* мѣста», и что «вѣроятно, Монголы, извѣстные въ исторіи подъ именемъ Гунновъ, при переходѣ изъ своихъ жаркихъ и, по большой части, безводныхъ степей на мѣста, лежащія на сибирскихъ къ сѣверу покатяхъ, назвали ихъ *Сибирью*, по изѣющимся тамъ болотамъ и по множеству озеръ, рѣкъ и рѣчекъ.»

и б) «Въ именованіи «Ибиръ-Сибиръ» прибавка *Ибиръ* не имѣетъ никакого смысла». Съ чего же г. Щукинъ взялъ это? Не будучи самъ оріенталистомъ, какъ это видно изъ собственнаго его примѣчанія на 492 стр. декабрьской книжки журнала, чѣмъ онъ можетъ доказать, что Рашидъ сказалъ безсмыслицу, имѣя подъ руками всѣ ученыя пособія для передачи вѣрныхъ извѣстій? По нашему, Ибиръ непремѣнно что-нибудь да значитъ, а что̀ именно — это въ-состояніи разрѣшить только оріенталисты и тѣ счастливцы, до которыхъ можетъ-быть дойдутъ когда-нибудь драгоцѣнные акты, хранившіеся въ кабинетѣ Грознаго. Замѣтимъ только, что предки наши Сибирью звали часть нынѣшней Западной-Сибири, а Рашидъ говоритъ о части нынѣшней Восточной-Сибири.

(3) Это подтверждаетъ и нашу мысль, что волжскіе казаки никогда не были *конницею*, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, а были такіе же своего рода промышленники, какіе и по настоящее время казакуютъ еще иногда по Волгѣ, какъ это доказывается всеподданнѣйшимъ отчетомъ г. министра внутреннихъ дѣлъ Государю Императору. (См. «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1848 года, книжка 12, стр. 391, Отд. IV, разр А, пун. 2.)

Казаки въ подразумѣваемомъ у насъ смыслѣ никогда не были и *воинскими* людьми. Въ качествѣ рабочихъ артелей они были до временъ Грознаго и на сѣверо-востокѣ Россіи и занимались тамъ промыслами на извѣстныхъ условіяхъ. (См. напр. «Акты Археографической Экспедиціи» т. 1, № 221.)

СТАРЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Сибирь сдѣлалась подвластною московскому царю слѣдующимъ образомъ:

Въ числѣ многихъ, бѣжавшихъ отъ строгости царя Іоанна Васильевича и производившихъ повсюду грабежи, находился нѣкоторый разбойникъ, по имени Ермакъ. Онъ грабилъ по рѣкѣ Волгѣ и около береговъ ея путешественниковъ:

Но когда услышалъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ войска — то, бросивъ свои лодки,

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ «НОВАГО ЛѢТОПИСЦА» СКОРОПИСИ XVIII ВѢКА (1).

ГЛАВА I.

О взятіи царства сибирскаго.

Отъ царствующаго града Москвы на восточную страну есть царство, Сибирское рекомое, въ немъ же живяше царь Кучумъ.

Вѣра же у нихъ бусурманская, махметова закону; а иные языцы кумиромъ служаху; а иные — чюдь заблудящая: вѣры и закону не знаху.

Отсюду начахомъ глаголати како покори Богъ подъ руку царству московскому.

Есть бо на полуденную страну рѣка, глаголемая Донъ, на ней же живяху казаки. Отъ Дону же не въ дальномъ разстояніи—рѣка же, глаголемая Волга; на ней же живяху казаки, много вороваху по Волзѣ и по инымъ рѣкамъ, овогда и суды государевы громяху, овогда же пословъ кизылбашскихъ и Бухарцовъ и иныхъ многихъ громяху и побиваху. Царь же Иванъ Васильевичъ, видя ихъ воровство и злое непокорство, посла на нихъ воеводъ своихъ и повелѣ ихъ тамо имати и вѣшати.

Многихъ же имающе казняху, иные же, аки волцы, разбѣгошася по Волзѣ жь вверхъ; отъ нихъ побѣгоша шесть сотъ человѣкъ по присылкѣ Максима Строганова (2), въ нихъ же старѣйшина — атаманъ рекомый Ермакъ и иные многіе атамана.

И дондоша до рѣки до Камы и Камою вверхъ дошли до Чусовой, до вотчины Строгоновыхъ.

---

(1) Текстъ этого лѣтописца свѣренъ по двумъ спискамъ, хранящимся въ Румянцовскомъ Музеумѣ: одинъ подъ № 258 — есть рукопись скорописная XVIII столѣтія, другой, подъ № 259 —есть позднѣйшая переписка, первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ послѣднемъ недостаетъ вступленія и повѣствованіе начинается словами «и иные многіе атамана».

sociis et orientem versus progressus est.

Cumque pervenissent ad oppidum Vicegdam (ubi etiam, sicut ad Camam, sal excoquitur) reperunt ibi quemdam salis negotiatorem, hominem locupletem, cognomento Strogonem, cujus posteri etiamnum ibidem loci commanent, ampla possident praedia et magna tractant negotia.

Verum nec ad militiam, nec ad curiam vocantur, sed contenti vivunt sua negotiatione et privilegiis, quibus prae aliis negotiatoribus gauderint.

Appellantur singulari titulo Imenniti-Liudi: in supplicibus tamen ad regem libellis non se inscribunt, more nobilium, Cholop-twoy (4),

sed more oppidanorum et villanorum syrota twoy:
quod vocabulum tam significatu, quam etymologia aequipolet voci «vassallus», significanti orphanellum, sive pupillum;

et tamen hac voce Goti (gens germanica) omnes summi et infimi, cum suos reges alloquerentur semetipsas nuncupabant (5).

Sed proinde nemo mirari debeat si moscorum nobiles se sui *regis cholopos* nuncupant, cum per hanc vo-

съ товарищами и пустился на востокъ.

Они достигли города Вычегды (гдѣ, такъ же какъ и при Камѣ, вываривается соль) и встрѣтили тутъ одного солепромышленика, человѣка зажиточнаго, прозваньемъ Строгонова, потомки котораго и понынѣ занимаютъ тѣ же мѣста, обладаютъ обширными угодьями и ведутъ большія дѣла.

Они не призываются ни къ воинской, ни къ гражданской службѣ, но живутъ занимаясь только своимъ промысломъ при привилегіяхъ, которыя предоставлены имъ преимущественно предъ другими промышленниками.

Они носятъ имъ только однимъ присвоенное отличіе — «Именитые-Люди»: однакожь въ челобитныхъ своихъ царю они не подписываются, какъ благородные, холопами,
а, какъ горожане и черные люди— сирота твой:
выраженіе это, сколько по своему значенію, столько же и по словопроизводству, равносильно выраженію «вассалъ», означающему сироту или малолѣтняго;
а у Готовъ (германскаго племени) всѣ, и знать и чернь, въ обращеніяхъ своихъ къ королямъ, называли самихъ себя именно этимъ словомъ.

Поэтому никто не долженъ удивляться, что Русскіе высшаго сословія признаютъ себя *царскими*

---

(4) «Въ челобитныхъ своихъ пишутъ... *холопъ твой* князь или и бояринъ и «простой (служилый) человѣкъ—полуименемъ, безъ княжества и безъ чина; «а посадскіе люди и крестьяне пишутся въ челобитныхъ своихъ *рабами* и «*сиротами*, а не холопями» (Кошихинъ. VIII. 6).

Тогдашнее слово «холопъ» совершенно равносильно нынѣшнему «подданный»: и то и другое, одно въ-старину, а другое нынѣче, имѣютъ два значенія. Такъ въ Курской-Губерніи, да и въ другихъ мѣстахъ, помѣщичьи крестьяне донынѣ именуются въ дѣловыхъ бумагахъ «подданными такого-то», а старосту зовутъ «атаманомъ». (Смот. прим. 12. въ CDXII главѣ «Новаго Лѣтописца»).

(5) Объясненіе слова «сирота» (отъ *сирый*) у Шафарика т. I, кн. I, стр. 315. Въ прошломъ столѣтіи слово сирота, pupillus, замѣнено выраженіемъ рабъ трокъ), наконецъ, словомъ «подданный», sujet.

ушелъ съ товарищами и направилъ путь свой къ востоку.

Достигнувъ города Вычегды (гдѣ, также какъ и при Камѣ, вываривается соль), нашли тамъ нѣкотораго солепромышленика, человѣка очень-богатаго, по прозванью Строганова, коего потомки и донынѣ имѣютъ тутъ свое пребываніе, владѣя обширными помѣстьями и занимаясь важными промыслами.

Они не несутъ ни военной ни гражданской службы, но упражняются только въ торговлѣ, и по преимуществамъ, которыми пользуются передъ другими промышленниками,

имѣютъ особый титулъ — именитые-люди, однако же въ челобитныхъ, подаваемыхъ царю, не подписываются, по обыкновенію благородныхъ, холопъ твой,

но, какъ городскіе и сельскіе жители, — сирота твой:
каковое названіе болѣе по значенію, нежели по словопроизводству соотвѣтствуетъ слову «вассалъ» (данникъ), означающему сироту или малолѣтняго.

Впрочемъ, Готы (народъ германскій) высшаго и низшаго состоянія въ разговорахъ съ своими королями называли себя симъ именемъ.

А потому никто не долженъ удивляться, если московскіе дворяне именовались *холопами* своего *царя*, раз-

Тутъ же распросиша тутошныхъ живущихъ людей: къ которому государству та земля подошла?

Они же повѣдаша имъ: «есть-де отсюду не въ дальнемъ разстояніи царство, рекомое Сибирское, въ немъ же живетъ царь Кучумъ».

Той же Ермакъ изготови себѣ запасу и взялъ съ собою тутошныхъ людей, 50 человѣкъ, и пойде рѣкою Серебрянкою вверхъ и переваливъ суды (3) въ рѣку Тагилъ и донде до рѣки Туры, а рѣкою Турою донде до рѣки Тоболу, у (а по) Тоболу дошелъ до рѣки Иртиши, а Иртишью донде до городка, гдѣ кочевалъ царь Кучумъ.

И прінде подъ то Царство-Сибирское. И быша съ нимъ бои по многи дни.
И Божьимъ милосердіемъ взя царство Сибирское.
Царь же Кучумъ побѣжа; царицу его и царевичевъ взяша (4).
Сій же Ермакъ сяде въ царствѣ Сибирскомъ; къ царю же посла сеунчуковъ (5) 50 человѣкъ казаковъ, а царь Иванъ Васильевичъ уже преставися (6); а самъ нача подводити всю сибирскую землю подъ царскую руку и иные многіе государства. И которые покорятся государю—тѣхъ приводилъ къ шерти, а которые не покорялися—тѣхъ плѣнилъ и побивалъ. И государь царь Ѳеодоръ Ивановичъ тѣхъ сеунчуковъ пожаловалъ, а съ ними послалъ воеводъ своихъ князя Семена Болховскаго, да Ивана Глухова (7), и къ тому Ермаку и къ атаманомъ и къ казакомъ съ своимъ государевымъ съ великимъ жалованьемъ;

---

(2) Если пришли по присылкѣ его — то не могли уйти самовольно.
(3) Подобные перевалы не въ порядкѣ вещей.
(4) Только не въ это время, а позже.
(5) Т. е. вѣстниками.
(6) Извѣстно, что Грозный былъ въ это время живъ.
(7) Не царь Ѳеодоръ, а Грозный.

cem plus intelligant, quam per syrotam sive vassallum; hoc est non aliud quam per SLUGAM.

Sed ut ad Strogones revertamur.

Pendunt illi suo regi amplum quotannis tributum et in regni statutis praecipua illorum ratio habetur, ut aliquoties nominati, et a nonnullis legibus exempti legantur.

Quae privilegia idcirco illis indulta sunt, quod ad Sibiriam acquirendam ipsi plurimum contulerunt (6).

Cum enim memoratus ille negotiator se a latronibus circumventum vidisset,
EX NECESSITATE finxit liberalitatem: polliceturque se illis tunc et in posterum commeatum, arma, vestimenta, jumenta et vehicula, abunde ministraturum, DUMMODO NEGOTIA IPSIUS ILLI NON INTERVERTERENT (7).

Praedones accepta conditione et secundum pollicita, omnibus ad longum iter requisitis liberaliter instructi, progressi sunt ad Sibiriam.

Cumque pervenissent ad fluvium Tobolum (vere jam reverso) scáphas sibi fabricaverunt (8) (hujus enim artificii non ignari sunt cozaci) et trabis exustis, jumentisque trucidatis, secundo flumine Tobolo in Irtiscum delati sunt.

Moxque munitione erecta praedas de Tataris agebant et si quos vivos cepissent — ad redemptionem cogebant.

холопами: этому слову они дают высшій смыслъ, нежели сколько выражаютъ сирота или вассалъ; это ничто иное какъ СЛУГА.

Но обратимся къ Строгоновымъ:

Они платятъ царю ежегодный значительный оброкъ и, по существующимъ положеніямъ, имъ дается особенное предпочтеніе, какъ уже сказано, съ изъятіемъ отъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ, общихъ законовъ.

Привилегіи эти предоставлены имъ потому, что въ дѣлѣ покоренія Сибири и они премного оказали услугъ.

Когда упомянутый промышленикъ увидѣлъ себя окруженнымъ разбойниками,
то изъ КРАЙНОСТИ рѣшился на щедрость: онъ обѣщался обильно снабдить ихъ, и въ настоящее время и послѣ, всѣми запасами, оружіемъ, одеждою, лошадьми и транспортными принадлежностями, ТОЛЬКО-БЫ ОНИ НЕ РАЗОРЯЛИ ЕГО ПРОМЫСЛОВЪ.

Разбойники, условившись съ нимъ и по обѣщанію вполнѣ снабженные всѣмъ необходимымъ для дальней дороги, направили путь къ Сибири.

По прибытіи на рѣку Тоболъ (съ наступленіемъ уже весны), они занялись изготовленіемъ себѣ судовъ (а это искусство казакамъ было знакомо), сожгли волокуши, перерѣзали всѣхъ лошадей и, плывя внизъ по Тоболу, спустились въ Иртышъ.

Тутъ они немедленно состроили себѣ городокъ и стали дѣлать на Татаръ набѣги, и кого они полонили, того принуждали къ выкупу.

---

(6) Замѣтимъ, что очерки эти набросаны послѣ уже той грамматы, въ которой призваніе Ермака приписано въ заслугу Строгоновыхъ.

(7) Новое подкрѣпленіе нашихъ выводовъ касательно существеннаго въ дѣлѣ вопроса.

(8) Наши писатели говорятъ даже, что «Строгоновы, посылая Ермака въ Сибирь, снабдили его судами». Ужь не для плаванія ли по Уральскому-Хребту?

умѣя подъ симъ словомъ болѣе значенія, нежели спрота или вассалъ; то-есть, они представляютъ себя не иначе, какъ слугами.

Но обратимся къ Строгановымъ.

Они ежегодно платятъ своему царю значительную подать и въ государственныхъ дѣлахъ оказывается имъ особенное уваженіе. Они изъяты также отъ нѣкоторыхъ повинностей.

Сіи привилегіи предоставлены имъ потому, что они очень-много способствовали пріобрѣтенію Сибири.

Вышепомянутый промышленикъ, увидѣвъ себя среди разбойниковъ, по необходимости прибѣгнулъ къ щедрости и обѣщался снабдить ихъ съ избыткомъ съѣстными припасами, оружіемъ, одеждою, вьючнымъ скотомъ и повозками и доставлять все сіе впредь, если только они не будутъ разорять его промысловъ.

Разбойники, заключивъ условіе и, по обѣщанію, бывъ достаточно удовольствованы всѣми потребностями для дальняго пути, пошли въ Сибирь.

Когда прибыли къ рѣкѣ Тоболу (конечно, уже по вскрытіи оной), то построили себѣ лодки (ибо въ семъ ремеслѣ казаки были искусны), сожгли повозки и побили вьючнаго скота; по рѣкѣ Тоболу приплыли въ Иртышъ.

Тотчасъ построили себѣ остроги, производили грабежи у Татаръ и если которыхъ захватывали въ плѣнъ живыхъ, тѣхъ принуждали къ выкупу.

а къ Ермаку повелѣ государь написати не атаманомъ, но княземъ Сибирскимъ (8). И воеводы князя Семена Болховскаго въ Сибири не стало.

ГЛАВА II.

О убіеніи Ермака и казаковъ и о полётѣ Сибири.

Прінде вѣсть къ воеводѣ и къ Ермаку, что идутъ въ Сибирь съ торгомъ Бухарцы. Ермакъ же, взявъ съ собою атамана Ивана Кольца и казаковъ полтораста человѣкъ (9), пошелъ къ рѣкѣ Вохаю и, не дошедъ рѣки, ста ночевати въ проливѣ; и начаша спати. Кучумъ же прінде и видѣ ихъ на острову. Татаринъ же у того Кучума бяше въ винѣ смертной. И посла его Кучумъ въ рѣку: «отвѣда мнѣ», рече, «въ «рѣкѣ броду — и буде отвѣдаешь и «я тебя отъ казни пожалую». — Татаринъ же рѣку перебреде, и увидѣ ихъ спящихъ и, пришедъ, повѣда то Кучуму. Онъ же тому не повѣрн, и посла его вдругіе, и повелѣ у нихъ что взяти. Татаринъ же пойде вдругіе, и пришедъ взя у казаковъ три пищали, да три вязни, и принесе Кучуму. — Царь же Кучумъ перебреде рѣку — Ермака и казаковъ на томъ острову всѣхъ побилъ: единъ отъ нихъ едва утече въ городъ съ вѣстью къ воеводамъ. Воевода же Иванъ Глуховъ и атаманъ и казаки, испужались того, изъ городка погребли рѣкою Иртишью на низъ, до рѣки Оби; а рѣкою Обью догребли до рѣки Соби и до Березова, а отъ Березова, черезъ Камень, пришли къ Москвѣ.

Царь же Ѳеодоръ Ивановичъ на нихъ не опалися и тотчасъ послалъ воеводъ своихъ Василья Борисовича Сукина съ ратными людьми. И они дондоша до Тюменскаго го-

(8) Это было бы не въ политикѣ русскихъ царей; притомъ же подобныхъ пожалованій никогда не было, кромѣ случая съ Симеономъ Казанскимъ.

(9) Извѣстно, что ихъ было всего 40 человѣкъ.

Illinc autem leucis sex distabat oppidum, dictum Sibir (9), quod inhabitabat Tatarorum quidam regulus, nuncupatus Kuczum.

Ab hoc Tatari multoties emissi cum cozacis ad praelia deveniebant, sed propter horum arma ignivoma semper fere illi victi recedebant, donec demum nimia Tatarorum multitudine superveniente Jarmacus cum suorum parte occubuit; residii autem cozaci sese in munitionem receperunt.

Confestim nuntium ablegant Mosquam significantes si rex ipsis perpetratorum veniam daret et opportunum auxilium mitteret—se ei novum regnum acquisituros.

Annuit ille postulatis et praetorem illis cum armis, stipendiis et militum suppetiis ablegavit.

Paulo post regulus Kuczum a vivis excessit.

Filius autem illius a cozacorum praetore, quasi ad pacis tractanda foedera evocatus, epulis exceptus et inter pocula (quasi pro Moscorum regis salute minus fideliter bibisset trucidatus fuit (10).

Oppidum autem Sibir a moscis et cozacis *dirutum*.

Въ шести лигахъ отсюда стоялъ городъ, называемый Сибирью: въ немъ имѣлъ пребываніе одинъ татарскій царёкъ, по имени Кучумъ.

Татары, которыхъ онъ высылалъ многократно, вступали съ казаками въ битвы, но почти всегда отступали, поражаемые огнестрѣльнымъ оружіемъ; наконецъ Ермакъ и часть его людей, нахлынувшимъ на нихъ чрезвычайнымъ множествомъ Татаръ, были убиты; а которые уцѣлѣли — засѣли въ укрѣпленіи.

Они немедленно отправили въ Москву посланца съ изъясненіемъ, что если царь проститъ ихъ вины и вышлетъ надежную помощь — то они добудутъ ему новое царство.

Царь согласился на ихъ представленіе и прислалъ къ нимъ воеводу съ воинскими снарядами, жалованьемъ и ратною помогою.

Вскорѣ послѣ этого царь Кучумъ умеръ.

Сынъ же его, приглашенный воеводою къ обѣденному столу, будто бы для заключенія мирныхъ условій, былъ умерщвленъ во время попойки (тостовъ) (подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не такъ-то радушно пилъ за здоровье московскаго царя),

а городъ Сибирь Москвитянами и казаками былъ разоренъ.

---

(9) Свидѣтельство всѣхъ лѣтописцевъ удостовѣряетъ, что кучумовъ городокъ, нынѣ развалины, прозывался Сибирью; слѣдовательно, онъ существовалъ дѣйствительно; стало-быть, г. Щукинъ неосновательно называетъ его *небывалымъ городомъ*. (Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ. 1848. № 12.)

(10) Новое подтвержденіе справедливости есиповскаго показанія и щепетильности строгоновскаго лѣтописца. Событія здѣсь явно перепутаны, но главныя основанія выяснены очень-хорошо и съ знаніемъ дѣла.

Въ шести миляхъ оттуда находился городъ, называемый Сибирь, въ которомъ жилъ нѣкоторый татарскій князь, по имени Кучумъ.

Посылаемые имъ нѣсколько разъ Татары вступали съ казаками въ сраженіе, но огнестрѣльнымъ оружіемъ сихъ послѣднихъ всегда почти были побѣждаемы, пока, наконецъ, Ермакъ съ нѣкоторою частію товарищей своихъ побиты были чрезвычайнымъ множествомъ Татаръ, безпрестанно сколявшихся, а остальные казаки возвратились въ свои остроги.

Они тотчасъ послали въ Москву вѣстника съ предложеніемъ, что если царь проститъ преступленія ихъ и пришлетъ вскорѣ помощь, то они пріобрѣтутъ ему новое царство.

Онъ согласился на сіе требованіе и прислалъ имъ начальника съ оружіемъ, провіантомъ и вспомогательнымъ войскомъ.

Не много послѣ того спустя князь Кучумъ умеръ;

а сынъ его, будучи приглашенъ начальниковъ козаковъ будто бы для заключенія мирныхъ условій, во время пиршества былъ убитъ (подъ тѣмъ предлогомъ, что не съ надлежащимъ усердіемъ пилъ за здоровье московскаго царя).

Городъ же Сибирь Москвитянами и козаками былъ разоренъ.

родища и поставиша первый городъ въ Сибири — Тюмень,
а изъ Тюмени воевода Василей послалъ голову Даніла Чулкова.
Онъ же пришедъ постави въ устьи рѣки Тоболы и Иртиши острогъ и даде тому острогу имя Тоболескъ.
И нынѣ въ томъ Сибирскомъ царствѣ тотъ городъ—стольный.
И иные многіе городы въ Сибирскомъ царствѣ ставилъ.

ГЛАВА XXXI.

Царь же Ѳеодоръ Ивановичъ, напаче распространяя свою праведную молитву, видя таковое Божіе милосердіе надъ собою; и за тыя его праведныя молитвы пода ему Богъ вся полезная распространяющуся его царствію. Посылаша многіе воеводы въ Сибирскую-Землю; и многія орды къ Сибирскому царствію, разные языки, подведоша; и многіе грады поставиша въ Сибири, градъ Тару, Березовъ, Сургутъ, и иные многіе грады. Видяху же окрестнаго государства его милость ко всѣмъ людемъ, прибѣжаху къ нему служити цари и царевичи: пріѣде къ нему служити царевичъ Казачьи-Орды, и царевичъ Юргенской, воеводичи волошскіе Стефанъ Александровичъ, Дмитрій Ивановичъ и греческихъ царей сродичъ Мапуилъ Мускополичъ и Мудьянскій воеводичъ Петръ да Иванъ, изъ Селуня града Димитрій Селунской съ дѣтьми, съ четырьми сыны, и иные многіе Греки, и Поляки, и Литва, и Нѣмцы, и бусурмане. Онъ же, Государь, всѣхъ ихъ жалуя, даяше имъ по ихъ достоянію.

ГЛАВА LXXV.

О побѣдѣ Кучумовѣ.

Того жь 7106 (1598) лѣта, повелѣніемъ царскимъ, въ Сибири, съ Тарскаго городу, ходиша воеводы и головы за царемъ Кучумомъ; и его сошли на станахъ, и побиша на голову, и взяша осмь царицъ, да три царевича и многой полонъ. Царь же Кучумъ уйде не съ великими людьми.—Съ царицами жь и

Ab hoc igitur oppidulo quod primum fuit acquisitum, Russi illas omnes prope et longe dissitas provincias Sibiriae nomine nuncuparunt (11):

По имени этого первоначально покореннаго городка и всѣ другія завоеванныя области, разсѣянныя и около и вдали отсюда, Русскіе прозвали Сибирью,

quarum singulae sua habent propria nomina, sive a flumine, quo unaquaeque irrigatur, sive a natione a qua incolitur.

хотя каждая изъ нихъ имѣла свое собственное названіе или отъ главной рѣки, которая тутъ протекаетъ, или отъ племени, которое тутъ обитаетъ.

Mosci autem postmodum progredientes ad ortum, reliquas provincias omnes sui juris fecerunt, erectis ad flumina passim munitionibus, impositisque praesidiis (12).

Въ-послѣдствіи Москвитяне, распространялсь далѣе и далѣе къ востоку, и всѣ области подчинили своей зависимости, воздвигая въ разныхъ мѣстахъ по рѣкамъ укрѣпленія и принимая жителей подъ свою охрану.

---

(11) Есиповская лѣтопись, какъ по всему видно, была незнакома неизвѣстному автору «Повѣствованія», однакожь онъ и въ этомъ пунктѣ сошелся съ Есиповымъ.

(12) «Подводить тамошнихъ людей подъ нашу власть и обереганье ласкою, а не жесточью» было постояннымъ правиломъ нашего правительства.

Итакъ Россіяне отъ сего городка, который они прежде другихъ мѣстъ покорили, всѣ, какъ окрестныя, такъ и отдаленныя страны наименовали Сибирью,

изъ которыхъ каждая имѣла свое названіе или отъ рѣки, какая гдѣ протекаетъ, или отъ народа, какой гдѣ обитаетъ.

Москвитяне, простирая завоеванія далѣе къ востоку, покорили наконецъ подъ власть свою и всѣ другія области.

—

съ царевичи послаша къ Москвѣ; и царь тѣхъ посланниковъ пожаловалъ великимъ жалованьемъ, а къ воеводамъ послалъ золотыя; а царицъ и царевичей повелѣ беречь и повелѣ дати имъ кормъ велѝй, чтобы имъ никакой скудости не было.

ГЛАВА LXXVII (10).

О постановленіи сибирскаго города Мангази.

Тое же 7107 (1599) зимы посла (государь) въ Сибирь воеводъ (11) своихъ, повелѣ поставити градъ Мангазею. А ставилъ городъ князь Василей Масальскій-Рубецъ.

ГЛАВА CDXII.

О посланникахъ Алтына царя.

Пріидоша къ государю послы (7133 — 1625 г.) отъ Восточныя-Страны.—Въ Московскомъ же государствѣ про то царство и слуху не быша,—изъ Сибирскаго-Государства, отъ царя рекомаго Алтына (12) Государь же ихъ пожаловалъ своимъ государевымъ жалованьемъ и отпустилъ ихъ къ Алтыну царю.

—

(10) Въ другомъ спискѣ «Новаго-Лѣтописца» порядокъ главъ другой: вмѣсто 75 тамъ — 68, вмѣсто 412 — 406.—

(11) По списку Миллера (см. у него стр. 319) читается «пословъ».

(12) Алтынъ-Царь Ирденей-Нойонъ усердно хлопоталъ, чтобъ наше правительство дало ему ратныхъ людей съ огнепымъ боемъ и готовъ былъ вступить; кажется, съ этою цѣлію, въ подданство Россіи; но когда стали его объясачивать — онъ ужасно перетрусился слова холопство и упрашивалъ нашихъ чиновниковъ «то-де слово холопство льзяль перемѣнить инакъ? Не доводится чтобъ царь Царю былъ холопомъ!» Хлопотъ съ Алтыномъ было много; наконецъ рѣшено «быть ему подъ государевою царскою высокою рукою въ подданныхъ».

ВЫВОДЫ Г. МИЛЛЕРА ИЗЪ РАЗНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ,

ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѢ И ИЗЪ РЕМЕЗОВСКОЙ, ИНАЧЕ НАЗЫВАЕМОЙ ТОБОЛЬСКИМЪ ЛѢТОПИСЦЕМЪ.

(Изд. 1750 г.)

Великій Царь Іоаннъ Васильевичъ, по конечномъ истребленіи татарской власти въ Казани и въ Астрахани, распространилъ границы сильнаго своего государства до самаго Каспійскаго-Моря, и началъ уже собирать плоды славныхъ своихъ побѣдъ чрезъ частые пріѣзды персидскихъ и бухарскихъ пословъ и купеческихъ караваповъ. Но донскіе казаки, которые имѣли тогда много лишней вольности, не устыдились нетокмо на собственныхъ своихъ жилищахъ, на рѣкѣ Дону, но и на Волгѣ, и на Каспійскомъ-Морѣ чинить явные грабежи и разбои. Они не были довольны тѣмъ, что такія пакости надъ купечествомъ чинили, но безразсудною своею дерзостію такъ осмѣлились, что уже чужестранныхъ пословъ, а притомъ Его Царскаго Величества казну грабили и разбивали. А понеже сіе какъ чести и безопасности государства, такъ и особливо учреждаемому съ Персіею и Бухаріею купечеству, къ чему Его Царскаго Величества и намѣреніе непрестанно клонилось, весьма вредительно было: того ради опредѣлено всякіе способы употребить къ скорѣйшему такого разбою пресѣченію. Итакъ, въ 7,086, а отъ Рождества Христова въ 1577 году, октября 1 числа, послано знатное число войска противъ сихъ разбойниковъ, подъ предводительствомъ стольника Ивана Мурашкина, который весьма строго поступалъ и всѣхъ, коихъ ни поималъ, по учиненному довольному розыску казнилъ смертію. Токмо многіе спасли животь свой бѣгствомъ.

Между сими убѣжавшими казаками былъ атаманъ Ермакъ Тимофѣевъ съ товарищи, которые бѣжали вверхъ по рѣкѣ Камѣ, до устья рѣки Чусовой, или какъ въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ пишетъ, до строгоновскаго городка Орла (Кергеданъ) при рѣкѣ Камѣ, и пришли къ Строгоновымъ хотя не съ такими разбойническими поступками, какіе они на рѣкѣ Волгѣ чинить обыкли, однакожь и не совсѣмъ такъ смирно, чтобъ сихъ гостей опасаться причины не было. Всѣ лѣтописцы объявляютъ согласно, что тогда при рѣкѣ Камѣ жилъ Максимъ (сынъ Якова Аникіева) Строгоновъ, который Ермака съ товарищи, опасаясь отъ него худыхъ слѣдствій, пріятно принялъ и понеже онъ былъ человѣкъ весьма зажиточный, то снабдилъ его и всякими потребностями.

Что надлежитъ до времени сего похода, то обыкновенные сибирскіе лѣтописцы въ томъ весьма недостаточны. Грабежи и разбои казацкіе на рѣкѣ Волгѣ, побѣгъ на рѣку Чусовую и воспослѣдовавшій потомъ походъ въ Сибирь, всѣ въ одномъ году, а именно подъ 7089 (1581) описаны. Но всякій разсудитъ можетъ, что сіе имовѣрности противно. Напротивъ-того, находится у Витзена (стр. 736) извѣстіе, въ которомъ хотя всѣ приключенія написаны порядкомъ по годамъ, однакожь оныя всѣ нѣсколькими годами ранѣе упоминаются. Именно явные разбои казаковъ на Волгѣ, по силѣ сего извѣстія происходили въ 1572 году; отправленіе царскаго войска противъ нихъ подъ 1573 годомъ, а побѣгъ на Чусовую подъ 1574 годомъ описанъ. Тобольскій Лѣтописецъ (боярскій сынъ Ремезовъ: онъ жилъ въ Тобольскѣ и занимался составленіемъ карты и описаніемъ племенъ съ 1697 до 1699 года) подаетъ намъ о томъ надежнѣйшую вѣдомость съ такими особливыми обстоятельствами, что о истинѣ оныя сумнѣваться не должно.

Въ ономъ объявляется такъ: «Ермакъ прослышавши, что Его Царское Величество намѣренъ послать противъ его и его товарищей знатное число войска, побѣжалъ августа 28 числа вверхъ по рѣкѣ Камѣ. Сіе по всѣмъ признакамъ надлежитъ разумѣть о 7085 году, который по тогдашнему греческому счисленію лѣтъ съ августомъ мѣсяцомъ 1577 году окончался, потому-что 7086 годъ, въ которомъ октября 1-го дня отправленіе Ивана Мурашкина упоминается, съ мѣсяцомъ сентябремъ того же 1577 году начался. *Не нахожу я подлиннаго извѣстія, зимовалъ ли Ермакъ съ товарищи у Строгонова или нѣтъ* и я склонился бы для нѣкотораго затрудненія (NB здѣсь г. Миллеръ подразумѣваетъ вѣролтно царское запрещеніе принимать къ себѣ воровъ, разбойниковъ, татей и бѣглыхъ)... повѣрить, что не зимовалъ; однако, по означеннымъ, въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ, при слѣдующихъ походахъ, годамъ видно, что онъ не только опую зиму, но и бо́льшую половину слѣдующаго лѣта на рѣкѣ Камѣ препроводилъ.

Въ описаніи путешествія Избранда Идеса въ Китай, начатое Ермакомъ Тимофеевымъ взятіе Сибири также описано. Онъ объявляетъ, что Ермакъ съ товарищи побѣжалъ въ верхъ по рѣкѣ Камѣ и оттуда пришелъ на Чусовую, гдѣ ихъ, какъ людей крѣпкихъ и сильныхъ, Строгоновъ съ пользою употреблялъ нѣсколько времени на пашняхъ и они, будто, ему нѣкоторую часть земли, длиною на сто миль вверхъ по Чусовой, распахали, гдѣ прежде того еще никогда не пахано было. Потомъ будто Ермакъ, надѣясь на милость своего благодѣтеля, которую онъ своими трудами заслужилъ, просилъ его о исходатайствованіи у Царскаго Величества, за учиненныя имъ злодѣянія, прощенія; напротивъ чего онъ обязуется царство сибирское покорить подъ скипетръ Его Царскаго Величества. И какъ сіе предложеніе отъ Его Царскаго Величества за благо принято было, то-де Ермакъ, для произведенія въ дѣйство взятія Сибири, въ путь отправился. Ежели бы сіе такъ учинилось, то надлежало бы Ермаку у Строгонова пробыть больше году: однако изъ слѣдующаго явно будетъ, что Избрандово извѣстіе *во всемъ* несправедливо.

Самое важное обстоятельство разсмотрѣть надлежитъ, а именно: въ скольких человѣкахъ состояла Ермакова сила, съ которою онъ походъ въ Сибирь воспріялъ? Въ простыхъ сибирскихъ лѣтописцахъ упоминается только о 540 человѣкахъ казакахъ, къ которымъ *Строгоновъ* еще до 40 человѣкъ Зырянъ и русскихъ проводниковъ *прибавилъ*. Сіе такъ невѣроятно, что оное можно бы было почесть за неслыханное чудо, ежели бы тому имѣть вѣру. Путь и способность онаго были не такого состоянія, чтобъ въ одинъ годъ оный совершить возможно было. Между-тѣмъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и отъ великихъ затрудненіи въ ѣздѣ сколько людей не потерялось? На дорогѣ не съ друзьями было дѣло, но надлежало во всѣхъ мѣстахъ силою пробиваться, и, слѣдовательно, сколько не пропало людей на боякъ и врозь отъ идолопоклонническихъ народовъ сколько не побито? Равнымъ-образомъ не можно себѣ представить, чтобъ всѣ Ермаковы казаки равное постоянство имѣли, но напаче нѣкоторые, отчаявшись получить благополучный успѣхъ своего предпріятія, назадъ побѣжали. Съ кѣмъ же бы было Ермаку, пришедши напослѣдокъ къ ханской *столицѣ* при Иртышѣ, учинить на хана нападеніе и одержать надъ нимъ побѣду, когда вся его сила, при вступленіи въ походъ, состояла въ толь маломъ числѣ людей? Въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ

описано сіе гораздо вѣроятнѣе, ибо тамъ пишетъ: Ермаковыхъ казаковъ, съ которыми онъ на Волгѣ и на Каспійскомъ-Морѣ чинилъ разбои, было до 7,000 человѣкъ, изъ которыхъ до 6,000 ушли съ нимъ на рѣку Каму и при начатіи сибирскаго походу были. А потомъ упоминается какимъ-образомъ число сихъ людей по малу умалялось, при чемъ еще надлежитъ тому случаю и судьбинѣ дивиться — какъ Ермакъ, съ оставшимся у него малымъ числомъ людей, такое важное предпріятіе могъ къ благополучному концу привести?

Ермакъ, будучи еще у Строгонова, чрезъ тамошнихъ жителей, а особливо чрезъ пришедшихъ съ Строгоновыми отъ Вычегоцкой-Соли Зырянъ, которые за звѣринымъ промысломъ прежде хаживали въ Сибирь, получилъ достовѣрное извѣстіе — какъ туда рѣкою Чусовою пройдти можно, что ему подало надежду, *хотя не о совершенномъ взятіи той земли, однакожь, по крайней мѣрѣ, чтобъ набѣгами, получить оттуда столько богатствы*, сколько впредь какъ ему, такъ и его людямъ, потребно будетъ. Ибо что Ермакъ въ самомъ началѣ представилъ себѣ такой благополучный успѣхъ своего предпріятія, какъ потомъ ему удалось, или что онъ подлинно въ такомъ намѣреніи, *для покоренія Сибири* подъ россійскую державу, съ своими товарищами туда отправился, то *сіе кажется невѣроятно*, поележе и первой походъ, предпріятой лѣтомъ 7086 (1578) года довольно то опровергаетъ.

Въ семъ походѣ Максимъ Строгоновъ болѣе участія не имѣлъ, какъ токмо, что онъ сію разбойническую артель, по волѣ ли своей, или по неволѣ, снабдилъ хлѣбомъ на дорогу. Знатно, что онъ, для особливыхъ причинъ, не такое, какое ему можно было, чинилъ имъ вспоможеніе. Ибо не пишутъ, чтобъ онъ имъ въ то время далъ знающихъ людей въ проводники, которымъ сибирскія земли и путь по рѣкѣ Чусовой, отъ бывшихъ туда прежде поѣздовъ, знаемы были. Чего ради едва только одинъ день по Чусовой вверхъ шли, то, не зная дороги, по правую сторону въ рѣку Сылву поворотили, при чемъ въ Тобольскомъ лѣтописцѣ (у Ремезова) день, когда сіе учинилось, а именно 26-го числа сентября 7087 (1578) году запримѣченъ.

. . . . . .

Хотя сіи люди безбожнымъ образомъ нѣсколько лѣтъ житіе свое провождали, да еще и въ ту пору отъ того отстать не могли, однакожь не можно сказать, чтобъ они страха Божія со всѣмъ въ себѣ не имѣли. Ермакъ думалъ молитвою и священными дѣйствіями Бога себѣ милостивымъ учинить. У него были три попа и одинъ бѣглый монахъ, которые обыкновенную Божію службу отправляли. Для большей способности приказалъ онъ весною построить часовню во имя святаго Николая и оная маія къ 9-му числу, то-есть къ празднику сего святителя, совсѣмъ была готова. Притомъ же и то крѣпко наблюдали, чтобъ никто блудодѣяніемъ или иными грѣхами, до нечистоты касающимися, не наволилъ на себя гнѣва Божія. Преступниковъ сего при всѣхъ людяхъ мыли и на три дня въ желѣза сажали. Иное наказаніе положено было, по примѣру прочихъ донскихъ казаковъ, на ослушниковъ и на бѣглецовъ. На иныхъ преступниковъ, смертной казни достойныхъ, надѣвали мѣшки, которые наполняли пескомъ и каменьями и такъ бросали ихъ въ воду, а тѣмъ, которыхъ преступленія не столь важны были, насыпали песку въ платье и такъ ихъ на нѣсколько времени въ воду сажали. Больше двадцати человѣкъ, которые изъ зимня-

го стану вздумали-было уйдти назадъ въ Россію, помянутою казною въ рѣкѣ Сылвѣ животъ свой скончали.

Весною какъ Ермакъ назадъ поѣхалъ, то многіе казаки получили позволеніе, на томъ мѣстѣ, гдѣ зимовали, остаться и тамъ завесть непремѣнныя свои жилища. Сіе было первое поселеніе русскихъ людей въ тамошнихъ мѣстахъ, которое послѣ болѣе размножилось. Такихъ людей не малое число было; ибо послѣ сего болѣе 5,000 человѣкъ не упомянается, которые съ Ермакомъ во второй походъ по рѣкѣ Чусовой отправились.

Между-тѣмъ пограничныя сибирскія земли чрезъ вышепомянутыхъ, въ разъѣздъ посланныхъ зимою противъ Вогуличей, казаковъ по собственному изслѣдованію извѣстны имъ учинились. Увидѣли они, что, за дальнимъ разстояніемъ, безъ довольства съѣстныхъ припасовъ и чтобъ благополучно овладѣть непріятельскими народами, безъ военныхъ потребностей никакого успѣху имѣть не можно было; а къ полученію сего не было инаго способу, какъ только чрезъ часто помянутаго Строгонова: того ради Ермакъ положилъ въ намѣреніи съ своими казаками назадъ къ нему возвратиться.

Всякій разсудить можетъ, что партикулярному человѣку, какъ бы онъ въ имѣніи достаточенъ ни былъ, не безъ труда такое великое число людей, на дальній путь, по ихъ желанію, съѣстными и военными припасами удовольствовать. Сего для вышепомянутый Строгоновъ не премишулъ своимъ гостямъ невозможность представить. *Только угрозы, которыя онъ принужденъ слышать о разореніи его и всего его дома и о похищеніи всего его имѣнія привели его къ тому, чтобъ съ ними вступить въ договоръ.* Онъ только требовалъ, чтобъ число провіанта на каждаго человѣка не весьма высоко положить и чтобъ казаки письменно обязались—ежели съ довольною добычею назадъ возвратятся—тобъ заплатили ему цѣну за все, что у него приняли.

Такимъ-образомъ съ обѣихъ сторонъ договорено, чтобъ Строгоновъ далъ три пушки (первая пушка грянула въ Сибири уже по смерти Ермака при воеводѣ Мансуровѣ, въ 1585 году) и безоружныхъ казаковъ снабдилъ ружьемъ и каждому изъ 5,000 человѣкъ далъ по три фунта пороху, по три фунта свинцу, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупъ и толокна, по пуду сухарей, по пуду соли, по безмѣну ($2^1/_2$ фунта) масла коровьяго, двумъ (то-есть каждымъ двумъ человѣкамъ) по полтю ветчины (все это вмѣстѣ, кромѣ пушекъ и разнаго скарба составляетъ около 50,000 пудовъ, или по 10 пудовъ на брата) и на каждыхъ сто человѣкъ по знамю, которыя украшены были святыми образами. Денно и нощно трудились, чтобъ положенное по договору число запасу изъ сараевъ и изъ житницъ вынесть и свѣсить. Но когда казаки стали сей запасъ на свои суда грузить, то и сіи суда не могли поднять такой великой тягости и начали топуть. Чего для отправленіе ихъ замедлилось, потому-что къ судамъ надлежало придѣлать большіе порубны. Но какъ и сего не довольно было, то опредѣлилъ Ермакъ изъ сихъ запасовъ нѣкоторое число оставить, а взять съ собою столько, сколько на судахъ везти можно было.

Напослѣдокъ 12 числа, или какъ въ другомъ мѣстѣ того же Лѣтописца (Ремезова) упомянается 13 дня іюня 7087 года все было въ готовности, такъ-что въ намѣренный путь отправиться можно было.

Ермакъ съ казаками весьма благодарно съ своимъ благодѣтелемъ Максимомъ Строгоновымъ простился съ такимъ обѣщаніемъ: ежели

Господь Богъ съ желаемою добычею благополучно ихъ возвратитъ, то они ему не только полученное заплатятъ, но сверхъ того и инымъ чѣмъ благодарить будутъ; въ противномъ же случаѣ, когда по несчастію будутъ побиты, то обязуются, за милость его, на томъ свѣтѣ Бога молить, при чемъ они и поручили себя Его заступленію. Для предосторожности взялъ Ермакъ съ собою, изъ строгоновскихъ людей и изъ живущихъ тамъ Зырянцовъ, нѣсколько искусныхъ проводниковъ, чтобъ имъ отъ прямой и ближайшей дороги опять не сбиться.

Такимъ-образомъ происходилъ походъ сей тогда съ лучшею надеждою. Для бо́льшаго поощренія находилась у Ермака и вся полевая музыка, а именно барабаны, соповки, литавры и трубы. Онъ надъ сею небольшою арміею былъ яко генералъ: по немъ знатнѣйшіе считались двое его сверстниковъ въ чинѣ атамановъ, Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, которыхъ, по-нынѣшнему военному расположенію, съ полковниками сравнить можно. Къ симъ можно еще причесть пятидесятника Богдана Брягупли Брязгу, который хотя чиномъ ниже, однакожь у Ермака состоялъ не въ мѣньшей, противъ прежнихъ, милости и дружбѣ. Послѣ сихъ слѣдовали есаулы, которые выбраны были изъ рядовыхъ казаковъ, а должность ихъ состояла въ томъ, что они служили вмѣсто адъютантовъ и притомъ секретарскія дѣла отправляли. По сихъ были сотники, или начальники надъ сотнями, потому-что все войско раздѣлено было на роты, изъ которыхъ каждая въ ста человѣкахъ состояла и надъ такою ротою сотникъ имѣлъ команду. Въ каждой ротѣ или сотнѣ было еще по два пятидесятника и по одному знаменщику, который носилъ знамя; а у всякихъ десяти человѣкъ былъ свой десятникъ. *Сей походъ происходилъ такимъ порядкомъ, чего, отъ тогдашнихъ временъ и отъ дикаго житья сихъ казаковъ, едва надѣяться можно было.*

. . . . . .

Между-тѣмъ, какъ сіе у Строгонова и на Чусовой происходило, то по Тобольскому Лѣтописцу, слухъ о побѣгѣ Ермака и о данной ему отъ Строгонова, для походу въ Сибирь, помочи не токмо въ Москвѣ распространился, но и самому царскому величеству извѣстно учинилось. При дворѣ опасались, чтобъ такое дерзновенное предпріятіе въ россійскомъ государствѣ не произвело неспокойства и особливо, чтобъ худо укрѣпленныя пермскія границы не пришли въ опасность: того ради царь Іоаннъ Васильевичъ къ Максиму Строгонову приказалъ послать грамату, въ которой представилъ ему его дерзновенія и ожидаемыя отъ того опасныя неспокойства, и, ежели дѣло сіе благополучнаго успѣху имѣть не будетъ — грозилъ ему своимъ гнѣвомъ.

По нашему мнѣнію сочинитель Лѣтописца оную (7091 года ноября 16-го грамату) разумѣлъ—и ошибся только во времени.

. . . . . .

А понеже въ Москвѣ о подлинномъ состояніи сего дѣла также мало извѣстно было, того ради послана къ Строгоновымъ царская грамота съ великимъ гнѣвомъ за то, что они такихъ разбойниковъ, которые уже и безъ того много зла причинили, безъ вѣдома Его Царскаго Величества къ себѣ приняли, а паипаче что ихъ противъ подданныхъ Россійскому государству Вогуличей на войну отпустили. Чего ради съ жестокою грозою повелѣно имъ было казаковъ изъ Сибири воротить назадъ и ихъ уговаривать, чтобъ они границу защищали, а своими бы дерзостными и хищными поступками болѣе непріятелей къ обезпокоиванію Россійскаго государства не наводили. О сей войнѣ ка-

заковъ съ Вогуличами я ничего объявить не могу, понеже о томъ въ лѣтописцахъ ни малаго извѣстія не находится.

По всему видно, что при отправленіи оной царской граматы посланные отъ Ермака казаки въ Москву еще не бывали. Въ лѣтописцахъ о времени ихъ пріѣзду ничего не упоминается, токмо то пишутъ, что важность ихъ представленія учинила имъ немедленно ко Двору свободный допускъ и Его Царское Величество всемилостивѣйше повелѣлъ взять ихъ предъ себя и принять Ермакову челобитную и оную прочесть въ слухъ. Они скоро потомъ получили какъ за себя, такъ и за своихъ, въ Сибири оставшихся, товарищей въ преждеучиненныхъ своихъ злодѣяніяхъ, которыя показались яко важными ихъ заслугами довольно очищены—желаемое прощеніе. Сверхъ-того по лѣтописцамъ награждены они были при дворѣ Его Царскаго Величества особливою милостію.

. . . . . .

По покореніи Сибири употребилъ Ермакъ предосторожность всѣхъ помянутыхъ народовъ, по ихъ вѣрѣ и обыкновенію, въ обѣщаномъ послушаніи и подданствѣ утвердить присягою. Въ то же время положилъ онъ и дань на нихъ, которую имъ ежегодно давать должно, а опая, по обстоятельствамъ мѣстъ, состояла въ разной мягкой рухляди и по бо́льшей части въ соболяхъ. Такимъ-образомъ Ермакъ находился владѣтелемъ небольшаго государства, гдѣ онъ не имѣлъ иныхъ недостатковъ, кромѣ того, что въ людяхъ своего народа и въ умаленіи европейскихъ военныхъ припасовъ, которыми бы оное свое владѣніе вящше утвердить было можно. Сіе, чаятельно, привело его къ тому, чтобъ о семъ важномъ взятіи, какъ-скоро возможно, царскому двору учинить извѣстіе и подданіемъ Сибирскаго царства къ соединенію подъ Россійскій скипетръ, въ разсужденіи притомъ заслугъ своихъ, за прежнія разбойническія свои преступленія получить прощеніе.

Въ то отправленіе выбранъ былъ атаманъ Иванъ Кольцовъ съ 50 человѣками казаковъ, чтобъ имъ къ Царскому Величеству въ Москву ѣхать и порученное дѣло отправить. Собранная въ то время ясачная мягкая рухлядь послана съ ними вмѣстѣ и притомъ къ его Царскому величеству челобитная, которая, по лѣтописцамъ, была слѣдующаго содержанія:

«Изволеніемъ всемилостиваго Бога и его, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Россіи Самодержца, счастіемъ, — Ермакъ съ своими товарищами царство Сибирское взяли, хана Кучума побѣдили, и въ бѣгство обратили; многихъ Татаръ, Остяковъ и Вогуличей покорили Его Царскаго Величества державѣ, и къ шерти (сирѣчь къ присягѣ) ихъ привели, чтобъ быть имъ подъ его царскою высокою рукою до вѣка, покамѣстъ изволитъ Богъ вселенной стояти, и ясакъ имъ давать Государю по вся лѣта безпереводно; а на русскихъ людей зла никакого не мыслить и не творить, а которые похотятъ въ Его Государскую службу—и тѣмъ бы его государскую службу служить прямо, недругамъ его государскимъ не спускать, елико Богъ помощи подастъ, и самимъ имъ не измѣнить, къ царю Кучуму и въ иные улусы не отъѣхать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять крѣпко и непоколебимо до вѣка.»

Къ сему можно еще прибавить, что Ермакъ, какъ Витзенъ пишетъ, въ посланной челобитной просилъ также о всемилостивѣйшемъ прощеніи, какъ за себя, такъ и за своихъ товарищей въ прежнихъ ихъ

преступленіяхъ и притомъ представилъ, чтобъ Его Царское Величество соблаговолилъ послать въ Сибирь воеводу, который бы правленіе принялъ и землю, по всевысочайшимъ Его Царскаго Величества указамъ, отъ всѣхъ непріятельскихъ нападеній защищалъ. Онъ притомъ еще упоминаетъ, что посланная ясачная казна состояла въ 60 сорокахъ соболей, въ 20 чорныхъ лисицахъ и въ 30 бобрахъ; также, что трое знатныхъ полоненниковъ въ то же время въ Москву отправлены были. Однакожь сіе послѣднее находится подъ сомнѣніемъ, потому-что, по лѣтописцамъ, тогда знатныхъ полоненниковъ у казаковъ не было.

Такимъ-образомъ отправился атаманъ Иванъ Кольцовъ изъ Сибири декабря 22 дня 7090 (1581) году; и ѣхалъ, по тамошнему обыкновенію, отчасти на партахъ, то-есть, на узкихъ санкахъ, собаками запряженныхъ, и на лыжахъ, а отчасти на оленяхъ. Князецъ Ишбердей, по прозванію Ескальбинскій, служилъ съ своими Вогуличами проводникомъ чрезъ Камень и велъ ихъ такъ-называемою Волчьею-Дорогою до Перміи, что̀ надлежитъ разумѣть о пути по Тавдѣ къ Чердынѣ; а чего ради оная дорога называлась тогда Волчьею — того ни по обстоятельствамъ тѣхъ мѣстъ угадать, ни отъ тамошнихъ Вогуличъ на то никакого изъясненія получить, не можно.

Въ Москвѣ казаки, по лѣтописцамъ, награждены были при дворѣ Его Царскаго Величества особливою милостію и, во все время ихъ пребыванія въ Москвѣ, содержимы на государевомъ коштѣ и одарены деньгами и сукнами. Въ витзеновыхъ извѣстіяхъ прибавляется къ сему слѣдующее, что Его Царское Величество, по полученіи такой радостной вѣдомости, приказалъ въ соборной церкви въ Москвѣ отпѣть благодарственный молебенъ и нищимъ роздать многія милостыни. А какъ отъ казаковъ представлено было объ отправленіи въ Сибирь воеводы, то оное отъ Его Царскаго Величества за благо принято и повелѣно съ такимъ прибавленіемъ, чтобъ Ермаку, до пріѣзда воеводы, тамошнія дѣла управлять по прежнему.

При обратномъ поѣздѣ пріѣхавшихъ отъ Ермака казаковъ, въ лѣтописцахъ упоминается, что Его Царское Величество послалъ съ ними къ Ермаку за казацкія заслуги похвальную грамату съ совершеннымъ прощеніемъ за ихъ прежнія злодѣянія и съ обнадеживаніемъ о всевысочайшей Его Величества милости. Притомъ же послалъ Его Царское Величество Ермаку, въ подарокъ, два предорогіе панцыря, серебряный ковшъ, шубу, которую Его Величество самъ носилъ, и половщику сукна, а прочимъ казакамъ повелѣлъ отправить подарки деньгами и каждому по половникѣ сукна. Витзенъ пишетъ о царской позволительной граматѣ, данной отправляющимся казакамъ, въ такой силѣ, что всѣмъ россійскимъ подданнымъ, кто охоту имѣетъ, позволено съ семьями своими въ Сибирь переселяться и будто казаки въ пути до 1,500 семей собрали, которыя, для поселенія, въ Сибирь съ ними поѣхали; также, что къ вологодскому епископу послана была царская грамата, чтобъ съ отправившимися послать въ Сибирь десять священниковъ, съ ихъ семьями, и прочія такія обстоятельства, которыхъ подлинно принять не можно, пока оныя лучше доказаны не будутъ; ибо ежели сіе такъ происходило—то въ лѣтописцахъ о такомъ, по царскому указу учиненномъ, знатномъ умноженіи казаковъ въ Сибири конечно бы объявлено было. Однакожь и то статься можетъ, что казаки, будучи въ пути — для призыва людей изрядное сибирское житье и тамошнее неисчерпаемое богатство хвалили; чего ради и безъ

помянутой позволительной граматы многіе гулящіе и бѣглые люди вездѣ съ охотою къ нимъ приставали и съ ними вмѣстѣ въ Сибирь поѣхали.—Въ Тобольскомъ лѣтописцѣ упомянается, что они къ Ермаку въ Сибирь обратно прибыли марта 1-го дня 7090, то-есть, 1582 году; но, кажется, что въ семъ учинена погрѣшность и чаятельно должно разумѣть 7091 или 1583 годъ.

Между-тѣмъ какъ сіе дѣлалось, Ермакъ не упускалъ случая, которымъ бы онъ могъ отъ часу далѣе распространять въ Сибири свое владѣніе.

. . . . . .

Въ Москвѣ произведено было въ дѣйство царское повелѣніе, которое состояло при отправленіи Ивана Кольцова о посылкѣ въ Сибирь воеводы. Въ сей чинъ избранъ былъ князь Семенъ Дмитріевичъ Болховской, а къ нему въ товарищи опредѣленъ Иванъ Глуховъ. Они отправились изъ Москвы мая 10 дня 7091 (1583) году, водою съ 500 человѣками, для умноженія казацкаго войска въ Сибири, и шли по Волгѣ, по Камѣ и по Чусовой, тѣмъ же путемъ, которымъ Ермакъ въ Сибирь ѣхалъ. Они на Тагильскомъ-Волоку не зимовали, но тою же осенью, а именно, ноября 2-го числа 7092 г. въ городъ Сибирь прибыли.

Князь Болховской, чаятельно, привезъ съ собою Его Царскаго Величества указъ объ отвезеніи царевича Меметкула въ Москву и, слѣдовательно, съ удержаніемъ въ Тобольскомъ лѣтописцѣ означеннаго числа, положить можно, что сіе отправленіе воспослѣдовало ноября 21 дня 7092 году. Простые сибирскіе лѣтописцы объявляютъ, что отъѣздъ онаго изъ Сибири еще въ 7091 году — развѣ при концѣ онаго году, то-есть, въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ учинился, что произошло отъ смѣшенія лѣта съ осенью, и по исчисленію лѣтъ отъ Р. Х. есть разность только въ однихъ мѣсяцахъ, потому что 1583 годъ, который съ мѣсяца генваря 7091 года начинался, еще въ мѣсяцѣ ноябрѣ 7092 году былъ тотъ же.

А что отправленіе по-крайней-мѣрѣ около сего времени воспослѣдовало, а именно, либо въ послѣднихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 7091 году, либо по первому зимнему пути 7092 году, а не такъ, какъ въ Тобольскомъ лѣтописцѣ объявляется, будто въ мѣсяцѣ ноябрѣ 7091 году, учинилось, — сіе явствуетъ потому что во всѣхъ лѣтописцахъ согласно пишутъ, что пріѣздъ въ Москву вскорѣ послѣ преставленія Царя Іоанна Васильевича учинился, которое было марта 19 дня 7092 (1584) году. Посему сынъ сего великаго Царя и наслѣдникъ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ имѣлъ радость видѣть приведеннаго такого знатнаго плѣнника. Онъ приказалъ его вести въ Москву съ великолѣпною церемоніею и царевичу была во всемъ великая честь, также и казаки, которые у него были въ провожатыхъ, — награждены царскою милостію и жалованьемъ.

Розрядныя книги о царевичѣ Меметкулѣ упоминаютъ, что онъ въ Россіи потомъ служилъ полковымъ воеводою. Въ 1590 году ходилъ онъ въ шведской походъ, а въ 1598 году былъ онъ съ царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ въ Серпуховѣ, для пресѣченія опасаемаго отъ Крымскихъ Татаръ нападенія. Въ тѣхъ же книгахъ называется онъ сибирскимъ царевичемъ Меметкуломъ Алтауловичемъ. Посему явствуетъ, что его отецъ былъ Алтаулъ и, слѣдовательно, онъ не Кучумовъ сынъ, какъ сибирскіе лѣтописцы объявляютъ, также по вышеписанному извѣстію и не братъ его, понеже Кучумовъ отецъ на-

зывался Муртазою; но развѣ Муртаза и Алтаулъ были братья, такъ-что Мемткулъ былъ Кучуму братъ двоюродный.

До-сихъ-поръ Ермаку съ казаками происходило въ Сибири почти все, по ихъ желанію. А теперь стало время, когда дальнему успѣху россійскаго оружія такое препятствіе учинилось, отъ котораго почти конечнаго потерянія всѣхъ сихъ повозавоеванныхъ земель опасаться надлежало.

Первое несчастіе, что вскорѣ по пріѣздѣ воевода въ Сибирь оказался крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, отчего произошелъ великій голодъ, такъ что лѣтописцы довольно того описать не могутъ. Сей голодъ продолжался всю зиму до самой весны, отчего многіе померли бѣдною смертію, а оставшіеся, будучи въ такой нуждѣ, приведены до того, что и мертвыя тѣла своихъ товарищей въ пищу себѣ употребляли. При такой нуждѣ обыкновенно случаются и болѣзни, а особливо цынга, отъ которой, чаятельно, не мало людей пропало. Самъ воевода князь Болховскій, во время сихъ скорбныхъ обстоятельствъ, умеръ. А хотя и остался голова Глуховъ, однако, видно, что либо онъ самъ за дѣла не принимался, либо у Ермака и у прочаго народа находился не въ великомъ почтеніи. Ибо въ лѣтописцахъ о немъ прежде не упоминается, какъ по смерти Ермака, который, пока онъ живъ былъ, всѣ дѣла одинъ правилъ.

Лѣтописцы хотя о причинѣ того голода не упоминаютъ, однакожь оный безъ труда угадать можно. Съ помянутыми воеводами, какъ выше показано, пришло 500 человѣкъ новаго войска. И хотя имъ, при отправленіи ихъ изъ Москвы, запасъ на дорогу и данъ былъ: однакожь знатно, что онаго было не много, понеже столь мало времени употребили въ перевозкѣ онаго чрезъ Тагильскій-Волокъ, ибо изъ Москвы до Сибири весь путь окончился въ одно лѣто. При царскомъ дворѣ, можетъ-быть, думали, что въ Сибири у казаковъ всего есть со изліществомъ, а сіи, для пропитанія такого множества гостей, знатно не запаслися, и отъ того появился недостатокъ почти такъ скоро, какъ новопришлые съ старыми казаками съѣстные припасы дѣлить начали. А понеже казаки всегда припасы свои брали отъ Татаръ и Остяковъ, то можно бы было также, для удовольствованія пріѣзжихъ, требовать отъ тѣхъ же народовъ, ежели бъ въ то самое время вся земля не была въ возмущеніи и у Русскихъ всѣ дороги не отняты были. . . . .

Будучи Ермакъ въ Ташаткапѣ, получилъ вѣдомость о бухарскомъ караванѣ, что оный приближается и идетъ по рѣкѣ Вагаю. Сего ради онъ поѣхалъ съ великимъ поспѣшеніемъ помянутому каравану на встрѣчу, не останавливаяся нимало на дорогѣ. Прочія приключенія въ пути разнствуютъ только въ малыхъ сторонныхъ обстоятельствахъ отъ того, что въ прочихъ сибирскихъ лѣтописяхъ содержится, чего для о всемъ вообще объявить могу. Именно:

Ермакъ шелъ вверхъ по рѣкѣ Вагаю до того мѣста, гдѣ по восточную сторону, на берегу оной рѣки, есть пригорокъ, Татарами изъ давнихъ лѣтъ Атбашъ, то-есть «лошадиная голова», называемый. Въ послѣдующія времена построенъ тамъ острогъ, который, по имени пригорка, атбашскимъ прозванъ. Въ Тобольскомъ лѣтописцѣ объявляется, что Ермакъ, для принятія каравана, ѣхалъ до Агицкаго городка; но понеже подъ симъ именемъ при рѣкѣ Вагаѣ ни о какомъ мѣстѣ не извѣстно, то лучше въ томъ надлежитъ послѣдовать прочимъ лѣтописцамъ, въ которыхъ Атбашъ, яко послѣднее мѣсто ермакова пути, описывается.

По прибытіи своемъ къ Атбашу, Ермакъ, не видавши Бухарцовъ, и

не получа о нихъ вновь надежной вѣдомости, гдѣ они подлинно находятся,—могъ угадать безъ труда, что присланная къ нему о караванѣ вѣдомость была ложная, чего ради онъ болѣе не хотѣлъ медлить въ возвращеніи своемъ назадъ, въ Сибирь. Доѣхавши до перекопи, которую онъ незадолго предъ тѣмъ копать приказалъ, опредѣлилъ онъ, какъ для наступившей темной ночи, такъ и для отдохновенія отъ долговременнаго походу—тамъ почевать; и понеже онъ непріятеля близко не опасался — то онъ со всѣми людьми легъ спать безъ осторожности на берегу того острова, который окруженъ рѣкою и перекопью. Въ нѣкоторыхъ лѣтописцахъ прибавляется, что и караулы разставлены были, — только отъ сильнаго дождя, который въ оную ночь шелъ, караульные всѣ заснули, что, въ разсужденіи того, когда они, чаятельно отъ дождя, крѣпко укрылись, при мнимой ихъ безопасности, — есть весьма вѣроятно.

Между-тѣмъ ханъ Кучумъ до самаго того мѣста ермаковъ походъ издали безпрестанно наблюдать велѣлъ, и какъ о вышепоказанной оплошности казаковъ увѣдалъ, то не хотѣлъ онъ сего случая упустить, чтобъ онымъ не пользоваться.

Въ прибавленномъ извѣстіи Тобольскаго Лѣтописца упоминается, весьма невѣроятно, будто ханъ приказалъ сдѣлать чрезъ рѣку плотину, чтобъ тѣмъ способнѣе на казаковъ напасть можно было. Онъ больше посылалъ шпіоновъ, какъ для провѣдыванія, гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ чрезъ перекопь на лошадяхъ бродъ есть, такъ и для полученія извѣстія о состояніи ермакова лагеря. Одинъ изъ сихъ шпіоновъ, который за свои преступленія прежде отъ хана осужденъ былъ на смерть, а потомъ обѣщаніе получилъ—когда по приказу исполнитъ, то прощенъ будетъ,—привезъ къ хану вѣдомость коимъ образомъ онъ чрезъ перекопь на лошади въ бродъ переѣхалъ безъ всякаго препятствія и нашелъ Русскихъ всѣхъ спящихъ безъ всякаго опасенія. Но понеже ханъ ему совсѣмъ повѣрить еще не хотѣлъ, то онъ послалъ того шпіона вторично въ русскій лагерь съ такимъ приказомъ, чтобъ для большей вѣрности принести оттуда нѣкоторый знакъ, что ему учинить не трудно было. Онъ привезъ къ хану, въ подтвержденіе своего объявленія, три русскія винтовки, да три ладунки.

При такомъ состояніи хану, какъ бы онъ прежде отъ казаковъ въ страхѣ ни былъ, надлежало быть безъ всякой человѣческой смѣлости, ежели бы на утомленныхъ отъ трудовъ и отъ дождя, въ сладкомъ покоѣ спящихъ, безоружныхъ казаковъ учинить нападеніе не отважился. Чего ради онъ болѣе не мѣшкалъ, какъ сколько потребно было его войску совсѣмъ къ походу изготовиться, и какъ онъ, около полупочи, къ россійскому лагерю пришелъ, то и счастіе его не оставило, чтобъ своего намѣренія, по желанію, не произвесть въ дѣйство. Казаки, безъ опасенія спящіе, всѣ побиты. Въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ упоминается только объ одномъ, который успѣлъ на маломъ суднѣ и оставшимся въ городѣ Сибири о семъ неблагополучномъ случаѣ принесъ печальную вѣдомость. Но и самъ Ермакъ въ то время не убитъ былъ. Онъ пробился сквозь непріятеля къ стоящимъ у берега судамъ и былъ уже отчасти въ безопасности, что однимъ скокомъ на одно изъ помянутыхъ судовъ хотѣлъ спастися; но, по его несчастію, то судно отъ берегу нѣсколько удалѣло. Итакъ сей храбрый воинъ, оскочившись и имѣя на себѣ присланные отъ царя Іоанна Васильевича два панцыря, которые ему плавать препятствовали,—принужденъ былъ въ водѣ скончать жизнь

свою, которую толь безчисленные непріятели, при столь частыхъ случаяхъ, у него отнять не могли. Сіе учинилось въ ночи августа съ 5 на 6 число 7092 (1584) года.

Тобольскій Лѣтописецъ при семъ описываетъ нашего героя, Ермака, какое онъ имѣлъ проницательное разсужденіе и особливый разумъ, которымъ онъ во всѣхъ случаяхъ полезные способы скоро умѣлъ выдумывать. Оный упоминаетъ о его храбрости, о которой и кромѣ того, по приведеннымъ приключеніямъ, ни коимъ образомъ сомнѣваться не можно. Оный похваляетъ внѣшній видъ его тѣла, что хотя онъ былъ и средняго роста, только крѣпокъ членами и широкъ въ плечахъ. Онъ имѣлъ лицо плоское и пригожее, бороду чорную, волосы чорные же, немного курчеватые, глаза весьма быстрые и такъ далѣе. Къ сему можно еще и сіе присовокупить, что ему во всѣхъ предпріятіяхъ счастіе весьма служило, которое только тогда его оставило, когда судьбою Божіею смерть ему опредѣлена была. Ибо, по всякой справедливости, счастіе, равномѣрно какъ и душевныя дарованія, надлежитъ причитать къ невидимымъ, а къ подлинно сущимъ препзящнымъ человѣческимъ свойствамъ, потому-что когда не служитъ счастіе, тогда и самое острое разсужденіе и всякая мудрость знатными дѣлами прославиться не могутъ. Что же касается до употребленія ко злу дарованныхъ ему отъ натуры душевныхъ и тѣлесныхъ свойствъ, что онъ въ прежнія времена всякія злодѣянія дѣлалъ, то не нужно о томъ паки упоминать, понеже оныя злодѣянія слѣдующими добрыми дѣлами очищены и заглажены и отъ Его Царскаго Величества чрезвычайною милостію ему прощены были. Между-тѣмъ кажется, что неминучее отмщеніе за худыя дѣла здѣсь еще произвело свое дѣйствіе, потому что повидимому на семъ описанномъ бою по бо́льшей части достальные казаки, которые на Волгѣ рѣкѣ съ Ермакомъ разбои чинили и столь много невинной крови пролили, вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ жизнь свою скончали.

Мертвое тѣло Ермака, какъ объясняется въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ, найдено августа 13 при татарской деревнѣ Епанчинскіе-Юрты (это извѣстіе, равно какъ и портретъ Ермака, написанный Ремезовымъ, и прочее, Карамзинъ принимаетъ за достовѣрность неоспоримую), которая отъ Абалака вверхъ по Иртышу отстоитъ только на 12 верстъ. Татаринъ, именемъ Яншъ, князца Бегиша внукъ, тамъ ловилъ рыбу и увидѣлъ шатающіяся у берега въ водѣ человѣческія ноги. И какъ онъ охоту возъимѣлъ утопшаго посмотрѣть, то сдѣлалъ петли, которыя накинувъ на ноги вытащилъ мертвое тѣло на берегъ. По лицу и по платью призналъ онъ, что сей утопленникъ русскій человѣкъ и понеже онъ о бывшемъ великомъ бою слышалъ, то по дорогимъ панцырямъ, которыми мертвый облеченъ былъ, разсуждалъ, что сей человѣкъ—не простой. Онъ побѣжалъ тотчасъ въ деревню для учиненія извѣстія тамошнимъ жителямъ, чтобъ и они сего знатнаго мертваго посмотрѣли. Слѣдующія приключенія изукрашены многими чудесами, которыя мертвое ермаково тѣло потомъ будто оказывало. По онымъ явствуетъ, что сочинитель того Лѣтописца имѣлъ немалое желаніе, чтобъ Ермакъ . . . . . .

Теперь возвращаемся мы къ дѣйствительнымъ историческимъ приключеніямъ, при которыхъ усмотримъ, какое Ермакова смерть у оставшихся въ городѣ Сибири Русскихъ и у головы Ивана Глухова дѣйствіе имѣла. Они можетъ-быть опасались, чтобъ благополучнымъ успѣхомъ своей хитрости ободренный ханъ Кучумъ не приступилъ къ нимъ

съ большею силою, противъ которой имъ за малолюдствомъ стоять невозможно будетъ. И понеже сверхъ того находился у нихъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, котораго за общимъ возмущеніемъ Татаръ, Остяковъ и Вогуличей ни съ которой стороны наградить (вѣроятно — награбить) ненадежно было: то голова Глуховъ со всѣми обрѣтавшимися при немъ людьми, по Тобольскому Лѣтописцу, съ 150 человѣками, августа 15 числа 7192 (1584) году, оставя городъ Сибирь впустѣ, на судахъ въ путь отправился. Они почитали себя противъ живущихъ по рѣкѣ Тоболѣ Татаръ, и ежели Кучумово войско будетъ за ними гнаться, не въ состояніи, чтобъ обыкновенною дорогою вверхъ по рѣкѣ Тавдѣ или Турѣ назадъ въ Россію возвратиться. Того ради, для бо́льшаго поспѣшенія своего, пошли они внизъ по рѣкѣ Иртышу и по Оби и воспріяли путь чрезъ Югорскія горы на рѣку Печору, по которой дорогѣ въ то время не только Зыряне за звѣринымъ промысломъ и купечествомъ, но и Русскіе, отправляющіеся отъ Соли-Вычегодской и изъ другихъ тамошнихъ городовъ, для сбору ясака съ Остяковъ и Самояди нынѣшняго Березовскаго уѣзду, на рѣку Обь часто ѣзжали.

. . . Лѣтомъ 7096 (1588) году случилось князю Сейдяку съ султаномъ Казачьей Орды и съ мурзою Карачею и съ 500 человѣками Татаръ на берегу рѣки Иртыша забавляться ястребиною охотою; и въ семъ своемъ удовольствіи подошли они къ городу весьма близко и пришли на низкій лугъ, который на восточномъ берегу Иртыша отъ Чувашскаго мыса простирается до самаго Тобольска. По сему случаю называется сіе мѣсто и понынѣ «Княжевымъ-Лугомъ» и небольшая рѣчка на концѣ нижняго посада города Тобольска, текущая чрезъ ямскую слободу въ Иртышъ, именуется потому жъ «Княжевою-рѣчкою». И понеже сіе происходило въ виду отъ города, то письменный голова Чулковъ тотчасъ о томъ увѣдалъ и послалъ къ князю, чтобъ его и съ товарищами просить къ себѣ на обѣдъ, причемъ о мирныхъ договорахъ совѣтовать можно будетъ. По сему князь съ прочими своими, по краткомъ совѣтѣ, на обѣдъ притти не отрекся, но только съ такимъ договоромъ, чтобъ и всѣмъ, обрѣтающимся при немъ людемъ, въ городъ войти позволено было. А понеже сіе намѣренію Чулкова было вредительно, — то онъ всячески старался, чтобъ того не сдѣлалось, и онъ пріятельскими представленіями то учинилъ, что только 100 человѣкамъ съ ними въ городъ войдти позволено а прочимъ всѣмъ приказано было остаться за городомъ, у воротъ. Такимъ образомъ имѣлъ онъ птицъ на-приманѣ: только осталось на нихъ накинуть сѣти, къ чему обѣдъ подалъ случай.

За онымъ обѣдомъ пили они много, а о мирныхъ договорахъ говорили только для виду. Между-тѣмъ князь Сейдякъ началъ имѣть подозрѣніе и отъ того пришелъ въ великую думу, которою Чулковъ пользовался и его попрекнулъ, что онъ къ Русскимъ недоброжелателенъ. Князь Сейдякъ однѣми словами не могъ извиниться. На него положено, чтобъ невинность свою доказать тѣмъ, чтобъ чашу вина выпить, которую Чулковъ за всегдашнее доброе согласіе князю подносилъ. Тоже учинено и съ султаномъ Казачьей Орды, также и съ мурзою Карачею. Но понеже Сейдякъ и его товарищи ту чашу выпить отговаривались, то оное принято за явное доказательство, что, конечно, у нихъ намѣреніе худое. Между тѣмъ, по Чулкову приказу, все русское войско въ городѣ вооружилось и, по данному отъ него знаку, знатнѣйшіе гости взяты подъ караулъ, а рядовые, которые у нихъ были въ провожатыхъ, — всѣ побиты.

Ежели кто думаетъ, что достальные Татаре, которые за городомъ

оставлены были, будутъ искать способа, чтобъ своего государя освободить изъ полону — то однакожь того не сдѣлалось. Какъ скоро они услышали о происшедшемъ несчастіи, которое ихъ товарищей постигло, то разбѣжались они съ несказанною скоростію. Да и тѣ Татаре, которые въ городѣ Сибири остались, съ великимъ поспѣшеніемъ убѣжали въ степь, такъ что тогда всѣ мѣста, около Тобольска и Сибири, отъ всѣхъ, Россійскому государству вредительныхъ непріятелей, вдругъ были очищены. Съ того времени ни Татаре, ни Русскіе долѣе въ городѣ Сибири не жили.

Такихъ знатныхъ плѣнниковъ въ Тобольскѣ долго у себя держать опасно было. Того ради Чулковъ, еще тою же осенью, именно сентября 10 дня 7097 (1588) году, ихъ въ Москву къ Его Царскому Величеству отправилъ, гдѣ они, по ихъ природѣ, честно были приняты и пожалованы вотчинами, дабы имъ жить во всякомъ довольствіи.

Сочинитель Тобольскаго Лѣтописца пишетъ, что ихъ родъ, въ его время, еще былъ въ Москвѣ: по чей именно, князя ли Сейдяка или прочихъ его товарищей, или всѣхъ купно — о томъ не упомянуто (*).....

Кучумъ, съ весьма малымъ числомъ своихъ служителей, ушелъ и прежде не чаялъ быть себя безопаснымъ, пока не дошелъ до самыхъ верхнихъ мѣстъ рѣки Иртыша, гдѣ уже тогда, какъ и нынѣ, — Калмыки обитали.

Онъ жилъ тамъ чрезъ нѣкоторое время при озерѣ Норъ-Зайсанѣ. Но понеже ему пребываніе не полюбилось между такимъ народомъ, который въ языкѣ, въ вѣрѣ и во нравахъ совсѣмъ отъ его народа разнствуетъ: то вскорѣ потомъ почувствовалъ паки охоту возвратиться въ степь рѣки Ишима, чаятельно для присмотру, не найдетъ ли онъ кого изъ разсѣянной своей фамиліи и изъ прежнихъ своихъ подданныхъ, чтобъ чрезъ оныхъ собрать ему опять новую силу: только природная его къ грабежу охота, которая чрезъ несчастіе и бѣдность его еще болѣе умножалась, во исполненіи сего намѣренія учинила ему препятствіе.

Ибо какъ онъ нѣсколько лошадей у Калмыковъ угнать хотѣлъ, то Калмыки, о томъ увѣдавши, для отомщенія ему такого грабежа, гнались за нимъ вслѣдъ и настигли его, по объявленію Тобольской Лѣтописи, при Норъ-Ишимѣ у озера Кургалчина, гдѣ достальные люди его всѣ побиты, и самъ Кучумъ едва опять поспѣшнымъ побѣгомъ спасся. Только сей былъ побѣгъ его послѣдній. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ объявляется, что онъ въ Казачью Орду ушелъ, а въ другихъ, и особливо въ Тобольской, упоминаются — Нагайцы, къ которой разности еще третіе извѣстіе Абулгаза присовокупить можно: ибо онъ при истребленіи Кучума объявляетъ о Манкатахъ, которымъ именемъ толкователь Каракалпаковъ разумѣетъ.

Но какъ бы сіе ни было, въ томъ всѣ лѣтописи согласны, что Кучумъ тогда между однимъ изъ сихъ народовъ насильственнымъ образомъ конецъ житія своего воспріялъ. Въ Тобольской Лѣтописи объявляется, что Нагайцы прежде отъ хана Муртазы, Кучумова отца, яко обладателя Великой Бухаріи, многія гоненія претерпѣли, и того ради на сынѣ его произвели отмщеніе, что я въ своей силѣ оставляю. Довольно того, что Кучумъ былъ убитъ и сколько при немъ служителей находилось — всѣ въ полонъ увезены.

(*) Родъ Князей Сибирскихъ ведется и донынѣ; но, по справкамъ въ дѣлахъ герольдіи, мы не могли получить никакихъ свѣдѣній о потомкахъ вывезенныхъ изъ Сибири князей въ прямой, самого Кучума или его брата, линіи.

2007111219